

Вестник университета № 11/2024

Теоретический и научно-методический журнал

Издается с января 1999 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Агапов В.С. — д-р психол. наук, проф.
Агранат Д.А. — д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф.
Азоев Г.А. — д-р экон. наук, проф.
Антоненко И.В. — д-р психол. наук, проф.
Верещагина А.В. — д-р социол. наук, проф.
Воронин В.Н. — д-р психол. наук, проф.
Грошев И.В. — д-р экон. наук, д-р психол. наук, проф.
Долматович И.А. — д-р экон. наук, проф.
Дубицкий В.В. — д-р социол. наук, канд. хим. наук, проф.
Ионцева М.В. — д-р психол. наук, проф.
Каменева Т.Н. — д-р социол. наук, проф.
Клейнер Г.Б. — д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН
Ковалев В.В. — д-р социол. наук, проф.
Красовский Ю.А. — д-р социол. наук, проф.
Крупнов А.И. — д-р психол. наук, проф.
Кузнецов Н.В. — д-р экон. наук, канд. техн. наук, проф.
Ломовцева О.А. — д-р экон. наук, проф.
Магомедов М.А. — д-р экон. наук, проф.
Максимова С.Г. — д-р социол. наук, проф.
Митрофанова Е.А. — д-р экон. наук, проф.
Мищенко В.В. — д-р экон. наук, проф.
Новиков В.Г. — д-р социол. наук, проф.
Райченко А.В. — д-р экон. наук, проф.
Сорокина Г.П. — д-р экон. наук, проф.
Строев В.В. — д-р экон. наук, проф.
Тихонова Е.В. — д-р социол. наук, проф.
Чудновский А.А. — д-р экон. наук, проф.
Шаповалова И.С. — д-р социол. наук, проф.
Эриашвили Н.Д. — д-р экон. наук, канд. юрид. наук,
канд. ист. наук, проф.

Журнал входит в Перечень ВАК (K2) рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по направлениям: 5.2.1 — Экономическая теория (экономические науки), 5.2.2 — Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (экономические науки), 5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.4 — Финансы (экономические науки), 5.2.5 — Мировая экономика (экономические науки), 5.2.6 — Менеджмент (экономические науки), 5.3.1 — Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки), 5.3.3 — Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки), 5.3.4 — Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки), 5.3.5 — Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки), 5.3.7 — Возрастная психология (психологические науки), 5.4.1 — Теория, методология и история социологии (социологические науки), 5.4.2 — Экономическая социология (социологические науки), 5.4.3 — Демография (социологические науки), 5.4.4 — Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.4.5 — Политическая социология (социологические науки), 5.4.6 — Социология культуры (социологические науки), 5.4.7 — Социология управления (социологические науки).

Главный редактор

В.В. Строев

Ответственный за выпуск

Л.Н. Алексеева

Редактор

А.В. Большова

Выпускающий редактор

и компьютерная верстка

Е.А. Гусева

Технический редактор

А.Р. Волкова

Зарегистрирован в Роскомнадзоре,
свидетельство ПИ № ФС77-1361 от 10.12.1999 г.

В запись о регистрации внесены изменения,
регистрационный номер ПИ № ФС 77-76215 от 12.07.2019 г.

На сайте «Объединенного каталога «Пресса России» www.pressa-rg.ru можно оформить подписку на 2024 год на печатную версию журнала «Вестник университета» по подписному индексу 42517, а также подписаться через интернет-магазин «Пресса по подписке» <https://www.akc.ru>

ЛР № 020715 от 02.02.1998 г.

Подп. в печ. 05.12.2024 г.

Формат 60×90/8

Объем 30,5 печ. л.

Бумага офисная

Печать цифровая

Тираж 1000 экз.

(первый завод 25 экз.)

Заказ № 255_Г

Издается в авторской редакции

Ответственность за сведения,
представленные в издании, несут авторы

Все публикуемые статьи прошли
обязательную процедуру рецензирования

Издательство: Издательский дом ГУУ

(Государственный университет управления)

Адрес редакции:

109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99

Тел.: +7 (495) 377-90-05

E-mail: ic@guu.ru

<http://www.vestnik.guu.ru>

Статьи доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с правилами научного цитирования <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

EDITORIAL BOARD

Agapov V.S. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Agranat D.L. – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Jur.), Prof.
Azoev G.L. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Antonenko I.V. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Vereshchagina A.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Voronin V.N. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Groshev I.V. – Dr. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Psy), Prof.
Dolmatovich I.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Dubitsky V.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Chem.), Prof.
Iontseva M.V. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Kameneva T.N. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Kleiner G.B. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., RAS Corresponding Member
Kovalev V.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Krasovsky Yu.D. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Krupnov A.I. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Kuznetsov N.V. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Engr), Prof.
Lomovtseva O.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Magomedov M.D. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Maximova S.G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Mitrofanova E.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Mishchenko V.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Novikov V.G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Raychenko A.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Sorokina G.P. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Stroev V.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Tihonova E.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Chudnovskii A.D. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Shapovalova I.S. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Eriashvili N.D. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Jur.),
Cand. Sci. (Hist.), Prof.

The journal is part of the Higher Attestation Commission list of peer-reviewed scientific publications, in which are released the principal scientific results of dissertations for the Degree of Candidate of Sciences, but also the Degree of Doctor of Sciences, the following areas are published: 5.2.1 – Economic theory (economic sciences), 5.2.2 – Mathematical, statistical and instrumental methods in economics (economic sciences), 5.2.3 – Regional and sectoral economics (economic sciences), 5.2.4 – Finance (economic sciences), 5.2.5 – World economy (economic sciences), 5.2.6 – Management (economic sciences), 5.3.1 – General psychology, personality psychology, history of psychology (psychological sciences), 5.3.3 – Labour psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics (psychological sciences), 5.3.4 – Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments (psychological sciences), 5.3.5 – Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences), 5.3.7 – Age psychology (psychological sciences), 5.4.1 – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences), 5.4.2 – Economic sociology (sociological sciences), 5.4.3 – Demography (sociological sciences), 5.4.4 – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 5.4.5 – Political sociology (sociological sciences), 5.4.6 – Cultural sociology (sociological sciences), 5.4.7 – Sociology of management (sociological sciences).

Editor-in-chief

V.V. Stroev

Responsible for issue

L.N. Alekseeva

Editor

A.V. Bolshova

Executive editor and desktop publishing

E.A. Guseva

Technical editor

A.R. Volkova

Registered in the Roskomnadzor
Certificate PI No. FS77-1361 from 10.12.1999
Changes have been made to the registration record
Registration number PI No. FS 77-76215 from 12.07.2019

L.R No. 020715 from 02.02.1998
Signed to print 05.12.2024
Format 60×90/8
Size 30,5 printed sheets
Offset paper
Digital printing
Circulation 1000 copies
(the first factory 25 copies)
Print order No. 255_T

Published in author's edition

The authors are responsible for the information
presented in the publication

All published articles have undergone
a peer review procedure

Publishing: Publishing house
of the State University of Management

Editor's office:

109542, Russia, Moscow, Ryazansky Prospekt, 99
State University of Management
Tel.: +7 (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru
<http://www.vestnik.guu.ru>

The articles are available under the Creative Commons Attribution 4.0 International CC BY 4.0. This license allows reusers to distribute, remix, adapt, and build upon the material in any medium or format, so long as attribution is given to the creator. The license allows for commercial use.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
УПРАВЛЕНИЯ

- Грошев И.В., Хэ М.**
Управление цифровой трансформацией организационной культуры и формирующих ее факторов в условиях цифровизации.....5
- Махалина О.М., Махалин В.Н.**
Как поднять престиж ученого в Российской Федерации.....14
- Чмут Г.А.**
Дополнительные источники финансирования обновленных целей национального развития.....20

СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ

- Горбатов А.И.**
Инновации для решения логистических проблем: возможности, риски и ограничения.....27
- Линник В.Ю., Лазник А.А., Гордеева Т.С.**
Укрепление технологического суверенитета российской нефтегазовой промышленности в условиях турбулентной геополитики в мире.....34
- Мутолапов Р.Х.**
Анализ успешных практик и определение перспективных направлений внедрения инноваций в сферу жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации.....43

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО
И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

- Атаев Д.М., Гайнанов Д.А.**
Стратегическое управление промышленным развитием региона с учетом пространственно-структурных трансформаций.....52
- Байкова О.В., Толстов М.Р., Громыко Е.О.**
Тенденции развития территориального общественного самоуправления в Российской Федерации.....64
- Елистратов И.Р.**
Анализ влияния государственно-частного партнерства на развитие отечественной медицинской промышленности.....72
- Попадюк Н.К.**
Финансово-экономические механизмы городского агломерирования.....79
- Тарасов А.С.**
Обоснование направлений совершенствования механизма управления строительным комплексом Донецкой Народной Республики.....89

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ,
РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

- Говалло М.О., Лобанова Д.Д., Давлетшина Л.А.**
Анализ и прогнозирование динамики валового внутреннего продукта на душу населения по паритету покупательной способности в Российской Федерации.....99
- Коробейников Д.А., Корабельников И.С., Телекабель В.К.**
Типология экосистем российского агробизнеса.....109
- Кузнецова Н.В., Леонов П.Ю.**
Рекомендации по разработке и внедрению сбалансированной системы показателей на основе изучения опыта российских организаций.....120
- Мадьяров А.А.**
Обеспечение конкурентоспособности в XXI в.: использование инструментов управления в интернет-экономике (на примере банков).....131

- Махамат М.М.**
Международные экономические отношения Российской Федерации и африканских стран.....143
- Мостовая Л.А., Антонов С.А.**
Анализ современного характера института банкротства в Российской Федерации.....150
- Мухаметов Д.А.**
Проблема кадрового дефицита в Ульяновской области Российской Федерации и некоторые пути ее решения.....161
- Надыргалиев Е.Т.**
Региональный инвестиционный стандарт как инструмент повышения эффективности реализации инвестиционных проектов.....177

ФИНАНСЫ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

- Китинов М.Б.**
Состояние и тенденции регулирования криптоактивов и криптобирж.....184
- Ризванова И.А., Белова М.Т.**
Особенности и регулирование применения технологии распределенных реестров.....195

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОЦЕССЫ

- Апихмин Е.Г., Левченко В.В., Селеткова Г.И.**
Опыт применения больших языковых моделей для анализа количественных социологических данных.....205
- Садыков Р.М., Большакова Н.А.**
Ключевые социальные детерминанты российской многодетной семьи.....216
- Филиппенко В.А.**
Особенности репродуктивного поведения студенческой молодежи на примере Тамбовской области Российской Федерации.....224

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПСИХОЛОГИИ

- Яшин Д.Н.**
Использование нарративного подхода в группах самопомощи для молодых людей, испытывающих проблемы с трудоустройством: опыт Японии.....237

CONTENTS

CURRENT ISSUES OF MANAGEMENT

- I.V. Groshev, He M.**
Managing digital transformation of organisational culture
and its shaping factors in the context of digitalisation.....5
- O.M. Makhalina, V.N. Mahalin**
How to increase the prestige of a scientist
in the Russian Federation..... 14
- G.A. Chmut**
Additional sources of financing for the updated national
development goals 20

STRATEGIES AND INNOVATIONS

- A.I. Gorbatov**
Creating innovations for solutions of logistics problems:
opportunities, risks, and limitations 27
- V.Yu. Linnik, A.A. Laznik, T.S. Gordeeva**
Strengthening the technological sovereignty of the Russian
oil and gas industry in the context of turbulent geopolitics
in the world 34
- R.Kh. Mutolapov**
Analysis of successful practices and determination of promising
directions for implementing innovations in the sphere
of housing and communal services in Russia..... 43

DEVELOPMENT OF INDUSTRY
AND REGIONAL MANAGEMENT

- D.M. Ataev, D.A. Gaynanov**
Strategic management of regional industrial development
in the aspect of space-structural transformations 52
- O.V. Baykova, M.R. Tolstov, E.O. Gromyko**
Trends in the development of territorial public
self-government in the Russian Federation..... 64
- I.R. Elistratov**
Analysis of the impact of public-private partnership
on the development of the domestic medical industry..... 72
- N.K. Popadyuk**
Financial and economic mechanisms of urban
agglomeration..... 79
- A.S. Tarasov**
Substantiation of directions for improving the management
mechanism of the construction complex in the Donetsk
People's Republic 89

ECONOMICS: PROBLEMS,
SOLUTIONS AND PROSPECTS

- M.O. Govallo, D.D. Lobanova, L.A. Davletshina**
Analysis and forecasting of the dynamics of the gross domestic
product per capita by purchasing power parity in Russia..... 99
- D.A. Korobeynikov, I.S. Korabelnikov, V.K. Telekabel**
Typology of Russian agribusiness ecosystems 109
- N.V. Kuznetsova, P.Yu. Leonov**
Recommendations for the development and implementation
of a balanced scorecard based on studying the experience
of Russian organisations..... 120
- A.A. Madyarov**
Ensuring competitiveness in the XXI century: use
of management tools in the internet-economy
(on the example of banks)..... 131
- M.M. Mahamat**
International economic relations between the Russian
Federation and African countries 143
- L.A. Mostovaya, S.A. Antonov**
Analysis of the modern nature of bankruptcy institution
in the Russian Federation..... 150

D.A. Mukhametov

- Problem of staffing shortage in the Ulyanovsk region
of the Russian Federation and some ways to solve it 161

E.T. Nadyrgaliev

- Regional investment standard as a tool for increasing
the effectiveness of investment project implementation..... 177

FINANCE AND BANKING

M.B. Kitinov

- State and trends of regulation of crypto assets
and cryptocurrency exchanges..... 184

I.A. Rizvanova, M.T. Belova

- Features and regulation of the use of distributed ledger
technology..... 195

SOCIAL TECHNOLOGIES AND PROCESSES

E.G. Ashikhmin, V.V. Levchenko, G.I. Seletkova

- Experience in applying large language models to analyse
quantitative sociological data..... 205

R.M. Sadykov, N.L. Bolshakova

- Key social determinants of the Russian large family..... 216

V.A. Filippenko

- Features of reproductive behaviour of students on the example
of the Tambov region of the Russian Federation..... 224

CURRENT TRENDS IN PSYCHOLOGY

D.N. Iashin

- Using a narrative approach in self-help groups for young people
experiencing employment problems: Japanese experience..... 237

Управление цифровой трансформацией организационной культуры и формирующих ее факторов в условиях цифровизации

Грошев Игорь Васильевич

Д-р экон. наук, д-р психол. наук, глав. науч. сотр.
ORCID: 0000-0002-7212-6409, email: aus_tgy@mail.ru

Хэ Мэнин

Соискатель
ORCID: 0000-0002-3604-3921, e-mail: hemengying@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В работе рассматриваются процессы управления организационной культурой в условиях цифровизации. Указывается, что ее цифровая трансформация на современном глобальном рынке – это одно из условий выживания компаний, основные компоненты которой представлены авторами в виде модели. Отдельно рассматриваются преимущества цифровой организационной культуры и трудности процесса ее цифровой трансформации. Подробно анализируются ключевые элементы цифровой организационной культуры и процессы изменения и трансформации, возникающие при этом. Последние затрагивают стратегию, структуру, процессы управления организацией, нацелены на оптимизацию управленческой системы, обеспечивая баланс между персоналом и технологиями. При этом авторами подчеркивается, что сформулировать общую системную картину цифровой организационной культуры крайне сложно. В качестве вывода отмечается, что на современном этапе развития российской экономики цифровая организационная культура предоставляет определенные преимущества, оказывая влияние на формирование организационной структуры, создает позитивную и конструктивную рабочую среду, заставляет компании ставить новые цели, изменяя деятельность. В итоге цифровая трансформация организационной культуры компаний может способствовать снижению операционных затрат, содействовать созданию новых продуктов и услуг или улучшению существующих, повышению качества взаимодействия с клиентами и сотрудниками.

Ключевые слова

Цифровая экономика, организационная культура, персонал, цифровизация, цифровая трансформация, управление цифровой трансформацией, цифровая организационная культура, факторы организационной культуры, цифровая технология, модель трансформации

Для цитирования: Грошев И.В., Хэ М. Управление цифровой трансформацией организационной культуры и формирующих ее факторов в условиях цифровизации // Вестник университета. 2024. № 11. С. 5–13.

Managing digital transformation of organisational culture and its shaping factors in the context of digitalisation

Igor V. Groshev

Dr. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Psy.), Chief Researcher
ORCID: 0000-0002-7212-6409, email: aus_tgy@mail.ru

He Menin

Applicant
ORCID: 0000-0002-3604-3921, e-mail: hemengying@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article considers the processes of organisational culture management in the conditions of digitalisation. It is indicated that its digital transformation in the modern global market is one of the conditions for the survival of companies, the main components of which are presented by the authors in the form of a model. The advantages of the digital organisational culture and difficulties of the process of its digital transformation are considered separately. The key elements of the digital organisational culture and the arisen processes of change and transformation are analysed in detail. The latter affect the strategy, structure, and management processes of the organisation, and are aimed at optimising the management system, ensuring a balance between personnel and technology. At the same time, the authors emphasise that it is extremely difficult to formulate a general systemic picture of the digital organisational culture. As a conclusion, it is noted that at the present stage of the development of the Russian economy, the digital organisational culture provides certain advantages by influencing the formation of the organisational structure, creates a positive and constructive working environment, forces companies to set new goals and change their activities. As a result, the digital transformation of the organisational culture of companies can help reduce operating costs, promote the creation of new products and services or improvement of the existing ones, and improve the quality of interaction with customers and employees.

Keywords

Digital economy, organisational culture, personnel, digitalisation, digital transformation, management of digital transformation, digital organisational culture, factors of organisational culture, digital technology, transformation model

For citation: Groshev I.V., He M. (2024) Managing digital transformation of organisational culture and its shaping factors in the context of digitalisation. *Vestnik universiteta*, no. 11, pp. 5–13.

ВВЕДЕНИЕ

Цифровая экономика уже долгое время является объектом внимания теоретиков и практиков, исследователей, руководителей разного уровня, предоставляя возможности цифровизации всех процессов в организациях/компаниях или на предприятиях, а также всех сфер общественной жизни. Цифровые технологии трансформируют мир, включая управление персоналом и организационную культуру. Искусственный интеллект (далее – ИИ) и нейронные сети трансформируют традиционные трудовые отношения и стиль взаимодействия в организационном пространстве в новые точки роста и возможности.

С одной стороны, цифровизация помогает улучшать жизнь людей, оптимизировать издержки, автоматизировать операционную деятельность, переводить некоторые задачи в онлайн-плоскость, ускорять процессы взаимодействия в цифровом формате, повышать качество выполнения операций. С другой стороны, даже когда понятно, какой эффект способна дать та или иная технология, ее полноценное внедрение в управление персоналом может быть затруднено из-за устоявшихся традиционных подходов к работе и консерватизма людей.

На данный момент не так много работ, в которых рассматриваются особенности эффекта цифровизации на организационную культуру в целом [1; 2]. Можно найти разрозненные материалы, которые затрагивают вопросы возможностей и обучения ИИ в рамках отдельных отраслей экономики и направлений деятельности отдельных организаций (логистика, снабжение, дистрибуция, строительство, промышленность, образование и пр.). ИИ обучается на больших данных компаний, таких как сотрудники и их эффективность, действия и результаты, а также другие организационно-факторные составляющие. При этом сформировать общую системную картину цифровой организационной культуры крайне сложно.

На сегодняшний день технологии достигли необходимого уровня развития, который делает возможным их массовое использование в рамках организаций/предприятий/компаний. Согласно результатам ранее проведенных нами исследований, внедрение ИИ в организацию может способствовать снижению операционных затрат, содействовать созданию новых продуктов и услуг или улучшению существующих, а также повышению качества взаимодействия с клиентами и сотрудниками [3]. В среднесрочной перспективе это способно привести к трансформации компании [4]. Однако следует учитывать, что использование ИИ в организации может иметь непредсказуемые последствия как для внутренней среды компании, так и для внешней. Положительные эффекты могут нивелироваться отрицательными последствиями [5–7].

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И ФОРМИРУЮЩИХ ЕЕ ФАКТОРОВ

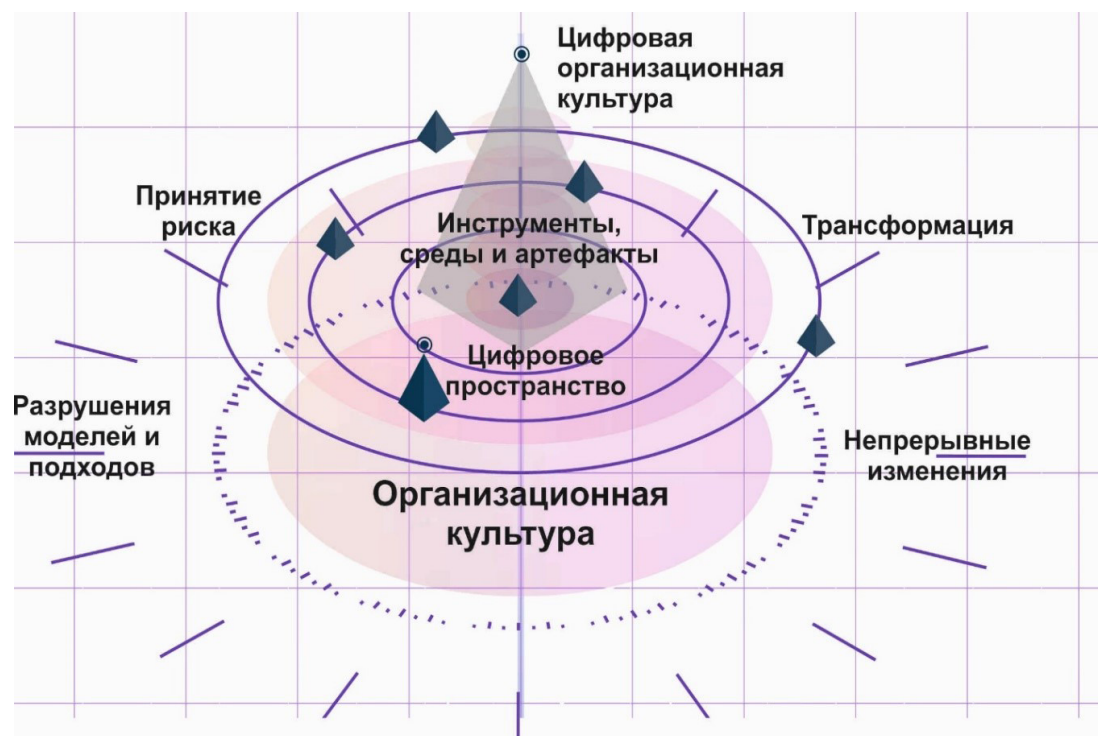
Трансформация организационной культуры начинается с создания новой компании/организации, способной адаптироваться к изменениям и преодолевать кризисы. Организационная культура должна обеспечивать баланс между людьми и технологиями, а успешный цифровой рост требует реструктуризации персонала и адаптации к трансформации.

В некоторых уже существующих российско-китайских компаниях есть мнение, что цифровая трансформация требует значительных инвестиций и сопряжена с рисками для организационной культуры. Сотрудники связывают эти инновации с риском увольнения и влиянием на организационную стабильность [8].

На современном глобальном рынке необходимость цифровой трансформации диктуется как условие выживания компаний/организаций/предприятий. Трудно найти функцию или процесс, которые не были бы улучшены с помощью технологических инструментов.

Любые изменения в организации, связанные с цифровой трансформацией, предполагают не только адаптацию к технологическим новшествам, но и становление соответствующих профессиональных знаний, умений и навыков, релевантных стратегии и целям организации.

Цифровая трансформация организационной культуры и формирующих ее факторов требуют постоянного изменения процессов и моделей поведения. При этом цифровая организационная культура на основе оценки формирующейся среды дает возможность использовать широкий спектр цифровых ресурсов и инструментов, упрощающих деятельность сотрудников организации (рис. 1).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Формирование цифровой организационной культуры

Определим главные компоненты, формирующие цифровую культуру (рис. 2). Процесс формирования строится с использованием тех или иных компонентов. К основным из них относятся риски, преобразование организационной культуры, краткосрочное планирование, сотрудничество персонала и изменение устаревших организационных систем и структур. Переход в новую цифровую среду предопределяет потенциальные риски, связанные с принятием цифровой культуры, как со стороны эффективного управления компанией, так и со стороны персонала, сотрудничающего для достижения целей организации. Это позволяет более гибко адаптироваться к происходящим процессам, формируя таким образом соответствующую цифровую среду, а посредством ее – цифровую организационную культуру.

Процесс цифровой трансформации, детерминирующий формирование цифровой культуры, зависит прежде всего от сферы деятельности, целей, стратегии, размера, основных ценностей и структуры организации.

Огромное значение в современных условиях – условиях цифровой эпохи, характеризующейся цифровой трансформацией, – в продвижении на рынке компаний и организаций имеет цифровая организационная культура, способствующая трансформационным изменениям, поддерживающая инновации, создающая соответствующую рабочую среду и нивелирующая ограничения традиционной организационной культуры.

В настоящее время есть как минимум три основные проблемы, которые мешают большинству компаний успешно осуществлять цифровую трансформацию. Это боязнь рисковать, функциональные и ведомственные барьеры и сложность создания культуры, ориентированной на клиента. В итоге избегание изменений и цифровой трансформации в корпоративной среде ведет к застою и деградации. Однако существуют компании, которые успешно развивают цифровую и инновационную культуру и получают огромную выгоду. В качестве примера можно привести Facebook (деятельность запрещена в Российской Федерации) и Apple [9].

Быстрые темпы изменений как в мировом, так и в российском масштабе опосредуют адаптацию организаций к этим изменениям не только в стратегическом, тактическом, но и в технологическом, ресурсном направлениях. Эти адаптационные механизмы, основанные на цифровой трансформации и на эффективном внедрении цифровых технологий, детерминируют изменения и организационной культуры, предопределяя ее гибкость, открытость, прозрачность, а следовательно, формируя ее потенциал, значимость и функциональную результативность в данных организационных процессах.

Цифровая организационная культура компании предоставляет определенные преимущества:

- 1) оказывает влияние на формирование гибкой организационной структуры без иерархии и на горизонтально скоординированные рабочие процессы;
- 2) способствует распространению передового опыта и вовлечению отдельных сотрудников в процесс принятия решений;
- 3) развивает способность сотрудников выполнять сложные задачи и способствует инклюзивному росту;
- 4) создает позитивную и конструктивную рабочую среду, привлекая талантливых работников благодаря сотрудничеству, творчеству и инновациям.

Изменить культуру организации сложнее, чем кажется. Внедрение цифровой трансформации заставляет компании ставить новые цели, использовать новые методы, принимать отношение, поведение и практику. Это фундаментальные изменения в деятельности организаций, поэтому возникающие проблемы многочисленны и сложны.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Элементы цифровой организационной культуры

ТРУДНОСТИ ПРОЦЕССА ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Процесс цифровой трансформации организационной культуры влечет и детерминирует определенные трудности. В частности, отсутствие гибкости, изменчивости, значительных финансовых затрат на обеспечение внедрения и поддержания цифровой инфраструктуры организации, перераспределение и масштабирование ресурсов компании на цифровую трансформацию, неэффективная при этом автоматизация, позволяющая отказаться от ручного труда и повысить общую эффективность и др. Наряду с этим страх нарушить комфортную среду и сомнения в надежности автоматизации препятствуют результативной автоматизации организации/компании/предприятия. Также отметим низкую квалификацию. Цифровая грамотность – самый большой барьер на пути изменений. Менеджеры, привыкшие к традиционной бизнес-культуре, часто не знакомы с новыми технологическими процессами, и их обучение требует много времени и планирования [9]. Более подробно данный аспект, связанный с определенными сложностями цифровой организационной культуры, рассмотрен в наших публикациях [3; 9].

Цифровая трансформация подразумевает значительные изменения в существующей организационной культуре. Необходимо провести реальные изменения в корпоративной культуре в условиях современного процесса цифровой трансформации:

- оценить существующую организационную культуру и показатели эффективности, чтобы выявить сильные и слабые стороны. Сохранить позитивное и исключить деструктивное;
- определить преимущества изменения организационной культуры. Это позволит сотрудникам понять, что они должны делать и как им себя вести;
- выявить ключевые приоритеты эффективности, требующие целенаправленной работы и четкой реализации, чтобы способствовать росту и увеличению потенциала компании;
- сформировать рабочую группу из менеджеров, которая будет следить за выполнением приоритетов, целей и результатов. Отслеживание также может использоваться для анализа эффективности, оптимизации работы и для анализа применения ресурсов;

– нанять новых сотрудников или увеличить численность персонала для выполнения новых задач и достижения целей в соответствии с новыми процессами. Внедрение цифровой организационной культуры приводит к появлению задач, требующих квалифицированной рабочей силы;

– разработать систему вознаграждения для поддержания мотивации и приверженности сотрудников, которые вносят вклад в развитие компании [1].

В современном мире растет спрос на культуру, готовую к принятию инноваций и адаптации к новым правилам ведения бизнеса. Реализация этой задачи может потребовать значительных ресурсов. Компании, предлагающие своим клиентам набор цифровых решений для повышения эффективности, имеют больше шансов на успех на рынке. Неприспособленные к происходящим переменам организации рискуют как минимум лимитировать или не увеличить финансовую результативность, снизить доход/прибыль, что неминуемо отразится на капитализации компании, а как максимум – потерять долю на рынке в пользу конкурентов,

имеющих более эластичную и способную к изменениям стратегию, опосредованную более гибкой организационной культурой.

Организационные преобразования представляют собой совокупность мероприятий, нацеленных на оптимизацию управленческой системы (стратегия, структура и др.) для повышения результативности и конкурентоспособности всей организационной структуры. Процесс управления организационными изменениями выступает механизмом по обеспечению, планированию, координированию, обучению, по мониторингу, оптимизации и их реализации в компании для повышения общей эффективности [10; 11].

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Матрица цифровой организационной культуры

зований, учитывая при этом необходимость и важность происходящих перемен, могут многие факторы, одними из которых являются организационная культура и ее трансформация как ключевой элемент, способствующий более эффективному процессу изменений. При этом в основе инверсии и инновации организационной культуры лежат ценности, традиции, мифы и базовые идеи, разделяемые сотрудниками компании, которые и должны трансформироваться, тем самым преобразуя и совершенствуя данную культуру с целью создания новой идентичности для организации и ее сотрудников, чтобы повысить производительность, эффективность и способствовать решению других конкретных задач.

Анализ изменения культуры можно представить в виде матрицы, основанной на воздействии реактивных и проактивных факторов, а также амелиоративных и стратегических целей (рис. 3).

ОСНОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ ИЗМЕНЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И КЛЮЧЕВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ИХ ЭФФЕКТИВНОСТИ

В основе достижения более высоких целей организации в решении социальных вопросов лежит процесс создания благоприятной организационно-инклюзивной рабочей среды, который обуславливается

и предопределяется организационной культурой и культурными изменениями, при этом напрямую не связанными, например, с адаптацией или выживанием компании.

Концепция организационных культурных изменений предполагает, что любое преобразование проходит три этапа (рис. 4).

Рассмотрим эти этапы:

1) размораживание – управленческий персонал и работники организации понимают, что общие базовые ценности, установки и ожидания устарели и необходимо менять организационную культуру;

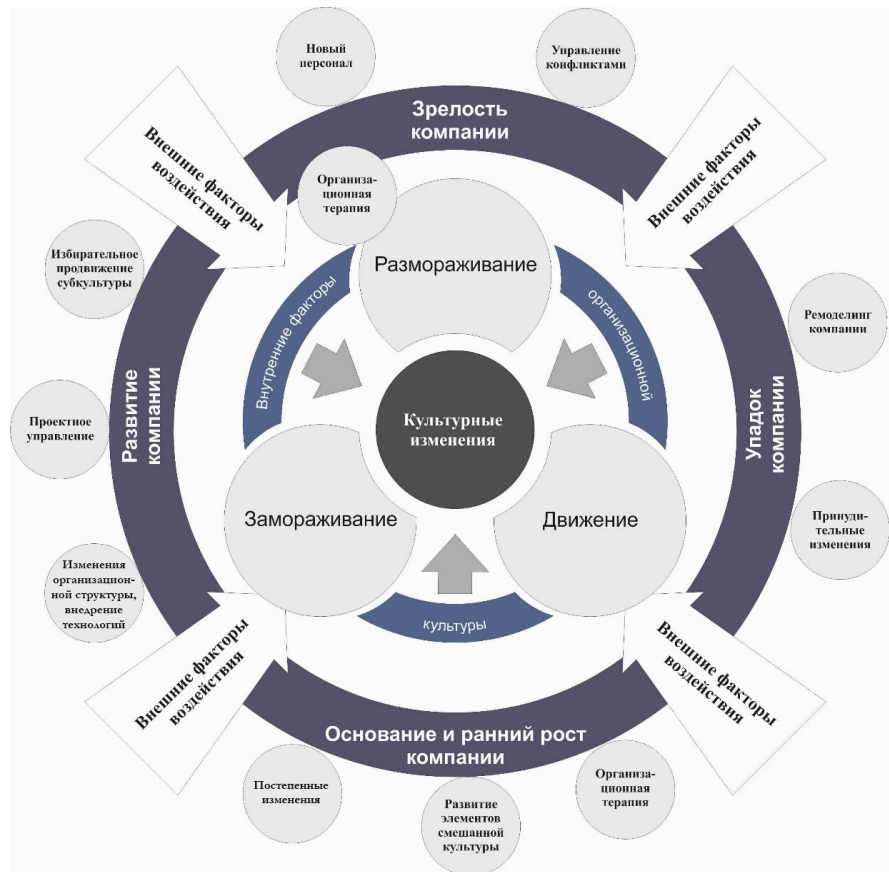
2) движение – этап, когда изменения реализуются с запланированным эффектом (например, повышение производительности, функциональности). Новые компоненты интегрируются локально и небольшими порциями (политика поэтапных нововведений). В случае успеха изменения расширяются. При этом необходимо максимальное повышение осведомленности сотрудников;

3) замораживание – интериоризация и закрепление новых установок и подходов на корпоративном уровне. Реализация данного этапа организационно-культурных изменений может осуществляться разными средствами, например проведением конференций, стажировок, внедрением дополнительных профессиональных программ подготовки и переподготовки сотрудников и др. Их основным целеполаганием являются рефлексия, закрепление формирующихся новых организационных ценностей и минимизирование возможности возвращения к прежней организационной культуре.

При этом сама организация/компания/предприятие проходит этапы своего жизненного цикла: основание (интеграция в окружающую среду), ранний рост (формирование организационной идентичности), развитие (культура эволюционировала и может являться фактором либо прогресса, либо регресса в соответствии с разделяемыми ценностями), зрелость (возникают серьезные проблемы) и упадок (возникает необходимость тотальной перезагрузки). В зависимости от этапа, на котором находится компания, специфического набора мер и действий происходят изменения в организационной культуре. Постепенные изменения проходят через формирование уникальных культурных особенностей на уровне малых групп, а затем распространяются на более высокий организационный уровень.

Выбор той или иной модели трансформации или преобразования существующей организационной культуры должен осуществляться с обязательным учетом контекста преобразований. В частности, необходимо изучить, проанализировать и затем идентифицировать как релевантные факторы, способствующие процессу трансформации, так и иррелевантные, препятствующие данному процессу. По мнению К. Кюррена, можно относительно быстро и значительно улучшить организационную культуру, соблюдая рекомендации, которые были подробно рассмотрены ранее в наших публикациях [3; 5].

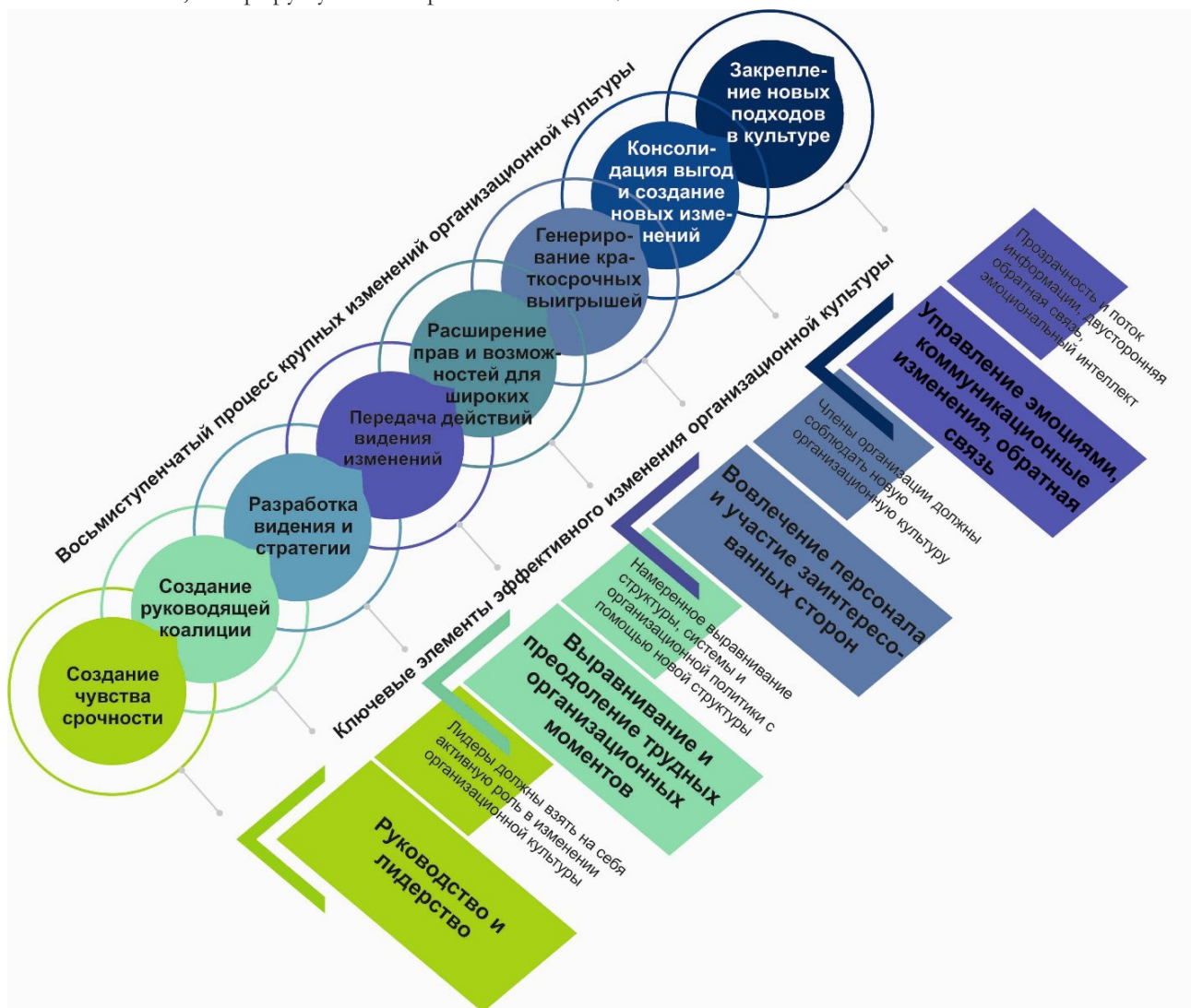
Для успешного изменения организационной культуры необходимо учитывать ряд ключевых факторов (рис. 5). Ее преобразование должно поддерживаться не только формальными организационными изменениями, но и реальными действиями. Достигнуть их посредством идеологического/концептуального

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 4. Модель культурных организационных изменений

начала не представляется возможным. Регистрируемые формальные изменения являются производным для создания конструктивного организационного климата, способного переработать целый пул культурных изменений, генерируя условия принятия новых ценностей.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 5. Основные процессы преобразования организационной культуры и ключевые элементы их эффективности

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изменения организационной культуры и процессы ее трансформации в цифровую организационную культуру, которые запланированы, должны строиться с учетом не только последовательно реализуемых стратегий, детерминирующих деятельность всех организационных уровней, но и характерных особенностей, присущих конкретной компании или организации.

Определение новой модели культурной ткани организации либо культурного агента изменений нужно коррелировать с ее жизненным циклом и этапом развития. Сотрудники, отвечающие за корпоративные преобразования, должны изучить стадию развития и историю компании с целью адекватной оценки культурных составляющих и определения дальнейших шагов.

Список литературы

1. Грошев И.В., Жерегеля А.В., Школьный Д.В. Менеджмент организационной культуры в условиях цифровизации предприятий. Управление. 2019;2(7):33–38. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-2-33-38>

2. *Коблов С.В.* Цифровая трансформация процессов управления организацией как новая управленческая парадигма: монография. М.: Юнити-Дана; 2023. 127 с.
3. *Groshev I.V., He M.* Improving management of organizational culture in Russian-Chinese companies in the conditions of digitalization. New York: Chinese Culture Publishing Group Co.; 2024. 226 p.
4. *Zhang Z.* Quality management approach in China. The TQM Magazine. 2000;2(12):92–105. <https://doi.org/10.1108/09544780010318343>
5. *Грошев И.В., Хэ М.* Проектирование цифровой организации. Вестник экономической безопасности. 2020;1:250–255. <https://doi.org/10.24411/2414-3995-2020-10047>
6. *Ключко В.А., Чечнев В.Б.* Технологии искусственного интеллекта в менеджменте наукоемких предприятий. Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2023;1:105–117. https://doi.org/10.52210/2224669X_2023_1_105
7. *Лещинская Н.М., Колесник М.А.* Внедрение технологий искусственного интеллекта в России. Социология искусственного интеллекта. 2023;2(4):63–72.
8. *Липецкий Н.А.* Использование нейронных сетей в управлении персоналом и аналитике человеческих ресурсов. Экономика и предпринимательство. 2023;4(153):126–129. <https://doi.org/10.34925/EIP.2023.153.4.021>
9. *Суходолов А.П., Нана В.* Пути совершенствования экономического сотрудничества Китая и России. Известия Байкальского государственного университета. 2013;6(92):104–107.
10. *Дырин С.П.* Многовариантность организационной культуры современных российских предприятий. Управление корпоративной культурой. 2009;1:4–14.
11. *Лейкина Я.В.* Архитектура корпоративной культуры. Управление корпоративной культурой. 2009;4:258–265.

References

1. *Groshev I.V., Zheregelya A.V., Shkolnyi D.V.* Management of organizational culture in the conditions of digitalization of enterprises. Management. 2019;2(7):33–38. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-2-33-38>
2. *Koblov S.V.* Digital transformation of organisation management processes as a new management paradigm: monograph. Moscow: Unity-Dana; 2023. 127 p. (In Russian).
3. *Groshev I.V., He M.* Improving management of organizational culture in Russian-Chinese companies in the conditions of digitalization. New York: Chinese Culture Publishing Group Co.; 2024. 226 p.
4. *Zhang Z.* Quality management approach in China. The TQM Magazine. 2000;2(12):92–105. <https://doi.org/10.1108/09544780010318343>
5. *Groshev I.V., He M.* Designing a digital organization. Bulletin of economic security. 2020;1:250–255. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2414-3995-2020-10047>
6. *Klyuchko V.A., Chechnev V.B.* Artificial intelligence technologies in the management of knowledge-intensive enterprises. Herald of the Moscow University of Finance and Law MFUA. 2023;1:105–117. (In Russian).
7. *Leshchinskaya N.M., Kolesnik M.A.* Implementation of artificial intelligence technologies in Russia. Sociology of Artificial Intelligence. 2023;2(4):63–72. (In Russian).
8. *Lipetskiy N.A.* The use of neural networks in personnel management and human resource analytics. Journal of Economy and Entrepreneurship. 2023;4(153):126–129. (In Russian). <https://doi.org/10.34925/EIP.2023.153.4.021>
9. *Sukhodolov A.P., Nana W.* Ways of improving economic cooperation between China and Russia. Bulletin of Baikal State University. 2013;6(92):104–107. (In Russian).
10. *Dyrin S.P.* Multivariance of the organisational culture of modern Russian enterprises. Corporate culture management. 2009;1:4–14. (In Russian).
11. *Lejkina Ya.V.* Architecture of corporate culture. Corporate culture management. 2009;4:258–265. (In Russian).

Как поднять престиж ученого в Российской Федерации

Махалина Оксана Михайловна

Д-р экон. наук, проф. каф. финансов и кредита
ORCID: 0000-0002-1234-8499, e-mail: moxanam@mail.ru

Махалин Виктор Николаевич

Канд. экон. наук, доц. каф. управления проектом
ORCID: 0000-0001-5294-5856, e-mail: mahalinviktor@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Российская наука по существующим научным ресурсам занимает ведущие места по многим позициям, демонстрирует серьезные достижения во многих областях, но невысокую общую результативность. В развитии науки проявляются системные проблемы, обусловленные многочисленными факторами, важнейшие из которых рассмотрены в работе. Анализ современного развития науки выявил ее основные вызовы. Особое внимание было уделено проблемам кадрового обеспечения научно-технического комплекса и выявления причин снижения престижа ученого. В России численность персонала, занятого в науке, постоянно сокращается многие годы. Число аспирантов и докторантов, а также количество защит диссертаций уменьшилось за последние четыре года в 4–7 раз, деформировалась возрастная структура научного персонала. Популярность ученого снизилась в несколько раз. На основе анализа в работе определены основные факторы снижения популярности: профессия ученого не является престижной; присутствует низкий уровень заработной платы; отсутствуют механизмы популяризации профессии; отсутствует качественная оценка труда ученого. Также сформулированы предложения по кадровому обеспечению научной деятельности и повышению престижа работы ученого: увеличение затрат на науку; устранение проблемы старения научных кадров; существенное повышение материального обеспечения научных кадров; расширение возможностей использования грантового финансирования фундаментальных исследований. Особое внимание обращено на решение задач по совершенствованию научной деятельности, которые сформулированы в национальных проектах.

Ключевые слова

Вызовы науки, престиж ученого, дефицит научных кадров, популярность науки, материальное обеспечение, научный персонал, грантовое финансирование науки, национальный проект, «Наука и университеты»

Для цитирования: Махалина О.М., Махалин В.Н. Как поднять престиж ученого в Российской Федерации // Вестник университета. 2024. № 11. С. 14–19.

How to increase the prestige of a scientist in the Russian Federation

Oksana M. Makhalina

Dr. Sci (Econ.), Prof. at the Finance and Credit Department
ORCID: 0000-0002-1234-8499, e-mail: moxanam@mail.ru

Victor N. Mahalin

Cand. Sci (Econ.), Assoc. Prof. at the Project Management Department
ORCID: 0000-0001-5294-5856, e-mail: mahalinviktor@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The Russian science, according to the existing scientific resources, occupies leading places on many positions, demonstrates serious achievements in many fields, but low overall effectiveness. In the development of science, systemic problems are manifested due to numerous factors, the most important of which are considered in the work. The analysis of the modern development of science has revealed its main challenges. Special attention is paid to the problems of staffing the scientific and technical complex and identifying the causes of the decline in the scientist's prestige. In Russia, the number of personnel employed in science has been constantly decreasing for many years. The number of postgraduates and doctoral students as well as the amount of dissertation defenses, has decreased 4–7 times over the past four years, and the age structure of the scientific staff has been deformed. The popularity of the scientist has decreased several times. Based on the analysis, the main factors of declining popularity are identified in the work: profession of the scientist is not prestigious; there is a low salary level; there are no mechanisms for popularising the profession; there is no qualitative assessment of the scientist's work. Proposals for staffing scientific activities and increasing the prestige of the scientist's work are formulated: increase of the cost of science; elimination of the problem of the scientific personnel's aging; significant increase in the material support of the scientific personnel; expansion of the possibilities of using grant financing for basic research. Special attention is paid to solving the tasks of improving scientific activity, which are formulated in national projects.

Keywords

Challenges of science, prestige of the scientist, shortage of scientific personnel, popularity of science, financial support, scientific personnel, grant financing of science, national project, "Science and universities"

For citation: Makhalina O.M., Mahalin V.N. (2024) How to increase the prestige of a scientist in the Russian Federation. *Vestnik universiteta*, no. 11, pp. 14–19.

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях результаты научной деятельности являются приоритетной основой для экономического роста в любой из отраслей материального производства, главной производительной силой экономики и драйвером технологического роста любой страны.

Статистические данные объективно показали тесную взаимосвязь между уровнем расходов на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее – НИОКР) и финансово-экономическими показателями как отдельных предприятий, так и целых отраслей экономики [1], прежде всего высокотехнологичных.

Без развития современной фундаментальной науки невозможно достигнуть промышленного, финансового и технологического суверенитета Российской Федерации (далее – РФ, Россия). Президентом страны поставлена задача обеспечить к 2030 г. присутствие России в числе 10 ведущих стран мира по объему научных исследований и разработок¹. Достижение поставленных целей и решения сформулированных задач обусловлено необходимостью учета современных вызовов развития науки. Важнейшими из них являются следующие положения:

- наука становится все более открытой, гибкой, адаптивной к изменениям;
- международная кооперация и сотрудничество остаются необходимыми условиями для успешного развития науки;
- научные проекты усложняются, растут количество участников и необходимость координации их взаимодействия, поэтому научная деятельность становится все более сложной и дорогой;
- использование технологий цифровых инструментов выводит научные исследования на новый уровень: расширяется применение глобальных коммуникационных сетей, повышается эффективность используемого технологического оборудования, увеличивается скорость обработки получаемых данных;
- интенсивное развитие науки потребует нарастания объемов ее финансирования, при этом нужно уменьшать долю государства, усилия которого должны быть сосредоточены на фундаментальных исследованиях, и увеличивать вес предпринимательского сектора;
- будет усиливаться конкуренция за таланты на мировом рынке труда, дефицит кадров окажется и уже становится главным барьером развития науки².

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

При обработке использованных в исследовании статистических материалов применялись различные методы. Информационную основу и базу составили данные официальных министерств и ведомств, научных статей из российских и зарубежных изданий, периодической печати и интернет-источников, рассматривающих соответствие поставленных целей и полученных результатов. Обработка материалов осуществлялась с использованием качественных и количественных методов исследования.

Приведем ресурсные показатели российской науки. Февраль 2019 г. ознаменовался выходом в «Российской газете» (№ 31 (7789) почти программной статьи с интервью с бывшим министром науки и высшего образования М.М. Котюковым «Россия на старте технологического прорыва»³. Упомянутая в выступлении Стратегия научно-технологического развития России до 2035 г. предполагает различные технологические направления и вызовы, на которых необходимо сосредоточиться для обеспечения технологического и экономического развития страны. Отдельно были затронуты вопросы предполагаемой реализации национального проекта «Наука». По итогам реализации этого проекта:

- российская наука к 2024 г. должна была оказаться в топ-5 стран по уровню ученых, занятых в исследованиях;
- предполагалось увеличение вдвое количества зарегистрированных патентов и финансирования научных исследований на 50 %;
- доля молодых исследователей в возрасте до 39 лет должна была вырасти до 50,1 %.

¹ Указ о национальных целях развития России до 2030 года. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 21.09.2024).

² Симонов А. Ученые спрогнозировали, как будет развиваться наука. Режим доступа: <https://rg.ru/2024/05/14/uchenye-sprognozirovali-kak-budet-razvivatsia-nauka.html> (дата обращения: 27.09.2024).

³ Агранович М., Медведев Ю., Синицын М. Михаил Котюков: Россия на старте технологического прорыва. Режим доступа: <https://rg.ru/2019/02/12/ministr-mihail-kotukov-rossiya-na-starte-tehnologicheskogo-proryva.html> (дата обращения: 27.09.2024).

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

Рассмотрим нынешнее состояние современной российской науки:

- численность персонала, непосредственно занимающегося исследованиями и разработками, за последние 20 лет сократилась на 25 %;
- дефицит научных и инженерных кадров становится основным препятствием к достижению целей технологического суверенитета России;
- в результате санкционного давления затруднены или практически невозможны взаимодействие и обмен информацией с мировыми научными центрами;
- за последние четыре года количество защит кандидатских диссертаций составляло всего 1,2–1,8 тыс. ед. в год, а 10 лет назад 9,2–9,6 тыс. ед. в год, то есть снижение в 5–7 раз;
- что касается защиты докторских диссертаций, то в 2010–2013 гг. количество защит составляло 320–390 ед. в год, а начиная с 2017 г. – только 60–90 ед. в год (падение в 4–6 раз);
- происходит постоянное снижение уровня финансирования научных исследований по отношению к валовому внутреннему продукту: в 2020 г. – 1,1 %, в 2021 г. – 1 %, а в бюджете 2024 г. расходы на научные исследования сократились вдвое, что может привести к снижению конкурентности российской науки и уменьшению ее вклада в решение приоритетных задач государства⁴.

Кроме того, в области финансирования науки наметилась неприятная тенденция: при сохранении либо номинальном увеличении объема финансирования фундаментальных исследований финансирование прикладных научных исследований (здравоохранения, образования и т.д.) последовательно сокращается: в постоянных ценах объем бюджетных ассигнований на прикладные исследования снизился на 5,6 %⁵. Хотя именно прикладные научные исследования и разработки требуют значительных инвестиций, и именно они оказываются недофинансированными по причине отсутствия заинтересованности бизнеса, который, в свою очередь, не встречает мер системной поддержки со стороны государства [2].

Как результат – недостаток притока молодых ученых и общее старение научных кадров (например, Российская академия наук радикально «омолодилась» до среднего возраста в 62 года⁶), снижение популярности профессии ученого, рост научной эмиграции [3], изменение структуры преподавательских кадров, например: доктора наук без полноценного профессорского звания, заведующие кафедрами даже без звания доцента и т.п.

Б. Джонс и Б. Вайнберг на основе анализа возраста нобелевских лауреатов и признанных изобретателей пришли к выводу о том, что средний возраст гениальности в XX в. составлял 39 лет. В России, по данным Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», средний возраст ученого без степени – 43 года, кандидата наук – 51 год, доктора наук – 64 года⁷. Хотя и существует доброжелательная оценка этого явления, связанная с тем, что занятие фундаментальной наукой – сфера деятельности более зрелого поколения, но все-таки с учетом происходящих возрастных когнитивных изменений необходимо менять подходы к системе подготовки научных кадров, в частности:

- продолжить совершенствовать систему оплаты труда сотрудников, принимающих участие в исследованиях и разработках, систему заработной платы научных и научно-педагогических работников, а также технических специалистов научных организаций и работников сферы научного обслуживания;
- внести изменения в законодательство с целью повышения размера стипендий студентам и аспирантам;
- разработать меры по корреляции оплаты труда научных и научно-педагогических работников и руководителей научных организаций, образовательных организаций высшего образования [4].

В целом, благодаря принятым и принимаемым мерам, тенденции изменения процессов в научной сфере начинают меняться к лучшему. Июльский опрос Всероссийского центра изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ) показал, что в глазах россиян старше 18 лет престиж ученого вырос больше чем на 50 %⁸. Наряду с положительной динамикой одобрения деятельности ученых высока доля тех, кто критически относится к занятиям научной деятельностью, вследствие того что:

⁴ Новые Известия. Наука России ушла на экспорт: число докторантов за 12 лет сократилось в 5 раз. Режим доступа: <https://newizv.ru/news/2023-11-20/ nauka-rossii-ushla-na-eksport-chislo-doktorantov-za-12-let-sokratilos-v-5-raz-423769> (дата обращения: 28.09.2024).

⁵ Ратай Т., Стрельцова Е., Тарасенко И. Цена российской науки: расходы федерального бюджета. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/848712418.html> (дата обращения: 28.09.2024).

⁶ Новые Известия. Последние из умных? Почему у нас так мало молодых ученых. Режим доступа: <https://newizv.ru/news/2023-02-20/poslednie-iz-umnyh-pochemu-u-nas-tak-malo-molodyh-uchenyh-397849> (дата обращения: 28.09.2024).

⁷ Там же.

⁸ ТАСС. ВЦИОМ: каждый второй россиянин считает престижной профессией ученого. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/18264499> (дата обращения: 29.09.2024).

- профессия ученого не является престижной – 34 %;
- она сопровождается низким уровнем заработной платы – 50 %;
- ученые отсутствуют в медиапространстве (нет популяризации) – 11 %.

На основании анализа вызовов развития современной науки, ее состояния и данных опроса ВЦИОМ сформулируем некоторые предложения, которые потенциально могут обеспечить перспективное повышение престижа работы ученого в России.

1. 2022–2031 гг. в РФ были объявлены десятилетием науки и технологий. Основной задачей этого периода является обеспечение устойчивого социально-экономического развития и технологического суверенитета страны. При этом повышение имиджа профессии ученого, исследователя и инженера должно стать драйвером для участия молодого поколения россиян в данном процессе.

2. Необходимо повышать востребованность научного персонала в деятельности экономических субъектов, разрабатывать стимулирующие меры по увеличению частных, корпоративных расходов на научные исследования для предотвращения риска утечки научных кадров в другие страны и последующего внедрения результатов в экономическую деятельность.

3. Нужно обратить внимание на возрастную структуру научных и научно-педагогических кадров и заниматься их «воспроизводством»: только 2–2,5 % выпускников вузов поступают в аспирантуру, а заканчивают ее менее 50 %, и больше половины уходят из науки в «более доходные сферы экономики»⁹.

4. Добиваться, чтобы молодежь становилась учеными и инженерами не только по призванию, но и по материальной составляющей, которая является в настоящее время тоже очень важной. Недостаточное финансирование науки выступает причиной небольших заработных плат ученых. Необходимо повысить материальное состояние ученых и инженеров как минимум до уровня ИТ-специалистов (ИТ – информационные технологии).

5. Расширять возможности использования грантового финансирования фундаментальных исследований [5], которое обеспечивает развитие исследовательских компетенций, конкурентность научных коллективов, карьерный рост, увеличение заработной платы ученых. Коллективы научных организаций в 81 субъектах России в 2023 г. получили научные гранты. Состав исполнителей грантов был представлен более 45 тыс. молодых исследователей в возрасте до 39 лет.

6. Программа научных мегагрантов в настоящее время принесла хорошие результаты. Президент РФ в Дубне на заседании Совета по науке и образованию объявил, что программа мегагрантов будет расширена и увеличится объем ее финансирования¹⁰, в том числе и с привлечением частного капитала. Программа направлена на возвращение и обеспечение финансирования деятельности ранее покинувших страну молодых ученых.

7. Популяризация достижений науки является одним из важнейших направлений привлечения молодежи в научную отрасль, что предполагает наличие у учеников высокого уровня подготовки по естественно-научным дисциплинам. Для этого надо использовать все инструменты, которые есть у государства: национальный проект «Молодежь и дети», специальный проект «Наука – время молодых», «Разговоры о важном» в школах. Главное – подавать материал максимально интересно и понятно.

8. Структура расходов на научную деятельность в РФ сопоставима с имеющейся в зарубежных странах. Более того, российская наука занимает на глобальном рынке высокое 9-е место, но это не сочетается с ее невысокой результативностью [2].

Поэтому необходимо весь научный потенциал России в сфере фундаментальной науки, технологий и искусственного интеллекта сосредоточить в единстве важнейших наукоемких технологий, которые обеспечат развитие РФ и ее суверенитет¹¹. Для этого государству необходимо:

- определиться с приоритетами направлений технологического развития [6] и выстроить в их отношении последовательную государственную политику;
- обеспечить полноценное финансирование и контроль результатов;
- обеспечить поддержку и предложить стимулы для частного бизнеса для поддержки сектора прикладной науки.

⁹ Гохберг А. Госсредства остаются крупнейшим источником финансирования науки. Режим доступа: <https://rg.ru/2020/12/15/gossredstva-ostaiutsia-krupnejshim-istochnikom-finansirovaniia-nauki.html> (дата обращения: 29.09.2024).

¹⁰ Герейханова А. Путин: Россия остается открытой для научного сотрудничества с другими странами. Режим доступа: <https://rg.ru/2024/06/13/uchene-v-svet.html> (дата обращения: 30.09.2024).

¹¹ Указ Президента Российской Федерации от 18.06.2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50755> (дата обращения: 30.09.2024).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение отметим ряд выводов.

1. Рост интереса к науке, высшему образованию и последующему занятию научной деятельностью будет гарантирован и будет расти там, где талантливая молодежь обеспечена поддержкой и сможет реализовать свои интересы.
2. Современные вызовы в развитии науки, введенные санкции, страновая и технологическая конкуренция повышают значение и востребованность вклада в общее дело каждого ученого, научно-исследовательского коллектива, научного сотрудника, аспиранта и докторанта.
3. В государственных и федеральных проектах «Возможности для самореализации и развития талантов», «Развитие науки, промышленности и технологий», «Цифровая трансформация», в национальных проектах «Молодежь и дети», «Образование», «Цифровая экономика», «Наука и университеты» интегрируются задачи и направления по их решению, связанные с невысокой результативностью науки и системными проблемами в развитии научно-технического комплекса. Эта интеграция обеспечит эффективность деятельности научных кадров по достижению национальных целей развития России.
4. Необходимо совершенствовать механизмы разработки и реализации единой государственной научно-технической и инновационной политики, включая выработку подходов к государственному регулированию и стимулированию заинтересованности экономических субъектов в результатах научных разработок.

Список литературы

1. Соколянский В.В., Карташова А.А., Меринова В.Э., Загородников С.А. Взаимосвязь финансовых показателей и расходов на НИОКР в системе организации производства высокотехнологичных компаний. В кн.: Десятые Чарновские чтения: сборник трудов X Всероссийской научной конференции по организации производства, Москва, 4–5 декабря 2020 г. М.: Объединение контроллеров; 2021. С. 165–172.
2. Клепач А.Н., Водоватов Л.Б., Дмитриева Е.А. Российская наука и технологии: взлет или прогрессирующее отставание (часть I). Проблемы прогнозирования. 2022;6(195):76–93. <http://doi.org/10.47711/0868-6351-195-76-93>
3. Еськов В.М. В России ученый не требуется. Сложность. Разум. Постнеклассика. 2021;2:48–58. <http://doi.org/10.12737/2306-174X-2021-48-58>
4. Черешнев В.А., Тодосийчук А.В. Наука в России: состояние, проблемы, перспективы развития. Вестник Российской академии наук. 2022;3(92):201–212. <https://doi.org/10.31857/S0869587322030033>
5. Пантелеева И.А., Бывшев В.И., Парфентьева К.В., Усков Д.И., Демин В.Г. Механизмы финансирования фундаментальных исследований на уровне региона: опыт Красноярского края. Управление наукой и наукометрия. 2021;3(16):370–387. <https://doi.org/10.33873/2686-6706.2021.16-3.370-387>
6. Тодосийчук А.В. Условия и факторы научно-технологического и инновационного развития экономики. Вестник Российской академии наук. 2023;3(93):237–245. <https://doi.org/10.31857/S086958732303012X>

References

1. Sokolyansky V.V., Kartashova L.A., Merinova V.E., Zagorodnikov S.A. Relationship of financial indicators and costs on research and development in the system of production organisation of high-tech companies. In: Tenth Charnov readings: Proceedings of the X All-Russian Scientific Conference on the Organisation of Production, Moscow, December 4–5, 2020. Moscow: Association of Controllers; 2021. Pp. 165–172. (In Russian).
2. Klepach A.N., Vodovатов L.B., Dmitrieva E.A. Russian science and technology: rise or progressive lag (part I). Studies on Russian Economic Development. 2022;6(195):76–93. (In Russian). <http://doi.org/10.47711/0868-6351-195-76-93>
3. Eskov V.M. A scientist is not required in Russia. Complexity. Mind. Postnonclassic. 2021;2:48–58. (In Russian). <http://doi.org/10.12737/2306-174X-2021-48-58>
4. Chereshev V.A., Todosijchuk A.V. Science in Russia: status, problems, development prospects. Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2022;3(92):201–212. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S0869587322030033>
5. Panteleeva I.A., Former V.I., Parfenteva K.V., Uskov D.I., Demin V.G. Basic research funding solutions at regional level: Krasnoyarsk territory case. Science Governance and Scientometrics. 2021;3(16):370–387. (In Russian). <https://doi.org/10.33873/2686-6706.2021.16-3.370-387>
6. Todosijchuk A.V. Conditions and factors of scientific, technological, and innovative development of the economy. Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2023;3(93):237–245. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S086958732303012X>

Дополнительные источники финансирования обновленных целей национального развития

Чмут Галина Александровна

Канд. экон. наук, доц. каф. финансов, бухгалтерского учета и налогообложения

ORCID: 0000-0002-6266-5871, e-mail: galina-chmut@yandex.ru

Южный университет (Институт управления, бизнеса и права), г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация

Национальные цели развития являются основой государственной политики и объединяют трудовые и материальные ресурсы для решения ключевых тем развития. Они утверждаются указом Президента Российской Федерации (далее – РФ, Россия). Впервые национальные цели развития России были описаны в Указе Президента РФ № 204 и включали перспективу развития до 2024 г. В 2020 г. в связи с вызовами, сопряженными с распространением COVID-19, Указом Президента РФ № 474 список национальных целей был уточнен и срок их реализации продлили до 2030 г. Цели национального развития, установленные до 2030 г., включали такие основные направления, как сохранение населения, здоровье и благополучие людей; возможности для самореализации и развития талантов; комфортная и безопасная среда для жизни; достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство, а также цифровая трансформация. В мае 2024 г. национальные цели Указом Президента РФ № 309 вновь были обновлены. Основными причинами явились обеспечение устойчивого экономического и социального развития России, повышение уровня жизни и увеличение численности населения, обеспечение государственной и общественной безопасности, а также укрепление государственного и экономического суверенитета. Целями данной работы являются рассмотрение обновленных национальных целей развития, задач и определение источников их финансирования. В качестве результатов исследования проанализирована деятельность Правительства РФ по изысканию источников финансирования обновленных национальных проектов. Основным выводом работы является обоснование дополнительных источников для достижения национальных целей развития.

Ключевые слова

Цели национального развития, национальные проекты, источники финансирования, государственные программы, налогообложение, долговые обязательства, субъекты Российской Федерации, федеральный бюджет

Для цитирования: Чмут Г.А. Дополнительные источники финансирования обновленных целей национального развития // Вестник университета. 2024. № 11. С. 20–26.

Additional sources of financing for the updated national development goals

Galina.A. Chmut

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Finance, Accounting, and Taxation Department
ORCID: 0000-0002-6266-5871, e-mail: galina-chmut@yandex.ru

Southern University (Institute of Management, Business and Law), Rostov-on-Don, Russia

Abstract

National development goals are the basis of public policy and combine labour and material resources to address key development issues. They are approved by the decree of the President of the Russian Federation (hereinafter referred to as RF, Russia). For the first time, the RF's national development goals were described in the Presidential Decree No. 204 and included a development perspective until 2024. In 2020, due to the challenges associated with the spread of COVID-19, the Decree of the President of the RF No. 474 clarified the list of national goals and extended their implementation period until 2030. The national development goals set by 2030 included such key areas as population preservation, human health and well-being; opportunities for self-realisation and talent development; comfortable and safe living environment; decent, effective work and successful entrepreneurship as well as digital transformation. In May 2024, the national goals were updated again by the Presidential Decree No. 309. The main reasons were ensuring sustainable economic and social development of the RF, improving living standards and increasing the population, ensuring state and public security as well as strengthening state and economic sovereignty. The purposes of this article are to review the updated national development goals, objectives and identify sources of their financing. As the study results, the activity of the Government of the RF in finding the sources of financing for the updated national projects is analysed. The main conclusion of the article is the justification of additional sources of financing to achieve the national development goals.

Keywords

National development goals, national projects, sources of financing, government programmes, taxation, debt obligations, Russian subjects, federal budget

For citation: Chmut G.A. (2024) Additional sources of financing for the updated national development goals. *Vestnik universiteta*, no. 11, pp. 20–26.

ВВЕДЕНИЕ

После инаугурации, 7 мая 2024 г., Президентом Российской Федерации (далее – РФ, Россия) был подписан Указ № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»¹.

В качестве ориентиров национального развития определены: сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи, реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности, комфортная и безопасная среда для жизни, экологическое благополучие, устойчивая и динамичная экономика, технологическое лидерство, цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы².

В рамках реализации Указа Президента Правительством России должен быть разработан единый план по достижению национальных целей развития РФ на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. Национальные цели должны быть включены в национальные программы и проекты. Ежегодно при формировании проекта федерального бюджета на очередной финансовый год и на плановый период необходимо предусматривать бюджетные ассигнования для достижения национальных целей.

Однако на реализацию национальных проектов в первоначальном законе о федеральном бюджете в 2024 г. уже предусмотрено более 3 трлн руб.³, а по предварительным данным Министерства финансов РФ, результат исполнения федерального бюджета за первое полугодие сложился с дефицитом в размере 929 млрд руб.⁴

В соответствии с вышеназванным Указом Правительству РФ поручено ежегодно при формировании проекта федерального бюджета на очередной финансовый год и на плановый период предусматривать бюджетные ассигнования на реализацию национальных целей. В связи с этим в статье рассмотрены дополнительные источники финансирования обновленных национальных целей, что может быть использовано при проведении исследований в области социально-экономического развития России на современном этапе, а также при разработке бюджетной и налоговой политики.

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ

Цели национального развития реализуются через национальные проекты. Национальные проекты, по сути, являются стратегическими инициативами, направленными на достижение важных целей, приоритетных в экономическом, социальном, научно-техническом и культурном развитии страны.

Концепция национальных проектов не является новой, она реализуется в различных формах во многих странах мира на протяжении истории. Однако в России национальные проекты получили свое развитие в начале XXI в., когда для решения насущных проблем страны был сформирован комплексный подход.

Первые национальные проекты в России появились в 2005 г., были выделены четыре ключевые области: здравоохранение, образование, жилищное строительство и агропромышленный комплекс. С тех пор понятие национальных проектов значительно расширилось, а их число и масштабы увеличились. Особенностью данных проектов является то, что они ориентированы на конкретные, измеримые результаты. По каждому из них устанавливаются необходимые для оценки эффективности проекта показатели, которые позволяют оценить его эффективность и внести коррективы в ходе реализации.

Национальные проекты являются важным инструментом государственной политики. Они позволяют направить ресурсы на приоритетные направления развития, а также стимулируют инновации и технологическое обновление экономики.

Приоритетные национальные проекты в современном мире используются уже достаточно давно и не являются чем-то новым. Анализ зарубежного опыта показывает, что проекты реализации социально-экономической политики – это тот самый механизм, имеющий возможность решать проблемы в социальной сфере комплексно. Мировой опыт реализации национальных проектов свидетельствует о том,

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542/> (дата обращения 30.08.2024).

² Там же.

³ Президент России подписал закон о федеральном бюджете на 2024 год и плановый период 2025–2026 годов. Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=38772-prezident_rossii_podpisal_zakon_o_federalnom_byudzhete_na_2024_god_i_planovyi_period_2025-2026_godov/ (дата обращения: 30.08.2024).

⁴ Предварительная оценка исполнения федерального бюджета в январе-июне 2024 года. Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39156-predvaritelnaya_otsenka_ispolneniya_federalnogo_byudzheta_v_yanvare-iyune_2024_goda/ (дата обращения: 30.08.2024).

что отличие приоритетных национальных проектов от мер институционального характера заключается в потребности привлечения экономических и других ресурсов, в необходимости установления четких сроков реализации проектов, в наличии обязательств участников проекта. Не так давно приоритетные национальные проекты России стали рассматриваться как инструменты социально-экономического развития. В России национальный проект как новый инструмент социально-экономического развития был задуман сразу после начала нынешнего президентства В.В. Путина. Данные проекты должны работать в соответствии с целями Указа [1].

Сложившаяся в последние годы в РФ практика государственного стратегического управления и планирования рассматривает в качестве основы государственного стратегического управления комплекс национальных стратегических целей, формируемых указами Президента России. Такой подход к определению стратегических ориентиров развития страны оказался достаточно конструктивным, найдя практическое воплощение в системе национальных проектов РФ [2]. В связи с этим национальные цели обновляются ввиду возникновения новых задач в области социально-экономического развития России.

Обновленные национальные цели сформированы с учетом задач и поручений по итогам послания президента В.В. Путина Федеральному собранию РФ⁵. Среди основных задач можно выделить такие: увеличение доходов граждан, повышение рождаемости, увеличение продолжительности жизни, повышение потенциала высшей школы, обеспечение технологического суверенитета, смягчение налогового режима для производственных предприятий малого и среднего бизнеса, снижение выбросов в атмосферу, обеспечение доступа к высокоскоростному интернету практически на всей территории России.

Исходя из основных задач были сформированы следующие обновленные национальные цели: сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи, реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности, комфортная и безопасная среда для жизни, экологическое благополучие, устойчивая и динамичная экономика, технологическое лидерство, цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы⁶.

Исполнение поручений, сформулированных по итогам послания Президента Федеральному собранию РФ, потребует дополнительных финансовых источников. В связи с этим возникает необходимость в изыскании дополнительных источников финансирования для достижения национальных целей. Основными методами исследования при написании данной статьи явились сравнение, анализ, синтез, а также организационный, структурно-функциональный подходы.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЙ

Для достижения обновленных национальных целей, сформированных в Указе Президента РФ № 309 по итогам послания президента В.В. Путина Федеральному собранию России, потребуется более 1 трлн руб. в год, заявил «Интерфаксу» министр финансов А.Г. Силуанов⁷.

Федеральные проекты, сгруппированные в национальные проекты, для достижения национальных целей, входят в состав отдельных мероприятий, включенных в одну или несколько государственных программ РФ. Применение программно-проектного подхода к управлению бюджетными расходами в российской практике соответствует общим мировым тенденциям управления общественными финансами [3].

Финансирование государственных программ в России выполняется по нескольким направлениям. Одним из основных источников средств являются бюджетные ассигнования. Кроме того, существуют внебюджетные источники финансирования, такие как заемные средства или инвестиции [4].

В то же время национальные проекты, реализуемые в рамках национальных целей, опираются на бюджетные расходы публично-правовых образований. Основываясь на принципах софинансирования национальных проектов и бюджетного федерализма, государство широко использует указанные инструменты в целях финансовой поддержки и экономического выравнивания субъектов РФ через межбюджетные трансферты из федерального бюджета, что позволяет снизить нагрузку на бюджеты регионов.

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542/> (дата обращения 30.08.2024).

⁶ Там же.

⁷ Интерфакс. Силуанов оценил меры из послания президента более чем в 1 трлн рублей в год. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/955279> (дата обращения: 30.08.2024).

Основными источниками финансирования национальных проектов как во всем мире, так и в России являются государственные бюджетные средства и внебюджетные источники. Однако в РФ с начала реализации национальных проектов наблюдается их недофинансирование за счет внебюджетных источников⁸. Основным источником финансирования в настоящее время являются средства бюджетной системы РФ. Вместе с тем дефицит федерального бюджета по итогам первого полугодия составил 929 млрд руб.⁹, что требует изыскания дополнительных доходов бюджета.

Вопросы справедливого налогообложения особенно актуальны в настоящее время, тем более что Президентом РФ поставлена задача о справедливости налоговой системы, направленной на стимулирование инвестиций, обеспечение устойчивости бюджетов. Справедливость означает: кто больше зарабатывает, тот больше платит, и такой принцип налогообложения доходов физических лиц действует во многих странах. Так, например, в Китае, Германии, Франции максимальная ставка налогообложения составляет 45 %, в связи с чем введение прогрессивной шкалы является целесообразным, тем более что, по информации министра финансов РФ, прогрессивный налог может затронуть только 3,2 % работающего населения России с доходом выше 200 тыс. руб. в месяц.

Вопрос налога на роскошь остается в РФ дискуссионным на протяжении нескольких лет. Мировая практика показывает, что многие государства применяют его не только для пополнения бюджета, но и в качестве средства социальной справедливости [5]. В связи с этим целесообразным является установление повышенной ставки налогообложения для дорогостоящих объектов недвижимости. Несмотря на необходимость изыскания дополнительных источников бюджета, многие предприниматели используют систему незаконного дробления бизнеса. Так, по информации Федеральной налоговой службы, с начала 2018 г. по август 2023 г. незаконное дробление бизнеса нанесло федеральному бюджету ущерб на сумму 506 млрд руб. Для решения данной проблемы целесообразно разработать меры плавного перехода с упрощенной системы налогообложения на общую.

Еще одним дополнительным источником финансирования обновленных национальных проектов может являться повышение налога на прибыль. Так, по словам министра финансов РФ, действующая ставка налога на прибыль в 20 % выступает одной из самых низких среди развитых и развивающихся экономик. В связи с этим ее повышение является целесообразным. При этом с целью реализации высокотехнологичных инвестиционных проектов и снижения нагрузки на бизнес необходимо предусмотреть инвестиционный налоговый вычет.

Кроме того, учитывая, что регионы также участвуют в реализации национальных проектов для достижения национальных целей, необходимо списание части задолженности регионов по бюджетным кредитам при условии направления высвобождающихся средств региональных бюджетов на поддержку инвестиций.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

С целью обоснования предложенных дополнительных источников финансирования для достижения национальных целей рассмотрим результаты предложенных мероприятий по основным направлениям.

Первое – разработать меры плавного увеличения налоговой нагрузки для компаний, которые переходят с упрощенного режима налогообложения на общий. С этой целью установлена налоговая амнистия за дробление бизнеса в 2022–2024 гг. Вновь созданные организации и индивидуальные предприниматели, применяющие упрощенную систему налогообложения, освобождаются от уплаты налога на добавленную стоимость (далее – НДС) со дня постановки на учет в налоговом органе. В то же время компании, доходы которых превышают 60 млн руб., обязаны уплачивать НДС. Кроме того, предусмотрена возможность применения пониженных ставок при использовании упрощенной системы налогообложения в размере 5 и 7 % при условии, что доход в течение налогового периода не превышает 250 и 450 млн руб. соответственно. Данные изменения Федеральным законом № 176-ФЗ от 13.07.2024 г. внесены в Налоговый кодекс РФ¹⁰.

⁸ Стенограмма заседания «круглого стола» на тему «О ходе исполнения мероприятий национальных проектов: текущее состояние, проблемы, сроки реализации. 22 марта 2023 года. Режим доступа: <http://council.gov.ru/media/files/voxrNv4xa5EWY3OxR0XaV0HADL8rz2sE.pdf> (дата обращения: 31.08.2024).

⁹ Президент России подписал закон о федеральном бюджете на 2024 год и плановый период 2025–2026 годов. Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=38772-prezident_rossii_podpisal_zakon_o_federalnom_byudzhete_na_2024_god_i_planovyi_period_2025-2026_godov/ (дата обращения: 30.08.2024).

¹⁰ Федеральный закон от 12.07.2024 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в первую и вторую части Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу отдельных законодательных актов Российской Федерации». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202407120009> (дата обращения: 31.08.2024).

Вторым направлением увеличения доходов бюджета является введение прогрессивной шкалы налогообложения. С этой целью повышены ставки по налогу на доходы физических лиц (далее – НДФЛ) по оплате труда с 13 до 22 %. Так, если сумма выплат по оплате труда за налоговый период равна или менее 2,4 млн руб., процентная ставка составит 13 %. При превышении выплаты по оплате труда 2,4 млн руб., но не более 5 млн руб. сумма налога составит 312 тыс. руб. с прибавлением 15 % от суммы, превышающей 2,4 млн руб. Если выплаты больше 5 млн руб., но меньше 20 млн руб., сумма налога равна 702 тыс. руб. и 18 % от суммы выплат, превышающих 5 млн руб.

При превышении выплат по оплате труда 20 млн руб. и не более 50 млн руб. сумма налога составит 3 402 тыс. руб. и 20 % от суммы, превышающей 20 млн руб. Если они больше 50 млн руб., сумма налога составит 9 402 тыс. руб. и 22 % от суммы выплат, превышающих 50 млн руб.¹¹

Кроме того, утверждена прогрессивная шкала НДФЛ для иных доходов, в том числе дивидендов и процентов по вкладам: 13 % для доходов до 2,4 млн руб. и 312 тыс. с прибавлением 15 % для доходов, превышающих 2,4 млн руб.¹²

Установление более высоких ставок имущественных налогов по дорогостоящему имуществу является третьим дополнительным источником финансирования национальных проектов. Федеральным законом № 176-ФЗ повышена ставка налога на имущество организаций для дорогостоящих объектов недвижимости. Субъекты РФ могут устанавливать ставку не более 2,5 % по недвижимости, стоимость которой превышает 300 млн руб. и по которой налоговая база определяется по кадастровой стоимости. Аналогичная мера предусмотрена по земельному налогу – ставка повышена с 0,3 до 1,5 %¹³.

Еще одним источником дополнительных поступлений в бюджет является увеличение ставки по налогу на прибыль. Налоговая ставка увеличена до 25 %¹⁴. При этом разработан механизм инвестиционного налогового вычета по налогу на прибыль. Размер вычета может составлять до 50 % от суммы расходов.

С целью реализации предложений по списанию части задолженности по бюджетным кредитам Федеральным законом № 177-ФЗ от 13 июля 2024 г. внесены изменения в Бюджетный кодекс¹⁵ и в закон о федеральном бюджете на 2024 г. и плановый период 2025 г. и 2026 г.¹⁶ Указанным законом задолженность регионов по бюджетным кредитам в размере двух третей будет списана¹⁷. Это является хорошим ресурсом для регионов. Указанные средства они обязаны направить на развитие инвестиционных проектов в целях достижения национальных целей развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цели национального развития являются основой государственной политики и объединяют трудовые и материальные ресурсы для решения ключевых тем развития.

В целях обеспечения устойчивого экономического и социального развития РФ, повышения уровня жизни и увеличения численности населения, обеспечения государственной и общественной безопасности, а также укрепления государственного и экономического суверенитета цели национального развития Указом Президента России № 309 были обновлены¹⁸.

Обновленные национальные цели сформированы с учетом задач, указанных в послании Президента Федеральному собранию РФ. Среди них можно выделить увеличение доходов граждан, повышение рождаемости, увеличение продолжительности жизни, обеспечение технологического суверенитета, снижение выбросов в атмосферу, обеспечение доступа к высокоскоростному интернету на всей территории России. Для достижения обновленных национальных целей необходимы дополнительные источники финансирования, которыми в значительной мере являются средства федерального бюджета и бюджетов субъектов

¹¹ Федеральный закон от 12.07.2024 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в первую и вторую части Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу отдельных законодательных актов Российской Федерации». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202407120009> (дата обращения: 31.08.2024).

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Федеральный закон от 13.07.2024 г. № 177-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202407130001> (дата обращения: 31.08.2024).

¹⁶ Федеральный закон от 12.07.2024 г. № 175-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2024 год и плановый период 2025 и 226 годов». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50840> (дата обращения: 31.08.2024).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542/> (дата обращения: 30.08.2024).

РФ. В связи с этим для компаний, которые переходят с упрощенного режима налогообложения на общий, предложено разработать меры плавного увеличения налоговой нагрузки, предложены введение прогрессивной шкалы налогообложения, установление более высоких ставок имущественных налогов и повышение налога на прибыль. Кроме того, источником дополнительных средств для финансирования инвестиционных региональных проектов является списание двух третей задолженности регионов по бюджетным кредитам при условии направления высвобождающихся региональных средств на поддержку инвестиций для достижения национальных целей.

Проведенный автором анализ реализации предложенных дополнительных источников финансирования обновленных национальных целей свидетельствует о том, что закрепление налоговым и бюджетным законодательством данных источников обеспечит выполнение задач для реализации обновленных национальных целей.

Список литературы

1. *Таболкина А.И.* Мировой опыт реализации национальных проектов и возможность их использования в России. В кн.: Исследования молодых ученых: материалы XX Международной научной конференции, Казань, 20–23 мая 2021 г. Казань: Издательство «Молодой ученый»; 2021. С. 25–27.
2. *Михненко П.А.* Национальные цели и институциональные трансформации: модель стратегического развития. Государственное управление. Электронный вестник. 2021;85:25–44. <http://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-85-25-44>
3. *Седова М.А.* Финансирование национальных проектов. Экономика. Налоги. Право. 2020;3(13):17–27. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2020-13-3-17-27>
4. *Львова М.И., Исакова Н.Ю.* Финансирование государственных программ в России. Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023;8–1(13):258–263. <https://doi.org/10.34670/AR.2023.87.49.022>
5. *Басманова Н.В.* Налог на роскошь в России и за рубежом. Молодой ученый. 2023;20(467):487–489.

References

1. *Tabolina A.I.* World experience in the implementation of national projects and possibility of their use in Russia. In: Research of young scientists: Proceedings of the XX International Scientific Conference, Kazan, May 20–23, 2021. Kazan: “Molodoy uchyonyy” Publ. House; 2021. Pp. 25–27. (In Russian).
2. *Mikhnenko P.A.* National goals and institutional transformations: model of strategic development. Public administration. Electronic bulletin. 2021;85:25–44. (In Russian). <http://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-85-25-44>
3. *Sedova M.L.* Financing of national projects. Economics. Taxes & Law. 2020;3(13):17–27. (In Russian). <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2020-13-3-17-27>
4. *L'vova M.I., Isakova N.Yu.* Financing of state programs in Russia. Economics: Yesterday, Today and Tomorrow. 2023;8–1(13):258–263. <https://doi.org/10.34670/AR.2023.87.49.022>
5. *Basmanova N.V.* Luxury tax in Russia and abroad. Young scientist. 2023;20(467):487–489. (In Russian).

Инновации для решения логистических проблем: возможности, риски и ограничения

Горбатов Андрей Иванович

Исполнительный директор

ORCID: 0009-0008-8166-1332, e-mail: gorbatov@fsmac.ru

Общество с ограниченной ответственностью «Эф.Эс. Макензи», г. Москва, Россия

Аннотация

В работе представлены оценка состояния инновационной деятельности в логистических компаниях во второй половине 2022 г. и 2023 г., а также потенциальные последствия от низкого уровня инвестиций в инновации. Актуальность исследования обуславливается объективными особенностями развития логистической отрасли в Российской Федерации, прежде всего в контексте международной импортной и экспортной торговли в условиях санкционных ограничений, а также повышения конкуренции между логистическими компаниями на рынке и конкурентного давления иностранных логистических компаний, заходящих на российский рынок. Целью исследования является оценка особенностей функционирования логистической отрасли и перспектив ее развития, что может оказать существенное влияние на международное движение товаров. Произведена оценка стратегий компаний по удержанию своей доли на рынке, увеличению этой доли путем взаимодействия с рынком труда, а также по использованию дополнительных инструментов получения и удержания рыночного преимущества. Сделан вывод о влиянии ряда факторных критериев на дальнейшее развитие отрасли и тех ресурсов, связанных с инвестициями в инновации, которые имеются у собственников компании для будущего развития их бизнеса.

Ключевые слова

Международная логистика, санкционное давление, цепи поставок, маршрутные проблемы, торговые ограничения, коммодитизация, клиентский сервис, привлечение клиентов, экстенсивное развитие бизнеса, вектор инвестиций

Для цитирования: Горбатов А.И. Инновации для решения логистических проблем: возможности, риски и ограничения // Вестник университета. 2024. № 11. С. 27–33.

Creating innovations for solutions of logistics problems: opportunities, risks, and limitations

Andrei I. Gorbatov

Executive Director

ORCID: 0009-0008-8166-1332, e-mail: gorbatov@fsmac.ru

Limited Liability Company “FS Mackenzie”, Moscow, Russia

Abstract

The article provides an assessment of innovation activity state in logistics companies in the second half of 2022 and 2023 as well as the potential consequences of low level of investment in innovation. The relevance of the article is determined by the objective features of the development of the logistics industry in the Russian Federation, primarily in the context of international import and export trade under the conditions of sanctions restrictions as well as increased competition of logistics companies on the market and competitive pressure from international logistics companies which enter the Russian market. The purpose of the study is to assess the characteristics of the functioning of the logistics industry and the prospects for its development, which can have a significant impact on the international movement of goods. An assessment is made of companies' strategies to maintain their market share, increase this share through interaction with the labour market as well as to use additional tools for obtaining and maintaining a market advantage. A conclusion is drawn about the influence of a number of factor criteria on the further development of the industry and those resources associated with investments in innovation that the company's owners have for the future development of their business.

Keywords

International logistics, sanctions pressure, supply chain, route problems, trade restrictions, commoditisation, customer service, attracting clients, extensive business development, investment vector

For citation: Gorbatov A.I. (2024) Creating innovations for solutions of logistics problems: opportunities, risks, and limitations. *Vestnik universiteta*, no. 11, pp. 27–33.

ВВЕДЕНИЕ

С начала второго квартала 2022 г. и до середины 2023 г. перед логистической системой Российской Федерации (далее – РФ, Россия) стояли задачи, сопряженные прежде всего с сохранением работоспособности импортных и экспортных цепей поставок. Это было связано с тем, что экономика РФ столкнулась с огромным количеством вызовов, когда с российскими грузами отказались работать ведущие мировые морские линии, а отечественные перевозчики попали под санкции¹.

Аналитики указывают, что из-за санкций стоимость логистики в этот период существенно увеличилась, сроки доставки выросли, а также увеличилась нагрузка на бизнес-процессы: изменились маршруты доставки, появилась необходимость постоянного и оперативного перестроения цепочек поставок².

ВЕКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

На протяжении первого года с момента введения санкций западных государств основным вектором инновационного развития в логистике были так называемые исправление логистических проблем и снижение их последствий. Большинство логистических компаний, часто сами того не осознавая, создавали и внедряли инновационные решения, основанные на решении проблем импортеров и экспортеров с доставкой товаров. Именно по этой причине сервис логистических компаний по поиску маршрутов и альтернативных подходов к доставке был очень востребован и компании не очень сильно чувствовали на себе рыночную конкуренцию. Ослабление конкурентного давления также было спровоцировано активным уходом большей части западных логистических компаний, которые прекратили обслуживание части российских грузовладельцев.

Однако большинство из проблем в цепях поставок, актуальных во второй половине 2022 г. и первой половине 2023 г., были так или иначе решены: нашлись альтернативные маршруты перевозок, поставщики транспортных решений перестроились под новые потребности участников логистического рынка, покупать товары, в том числе из недружественных стран, стало возможно через сеть посредников. Китай и ряд других государств фактически увеличили свой экспорт в Россию, что привело к восстановлению общего объема импорта в РФ. Некоторые страны, особенно часть постсоветских государств, таких как Узбекистан, Кыргызстан, Казахстан и Армения, служили перевалочными пунктами для импорта части товаров³. По словам исполнительного директора Института экономики роста имени А.С. Столыпина, в 2022 г. российский импорт товаров снизился примерно на 10 % по стоимости, что можно назвать несущественным снижением на фоне беспрецедентного уровня санкционного давления.

КОММОДИТИЗАЦИЯ СЕРВИСА

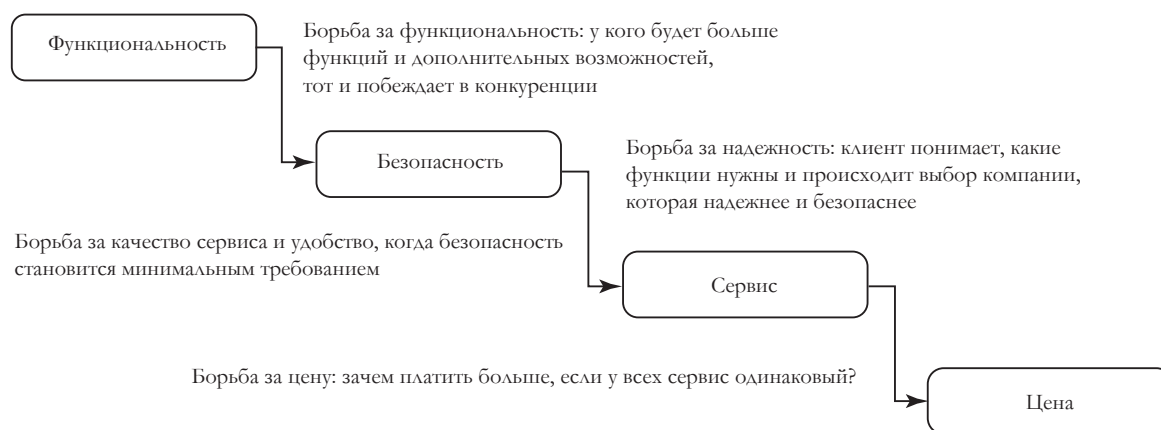
В связи с этим инновации логистических компаний, ранее построенные на задаче решения маршрутных проблем и обхода торговых ограничений, стали менее востребованными. Прежде всего потому, что количество самих маршрутных проблем уменьшилось, так как часть из них была решена созданными инновационными предложениями крупных транспортных и логистических компаний, которые создали альтернативные схемы доставки и регулярный сервис вокруг этого. Значит, и сервис большинства средних и мелких логистических компаний России стал подвергаться процессу коммодитизации [1], то есть перешел из марочной, уникальной, инновационной категории в разряд обычных, рядовых продуктов, похожих на продукт всех остальных конкурентов со множеством аналогов (рис. 1).

В 2022 г. и первой половине 2023 г. главным конкурентным преимуществом логистических компаний была функциональность, прежде всего наличие решений по преодолению возникших в логистике проблем. Поэтому участники рынка активно привлекали клиентов наличием провозных возможностей, разрабатывали и добавляли новые функции перевозок, маршруты доставки, услуги по транзитному оформлению.

¹Ленская Е. Логистика в условиях санкций 2022. Режим доступа: https://www.ruscable.ru/article/logistika_v_usloviyah_sankcij_2022/ (дата обращения: 04.08.2024).

²Retail.ru. Что будет с логистикой в высокий сезон? Режим доступа: <https://www.retail.ru/articles/chto-budet-s-logistikoy-v-vysokiy-sezon-/> (дата обращения: 10.08.2024).

³David A., Stewart S., Reid M., Alperovitch D. Russia shifting import sources amid U.S. and allied export restrictions. Режим доступа: <https://silverado.org/news/report-russia-shifting-import-sources-amid-u-s-and-allied-export-restrictions/> (дата обращения: 16.08.2024).

Источник⁴

Рис. 1. Этапы процесса коммодитизации сервисов и услуг

Компании научились определять реальные нужды клиента и удовлетворять их потребности, однако конкуренция среди игроков рынка только возросла. Потребители стали обращать внимание на безопасность, надежность и соответствие услуг стандартам качества, а компании – на удовлетворение потребностей покупателей. Новые маршруты и способы перевозок изначально работали не очень хорошо, но со временем качество стало удовлетворительным и игроки логистического рынка начали конкурировать прежде всего за сервисные стандарты. Стандарты создавались подробным описанием бизнес-процессов перевозки и контролем соблюдения очередности этапов и качества работы на каждом из этапов обработки грузов. В связи с этим возникла главная проблема: стандарты легко было скопировать, хотя они и не позволяли предельно персонализировать предлагаемые товары и услуги. По этой причине рынок перешел на ценовой этап конкуренции.

Такой же цикл от борьбы за функциональность до ценовой борьбы прошел по распространенному на логистическом рынке сервису оплат за товар, что было актуальным во второй половине 2023 г. и в первой половине 2024 г. Многие импортеры столкнулись с проблемами с оплатой товаров в страны Европейского союза, Ближнего Востока и Азии из-за рисков введения вторичных санкций Соединенных Штатов Америки против банков, участвующих в платежах российских юридических лиц. Как следствие, многие банки из Турции, Объединенных Арабских Эмиратов и Китая отказывались принимать оплаты от российских юридических лиц. Банки в этих странах начали строго контролировать деловые отношения с Россией в области трансграничных операций и официально прекратили принимать платежи от российских банков под санкциями, независимо от используемой расчетной системы. Как результат, на рынке активно развивались и предлагались посреднические схемы с оплатами за товар через третьи страны и услуги торговых агентов. Если на начальном этапе стоимость услуг за подобное посредничество составляло от 7 до 10 % от суммы, то в середине 2024 г. – 1,5–3 %, что свидетельствует о высокой коммодитизации данного сервиса тоже.

Этот цикл проходит любой новый сервис или услуга. Вопрос в том, насколько быстро. Однако самая главная сложность для бизнеса – коммодитизация отрасли значительно снижает возможную маржинальность бизнеса, которая в этой отрасли работает, так как очень сложно зарабатывать на том, что умеет делать более тысячи конкурентов.

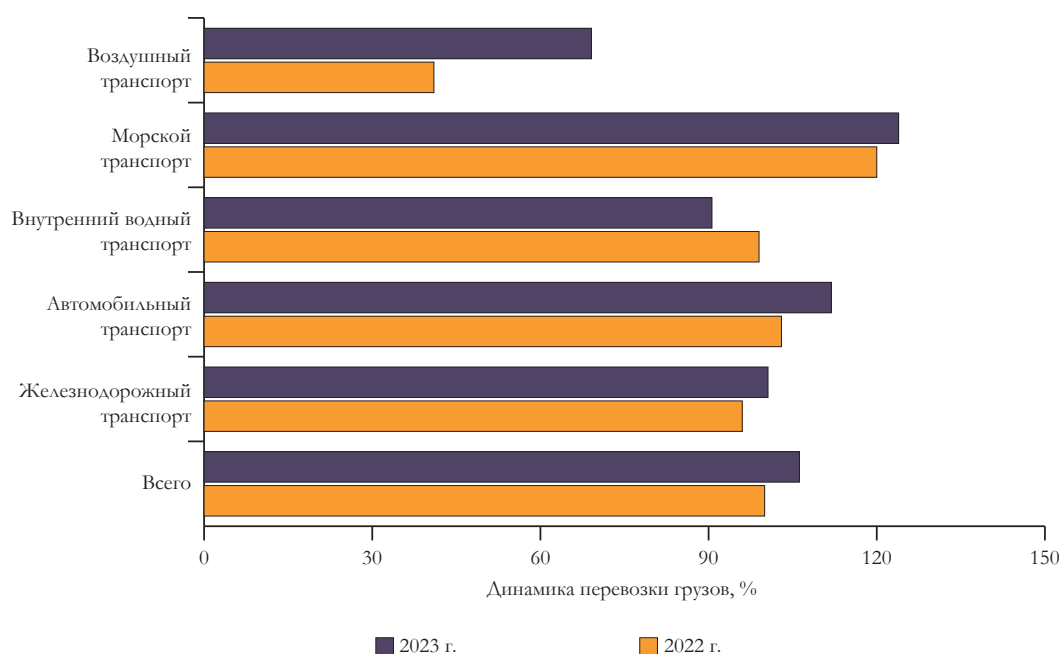
ВЕКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЙ В ОТРАСЛИ

Аналитики отмечают, что сегмент транспортных и логистических услуг растет, увеличиваются дальность перевозок и размер грузооборота. По прогнозам экспертов, в 2023–2026 гг. средний прирост рынка транспортно-логистических услуг составит 12 % в год и наибольшее увеличение ожидалось по итогам 2023 г. (+ 17,8 %) [2].

Рассмотрим динамику перевозки грузов и грузооборота в 2022–2023 гг. (рис. 2, 3).

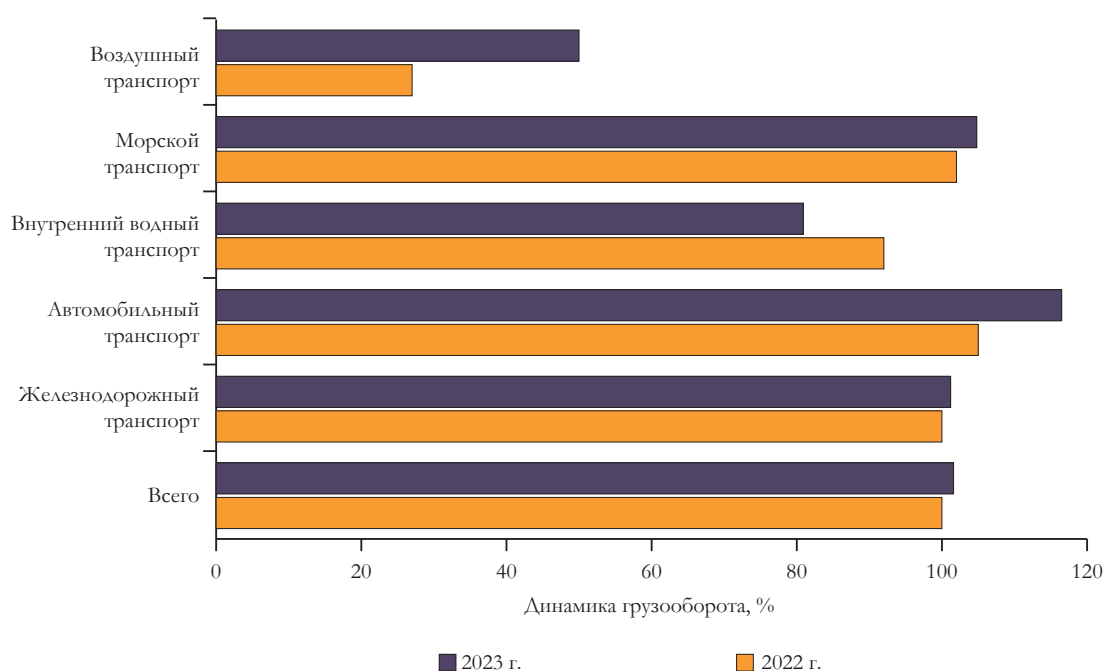
Однако такой рост рынка не означает равномерное распределение объема перевозок между всеми игроками логистического рынка.

⁴Paper Planes. Экспертные продажи помогут. Режим доступа: <https://paper-planes.ru/b2b> (дата обращения: 16.08.2024).

Составлено автором по материалам источника [2]

Рис. 2. Динамика перевозки грузов в 2022–2023 гг.

Составлено автором по материалам источника [2]

Рис. 3. Динамика грузооборота в 2022–2023 гг.

Деятельность компаний, направленная на удовлетворение рыночных потребностей при извлечении прибыли, называется маркетингом, а его целью является так хорошо познать и понять клиента, что товар или услуга будут точно подходить последнему и продавать себя сами [3]. Клиенты выбирают те компании, чьи продукты и сервисы дешевле, удобнее, быстрее, надежнее и наилучшим образом удовлетворяют потребности заказчика.

В этой связи на логистическом рынке РФ во второй половине 2023 г. можно было отметить два основных ярко выраженных вектора изменений деятельности многих игроков.

1. Инвестиции в развитие клиентского сервиса. Многие логистические компании делают ставку на удержание текущих клиентов, которое заключается в применении следующих основных инструментов:

– активное внедрение и развитие систем customer relation management (далее – CRM), то есть систем контроля и анализа взаимодействия компании с ее клиентами;

– использование систем анкетирования и опросов действующих клиентов, включая индекс *net promoter score* (англ. индекс потребительской лояльности), позволяющий оценить, удовлетворены ли текущие клиенты сервисом компании настолько, что готовы рекомендовать компанию-подрядчика своим друзьям и знакомым [4];

– дополнительное внутреннее корпоративное и внешнее обучение сотрудников компании клиентскому сервису и разработка собственных регламентов и стандартов контроля качества взаимодействия с клиентами, в том числе благодаря записи звонков и письменной фиксации этапов работы с клиентом при использовании ранее упомянутых CRM-систем;

– дополнительное давление на поставщиков транспортных услуг, фактических исполнителей в цепочке перевозок: транспортных компаний, водителей, складских операторов и других подрядчиков, что часто выражается в дополнительных штрафных санкциях за ошибки и опоздания.

2. Инвестиции в новые продажи. В этом аспекте некоторые логистические компании использовали следующие инструменты:

– активное размещение на рынке труда вакансий менеджеров по продажам логистических услуг, то есть упор именно на привлечение новых клиентов;

– предложение крайне интересных зарплатных условий кандидатам на вакансии с опытом работы и особенно высокого уровня зарплат тем, кто готов привести в новую компанию свою работающую клиентскую базу;

– активный хантинг и переманивание кандидатов из крупных и известных логистических компаний, в том числе предложением более высоких зарплат и высоких должностных позиций;

– создание нескольких отделов продаж в одной компании, для того чтобы нескольким кандидатам можно было одновременно предложить высокую должностную позицию и использовать различные технологии привлечения клиентов;

– наем части специалистов с высокими зарплатами и высокой должностью при этом сопровождался достаточно коротким тестом и испытательным сроком, в ходе которых многие кандидаты его не проходили, если не могли быстро продемонстрировать успешный результат по привлечению новых клиентов в компанию.

ИНФЛЯЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОТРАСЛИ

Часть из данных изменений направлены на повышение качества и производительность труда, однако некоторые обоснованы желанием достичь эффективности процессов и получить рыночный рост за счет экстенсивных методов [5], связанных с увеличением затрат на процессы, а также с длительностью и напряженностью труда сотрудников. Это привело к инфляционным процессам на рынке логистики, что уже отразилось на росте зарплат логистов и складских сотрудников⁵, а также ставок на перевозки из-за роста затрат компании. Вряд ли можно считать эти экстенсивные методы развития бизнеса оптимальными, так как простое увеличение затрат без роста производительности труда и качества работы приводит к необоснованному повышению цен на логистические услуги и к дальнейшему снижению маржинальности бизнеса, при том что на рынке существует сильная конкуренция.

Несмотря на естественность природы данных инфляционных процессов, есть несколько альтернативных сценариев конкурентной борьбы и сохранения рыночной доли логистических компаний, часть из которых состоит в модернизации и совершенствовании инновационных моделей развития бизнеса. Инновации в логистических компаниях являются одним из важнейших ресурсов отстройки от конкурентов, замедления процесса коммодитизации сервисов и, как следствие, снижения эффективности и маржинальности логистического бизнеса. Это значит, что собственники компании напрямую заинтересованы в создании непрерывных потоков инноваций внутри организации.

Однако, к сожалению, инновации перестали быть составляющей вектора инвестиций в развитии клиентского сервиса, операционных процессов и новых продаж логистических компаний во второй половине 2023 г. Причина такой ситуации – отсутствие распространенных и рабочих методологий по запуску и реализации успешных инноваций в частных компаниях РФ. Создается неверное впечатление, что инновации доступны только специализированным структурам, таким как Инновационный центр «Сколково», либо крупным корпорациям уровня X5, таким как «Яндекс», «МТС», Акционерная финансовая

⁵ Logirus.ru. Зарплаты складских линейных сотрудников выросли на 85 %. Режим доступа: https://logirus.ru/news/warehouses/zarplaty_skladskikh_lineynykh_sotrudnikov_vyrosli_na_85.html (дата обращения: 18.08.2024).

корпорация «Система» или «Сбер», которые имеют специальные внутренние подразделения по целенаправленной разработке инноваций⁶. Кроме того, одна из проблем при внедрении инноваций заключается в неправильной системе мотивации сотрудников. Уровень вовлеченности сотрудников низок, потому что они не видят связи между их работой по внедрению инноваций и их вознаграждением. К тому же многие боятся, что их накажут за инициативность и неудачи в проектах.

Необходимо понимать, что подход, при котором инновации могут создаваться и развиваться только вокруг решения конкретных проблем потребителей, очень ограничивает кругозор возможностей их использования в бизнесе. Внедряемые компаниями инновации могут также быть направлены на дальнейшее повышение производительности труда, а также на улучшение качества логистических услуг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Упор на инновации может являться частью интенсивного подхода в развитии компании, а это значит, что инвестировать в инновации, направленные на улучшение клиентского опыта при взаимодействии с логистическими компаниями, может быть нескончаемым источником роста эффективности не только в логистике, но и во всех сервисных отраслях деятельности предприятий РФ. При реализации инноваций в компании можно использовать как проблемный подход, когда инновация построена на решении конкретных проблем клиентов, так и ценностный подход, который заключается в повышении ценности логистических сервисов для клиентов.

Список литературы

1. *Кристensen К.М.* Дилемма инноватора. Как из-за новых технологий погибают сильные компании. Пер. с англ. Т. Овсенева. М.: Альпина Паблишер; 2015. 239 с.
2. *Симонова А.* Рынок логистического аутсорсинга. Итоги 2022 г., оценка 2023 г. и прогноз до 2026 г. М.: М.А. Research; 2023. 454 с.
3. *Котлер Ф.* Основы маркетинга. Краткий курс. М.: Вильямс; 2007. 656 с.
4. *Оуэн Р., Брукс А.* Сервис, который приносит прибыль. Практическое руководство по созданию системы NPS. Пер. с англ. Н. Яцук. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2016. 352 с.
5. *Прохоров А.М. (ред.)* Большая советская энциклопедия. В 30 томах. М.: Советская энциклопедия; 1969. 631 с.

References

1. *Christensen C.M.* The innovator's dilemma. When new technologies cause great firms to fail. Trans. from Eng. T. Ovsenev. Moscow: Alpina Publisher; 2015. 239 p. (In Russian).
2. *Simonova L.* Logistics outsourcing market. Results of 2022, assessment of 2023 and forecast until 2026. Moscow: M.A. Research; 2023. 454 p. (In Russian).
3. *Kotler Ph.* Summary principles of marketing. Moscow: Williams; 2007. 656 p. (In Russian).
4. *Owen R., Brooks L.* Answering the ultimate question. How net promoter can transform your business. Trans. from Eng. N. Yatsyuk. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2016. 352 p. (In Russian).
5. *Prokhorov A.M. (ed.)* Great Soviet encyclopedia. In 30 volumes. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya; 1969. 631 p. (In Russian).

⁶ Подцероб М., Вербицкая (Петрова) Ю. Как крупнейшие компании внедряют инновации. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2020/09/24/841148-krupneishie-kompanii> (дата обращения: 18.08.2024).

Укрепление технологического суверенитета российской нефтегазовой промышленности в условиях турбулентной геополитики в мире

Линник Владимир Юрьевич¹

Д-р. экон. наук, проф. каф. экономики и управления в топливно-энергетическом комплексе
ORCID: 0000-0001-5130-8222, e-mail: vy_linnik@guu.ru

Лазник Анатолий Александрович²

Канд. экон. наук, доц. каф. экономики энергетики и промышленности
ORCID: 0009-0000-3087-3978, e-mail: laznikaa@gmail.com

Гордеева Татьяна Сергеевна¹

Студент
ORCID: 0009-0008-5924-3513, e-mail: tsm082@yandex.ru

¹Государственный университет управления, г. Москва, Россия

²Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт», г. Москва, Россия

Аннотация

С каждым годом энергетический сектор Российской Федерации (далее – РФ) сталкивается с возникновением новых ограничений со стороны других государств, препятствующих его укреплению. После введения ряда очередных пакетов санкций стран Запада и Соединенных Штатов Америки в отношении РФ, подразумевающих запрет большого количества поставок оборудования и технологий нефтегазовой промышленности, становится очевидным появление потребности в отечественных разработках. В условиях нынешней геополитической обстановки у отечественных нефте- и газодобывающих компаний появилась возможность расширить свои рынки, создать новые направления деятельности в виде производства собственного оборудования и технологий в области бурения нефтяных и газовых скважин на суше и море, добычи углеводородных ресурсов, информационных технологий с перспективой выхода на международный уровень. Целями настоящего исследования являются анализ политики укрепления суверенитета российской нефтегазовой промышленности за последние 10 лет и определение ключевых направлений для ее дальнейшего развития. Также в рамках настоящей работы определены основные отечественные компании, которым удалось достичь успеха в разработке собственных технологий и оборудования, выявлены возможные угрозы, препятствующие реализации политики импортозамещения, и предложены возможные пути их решения.

Ключевые слова

Нефтегазовая промышленность, зависимость от импорта, зарубежные поставщики, импортозамещение, оборудование и технологии, санкции, суверенитет, отечественные производители, программы импортозамещения, риски импортозамещения

Для цитирования: Линник В.Ю., Лазник А.А., Гордеева Т.С. Укрепление технологического суверенитета российской нефтегазовой промышленности в условиях турбулентной геополитики в мире // Вестник университета. 2024. № 11. С. 34–42.

Strengthening the technological sovereignty of the Russian oil and gas industry in the context of turbulent geopolitics in the world

Vladimir Yu. Linnik¹

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Economy and Management in the Fuel and Energy Complex Department
ORCID: 0000-0001-5130-8222, e-mail: vy_linnik@guu.ru

Anatoly A. Laznik²

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economics of Energy and Industry Department
ORCID: 0009-0000-3087-3978, e-mail: laznikaa@gmail.com

Tatyana S. Gordeeva¹

Student
ORCID: 0009-0008-5924-3513, e-mail: tsm082@yandex.ru

¹State University of Management, Moscow, Russia

²Moscow Power Engineering Institute, Moscow, Russia

Abstract

Every year, the energy sector of the Russian Federation (hereinafter referred to as RF) is faced with the emergence of new restrictions from other states that hinder its strengthening. After the introduction of a number of regular packages of sanctions by Western countries and the United States of America against the RF, implying a ban on a large number of supplies of equipment and technologies to the oil and gas industry, it becomes obvious that there is a need for domestic developments. In the current geopolitical situation, domestic oil and gas companies have the opportunity to expand their markets, create new areas of activity in the form of production of their own equipment and technologies in the field of drilling oil and gas wells on land and at sea, extraction of hydrocarbon resources, information technologies with the prospect of reaching the international level. The purposes of this study are to analyse the policy of strengthening the sovereignty of the Russian oil and gas industry over the past 10 years and identify key areas for its further development. Also, within the framework of this article, the main domestic companies that have succeeded in developing their own technologies and equipment are identified, possible threats hindering the implementation of import substitution policy are found, and possible solutions are proposed.

Keywords

Oil and gas industry, dependence on imports, foreign suppliers, import substitution, equipment and technologies, sanctions, sovereignty, domestic manufacturers, import substitution programmes, risks of import substitution

For citation: Linnik V.Yu., Laznik A.A., Gordeeva T.S. (2024) Strengthening the technological sovereignty of the Russian oil and gas industry in the context of turbulent geopolitics in the world. *Vestnik universiteta*, no. 11, pp. 34–42.

ВВЕДЕНИЕ

В нынешней политической обстановке множество отраслей топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК) подверглись негативному воздействию со стороны стран Европейского союза (далее – ЕС) и Соединенных Штатов Америки (далее – США). Значительное количество санкций направлены против ТЭК, в том числе и на нефтяную и газовую промышленность Российской Федерации (далее – РФ, Россия). Необходимо отметить, что нефтегазовая промышленность является одной из ведущих отраслей страны. Это подтверждают данные Министерства финансов РФ: по состоянию на 1 января 2024 г. доля нефтегазовой отрасли в доходах федерального бюджета России составила около 30,3 %¹. Очевидно, что около трети в структуре доходов федерального бюджета страны составляет нефтегазовый сектор, а это достаточно большая доля, что говорит о его значимости для РФ и зависимости доходов государства от экспорта углеводородов.

Российская нефтегазовая промышленность постоянно развивается. Усиливающееся давление стран Запада на Россию и российский ТЭК, бесспорно, оказывает влияние на мировой рынок нефти и газа. С начала 2022 г. европейские страны вводят санкции против государства. Помимо стран ЕС, давление на российский энергетический сектор оказывают и США. В рамках настоящей статьи будут рассмотрены перспективные направления выхода российских компаний из неблагоприятной ситуации, возникшей ввиду введенных ограничений, оказывающих негативное влияние на поставку оборудования нефтегазовой промышленности, а также выявлены возможные риски и предложены рекомендации по их снижению.

ПРОВЕДЕНИЕ ПРОГРАММЫ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ НЕФТЕГАЗОВОГО ОБОРУДОВАНИЯ В 2014 Г. И ЕЕ ИТОГИ

Влияние санкций стран ЕС и США на Россию стало ощутимо еще в 2014 г. Тогда введенные ограничения оказали наиболее существенное влияние на российский ТЭК, в частности на нефтегазовую промышленность. В 2014 г. в РФ было закуплено нефтегазовое оборудование в среднем на 210 млрд руб., из которых более половины (57 %) пришлось на импортные поставки². Таким образом, государство выступало в качестве крупного импортера энергетического оборудования для других стран. Поставки осуществлялись со стороны английских, американских, немецких и итальянских компаний.

В 2014 г. были введены секторальные, персональные санкции и так называемый крымский пакет. Далее санкции со временем только расширялись. Сложнее стали обстоять дела с поставками технологий и оборудования для добычи газа и нефти на арктическом шельфе, глубоководных месторождениях, в сланцевых проектах. Например, такие зарубежные компании, как Sercel (Франция), Hydroscience Technologies, Inc. (США), BOLT (США), экспортирующие в РФ почти 100 % оборудования, предназначенного для выполнения геолого-геофизических работ, отказались от своих поставок [1]. Уже тогда российский энергетический сектор столкнулся с проблемой производства и поставок необходимого оборудования из-за отсутствия конкурентоспособных технологий и разработок. По состоянию на 2014 г., по данным Министерства промышленности и торговли России, доля импортного оборудования и услуг в нефтегазовой отрасли составила около 60 %³. Из приведенных данных можно сделать вывод о том, что уже в то время потребность в развитии отечественного оборудования была крайне высока. Наблюдалась зависимость предприятий российского ТЭК от импортных поставок в следующих областях:

- программное обеспечение в сфере разведки и разработки месторождений, добычи углеводородов, где наиболее импортозависимым являлось оборудование для моделирования гидроразрыва пласта (около 99 %);
- оборудование и технологии бурения, где особенно стоит отметить зависимость от импорта оборудования для добычи трудноизвлекаемых запасов – около 50 %;
- оборудование для работы на морском шельфе (доля импортного составляла приблизительно 85 %) [2].

¹ Предварительная оценка исполнения федерального бюджета за 2023 год. Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=38819-predvaritelnaya_otsenka_ispolneniya_federalnogo_byudzheta_za_2023_god (дата обращения: 13.09.2024).

² ЦДУ ТЭК. Возрождение рынка нефтегазового оборудования. Режим доступа: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2020/9/804/ (дата обращения: 13.09.2024).

³ Ведомости. Как нефтегазовая отрасль переходит на отечественные технологии. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2022/04/29/920343-neftegazovaya-otrasl> (дата обращения: 14.09.2024).

Правительство РФ запустило программу, нацеленную на замену западных технологий и разработок, а также направленную на развитие отечественного производства. К сожалению, за 5 лет с начала программы импортозамещения ее успех можно было оценить неоднозначно: хотя и некоторым компаниям (таким как общество с ограниченной ответственностью «Морская арктическая геологоразведочная экспедиция» (далее – ОАО «МАГЭ»), акционерное общество (далее – АО) «АКИН» и др.) удалось разработать российские технологии и оборудование для глубоководных работ, но технологии для разработки арктического шельфа и разведки сланцев все еще нуждались в дальнейшем развитии и модернизации.

Российские энергетические компании по-прежнему полагались преимущественно на сотрудничество с иностранными производителями. Например, публичное акционерное общество (далее – ПАО) «Газпром нефть» заключила соглашение о совместной деятельности с PetroVietnam и индийской ONGC для разведки и разработки в Печорском и Карском морях⁴. Китайские Yantai Jereh Oilfield Services Group и Shaanxi Airu Machinery заменили западные компании, поставляя технологии и оборудование для бурения скважин. Китайской компанией China Oilfield совместно с ПАО «Газпром нефть» было проведено бурение в Карском море. Что касается Республики Корея, необходимо отметить, что технологии и оборудование этой страны по состоянию на 2016 г. считались превосходящими по качеству китайские аналоги. Однако из-за предполагаемых политических рисков между Республикой Корея и Россией нет официального соглашения об импорте необходимого оборудования.

Говоря о Японии, нужно обратить внимание на тот факт, что страна в целом придерживалась политики введения санкций в отношении РФ наряду с другими странами. Однако стоит отметить, что на японских политиков было оказано влияние со стороны США. Тем не менее, несмотря на это, Япония установила стратегическое партнерство с Россией, включая сотрудничество в некоторых энергетических проектах. В 2016 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между японскими компаниями Marubeni Corporation и Mitsubishi Heavy Industries с ПАО «НК «Роснефть» по совместному технико-экономическому обоснованию проекта строительства газохимического комплекса на Дальнем Востоке России.

К 2019 г. доля импорта нефтегазового оборудования в РФ составила 45 %⁵. Таким образом, анализируя динамику первых 5 лет проведения программы импортозамещения, можно сделать вывод о том, что российским компаниям удалось снизить зависимость от иностранного оборудования нефтегазовой промышленности на 12 %. Такое снижение показателя сложно назвать успешным. Степень зависимости от импортных поставок все еще остается достаточно высокой. Однако необходимо отметить тот факт, что развить в кратчайшие сроки отечественный рынок производства оборудования и технологий нефтегазового сектора достаточно сложно. В настоящее время технологии стремительно развиваются, большинство российских компаний уже настроили схему работы преимущественно с учетом специфики импортного оборудования, и полностью перейти на отечественные разработки за столь короткий промежуток времени не получится. Также стоит учитывать фактор введения дополнительных санкций в отношении не только нефтегазовой отрасли, но и вспомогательных отраслей, таких как металлургия, машиностроение, химическая промышленность, высокотехнологичные производства (телемеханика, автоматика) и др. Подобные ограничения сдерживают развитие российского производства оборудования нефтегазового комплекса.

ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ НЕФТЕГАЗОВОГО ОБОРУДОВАНИЯ

Говоря о результатах программы импортозамещения, проводимой с 2014 г., стоит отметить, что доля импортного оборудования и услуг в нефтегазовой отрасли все же уменьшилась. К 2022 г. показатель снизился до 40 %, к 2023 г. – до 38 %⁶. Однако значение показателя дает понять о том, что российские компании все еще, к сожалению, больше чем на треть остаются зависимыми от поставок зарубежного оборудования, материалов и комплектующих.

До начала специальной военной операции (далее – СВО) стратегия импортозамещения была частью общей стратегии России по достижению экономического суверенитета, охватывающей широкий спектр отраслей.

⁴ Ведомости. «Газпром нефть» и ONGC будут сотрудничать в освоении шельфа в Арктике, на Сахалине и в третьих странах. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2017/03/30/683391-gazprom> (дата обращения: 14.09.2024).

⁵ ЦДУ ТЭК. Возрождение рынка нефтегазового оборудования. Режим доступа: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2020/9/804/ (дата обращения: 13.09.2024).

⁶ Ведомости. Как нефтегазовая отрасль переходит на отечественные технологии. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2022/04/29/920343-neftegazovaya-otrasl> (дата обращения: 14.09.2024).

С февраля 2022 г. стратегия импортозамещения приобрела новые черты, «отечественные производители вынуждены в кратчайшие сроки налаживать выпуск импортозамещающей продукции» [3, с. 27]. Исходя из цели импортозамещения, больше внимания стало уделяться усилению именно технологического суверенитета.

С каждым годом недружественными странами вводятся новые пакеты санкций, которые негативно сказываются на нефтегазовом комплексе РФ. Обширная научно-техническая блокада и торговый контроль, введенные против России с целью ослабления технологической базы и промышленного потенциала РФ, и попытки разрушения национальной экономики влекут за собой расширение перечня областей, в которых необходимо провести импортозамещение. В энергетической отрасли России освоила такие основные технологические процессы, как производство резервуаров для хранения углеводородов, реакторов, компрессоров, сепараторов для очистки нефти и газа и катализаторов для нефтепереработки, но современное конкурентоспособное оборудование для добычи углеводородов, технологии цифровизации и информационные технологии все еще находятся в значительной зависимости от импорта. О дальнейшем снижении доли импортного оборудования и услуг говорится в Энергетической стратегии РФ до 2035 г., в Доктрине энергетической безопасности и утвержденной в 2023 г. Концепции технологического развития России на период до 2030 г.^{7,8} На основании приведенных стратегических документов можно выделить следующие приоритетные направления развития отечественных разработок:

- оборудование для геофизических и геологических работ;
- оборудование для бурения и ремонта скважин;
- оборудование и технологии добычи, переработки и транспортировки углеводородных ресурсов;
- оборудование для реализации арктических шельфовых проектов;
- программное обеспечение в области разведки и разработки месторождений, добычи углеводородов [4].

На ускорение процесса импортозамещения значительно влияет факт введения в 2022 г. очередных санкций со стороны ЕС на поставки оборудования и технологий нефтедобычи, нефтепереработки, производства и транспортировки сжиженного природного газа. Важно отметить, что в условиях введенных санкций у России и Китая быстрыми темпами развиваются крепкие экономические отношения. Однако, несмотря на это, государству необходимо акцентировать внимание на создании собственных технологий, развитии отечественного производства оборудования для нужд нефтегазового комплекса.

По состоянию на 2023 г. российскими компаниями было освоено производство около 140 видов оборудования: теплообменного, оборудования для бурения нефтяных и газовых скважин, добычи углеводородов и др.⁹ Разработка арктического шельфа уже вступила в фазу промышленного освоения: по состоянию на сегодняшний день существует проект «Приразломное», благодаря которому уже добыто 20 млн т нефти. Этот факт наглядно демонстрирует, что разработка арктического шельфа является значимой инициативой для дальнейшего развития российской промышленности. Помимо этого, ПАО «Газпром» приступило к реализации проектов на Новопортовском и Мессояхском месторождениях на полуостровах Ямал и Гыданский соответственно. Также стоит отметить запуск «Ямала СПГ», который является единственным действующим проектом сжиженного природного газа в арктическом регионе РФ.

Для дальнейшего осуществления арктических проектов необходимо работать над созданием генерирующего, бурового и подводно-добычного оборудования, оборудования сейсморазведки, а также специальных судов, учитывая при этом климатические особенности и уровень развития инфраструктуры региона. Отечественные компании уже начали работать над этим. Например, совместными усилиями Министерства промышленности и торговли РФ и компаний ОАО «МАГЭ», ПАО «Газпром нефть» и ООО «МТЦ» были сконструированы автономные донные станции «КРАБ» [5]. Эти устройства позволяют осуществлять мониторинг в транзитных зонах и на шельфе и проводить морскую сейсморазведку в арктическом регионе, что в дальнейшем будет иметь большое значение для развития шельфа Арктики при обнаружении новых морских углеводородных месторождений.

⁷ Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации. Режим доступа: <https://minenergo.gov.ru/ministry/energy-security-doctrine> (дата обращения: 14.09.2024).

⁸ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 09.06.2020 г. № 1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74148810/> (дата обращения: 14.09.2024).

⁹ Калмацкий М. Крупнейшие отечественные компании разрабатывают оборудование для добычи и переработки углеводородов. Режим доступа: <https://rg.ru/2023/10/31/tehnologii-reshaiut-vse.html> (дата обращения: 15.09.2024).

В области бурения скважин на суше российские компании также достигли успеха. Так, совместными усилиями ООО Научно-производственным предприятием «Буринтех», ООО «ГЕРС Технолоджи» и Научно-техническим центром «Газпром нефти» было успешно проведено испытание отечественных роторных управляемых систем на Уренгойском месторождении. В ближайшее время планируется начать серийное производство типовых роторных управляемых систем совместно с другими российскими компаниями.

Также российскими компаниями активно ведется разработка технологий гидроразрыва пласта (далее – ГРП). В этой области за последние несколько лет значительных успехов достигли АО «Федеральный научно-производственный центр «Титан-Баррикады» (далее – АО «ФНПЦ «Титан-Баррикады») и научно-исследовательский и проектный институт «РН-БашНИПИнефть», которым удалось создать первый отечественный комплекс ГРП и разработать полимерный пропант, позволяющий осуществлять фильтрацию нефти в 15–20 раз лучше зарубежных аналогов. Все эти разработки уже успешно применяются на объектах нефтегазового комплекса России¹⁰. Ожидается, что к 2030 г. общий объем дополнительной добычи трудноизвлекаемых запасов достигнет 45 млн т, благодаря чему бюджет России может пополниться на 200–250 млрд руб. в год. Также с 2021 г. над созданием отечественного флота для проведения ГРП работают ПАО «Газпром нефть» и АО «Корпорация «Московский институт теплотехники». В декабре 2023 г. совместно с АО «ФНПЦ «Титан-Баррикады» было положено начало испытаний разработанного комплекса ГРП непосредственно на месторождении. К 2026 г. планируется создание еще четырех комплексов флота ГРП.

Также необходимо отметить успехи в разработках дочерними компаниями ПАО «НК «Роснефть» наукоемких программных продуктов. Речь идет о симуляторе ГРП. Кроме того, следует отметить, что эта разработка успешно поставляется в другие государства. Разработаны программные продукты для проектирования и строительства скважин, интерпретации гидродинамических исследований скважин. Необходимо отметить, что все программные продукты создавались с расчетом возможности функционирования на отечественных операционных системах.

Говоря о дальнейшем развитии российского производства нефтегазового оборудования, стоит обратить внимание на значимость развития и внедрения отечественных программных продуктов, а именно интеллектуальной системы раннего предупреждения осложнений при строительстве нефтяных скважин на суше и море, системы интеллектуального заканчивания скважин, цифровой технологии моделирования поведения многофазных смесей в различных средах. Внедрение подобных ИТ-решений (ИТ – информационные технологии) позволит осуществлять мониторинг и контроль технологических процессов, что будет способствовать значительному снижению рисков возникновения аварий, технических неполадок, упрощению процесса разработки месторождений и др. В качестве примера можно привести разработку Института проблем нефти и газа Российской академии наук 2022 г. [6]. При применении отечественной системы предупреждения осложнений при строительстве скважин на практике разработчиками был сделан вывод о преимуществе данной системы, которая позволила вовремя выявить возникшую нештатную ситуацию и принять необходимые меры по ее устранению.

Говорить об успехах реализации программы импортозамещения компаний нефтегазового комплекса в области производства оборудования для транспортировки углеводородных ресурсов пока сложно. Сдерживающим фактором для развития является недостаточное количество строительных мощностей, комплектующих для газозовов и танкеров (в особенности двигателей). Для достижения независимости РФ от импортных поставок необходимо еще около 250 танкеров и 75 газозовов [7]. Производство подобных судов может быть выполнено заводом «Звезда» и Объединенной судостроительной корпорацией, однако это займет длительное время.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ДАЛЬНЕЙШЕМУ УКРЕПЛЕНИЮ СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОЙ НЕФТЕГАЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ВОЗМОЖНЫЕ РИСКИ И ПУТИ ИХ СНИЖЕНИЯ

После начала СВО западные страны ввели беспрецедентно жесткие санкции, поставив под угрозу ключевые отрасли нефтегазовой промышленности и энергетическую безопасность страны. Поэтому политическим руководством России был скорректирован механизм стратегии импортозамещения, акцентировано внимание на усиление технологического суверенитета. Очевидно, что с усилением санкционного

¹⁰ Ведомости. Как нефтегазовая отрасль переходит на отечественные технологии. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2022/04/29/920343-neftegazovaya-otrasl> (дата обращения: 14.09.2024).

давления возникает потребность в дальнейшем развитии собственных технологий в энергетическом секторе. Проведя анализ развития отечественного производства оборудования и технологий нефтегазовой отрасли, можно сделать вывод о том, что постепенно суверенитет РФ в данной сфере укрепляется и перспективы для дальнейшего развития имеются. Об этом свидетельствует снижение доли импортного оборудования в нефтегазовом комплексе с 60 % в 2014 г. до 38 % в 2023 г. Можно выделить три основных способа, помогающих реализации технологического суверенитета за счет импортозамещения:

1) локализация производства иностранных предприятий. В данном случае подразумевается перевод иностранных высокотехнологичных предприятий в Россию. Среди преимуществ этого способа можно отметить появление дополнительных рабочих мест, что будет способствовать снижению уровня безработицы в стране. Однако стоит помнить о рисках ухода иностранной компании с локального рынка;

2) международный трансфер технологий. Такой способ позволит приобретать российскими компаниями новые технологии, знания и ноу-хау путем их передачи. Он наиболее эффективен для развития импортозамещения, ориентированного на экспорт;

3) развитие отечественных разработок на основе ранее полученных знаний, что, тем не менее, является достаточно длительным и дорогостоящим по реализации способом.

Первые два способа труднореализуемы на практике ввиду наличия санкционных ограничений со стороны недружественных стран, технологической блокады. Западная и российская наука и технологии полностью отделены друг от друга, и передача западных технологий невозможна. Таким образом, единственным вероятным и практичным для России способом осуществить импортозамещение является разработка независимых технологий.

Не стоит забывать о том, что для дальнейшего укрепления суверенитета нефтяной промышленности существуют определенные риски. К одним из ключевых рисков можно отнести отток высококвалифицированных кадров за границу. Общий кадровый резерв сокращается из года в год вместе с сокращением численности населения. Талантливые специалисты и инженеры эмигрируют, поскольку не могут найти применения своих знаний и конкурентной оплаты труда в России. Для предотвращения такого риска руководству РФ и компаниям рекомендовано рассмотреть возможности улучшения условий труда работников, повышения оплаты труда, предоставления льгот и др. Также не стоит забывать о проведении работ по повышению уровня квалификации и компетентности работников. Для этого нужно предусмотреть возможность доступа к передовым технологиям.

Также необходимо отметить риск снижения темпов развития отечественных разработок ввиду «многолетней недофинансированности научно-технического сектора», в том числе предприятий-производителей оборудования [8, с. 121]. Для минимизации такого риска рекомендуется осуществлять механизмы поддержки для разработок технологических инноваций. При рассмотрении возможных угроз стоит обратить внимание на тот факт, что разработка оборудования и технологий требует больших финансовых вложений. Поэтому российским компаниям необходимо активно подходить к поиску российских инвесторов для проектов, что является непростой задачей. В данном случае государству стоит предусмотреть возможность увеличения выделения денежных средств из федерального бюджета на развитие новых отечественных технологий. Например, увеличить субсидирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, ввести льготы на кредиты для компаний, производящих оборудование для нефтегазового комплекса. При этом стоит сделать процедуру получения финансовой поддержки достаточно простой и быстрой. Вышеуказанные меры будут способствовать стимулированию российских производителей оборудования к развитию собственных разработок.

Не стоит забывать про риск возможного нарушения производственных цепочек из-за внедрения нового оборудования. Для снижения эффекта от последствий несовместимости отечественных и зарубежных техники и технологий в рамках реализации политики импортозамещения следует предусмотреть внесение изменений в технологические стандарты нефтегазовой промышленности или разработку новых, в которых будут описаны производственные процессы с учетом специфики работы отечественного оборудования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в последние годы руководством РФ и компаниями нефтегазовой промышленности активно осуществляется укрепление суверенитета нефтегазовой отрасли, что подтверждается не только разработанными стратегическими

документами, но и уже существующими собственными разработками российских компаний. Правительство корректирует стратегию импортозамещения в сторону усиления, стремясь как можно скорее освоить ключевые технологии и укрепить свой технологический суверенитет. Российские компании уже успешно разрабатывают и заменяют иностранное оборудование на новое отечественного производства, что подтверждается ежегодным увеличением доли российского оборудования и технологий в нефтегазовой отрасли. Рост этого показателя говорит о том, что у компаний РФ есть возможности для осуществления собственных разработок и создания новых экономически выгодных проектов, что позволит развивать нефтегазовую промышленность России и будет способствовать увеличению доходов федерального бюджета. Также стоит помнить о наличии рисков, которые могут препятствовать развитию политики импортозамещения, и своевременно принимать меры по их снижению.

Импортозамещение в РФ не должно представлять собой абсолютно полное замещение всего оборудования нефтегазовой отрасли. Необходимо давать возможность другим государствам входить на российский рынок. Так отечественные производители смогут узнавать о новых технологиях и реализовывать их производство на территории России. В то же время сохранение импорта будет способствовать укреплению сотрудничества с дружественными странами, особенно со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Список литературы

1. Казанин Г.С., Макаров Е.С., Казанин А.Г., Базилевич С.О., Кашик М.А. Российское геофизическое оборудование для шельфа. Деловой журнал Neftegaz.RU. 2019,1(85):78–80.
2. Сидоров Р.В., Магзумова Н.В. Перспективы внедрения инновационных технологий для повышения эффективности деятельности нефтесервисного предприятия. В кн.: Перспективы развития предпринимательской экосистемы отраслевого менеджмента в условиях внешних ограничений: Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 21 декабря 2022 г. Краснодар: Российское энергетическое агентство; 2022. С. 260–267.
3. Фролова С.В. Влияние корпоративной социальной ответственности интегрированных предприятий нефтяного машиностроения на результативность их деятельности. E-Management. 2023;2(6):25–36. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-2-25-36>
4. Мурашко М.М. Российская стратегия импортозамещения в ТЭК. Геоэкономика энергетики. 2023;2:18–39. https://doi.org/10.48137/26870703_2023_22_2_18
5. Фадеев А.М., Спиридонов А.А. Технологическая независимость и импортозамещение при реализации энергетических проектов в Арктике. Деловой журнал Neftegaz.RU. 2023;1(133):68–73.
6. Алали В., Еремин Н.А. О созданной в ИПНГ РАН интеллектуальной системе предупреждения осложнений при строительстве скважин на суше и на море. Экспозиция Нефть Газ. 2023;1:27–32. <https://doi.org/10.24412/2076-6785-2023-1-27-32>
7. Лазник А.А., Гордеева Т.С. Проблемы российского рынка сжиженного природного газа в условиях санкционного давления и пути их решения. Вестник университета. 2023;8:63–68. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-8-63-68>
8. Оситов В.С., Афонин С.Е. Региональные экономические диспропорции и устойчивость региональных экономических систем в условиях санкций 2022 г. Управление. 2023;4(11):119–128. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-4-119-128>

References

1. Kazanin G.S., Makarov E.S., Kazanin A.G., Bazilevich S.O., Kashik M.A. Russian geophysical equipment for the shelf. Business magazine Neftegaz.RU. 2019,1(85):78–80. (In Russian).
2. Sidorov R.V., Magzumova N.V. Prospects for the introduction of innovative technologies to improve the efficiency of an oilfield service enterprise. In: Prospects for the development of the entrepreneurial ecosystem of industry management in conditions of external constraints: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, December 21, 2022. Krasnodar: Russian Energy Agency; 2022. Pp. 260–267. (In Russian).
3. Frolova S.V. Impact of corporate social responsibility of integrated petroleum engineering enterprises on the performance of their activities. E-Management. 2023;2(6):25–36. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-2-25-36>
4. Murashko M.M. Russia's import substitution policy in the fuel and energy sector. Geoeconomics of Energetics. 2023;2:18–39. (In Russian). https://doi.org/10.48137/26870703_2023_22_2_18
5. Fadeev A.M., Spiridonov A.A. Technological independence and import substitution in the implementation of energy projects in the Arctic. Business magazine Neftegaz.RU. 2023;1(133):68–73. (In Russian).

6. *Alali W., Eremin N.A.* About the intellectual system of prevention of complications in the construction of wells on land and at sea created at OGRI RAS. The Oil and Gas exposition. 2023;1:27–32. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2076-6785-2023-1-27-32>
7. *Laznik A.A., Gordeeva T.S.* Issues of the Russian liquefied natural gas market in the context of sanctions pressure and ways to solve them. Vestnik universiteta. 2023;8:63–68. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-8-63-68>
8. *Afonin S.Ye., Osipov V.S.* Regional economic disproportions and sustainability of regional economic systems under the 2022 sanctions. Management. 2023;4(11):119–128. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-4-119-128>

Анализ успешных практик и определение перспективных направлений внедрения инноваций в сферу жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации

Мутолапов Раис Харисович

Аспирант

ORCID: 0000-0002-0866-3488, e-mail: mutolapovr@lenta.ru

Самарский государственный экономический университет, г. Самара, Россия

Аннотация

Так как ключевым направлением современного развития является внедрение цифровых технологий с целью оптимизации всех сторон экономической деятельности, основной фокус настоящей работы концентрируется на анализ текущего состояния и перспектив внедрения инноваций в сфере жилищно-коммунального хозяйства (далее – ЖКХ) с точки зрения цифровизации отрасли. Для достижения поставленной цели мы использовали анализ статистических данных в разрезе экономических видов деятельности для определения текущего уровня инновационного развития сферы ЖКХ России, а также отдельные индикаторы распространения и эффективности применения цифровых решений в отрасли. В ходе работы установлено, что ЖКХ значительно отстает от среднероссийских показателей инновационной деятельности инновационной активности компаний, расходов на нововведения, а также современной продукции, работ и услуг. В формировании российской «индустрии 4.0» жилищно-коммунальная сфера также демонстрирует значительное отставание в развитии. Применение наиболее передовых и перспективных цифровых технологий находится на крайне низком уровне, а используемые в деятельности компаний отрасли цифровые решения демонстрируют крайне низкие показатели эффективности, и большинство из них практически не оказывает какого-нибудь значимого влияния на работу организаций отрасли. Отрицательный опыт вложений в цифровую инфраструктуру мы считаем причиной низкой вовлеченности компаний ЖКХ в четвертую промышленную революцию и невысоких показателей инновационного развития в масштабах страны.

Ключевые слова

Анализ больших данных, жилищно-коммунальное хозяйство, индикаторы инновационной активности, инновации, опросы организаций, перспективы внедрения инноваций, целесообразность цифровых технологий, цифровизация, эффективность цифровых технологий

Для цитирования: Мутолапов Р.Х. Анализ успешных практик и определение перспективных направлений внедрения инноваций в сферу жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации // Вестник университета. 2024. № 11. С. 43–51.

Analysis of successful practices and determination of promising directions for implementing innovations in the sphere of housing and communal services in Russia

Rais Kh. Mutolapov

Postgraduate Student

ORCID: 0000-0002-0866-3488, e-mail: mutolapovr@lenta.ru

Samara State Economic University, Samara, Russia

Abstract

Since the key direction of modern development is the introduction of digital technologies in order to optimise all the aspects of economic activity, the main focus of the work is aimed at analysing the current state and prospects for the introduction of innovations in the housing and utilities sector (hereinafter referred to as HUS) from the point of view of digitalisation of the industry. To achieve this goal, we have used the analysis of statistical data in the context of the economic activities to determine the current level of innovative development of the HUS of Russia as well as individual indicators of the distribution and effectiveness of applying digital solutions in the industry. In the course of the work, it has been found that it significantly lags behind the average Russian indicators of innovation of innovative activity of companies, expenses on innovations as well as of modern products, works, and services. In the formation of the Russian “industry 4.0”, the HUS also demonstrates a significant lag in the development. The use of the most advanced and promising digital technologies is at an extremely low level, and the digital solutions applied in the activities of companies in the industry demonstrate extremely low efficiency rates, and most of them have virtually no significant impact on the work of the organisations. We believe that the negative experience of investing in the digital infrastructure is the reason for low involvement of the HUS companies in the fourth industrial revolution and low indicators of the innovative development on a national scale.

Keywords

Big data analysis, housing and communal services, indicators of innovation activity, innovations, surveys of organisations, prospects for introducing innovations, feasibility of digital technologies, digitization, efficiency of digital technologies

For citation: Mutolapov R.Kh. (2024) Analysis of successful practices and determination of promising directions for implementing innovations in the sphere of housing and communal services in Russia. *Vestnik universiteta*, no. 11, pp. 43–51.

ВВЕДЕНИЕ

Жилищно-коммунальное хозяйство (далее – ЖКХ) является стратегически важной отраслью экономики, поскольку служит задаче жизнеобеспечения граждан и народного хозяйства, удовлетворяя потребности конечных потребителей в ресурсах, энергоносителях и иных благах современной цивилизации. Расходы на оплату услуг ЖКХ являются тратами первой необходимости, и от эффективности работы жилищно-коммунальной системы в значительной степени зависят социально-экономическая обстановка и уровень жизни граждан. Исходя из этого поиск решений по рационализации работы сферы ЖКХ имеет первостепенное значение для экономического развития страны.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что ключевым направлением инноваций в сфере ЖКХ является внедрение современных цифровых решений. Так, Н.В. Эзау считает цифровые решения методом повышения эффективности контроля учета и распределения ресурсов в коммунальной сфере, а также роста оперативности определения и устранения аварийных ситуаций [1]. В условиях высокого уровня износа коммунальных сетей это является дополнительным фактором в пользу внедрения решений по снижению последствий аварийных ситуаций [2].

Н.В. Карпова, Д.В. Щербакова и О.Э. Игнашин видят в цифровизации ЖКХ дополнительный резерв повышения эффективности, что приведет к экономии энергоресурсов в масштабах страны и снижению остроты необходимости ввода новых мощностей по добыче ресурсов и генерации электроэнергии [3; 4]. Действительно, при оптимизации приема, передачи и потребления ресурсов аспект экономии для потребителей неразрывно связан с аспектом снижения потребности в капитальных затратах на их получение. М.В. Семёнычева приводит такие данные по использованию технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ): экономия до 50 % затрат на электроэнергию при освещении, 20 % экономии расходов по вывозу бытовых отходов, 30 % – на эксплуатацию сетей электроосвещения [5]. Конечно, немаловажен и аспект цифровизации взаимодействия уровня потребитель – организация ЖКХ, который позволяет сократить расходы на персонал и ускорить процесс удовлетворения заявок граждан.

В целом же, несколько расширив мнение Г.И. Яковлева, отметим, что становление отрасли ЖКХ представляет собой результирующую всех сторон деятельности: социально-экономических, экологических, инфраструктурных, а также аспектов устойчивого развития [6–8]. Цифровые решения являются наиболее перспективной областью инновационного развития данного направления [9–11]. Исходя из сказанного целями статьи выступают анализ внедрения современных цифровых технологий в сферу ЖКХ, а также оценка результативности их применения предприятиями данного направления.

Предметом исследования являются статистические индикаторы, характеризующие инновационное развитие экономики Российской Федерации (далее – РФ, Россия) (в том числе сведения об использовании цифровых технологий).

Гипотеза исследования заключается в целесообразности оценки степени и эффективности внедрения цифровых технологий в сфере ЖКХ России.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЙ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Предваряя исследование, стоит отметить неполноту охвата данных Федеральной службы государственной статистики и Единой межведомственной информационно-статистической системы всей номенклатуры кодов ОКВЭД2 (ОКВЭД – Общероссийский классификатор видов экономической деятельности), поэтому табл. 1 и табл. 2 ниже содержат лишь часть наименований видов экономической деятельности, относящихся к сфере ЖКХ. Несмотря на это, мы считаем выборку достаточно репрезентативной для задач нашего исследования, поскольку даже такой формат позволяет наглядно представить ситуацию в отрасли.

Табл. 1 свидетельствует о неравномерном распределении инновационной активности в сфере ЖКХ по видам экономической деятельности. Так, в жилищно-коммунальной сфере, связанной с передачей и распределением электроэнергии и газа, показатели примерно соответствуют средним по экономике или выше таковых. Тогда как все остальные направления демонстрируют худшее значение индикаторов инновационной активности. Замечание особенно касается тепловой энергетики.

Таблица 1

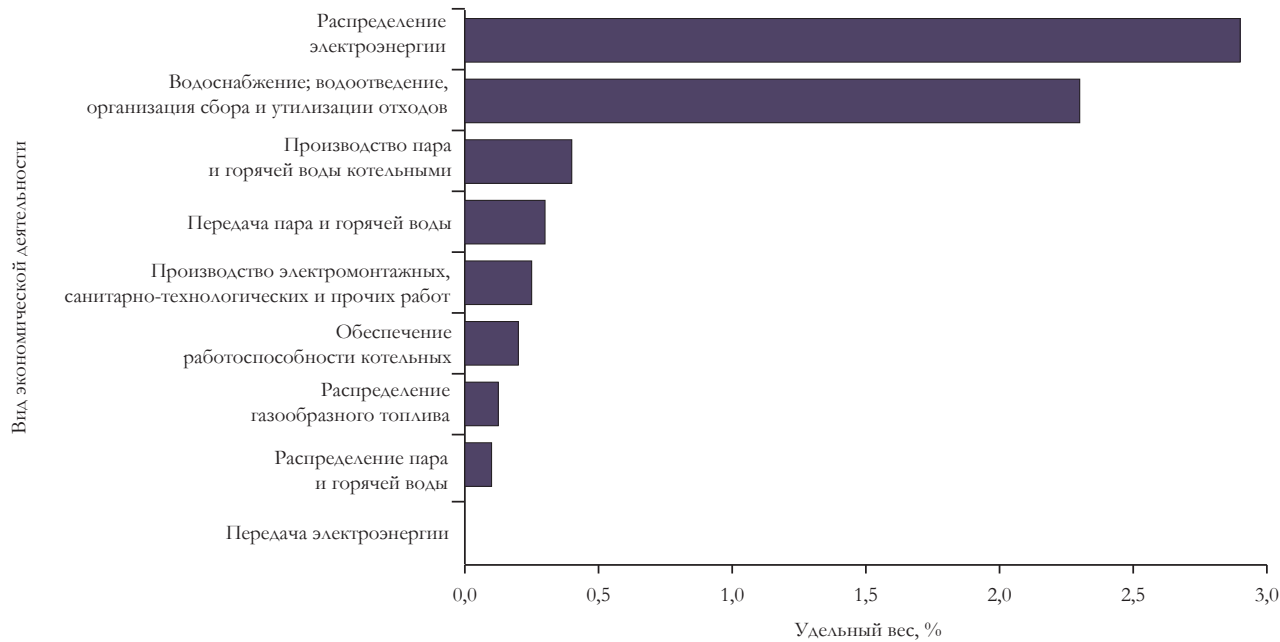
Уровень инновационной активности организаций по видам экономической деятельности в 2019–2022 гг.

Вид экономической деятельности	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Всего	9,1	10,8	11,9	11,0
Передача электроэнергии	12,2	15,1	15,3	12,5
Технологическое присоединение к распределительным электросетям	30,0	11,9	18,6	18,5
Распределение электроэнергии	5,5	8,2	6,3	5,7
Распределение газообразного топлива по газораспределительным сетям	8,5	14,0	12,4	11,7
Производство пара и горячей воды (тепловой энергии) котельными	4,9	6,9	5,2	5,1
Передача пара и горячей воды (тепловой энергии)	7,3	9,3	9,6	6,8
Распределение пара и горячей воды (тепловой энергии)	3,7	6,3	8,3	4,1
Обеспечение работоспособности котельных	7,1	2,1	2,4	5,6
Обеспечение работоспособности тепловых сетей	5,3	–	–	–
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	4,6	5,8	5,6	5,0
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха (за исключением торговли)	8,1	9,9	9,0	8,1

Примечание: данные представлены в %

Источник¹

Сравнительно невысокий уровень инновационной активности предприятий жилищно-коммунальной сферы сказывается на качественной структуре товаров, работ и услуг, которая представлена на рисунке ниже.

Источник²

Рисунок. Удельный вес инновационных товаров, выполненных работ, услуг (по видам экономической деятельности) в их общем объеме в 2022 г.

¹ Федеральная служба государственной статистики. Наука, инновации и технологии. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 12.09.2024).

² Там же.

Как видно из рисунка, инновационные товары, работы и услуги в сфере ЖКХ составляют заметно меньшую величину по сравнению со среднероссийским показателем 5,1 % на 2022 г. Причем практически вся инновационная продукция сосредоточена в сфере распределения электроэнергии, а также в группе «Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов», тогда как в остальных направлениях показатель не превышает 0,5 %.

То есть с точки зрения инновационности продукции ЖКХ заведомо отстает от среднероссийских показателей, причем в большинстве направлений инновационная продукция представляет собой незначительную в масштабах общего производства долю. Конечно, главным фактором здесь выступает низкий уровень инновационных расходов (табл. 2).

Таблица 2

Удельный вес затрат на инновационную деятельность в общем объеме отгруженной продукции (товаров, работ и услуг) в 2019–2022 гг.

Вид экономической деятельности	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Распределение электроэнергии	1,1	3,2	3,7	3,2
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов	2,0	2,1	2,9	3,2
Передача электроэнергии	0,9	1,2	1,5	1,2
Производство пара и горячей воды котельными	0,2	1,0	0,1	0,5
Распределение пара и горячей воды	–	0,7	0,2	0,3
Технологическое присоединение к распределительным электросетям	3,1	0,4	0,7	0,1
Распределение газообразного топлива по газораспределительным сетям	–	0,9	0,1	0,1
Обеспечение работоспособности котельных	0,1	0,0	0,0	0,1
Передача пара и горячей воды	0,2	0,3	0,2	0,1
Обеспечение работоспособности тепловых сетей	0,1	0,1	–	–
Производство электромонтажных, санитарно-технических и прочих строительно-монтажных работ	–	0,0	0,1	0,0

Примечание: данные представлены в %

Источник³

Из табл. 2 нетрудно заметить, что две наиболее инновационные с точки зрения качественной структуры продукции (см. рисунок) демонстрируют и наибольшую долю расходов на инновационную деятельность – это направление распределения электроэнергии, а также собирательная категория водоснабжения, водоотведения и утилизации отходов. Здесь доля инновационных расходов превышает 3 %. В остальных направлениях показатели невысоки и не имеют существенной тенденции к росту. Отметим, что в среднем по экономике удельный вес затрат на инновации составлял в 2022 г. 2,1 %. Инновационные направления в ЖКХ, обозначенные выше, в общем выглядят на фоне среднероссийского показателя весьма неплохо.

Согласно Приказу Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ (далее – Минстрой РФ) от 27 апреля 2016 г. № 286/пр в группу кодов ОКВЭД2 для ЖКХ попадает ряд номенклатурных кодов, которые в полной мере можно отразить в следующем разделе – использование цифровых технологий в отрасли ЖКХ⁴.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЖКХ

Как мы уже обозначили выше, ключевой точкой приложения инновационной деятельности в настоящее время является цифровизация. Жилищно-коммунальная сфера из соображений, высказанных нами выше, должна следовать данному тренду интенсификации и повышения эффективности своей деятельности.

³ Федеральная служба государственной статистики. Наука, инновации и технологии. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 12.09.2024).

⁴ Приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 27.04.2016 № 286/пр «Об утверждении собирательных классификационных группировок отрасли жилищно-коммунального хозяйства». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201607180032?ysclid=m27ds8ctua797829773> (дата обращения: 12.09.2024).

В 2022 г. из общего числа зарегистрированных в сфере ЖКХ 337 тыс. организаций цифровые технологии использовали менее 10 тыс. (почти 3 % от общего количества). При этом в целом по экономике уровень применяли цифровых технологий заметно выше и составляет 7,6 % (табл. 3).

Таблица 3

Уровень использования некоторых цифровых технологий в целом по экономике и по сумме видов экономической деятельности, относящихся к сфере ЖКХ, на 2023 г.

Предприятия	Всего, ед.	%	Сфера ЖКХ, ед.	%
Общее количество предприятий	3 285 118	100	336 767	100
Из них использовавших цифровые технологии, в том числе:	248 522	7,6	9 656	2,9
– электронный обмен данными;	173 476	5,3	6 962	2,1
– геоинформационные системы;	37 844	1,2	1 650	0,5
– цифровые платформы;	53 045	1,6	1 589	0,5
– технологии больших данных;	47 314	1,4	1 609	0,5
– технологии ИИ;	15 320	0,5	441	0,13
– облачные сервисы;	82 606	2,5	2 848	0,8
– интернет вещей;	34 596	1,1	1 639	0,5
– технологии радиочастотной идентификации объектов (RFID);	28 105	0,9	1 124	0,3
– промышленные роботы;	8 475	0,3	199	0,06
– аддитивные технологии;	5 731	0,2	161	0,05
– цифровой двойник;	4 534	0,14	261	0,08
– ЦОД	16 437	0,5	582	0,2

Примечание: RFID – англ. radio frequency identification; ЦОД – центр обработки данных

Источник⁵

Как видно из табл. 3, основное направление использования цифровых технологий в экономике в целом и в частности в ЖКХ – это электронный обмен данными и широко распространенные облачные сервисы, то есть давно освоенные решения, не имеющие, в сущности, производственной новизны. Наиболее перспективные для работы с коммунальными сетями: ИИ, большие данные, интернет вещей, геоинформационные системы – их применяемость в сфере ЖКХ минимальна. Промышленные роботы, аддитивные технологии и цифровые двойники – это, конечно, в основном область промышленного применения. Поэтому использование их в компаниях сектора коммунального хозяйства описывается сотыми долями процентов.

В целом же, как следует из табл. 3, применяемость цифровых технологий компаниями жилищно-коммунальной сферы в среднем намного и даже на порядок ниже, чем в среднем по экономике, а в абсолютном исчислении представляет собой незначительные величины в масштабах отрасли. Конечно, это можно объяснить и дороговизной современных цифровых решений, когда помимо этого ограниченные возможности ЖКХ просто не рассчитаны на крупные инвестиции в цифровизацию. Сказывается и инертность отрасли, не связанной с необходимостью постоянно конкурировать за товарные рынки, где управляющие компании часто являются монополистами или единственным конкурентным преимуществом выступает разница в оплате за коммунальные услуги, и внедрение каких-то современных цифровых решений в большом масштабе не представляется целесообразным шагом. Да, тут, конечно, присутствует множество факторов. Однако мы бы хотели обратить внимание на такой практически не встречающийся в научных публикациях момент, как оценка эффективности применения цифровых технологий в жилищно-коммунальной сфере. Возможно, это сделает более понятным низкий уровень вовлеченности компаний ЖКХ в процесс цифровизации российской экономики.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЖКХ

На основании анализа опросов организаций, оценивших воздействие цифровых технологий в 2022 г., мы сформировали табл. 4, в которой в максимально сжатой форме представлены результаты оценки.

⁵ Федеральная служба государственной статистики. Наука, инновации и технологии. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 12.09.2024).

Ответы подразумевали три варианта ответа относительно воздействия четырех групп цифровых технологий: «положительное», «отрицательное» и «не повлияло». Данные в табл. 4 представляют собой сумму каждого из этих ответов для собирательной группы кодов, относящейся к сфере ЖКХ (см. выше Приказ Минстроя РФ № 286⁶).

Таблица 4

Доля ответов организаций сферы ЖКХ относительно воздействия применения цифровых технологий в своей деятельности по категориям в 2022 г.

Показатель	Оценка влияния		
	Отрицательное	Нет	Положительное
Технологии сбора, обработки и анализа больших данных			
Финансовая деятельность	4,6	71,2	24,2
Безопасность труда работников	15,1	78,1	6,8
Новые товары и услуги, рост их качества	4,2	80,6	15,1
Эффективность внутренних процессов	4,4	69,9	25,7
Эффективность внешних процессов	4,3	70,2	25,4
Окружающая среда	4,3	82,7	13,1
Технологии ИИ			
Финансовая деятельность	4,2	86,6	9,2
Безопасность труда работников	4,1	87,4	8,5
Новые товары и услуги, рост их качества	3,8	88,4	7,8
Эффективность внутренних процессов	3,8	85,3	10,9
Эффективность внешних процессов	3,9	84,8	11,3
Окружающая среда	3,9	88,8	7,3
Интернет вещей			
Финансовая деятельность	3,7	74,5	21,8
Безопасность труда работников	3,4	79,2	17,5
Новые товары и услуги, рост их качества	3,1	82,8	14,0
Эффективность внутренних процессов	3,4	72,3	24,3
Эффективность внешних процессов	3,2	74,0	22,8
Окружающая среда	3,4	83,8	12,8
Другие цифровые технологии			
Финансовая деятельность	2,4	69,1	28,5
Безопасность труда работников	2,1	76,6	21,3
Новые товары и услуги, рост их качества	1,9	81,2	16,9
Эффективность внутренних процессов	2,5	65,9	31,7
Эффективность внешних процессов	2,3	65,2	32,5
Окружающая среда	2,4	83,8	13,8

Примечание: данные представлены в %

Источник⁷

Из табл. 4 хорошо заметно, что подавляющее большинство опрошенных в 2022 г. компаний жилищно-коммунальной сферы характеризует эффективность применения цифровых технологий как нулевое: таких ответов в среднем оказалось 78 %. Около 4 % компаний отметили отрицательный эффект. Лишь 18 % положительно отзывались о влиянии цифровых решений в своей деятельности.

⁶ Приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 27.04.2016 № 286/пр «Об утверждении собирательных классификационных группировок отрасли жилищно-коммунального хозяйства». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201607180032?ysclid=m27ds8ctua797829773> (дата обращения: 12.09.2024).

⁷ Федеральная служба государственной статистики. Наука, инновации и технологии. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 12.09.2024).

Заметим, что технологии больших данных для 15 % компаний оказались неэффективными в плане безопасности труда работников – это самый худший показатель из представленных в табл. 4. Очевидно, это связано с проблемами конфиденциальности личных данных, неприменимостью таких систем для ряда задач или со слабой проработанностью направления применения этих систем в жилищно-коммунальной сфере.

Самый низкий положительный результат наблюдается для направления воздействия на окружающую среду: почти 85 % ответов – «не повлияло» и менее 12 % – «влияние положительное».

Самая высокая оценка (конечно же, в сравнении с остальными) отмечается в направлении повышения эффективности внутренних и внешних процессов, то есть производительности труда, скорости и качества взаимодействия с контрагентами. Здесь положительный эффект отмечен у 23 % опрошенных компаний, и лишь 73 % ответили отрицательно.

В целом табл. 4 отражает негативный опыт использования цифровых систем в ЖКХ, что, по нашему мнению, является ключевой причиной гораздо меньшей их распространенности в коммунальной сфере по сравнению со средними показателями по экономике. Разумеется, компании отрасли осведомлены о слабости проработанности вопроса эффективности новых инновационных решений. В условиях недостаточной финансовой обеспеченности, безусловно, компании коммунальной сферы не спешат применять не прошедшие проверку практикой цифровые решения.

Поэтому и цифровые технологии носят скорее единичный характер применения, чем массовый. Уровни инновационных расходов и инновационной активности в целом по коммунальной отрасли сравнительно невысоки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале работы мы определили наиболее целесообразным и соответствующим духу современности направлением инновационного развития экономики и в частности жилищно-коммунальной отрасли цифровизацию ее деятельности, формирование элементов четвертой промышленной революции (по К. Швабу) с широким применением цифровых технологий на всех этапах деятельности.

Коммунальная сфера является ключевым звеном социально-экономической жизни страны, оказывая непосредственное влияние на жизнедеятельность бытовой и промышленной сфер, определяя эффективностью своей работы уровень затрат остальных экономических игроков. Поэтому повышение эффективности работы коммунального хозяйства является важнейшей задачей в рамках формирования «индустрии 4.0» в России.

Несмотря на очевидность обозначенных нами задач, сфера ЖКХ выступает одной из наименее инновационно развитых в российской экономике. Лишь передача и распределение электроэнергии и газа относятся к инновационно активным направлениям в коммунальном хозяйстве, тогда как остальные отрасли ЖКХ демонстрируют крайне низкий уровень инновационной активности по сравнению со среднероссийским уровнем. Инновационные товары и услуги фактически формируются только в области распределения электроэнергии и в направлении водоснабжения, водоотведения и утилизации отходов. В остальных инновационная составляющая практически отсутствует.

Конечно, причиной является низкий уровень инновационных расходов компаний, которые достаточны лишь в обозначенных выше направлениях электроэнергетики и водоснабжения (порядка 3 % от общих расходов), тогда как в остальных отраслях ЖКХ они явно недостаточны.

Уровень же использования наиболее перспективных цифровых технологий в жилищно-коммунальной сфере находится на крайне низком уровне, за исключением общераспространенных направлений электронного взаимодействия данными и облачных сервисов. В остальном случаи применения исчисляются долями процентов от общего количества компаний.

Впрочем, первая причина низкой степени вовлеченности сферы ЖКХ в цифровизацию экономики – практически полное отсутствие влияния цифровых решений на деятельность компаний отрасли. Подавляющее большинство организаций отметили отсутствие воздействия цифровых технологий на свою работу в 2022 г. Именно низкая эффективность видится ключевой причиной невысокой инновационной активности предприятий сферы ЖКХ. Здесь необходимо более рационально подходить к вопросу применения тех или иных инновационных решений в отрасли, не испытывающей переизбытка финансовых возможностей.

Список литературы

1. Эзгу Н.В. Инновации в сфере жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ). В кн.: Наука. Инновации. Будущее – 2023: сборник статей Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 12 декабря 2023 г. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука»; 2023. С. 126–130.
2. Мамина Е.В., Богомазова И.В. Проблемы внедрения инноваций в сферу ЖКХ и пути их решения. Тенденции развития науки и образования. 2022;82–3:74–76. <https://doi.org/10.18411/trnio-02-2022-104>
3. Карпова Н.В. Инновации на службе ЖКХ. Известия Дагестанского ГАУ. 2022;1(13):81–85.
4. Щербактова Д.В., Игнашин О.Э. Инновации в ЖКХ как путь повышения реальных доходов населения России. Управленческое консультирование. 2021;5(149):146–157. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-5-146-157>
5. Семёнычева М.В. Искусственный интеллект в сфере ЖКХ. Актуальные вопросы современной экономики. 2024;1:88–96.
6. Яковлев Г.И., Полтавцев С.М. Приоритетные направления инновационного развития предприятий системы ЖКХ. Международный научно-исследовательский журнал. 2024;7(145). <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.145.35>
7. Кочеткова Я.А., Павлова Е.А. Цифровые тренды в области программных средств для сферы жилищно-коммунального хозяйства. Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2023;1(17):256–265.
8. Лычагина А.А., Деменив А.В. Оптимизация сферы ЖКХ посредством технологических инноваций. Сервис в России и за рубежом. 2020;5(92(14)):164–174. <https://doi.org/10.24411/1995-042X-2020-10515>
9. Мутулапов Р.Х. Современная роль и значение цифровых инноваций в модернизации жилищно-коммунальной сферы Российской Федерации. Российский экономический интернет-журнал. 2022;2.
10. Саввина И.С. Принципы цифровизации сферы ЖКХ. Экономика и предпринимательство. 2021;4(129):1092–1095. <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.129.4.214>
11. Хаметова А.Т., Смирнова Ю.О. Инновации в управлении в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Юрисконсульт в строительстве. 2023;7.

References

1. Ezgu N.V. Innovations in the field of housing and communal services (HCS). In: Science. Innovations. Future – 2023: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Petrozavodsk, December 12, 2023. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership “New Science”; 2023. Pp. 126–130. (In Russian).
2. Mamina E.V., Bogomazova I.V. Problems of introducing innovations in the sector of housing and communal services and ways to solve them. Trends in the development of science and education. 2022;82–3:74–76. (In Russian). <https://doi.org/10.18411/trnio-02-2022-104>
3. Karpova N.V. Innovations in the service of housing and public utilities. Dagestan GAU Proceedings. 2022;1(13):81–85. (In Russian).
4. Shcherbakova D.V., Ignashin O.E. Innovations in housing and communal services to increase real incomes of the Russian population. Administrative Consulting. 2021;5(149):146–157. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-5-146-157>
5. Semenycheva M.V. Artificial intelligence in the housing and communal services sector. Current issues of the modern economics. 2024;1:88–96. (In Russian).
6. Yakovlev G.I., Poltavtsev S.M. Priority directions of innovative development of enterprises of the housing and utilities system. International Research Journal. 2024;7(145). (In Russian). <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.145.35>
7. Kochetkova Ya.A., Pavlova E.A. Digital trends in the field of software for the sector of housing and communal services. Universities for Tourism and Service Association Bulletin. 2023;1(17):256–265. (In Russian).
8. Lychagina A.A., Demenev A.V. Technological innovations as a way of optimizing the housing and communal services. Services in Russia and Abroad. 2020;5(92(14)):164–174. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/1995-042X-2020-10515>
9. Mutolapov R.Kh. The modern role and importance of digital innovations in the modernization of the housing and communal services of the Russian Federation. Russian economic online journal. 2022;2. (In Russian).
10. Savvina I.S. Principles of digitalization of the housing and communal services. Journal of Economy and Entrepreneurship. 2021;4(129):1092–1095. (In Russian). <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.129.4.214>
11. Khametova A.T., Smirnova Yu.O. Innovations in management in the field of housing and communal services. Legal adviser in construction. 2023;7. (In Russian).

Стратегическое управление промышленным развитием региона с учетом пространственно-структурных трансформаций

Атаев Дмитрий Михайлович

Аспирант

ORCID: 0000-0001-6008-665X, e-mail: dima8404@yandex.ru

Гайнанов Дамир Ахнафович

Д-р экон. наук, гл. науч. сотр. сектора экономико-математического моделирования

ORCID: 0000-0002-2606-2459, e-mail: 2d2@inbox.ru

Институт социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук, г. Уфа, Россия

Аннотация

Работа посвящена стратегическому управлению промышленным развитием регионов в контексте пространственно-структурных трансформаций, возникающих в современной экономической и политической среде. Проведена кластеризация регионов России для выявления групп однородных территорий с позиции показателей производственного, трудового, инвестиционного и инновационного характера промышленного развития. Для ряда регионов из выделенных кластеров был проведен анализ стратегических документов промышленного развития в разрезе учета в целях и задачах данных документов аспектов, связанных с пространственным развитием, наличия форм пространственной организации и управления промышленной и инновационной деятельностью, направлений развития межрегионального сотрудничества, учета иных стратегических документов, в том числе муниципального уровня. В качестве рекомендаций предложены дополнительные элементы стратегирования, связанные с пространственно-структурными трансформациями, в том числе на этапах анализа, определения стратегических целей и приоритетов, задач и конкретных мероприятий развития промышленного комплекса региона, а также механизма реализации стратегии и вовлечения заинтересованных сторон в процесс стратегического управления. Анализ пространственных диспропорций, определение стратегических целей и приоритетов с акцентом на пространственные аспекты, разработка механизмов реализации стратегии с вовлечением муниципальных образований способствуют формированию более эффективной и устойчивой системы промышленного управления, умеющей адаптироваться к изменениям и обеспечивать сбалансированное развитие региона.

Ключевые слова

Стратегическое управление, промышленная политика, пространственно-структурные трансформации, пространственная промышленная политика, стратегирование, конкурентоспособность, инновационное развитие

Благодарности. Данное исследование выполнено в рамках государственного задания Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук № 075-011134-23-00 на 2023 г. и плановый период 2024 г. и 2025 г.

Для цитирования: Атаев Д.М., Гайнанов Д.А. Стратегическое управление промышленным развитием региона с учетом пространственно-структурных трансформаций // Вестник университета. 2024. № 11. С. 52–63.

Strategic management of regional industrial development in the aspect of space-structural transformations

Dmitry M. Ataev

Postgraduate Student

ORCID: 0000-0001-6008-665X, e-mail: dima8404@yandex.ru

Damir A. Gaynanov

Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher at the Economic and Mathematical Modelling Sector

ORCID: 0000-0002-2606-2459, e-mail: 2d2@inbox.ru

Institute for Social and Economic Research of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

Abstract

The article is devoted to strategic management of regional industrial development in the conditions of spatial and structural transformations appearing in the modern economic and political environment. The article clusters Russian regions to identify groups of homogeneous territories according to the indicators of production, labour, investment, and innovation character of the industrial development. The strategic documents of the industrial development have been analysed for a number of regions from the selected clusters in the context of considering: the aspects related to spatial development in the purposes and objectives of these documents; availability of forms of spatial organisation and management of industrial and innovative activities; directions for the development of interregional cooperation; other strategic documents, including those of the municipal level. The authors have proposed as recommendations additional elements of strategising related to the spatial and structural transformations, at the stages of analysis, determination of strategic goals and priorities, tasks and specific measures of the development of the industrial complex of the region in particular, and also at the stage of determination of the mechanism for implementing the strategy and involving stakeholders in the strategic management process. Analysis of spatial disproportions, determination of the strategic goals and priorities with a focus on the spatial aspects, development of mechanisms for the strategy implementation with the involvement of municipalities contribute to the formation of a more effective and sustainable system of the industrial management which is able to adapt to changes and ensure balanced development of the region.

Keywords

Strategic management, industrial policy, spatial-structural transformations, spatial industrial policy, strategising, competitiveness, innovative development

Acknowledgments. This research has been conducted within the framework of the state assignment of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences No. 075-011134-23-00 for 2023 and the planned period of 2024 and 2025.

For citation: Ataev D.M., Gaynanov D.A. (2024) Strategic management of regional industrial development in the aspect of space-structural transformations. *Vestnik universiteta*, no. 11, pp. 52–63.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях трансформации экономической среды и глобальных геополитических вызовов актуализируется проблема устойчивого развития отраслевых комплексов на основе формирования адаптивных стратегий управления изменениями. Пространственные и структурные трансформации оказывают значительное влияние на промышленное развитие регионов, обуславливая необходимость поиска новых подходов к управлению.

Методы исследования факторов промышленного развития регионов хорошо сформированы как в отраслевом аспекте, так и в пространственном. Гораздо меньше исследований посвящено стратегическим аспектам промышленной политики, при этом, «чтобы промышленная политика из абстрактной, фантомной сущности превратилась в реальность, необходимо создание соответствующей системы управления стратегического уровня» [1, с. 39]. Стратегическая промышленная политика региона предполагает целенаправленное вмешательство региональных органов власти в развитие конкретных отраслей промышленности в целях долгосрочного экономического развития и повышения конкурентоспособности [2], в том числе выбор приоритетных для каждого отдельного региона видов промышленности [3]. Для этого проводится анализ факторов повышения стратегической конкурентоспособности промышленной структуры региона [4] (как правило, в разрезе видов промышленности). В последнее время стратегическую промышленную политику часто рассматривают в аспекте развития отраслей, в парадигме инновационного развития [5], технологического суверенитета [6], в условиях новых геополитических реалий и усиления санкционной политики [7].

Если промышленную политику рассматривать как категорию стратегического управления [8], то она является частью общей стратегической политики региона с одной стороны и частью федеральной отраслевой промышленной политики с другой. При этом до сих пор нет ни законодательного, ни единого исследовательского понимания того, что в себя включает «документ стратегического планирования в сфере промышленности» [9, с. 46], является ли он стратегией, государственной программой, проектом, планом и др., в том числе на региональном уровне.

В небольшом количестве отечественных научных исследований рассматриваются пространственные аспекты стратегической промышленной политики [10; 11]. При этом в настоящее время в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) не сформирована целостная и согласованная система стратегического управления развитием промышленности с учетом параметров пространственного развития. В нормативных и стратегических документах, включая Федеральный закон № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»¹, отсутствует учет пространственных аспектов. В существующих стратегических документах слабое отражение находят задачи, мероприятия и целевые индикаторы, принимающие во внимание приоритеты пространственного развития промышленности внутри региона, а также вопросы межрегионального взаимодействия по реализации промышленных проектов.

Целью статьи является разработка рекомендаций по учету пространственного аспекта при стратегическом управлении промышленным развитием.

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ ПО УРОВНЮ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ

Для выделения регионов, в которых предполагается проанализировать стратегические документы с позиции учета пространственных аспектов, проведем предварительную группировку территорий методом кластеризации.

Для проведения кластерного анализа будут использованы 8 показателей промышленного развития региона: объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности (добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха, млрд руб.); среднегодовая численность занятых в промышленности, тыс. чел.; затраты организаций промышленного производства на инновационную деятельность, млрд руб.; инвестиции в основной капитал, млрд руб.; индекс промышленного производства; доля промышленности в валовом региональном продукте (далее – ВРП), %.

¹ Федеральный закон от 31.12.2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» (в редакции от 25.12.2023 г.). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/ (дата обращения: 06.08.2024).

Такие показатели характеризуют не только производственную сферу промышленности, но и трудовой потенциал, инвестиционную привлекательность и инновационное развитие.

Анализ проводился по 85 регионам РФ за 2022 г. (Архангельская и Тюменская области рассматривались без автономных округов (далее – АО). Расчеты были выполнены с использованием языка программирования Python. Данные стандартизированы, все признаки приведены к одной шкале, обеспечив равномерное влияние каждого признака на результат кластеризации. Использовался метод К-средних (англ. K-means). Ожидаемое число кластеров, n , было установлено равным 5 на основе предварительного анализа данных. После обучения модель К-средних присвоила каждому региону метку соответствующего кластера, что позволило разбить исходный набор данных на 5 кластеров.

Кластер «0» включает два региона: Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО. Они характеризуются высокими абсолютными значениями по объемам добычи полезных ископаемых и высокой долей промышленности в ВРП, что определяет этот кластер и регионы как ориентированные на добычу полезных ископаемых.

Кластер «1» – самый многочисленный среди других. В совокупности в него входят 44 из 85 рассматриваемых регионов (Республика Алтай, Алтайский край, Амурская, Брянская области, Бурятия, Волгоградская, Воронежская области, Севастополь, Дагестан, Еврейская автономная область, Забайкальский край, Ивановская область, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Камчатский край, Карачаево-Черкессия, Кировская область, Краснодарский край, Республика Крым, Курганская область, Марий Эл, Мордовия, Новосибирская, Омская, Орловская, Пензенская области, Приморский край, Псковская область, Республика Адыгея, Ростовская, Рязанская, Саратовская области, Северная Осетия – Алания, Смоленская область, Ставропольский край, Тамбовская, Тверская области, Тыва, Ульяновская область, Хабаровский край, Чечня, Чувашия, Ярославская область). В среднем регионы этого кластера имеют небольшую долю промышленности в ВРП. Его особенностью является низкие значения инвестиций и крайне низкие затраты организаций промышленного производства на инновационную деятельность. Это указывает на проблемы недостаточного внимания развитию инфраструктуры и технологий в промышленном секторе этих регионов. В результате субъекты кластера «1» испытывают трудности с модернизацией и технологической безопасностью территорий, что может негативно сказаться на их долгосрочном промышленном и в целом экономическом развитии. В состав кластера вошли все регионы Северо-Кавказского федерального округа, а также почти все регионы Южного федерального округа (кроме Астраханской области).

Кластер «2» сбалансирован по различным показателям. Он не является добывающим, но по средним значениям объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг в обрабатывающей промышленности – один из лидеров, уступая только кластеру «3» (Москва). Промышленность этих регионов является более инновационно ориентированной, средние затраты организаций промышленного производства на инновационную деятельность также самые высокие. В состав кластера вошли Московская область, Санкт-Петербург, Татарстан, Нижегородская, Свердловская, Иркутская области. Все регионы, кроме Иркутской области, находились в топ-20 наиболее эффективных промышленных регионов за 2023 г.²

Кластер «3» выделяется большими объемами обрабатывающих производств, наибольшими инвестициями в основной капитал и затратами на инновационную деятельность, а также количеством занятых в промышленности. В его состав входит только Москва. Так как изначально мы рассматривали не удельные среднестатистические показатели, а абсолютные, выделение Москвы как отдельного кластера вполне очевидно.

Кластер «4» представлен 32 регионами (Архангельская, Астраханская области, Башкортостан, Белгородская, Владимирская, Вологодская, Калининградская, Калужская области, Карелия, Кемеровская область, Коми, Костромская область, Красноярский край, Курская, Ленинградская, Липецкая, Магаданская, Мурманская области, Ненецкий АО, Новгородская, Оренбургская области, Пермский край, Самарская область, Республика Саха (Якутия), Сахалинская, Томская, Тульская, Тюменская области, Удмуртия, Хакасия, Челябинская область, Чукотский АО). Однако, в отличие от кластера «1», они являются более промышленно ориентированными (средняя доля промышленности в ВРП более чем в два раза выше, чем в кластере «1»). Остальные показатели также превышают средние значения по кластеру «1».

² Иннопром. Официальный сайт. Режим доступа: <https://expo.innoprom.com/> (дата обращения: 10.08.2024).

Средние характеристики регионов, которые вошли в тот или иной кластер, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Средние характеристики регионов, вошедших в соответствующие кластеры

Характеристика	«0»	«1»	«2»	«3»	«4»
Количество регионов в кластере	2	44	6	1	32
Средняя доля промышленности в ВРП в регионе, %	79,35	21,28	33,67	18,40	50,12
Среднерегиональный объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг, добыча полезных ископаемых, млрд руб.	5 220,5	24,3	406,9	1 845,8	359,3
Среднерегиональный объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг, обрабатывающие производства, млрд руб.	913,8	320,7	2 924,3	10 248,4	720,7
Среднерегиональная численность занятых в промышленности, тыс. чел. (по видам экономической деятельности: добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха, водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений)	241,60	105,76	459,55	913,00	145,56
Среднерегиональное значение инвестиций в основной капитал, млрд руб.	1 372,0	148,8	842,2	5 918,0	235,5
Среднерегиональный индекс промышленного производства	100,60	105,44	103,27	115,10	97,12
Среднерегиональные затраты организаций промышленного производства на инновационную деятельность, млрд руб.	44,6	4,8	83,8	149,4	12,0

Источник³

Особенностью Приволжского федерального округа является то, что в него входят как промышленно развитые регионы кластера «2»: Татарстан, Нижегородская область, так и относительно промышленно развитые – кластер «4» (Башкортостан, Удмуртия, Пермский край, Оренбургская, Самарская области), а также регионы кластера «1» с относительно невысоким уровнем промышленного развития (Марий Эл, Мордовия, Чувашия, Кировская, Пензенская, Саратовская, Ульяновская области).

АНАЛИЗ УЧЕТА ПРОСТРАНСТВЕННЫХ АСПЕКТОВ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Для сравнения особенностей стратегирования промышленного развития возьмем по одному из регионов каждого кластера: Республику Татарстан, Марий Эл и Башкортостан. Сравнение будем проводить по следующим признакам: учет в целях и задачах стратегических документов аспектов, связанных с пространственным развитием; наличие форм пространственной организации и управления промышленной и инновационной деятельностью; наличие направления развития межрегионального сотрудничества в области промышленности; учет иных стратегических документов, в том числе муниципального уровня.

В Республике Татарстан разработана Стратегия развития отраслей промышленности Республики Татарстан на период 2016–2021 гг. с перспективой до 2030 г. (далее – Стратегия)⁴. В целях и задачах Стратегии нет указания на пространственные аспекты развития промышленности. Однако при этом в ней указано, что промышленность в регионе будет развиваться в рамках экономических зон: Казанской, Набережночелнинской, Юго-Восточной, Предволжской, Предкамской, Закамской, и для каждой из них определена стратегия промышленного роста.

Помимо этого, в регионе наблюдается активный рост различных форм пространственного развития промышленности: индустриальные (промышленные) парки, промышленные площадки муниципального уровня, бизнес-инкубаторы, технопарки, особые экономические зоны технико-внедренческого типа,

³ Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 10.08.2024).

⁴ Приказ Министерства промышленности и торговли Республики Татарстан «О стратегии развития отраслей промышленности Республики Татарстан на период 2016–2021 годы с перспективой до 2030 года». Режим доступа: https://mpt.tatarstan.ru/prikazi-ministerstva.htm?pub_id=2073497.htm (дата обращения: 10.08.2024).

особые экономические зоны промышленно-производственного типа (далее – ОЭЗ ППТ). Татарстан входит в число лидеров регионов по количеству созданных индустриальных парков в РФ: по состоянию на 2020 г. в республике насчитывается 100 промышленных парков, в том числе промышленные площадки муниципального уровня.

Частично в Стратегии также затронуты вопросы межрегионального развития: «развитие межрегионального и международного сотрудничества в целях продвижения республиканской продукции, расширения рынков сбыта и увеличения объемов экспорта»⁵.

Особо следует отметить, что в тексте Стратегии указано, что при ее разработке использованы также стратегии развития муниципальных районов и городских округов. С другой стороны, определено, что мероприятия Стратегии будут уточняться в зависимости от реализации не только изменений федерального и республиканского законодательства и региональной Стратегии социально-экономического развития республики Татарстан до 2030 г., но и стратегий социально-экономического развития муниципальных образований. Это очень важный и достаточно редкий факт, что стратегический документ промышленного развития учитывает цели и задачи иных стратегических документов на разных уровнях власти, в том числе и на муниципальном.

В регионе Республика Марий Эл реализуется государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности (2013–2025 годы)» (с изменениями на 3 февраля 2023 г.). В целях и задачах стратегии пространственный аспект не указан. При этом среди задач есть «разработка и реализация мер стимулирования инвестиций в создание и развитие индустриальных (промышленных) парков, промышленных технопарков, технопарков и инжиниринговых центров»⁶. В программе не упоминается создание ОЭЗ, кластеров и иных форм пространственного развития.

Есть упоминание межрегионального сотрудничества в инновационной сфере, укрепление связей между научно-технической сферой и сферой производства, результатом которого является интеграция науки в производство, а не развитие межтерриториальных связей. В тексте программы не излагается соответствие иным стратегическим документам: федеральным отраслевым стратегическим документам, Стратегии социально-экономического развития и муниципальным стратегиям.

В Республике Башкортостан в 2024 г. была принята программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности в Республике Башкортостан»⁷. В ней также не указаны цели и задачи внутрирегионального пространственного развития промышленности.

В программе есть меры по реализации кластерной политики, развития технопарков и ОЭЗ ППТ. Остальные формы пространственного развития промышленности не указаны. Вопросы межрегионального сотрудничества не рассмотрены.

В республиканской программе указано, что «приоритетные направления государственной политики Республики Башкортостан в области промышленности и энергетики определены исходя из национальных целей и стратегических задач развития Российской Федерации и Республики Башкортостан»⁸. Однако ни в разработке, ни в реализации государственной программы «не предусмотрено участие муниципальных образований Республики Башкортостан»⁹, что прямо указано в тексте.

В целом сопоставление трех стратегических документов не дает общей картины учета пространственных аспектов промышленного развития. При этом в Республике Татарстан пространственный аспект проявлен гораздо сильнее как в части выделения экономических зон, так и в наличии большого количества инструментов пространственного развития промышленности, мер межрегионального развития и в учете стратегических ориентиров и их изменений не только на федеральном и региональном уровнях, но и на муниципальном.

⁵ Приказ Министерства промышленности и торговли Республики Татарстан «О стратегии развития отраслей промышленности Республики Татарстан на период 2016–2021 годы с перспективой до 2030 года». Режим доступа: https://mpt.tatarstan.ru/prikazi-ministerstva.htm?pub_id=2073497.htm (дата обращения: 10.08.2024)..

⁶ Постановление Правительства Республики Марий Эл от 30.11.2012 г. № 453 «О государственной программе Республики Марий Эл «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности (2013–2025 годы)» (с изменениями на 03.02.2023 г.). Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/424051942> (дата обращения: 10.08.2024).

⁷ Постановление Правительства Республики Башкортостан от 06.03.2024 г. № 72 «Об утверждении государственной программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности в Республике Башкортостан» и о признании утратившими силу некоторых решений Правительства Республики Башкортостан. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/407270143?marker=64U0IK> (дата обращения: 10.08.2024).

⁸ Постановление Правительства Республики Башкортостан от 06.03.2024 г. № 72 «Об утверждении государственной программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности в Республике Башкортостан» и о признании утратившими силу некоторых решений Правительства Республики Башкортостан. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/407270143?marker=64U0IK> (дата обращения: 10.08.2024).

⁹ Там же.

РАЗРАБОТКА ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО СТРАТЕГИРОВАНИЮ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА С УЧЕТОМ ПРОСТРАНСТВЕННО-СТРУКТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Пространственная структура регионов играет важную роль в формировании промышленной базы и инновационного потенциала, что, в свою очередь, оказывает значительное влияние на экономический рост и конкурентоспособность экономики региона. Поэтому нами предлагается рассматривать промышленную политику как инструмент обеспечения баланса между долгосрочной конкурентоспособностью субъекта и внутрирегиональным пространственным развитием [12]. То есть мы предлагаем рассматривать ее стратегирование не только в экономической проекции, но и в пространственной. В таком аспекте мы не говорим исключительно о регионе в целом, нам важно и внутреннее пространственное его развитие (речь идет о муниципальных образованиях) за счет реализации долгосрочных мер промышленной политики. Тогда целью стратегической пространственно-промышленной политики является долгосрочное сбалансированное пространственное развитие региона через формирование точек роста по отраслям промышленности в муниципальных образованиях.

В рамках производственной деятельности это проявляется через поощрение создания промышленных объектов любого типа в муниципалитетах, где отсутствует или слабо развита индустрия. В аспекте кадрового обеспечения промышленности создание разнообразных рабочих мест с целью улучшения уровня жизни и уменьшения миграции населения из удаленных территорий региона. В контексте инноваций инновационные разработки не стоят на первом месте, приоритетом является сам факт возникновения различных видов предприятий в муниципальных образованиях. При этом учет пространственных аспектов не перечеркивает базовые задачи промышленного развития (увеличение выпуска продукции с высокой долей добавленной стоимости и поддержка экспорта такой продукции, создание высокотехнологичных рабочих мест, обеспечение потребности будущих приоритетных секторов экономики трудовыми ресурсами, инновационное развитие промышленности), а только дополняет их.

Стратегическое управление промышленным развитием региона с учетом пространственно-структурных трансформаций должно представлять собой проактивное целеполагание и определение согласованных взаимоотношений и действий органов государственной власти, муниципалитетов, хозяйствующих субъектов в достижении желаемого качества пространственной структуры промышленности региона с учетом локальной специфики субъекта, производственного, трудового, инвестиционного и инновационного дисбалансов промышленного развития и приоритетов долгосрочной конкурентоспособности.

Согласно предложенному определению можно выделить следующие ключевые элементы.

1. Проактивное целеполагание. Подразумевает активное формирование vision (англ. видение) и цели в сфере промышленного развития. Здесь особое внимание следует уделить формулировке стратегических целей – краткосрочных и долгосрочных, которые соответствуют актуальным вызовам и возможностям региона.

2. Определение согласованных взаимоотношений. Федеральные, региональные и местные органы должны работать в едином направлении, формируя совместные программы промышленного развития. Важно также учитывать мнения представителей промышленности и создавать условия для их включения в процесс принятия решений.

3. Локальная специфика региона. Каждый регион имеет свои уникальные особенности, которые необходимо учитывать, в том числе общие социально-экономические: уровни жизни, образования, квалификации рабочей силы и другие факторы, влияющие на потребности и возможности развития промышленности.

4. Приоритеты долгосрочной конкурентоспособности, которые прежде всего зависят от инновационного развития, образовательных инициатив с акцентом на актуальные требования рынка труда, экологической устойчивости.

Исходя из этих элементов предлагаются дополнительные элементы стратегирования, связанные с пространственно-структурными трансформациями на этапах анализа развития регионального промышленного комплекса; определение стратегических целей и приоритетов, стратегических задач и мер по развитию промышленного комплекса региона, разработки механизма реализации стратегии и контроля; вовлечение заинтересованных сторон в процесс стратегического управления (табл. 2).

Таблица 2

**Дополнительные элементы стратегирования, связанные
с пространственно-структурными трансформациями**

Традиционные элементы стратегирования	Дополнительные элементы стратегирования
Этап 1. Анализ развития регионального промышленного комплекса	
Анализ основных экономических показателей промышленности; кадрового обеспечения, системы подготовки и переподготовки кадров; структуры промышленного комплекса региона по отраслям. Изучение состояния рынка сбыта продукции промышленных предприятий; научно-технического потенциала; доступности и развитости транспортной, энергетической и коммуникационной инфраструктуры	Анализ пространственных дисбалансов по муниципальным образованиям; сдвигов пространственных дисбалансов по муниципальным образованиям за ретроспективный период; достаточности и эффективности пространственных инструментов развития промышленности (кластеры, индустриальные парки и др.). Стейкхолдерский анализ: выявление интересов и потребностей всех стейкхолдеров
Этап 2. Определение стратегических целей и приоритетов развития промышленного комплекса региона	
Определение долгосрочной цели промышленного развития, согласованной с целями промышленного развития страны. Выбор приоритетных направлений развития промышленного региона. Формулирование стратегии и дорожной карты	Выделение в качестве одного из приоритетов сбалансированного пространственного развития промышленности региона. Сопряжение целей и задач промышленного развития региона не только с федеральным уровнем, но и с муниципальным. Учет и детализация в дорожной карте пространственных инструментов развития промышленности
Этап 3. Определение стратегических задач и мер по развитию промышленного комплекса региона	
Определение стратегических задач развития отраслевого промышленного комплекса. Определение мер поддержки	Определение мер сбалансированного пространственного развития. Определение мер межтерриториального взаимодействия для развития промышленности
Этап 4. Разработка механизма реализации стратегии и контроля	
Разработка целевых индикаторов стратегии. Создание структуры управления и распределение обязанностей и полномочий. Разработка системы мониторинга реализации стратегии. Оценка эффективности предпринятых мероприятий и достижения поставленных показателей. Мониторинг и анализ рисков на протяжении реализации стратегии	Включение индикаторов пространственного развития промышленности в систему индикаторов. Распределение функций между региональными государственными и отраслевыми структурами, а также между органами местного самоуправления по реализации мероприятий и контролю. Создание гибкой системы управления изменениями, способной оперативно реагировать на изменения и трансформации
Этап 5. Вовлечение заинтересованных сторон в процесс стратегического управления	
Установление диалога между органами власти, бизнесом, обществом, наукой и общественными организациями. Поддержка формирования партнерств и сотрудничества между различными участниками промышленного сектора для совместного решения проблем	Создание межрегиональных партнерств для совместного продвижения своих интересов в области промышленной политики. Согласование целей, задач, целевых индикаторов не только с вышестоящими органами власти, но и с муниципальными образованиями

Составлено авторами по материалам исследования

Например, на этапе 3 в стратегировании промышленного развития традиционно определяются стратегические задачи развития отраслевого промышленного комплекса (создание благоприятного инвестиционного климата; развитие инфраструктуры; поддержка малого и среднего бизнеса; кадровое обеспечение промышленного комплекса; стимулирование экспортно-ориентированной деятельности; содействие

развитию инноваций; экологическая безопасность и др.), а также меры поддержки развития промышленного комплекса (субсидирование, регуляторные механизмы (налоговые, таможенные, инвестиционные льготы и т.д.); инструменты поддержки внешнеэкономической деятельности; информационно-консультационная, имущественная поддержка; льготные займы; создание инфраструктуры поддержки предпринимательства).

Нами предлагается дополнить этот этап еще некоторыми мерами сбалансированного пространственного развития промышленности (долгосрочное территориальное планирование и зонирование; формирование и развитие ОЭЗ, промышленных парков и технопарков, промышленных кластеров; развитие транспортной инфраструктуры и логистики и др.; государственная поддержка инвестиционной деятельности для резидентов территорий опережающего социально-экономического развития, ОЭЗ, технопарков, промышленных кластеров и др.). Они будут представлять собой меры пространственного саморазвития промышленности региона.

Помимо этого, предлагается выделить меры соразвития или межтерриториального взаимодействия для развития промышленности (поиск новых партнеров и форм межтерриториального взаимодействия в реализации промышленной политики технологической независимости страны; формирование инвестиционных партнерств с другими регионами; создание межрегиональных промышленных кластеров; создание партнерств с образовательными учреждениями других регионов для обеспечения кадровой потребности; трансграничное сотрудничество: совместные проекты и программы между регионами (и/или странами) с целью развития промышленного сектора и региональной экономики; развитие цифровой инфраструктуры как новой формы межтерриториального взаимодействия).

На этапе 4 предлагается внедрение индикаторов пространственного развития промышленности в систему индикаторов. Оно представляет собой многоуровневый процесс, который требует комплексного подхода, начиная от выбора показателей и заканчивая их интеграцией в стратегическое планирование и управление на уровне муниципалитетов.

Также на этапе разработки механизма реализации стратегии промышленного развития региона важно включить муниципалитеты в этот процесс. Они должны участвовать в разработке и реализации программ, направленных на развитие промышленности в регионе. Это могут быть программы по стимулированию инноваций, поддержке малого и среднего бизнеса, по созданию новых рабочих мест, промышленных парков и кластеров. Также при их разработке важно учитывать особенности каждого муниципалитета (специфика производства, наличие ресурсов и квалифицированной рабочей силы и др.).

Для обеспечения эффективной реализации инструментов соразвития или межтерриториального взаимодействия для развития промышленности необходимо создание межрегиональных партнерств для совместного продвижения своих интересов в области промышленной политики. Нужно выявить и сформулировать общие интересы и цели, которые способны объединить различные регионы. Это может включать вопросы, связанные с развитием определенных отраслей, инновациями, инфраструктурой и техническим оснащением. Создание временных или постоянных рабочих групп, в состав которых войдут представители власти, бизнеса и научных кругов разных регионов, поможет более детально проанализировать направления совместного роста и решить конкретные задачи.

Наконец, важно обеспечить формирование и реализацию межрегиональных проектов развития промышленности. Это могут быть создание кластеров, например, в таких областях, как машиностроение, информационные технологии, биотехнологии и т.д.; совместные научные исследования и разработки (например, инициативы по совместным исследованиям в области экологии и устойчивого развития, где несколько регионов работают вместе над созданием экологически чистых технологий); инфраструктурные проекты (например, модернизация железнодорожной сети или строительство межрегиональных автотрасс); обмен кадрами и реализация программ повышения квалификации; создание межрегиональных инкубаторов и технопарков.

Вышеприведенную кластеризацию регионов можно использовать для определения стратегических приоритетов и развития межрегиональных партнерств в промышленном развитии. Например, Республика Башкортостан в пространстве распределения регионов по 8 показателям промышленного развития находится на переходном этапе от кластера «4» к более эффективному кластеру «2» (Московская область, Санкт-Петербург, Татарстан, Нижегородская, Свердловская, Иркутская области). При этом два из данных субъектов являются непосредственными соседями республики. Укрепление связей с этими территориями, развитие межрегионального сотрудничества как в части обмена опытом, так и в части создания межрегиональных кластеров, партнерств поможет республике перейти в данный кластер.

Для кластеризации использовались абсолютные показатели объема, затрат и инвестиций. Если привести эти показатели в сопоставимый вид, они могут послужить ориентацией в стратегических направлениях промышленного развития Республики Башкортостан (табл. 3)

Таблица 3

Сравнение отдельных показателей промышленного развития Республики Башкортостан для перехода в кластер «2»

Показатель	Татарстан	Нижегородская область	Московская область	Санкт-Петербург	Свердловская область	Иркутская область	Среднее по кластеру «2»	Башкортостан	Отставание Башкортостана, в %
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг, обрабатывающие производства, тыс. руб. на чел.	812,4	539,9	502,7	850,5	660,3	320,0	614,3	379,9	– 38,2
Доля занятых в промышленности, % от численности населения	10,9	12,0	8,3	9,5	12,0	8,7	10,2	8,4	– 17,8
Затраты организаций промышленного производства на инновационную деятельность, тыс. руб. на чел.	44,9	22,0	7,0	7,1	8,4	51,3	23,4	5,2	– 77,7
Инвестиции в основной капитал, тыс. руб. на чел.	222,1	149,9	154,7	178,1	127,8	355,6	198,0	125,7	– 36,5
Индекс промышленного роста	106,7	101,3	103,2	106,1	99,8	102,5	103,3	103,6	0,3
Доля промышленности в ВРП, %	50,7	30,2	23,2	12,7	38,9	46,3	33,7	37,8	12,3

Источник¹⁰

Как ни парадоксально, Республика Башкортостан уступает в среднем более промышленно эффективным регионам не столько в объемных показателях, сколько по затратам организаций промышленного производства на инновационную деятельность. Это говорит о том, что региону необходимо активизировать усилия по внедрению и развитию инновационных технологий (например, стимулирование развития технопарков, которые, в свою очередь, способствуют развитию инноваций, новых технологий, высокотехнологичных производств и наукоемкого бизнеса [13]), создавать благоприятные условия для привлечения высокотехнологичных компаний, в том числе через создание партнерств в области инноваций с другими регионами (например, с соседней Республикой Татарстан), формировать механизм интеграции субъектов стратегического процесса в едином пространстве информационно-коммуникационного взаимодействия [14], стимулировать инвестиции в разработку новых технологий и модернизацию производства [15]. Это особенно важно учитывать в разработке стратегических мер, поскольку именно инновации во многом определяют долгосрочную конкурентоспособность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Технические и экономические преобразования в России обуславливают необходимость адаптивного стратегического управления промышленным развитием на региональном уровне, которое учитывает текущие пространственно-структурные трансформации. Анализ пространственных дисбалансов, формулирование стратегических задач и приоритетов с учетом пространственных аспектов, разработка механизма реализации стратегии с участием муниципалитетов, включение индикаторов пространственного развития позволяют создавать более эффективную и устойчивую систему промышленного управления, способную адаптироваться к изменениям и обеспечивать сбалансированное развитие региона.

¹⁰ Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 10.08.2024).

В состав мероприятий стратегической промышленной политики необходимо включать как развитие форм пространственной организации и управления промышленной и инновационной деятельностью, так и меры соразвития или межтерриториального взаимодействия. Это поможет не только повысить эффективность использования внутренних ресурсов региона, но и создать условия для интеграции субъектов в единую экономическую систему, перейти от конкуренции к коэволюции. Включение муниципалитетов, крупных хозяйствующих субъектов в процессы стратегического планирования позволяет дать импульс экономическому развитию не только крупных городов, но и иных муниципалитетов региона. Интеграция пространственных индикаторов в систему мониторинга реализации поможет более точно оценивать и регулировать развитие промышленного потенциала региона в пространственном аспекте.

В целом это позволит создать более устойчивую и адаптивную промышленную систему в регионе, способную эффективно реагировать на внешние вызовы, обеспечивая сбалансированное внутрирегиональное развитие и экономическую конкурентоспособность.

Список литературы

1. Кузнецов С.В., Якишин Ю.В. Промышленная политика Северо-Западного федерального округа: проблемы реализации. Экономика и управление. 2019;12:35–40. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2019-12-35-40>
2. Lauridsen L.S. Strategic industrial policy and latecomer development: the what, the why and the how. Forum for Development Studies. 2010;1(37):7–32. <https://doi.org/10.1080/08039410903558244>
3. Di Tommaso M.R., Tassinari M., Bonnini S., Marozzi M. Industrial policy and manufacturing targeting in the US: new methodological tools for strategic policy-making. International Review of Applied Economics. 2017;5(31):681–703. <https://doi.org/10.1080/02692171.2017.1303036>
4. Федосеева С.С., Щеглов Е.В. Факторы повышения стратегической конкурентоспособности промышленной структуры региона. Вестник Забайкальского государственного университета. 2021;4(27):129–136. <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2021-27-4-129-136>
5. Головина А.Н., Левченко Р.Ю., Юрченко К.П. Цифровая трансформация и промышленная политика в парадигме инновационного развития. Актуальные вопросы современной экономики. 2021;5:461–470.
6. Довбий И.П., Минкин А.А., Кобылякова В.В., Кондратов М.В. Технологический суверенитет России: стратегические установки промышленной политики и концепты региональной повестки. Вестник Челябинского государственного университета. 2023;3(473):11–22.
7. Печаткин В.В. Формирование стратегии развития промышленного сектора экономики региона в условиях дестабилизирующих факторов внешней среды. Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2023;10:72–76.
8. Пирогова А.В. Содержание региональной промышленной политики в контексте стратегического управления. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2020;3:70–77. <https://doi.org/10.17308/econ.2020.3/3106>
9. Валентик О.Н. Регионы и промышленная политика в Российской Федерации. ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2021;4:43–59. <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2021-4-43-59>
10. Афанасьев А.А. Особенности территориально-пространственной организации государственной промышленной политики. Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022;2–1(12):7–15. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.30.71.001>
11. Макушин М.А., Демидова К.В., Горячко М.А. Индустриальное пространство российских регионов в системе «центр – периферия». Известия Русского географического общества. 2023;1(155):30–42. <https://doi.org/10.31857/S0869607123010068>
12. Атаева А.Г., Атаев Д.М. Методологический подход к формированию промышленной политики региона. Ars Administrandi (Искусство управления). 2023;1(15):153–173. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-1-153-173>
13. Дегтярева В.В., Серегин М.С. Развитие наукоемкой промышленности: выбор элементов модели работы технопарков в сфере высоких технологий. Управление. 2024;2(12):62–73. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-2-62-73>
14. Зеленинова Л.С., Уколов В.Ф., Тихонов А.И. Развитие интеллектуализации промышленности России: стратегический подход. Управление. 2023;4(11):17–24. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-4-17-24>
15. Шацкий А.А. Региональное развитие промышленности в Российской Федерации в условиях санкций и ограничений. Управление. 2023;2(11):170–178. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-2-170-178>

References

1. *Kuznetsov S.V., Yakishin Yu.V.* Industrial policy of the North-West Federal District: implementation challenges. *Economics and Management*. 2019;12:35–40. (In Russian). <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2019-12-35-40>
2. *Lauridsen L.S.* Strategic industrial policy and latecomer development: the what, the why and the how. *Forum for Development Studies*. 2010;1(37):7–32. <https://doi.org/10.1080/08039410903558244>
3. *Di Tommaso M.R., Tassinari M., Bonnini S., Marozzi M.* Industrial policy and manufacturing targeting in the US: new methodological tools for strategic policy-making. *International Review of Applied Economics*. 2017;5(31):681–703. <https://doi.org/10.1080/02692171.2017.1303036>
4. *Fedosheva S.S., Scheglov E.V.* Factors of increasing the strategic competitiveness of the industrial structure of the region. *Transbaikalian State University Journal*. 2021;4(27):129–136. (In Russian). <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2021-27-4-129-136>
5. *Golovina A.N., Levchenko R.Yu., Yurchenko K.P.* Digital transformation and industrial policy in the paradigm of innovative development. *Current issues of modern economics*. 2021;5:461–470. (In Russian).
6. *Dorbiy I.P., Minkin A.A., Kobylakova V.V., Kondratov M.V.* Technological sovereignty of Russia: strategic points of the industrial policy and concepts of the regional agenda. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;3(473):11–22. (In Russian).
7. *Pechatkin V.V.* Formation of a development strategy for the industrial sector of the regional economy in conditions of destabilizing factors of the external environment. *Competitiveness in the global world: economics, science, technology*. 2023;10:72–76. (In Russian).
8. *Pirogova L.V.* Content of regional industrial policy in the context of strategic management. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*. 2020;3:70–77. (In Russian). <https://doi.org/10.17308/econ.2020.3/3106>
9. *Valentik O.N.* Regions and industrial policy in the Russian Federation. *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*. 2021;4:43–59. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2021-4-43-59>
10. *Afanas'ev A.A.* Features of the territorial-spatial organization of the state industrial policy. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 2022;2–1(12):7–15. (In Russian). <https://doi.org/10.34670/AR.2022.30.71.001>
11. *Makushin M.A., Demidova K.V., Gorjashko M.D.* Industrial regional space in the “core – periphery” system in Russia. *Proceedings of the Russian Geographical Society*. 2023;1(155):30–42. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S0869607123010068>
12. *Ataeva A.G., Ataev D.M.* Methodological approach to the formation of the region's industrial policy. *Ars Administrandi*. 2023;1(15):153–173. (In Russian). <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-1-153-173>
13. *Degtyareva V.V., Seregin M.S.* High-tech industry development: selection of technology parks operation model elements in the field of high technology. *Management*. 2024;2(12):62–73. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-2-62-73>
14. *Zelentsova L.S., Ukolov V.F., Tikhonov A.I.* Russian industry intellectualization development: strategic approach. *Management*. 2023;4(11):17–24. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-4-17-24>
15. *Shatsky A.A.* Regional industrial development in the Russian Federation under sanctions and restrictions. *Management*. 2023;2(11):170–178. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-2-170-178>

Тенденции развития территориального общественного самоуправления в Российской Федерации

Байкова Оксана Викторовна

Канд. экон. наук, доц. каф. экономики и управления в топливно-энергетическом комплексе
ORCID: 0000-0003-4345-5497, e-mail: o-baykova@yandex.ru

Толстов Максим Романович

Магистр
ORCID: 0009-0003-6822-7834, e-mail: maksimka2000916@gmail.com

Громыко Елена Олеговна

Ассист. каф. экономики и управления в топливно-энергетическом комплексе
ORCID: 0000-0002-9730-4179, e-mail: eo_gromyko@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В данной работе проанализированы особенности организации территориального общественного самоуправления (далее – ТОС) в Российской Федерации (далее – РФ, Россия). Авторами рассмотрены наиболее острые проблемы, замедляющие развитие ТОС, как финансовые, так и нормативно-правовые. Целями исследования являются анализ отрицательных сторон внедрения ТОС, препятствующих его максимально эффективной реализации в России, формирование рекомендаций по решению его основных проблем. Ограниченное финансирование, несовершенная нормативная база и отсутствие заинтересованности жителей в организации ТОС мешают его развитию в РФ. Методами исследования в данной работе являются: классификация, систематизация, обобщение, анализ. Анализ подразделяется на две категории: анализ документов и анализ литературы. В научном исследовании подробно рассмотрена каждая из перечисленных выше проблем и предлагаются возможные пути их решения для содействия развитию ТОС в стране. В результате исследования были разработаны рекомендации по решению проблем ТОС. Рекомендации направлены как на органы местной власти, так и на федеральный уровень. Предложены направления по развитию ТОС не только по финансовой, но и по нормативно-правовой стороне вопроса.

Ключевые слова

Территориальное общественное самоуправление, местное самоуправление, социальная роль, недостаточное финансирование, волеизъявление, гражданин, орган местного самоуправления, юридическая сила, общегосударственная политика

Для цитирования: Байкова О.В., Толстов, М.Р., Громыко Е.О. Тенденции развития территориального общественного самоуправления в Российской Федерации // Вестник университета. 2024. № 11. С. 64–71.

Trends in the development of territorial public self-government in the Russian Federation

Oxana V. Baykova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economics and Management in the Fuel and Energy Complex Department
ORCID: 0000-0003-4345-5497, e-mail: o-baykova@yandex.ru

Maksim R. Tolstov

Postgraduate Student
ORCID: 0009-0003-6822-7834, e-mail: maksimka2000916@gmail.com

Elena O. Gromyko

Assistant at the Economics and Management in the Fuel and Energy Complex Department
ORCID: 0000-0002-9730-4179, e-mail: eo_gromyko@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

Within the framework of this article, the features of the organisation of territorial public self-government (hereinafter referred to as TPSG) in the Russian Federation (hereinafter referred to as RF, Russia) are analysed. The authors of this work consider the most acute problems, both financial and regulatory, that slow the development of the TPSG. The purposes of the study are to analyse the negative aspects of the introduction of the TPSG, which prevent it from being implemented in Russia as effectively as possible, and to form recommendations for solving its main problems. Limited funding, imperfect regulatory framework, and lack of interest of residents in the organisation of the TPSG hinder its development in the RF. The research methods in this work are: classification, systematisation, generalisation, analysis. The analysis is divided into two categories: document analysis and literature analysis. In the scientific study, the authors examine in detail each of the above problems and suggest possible ways to solve them to promote the development of the TPSG in the country. As a result of the study, recommendations have been developed to solve the problems of the TPSG. The recommendations are aimed at both local authorities and the federal level. Directions for the development of the TPSG are proposed, both on the financial and regulatory side of the issue.

Keywords

Territorial public self-government, local self-government, social role, insufficient financing, expression of will, citizen, local government, legal force, national policy

For citation: Baykova O.V., Tolstov M.R., Gromyko E.O. (2024) Trends in the development of territorial public self-government in the Russian Federation. *Vestnik universiteta*, no. 11, pp. 64–71.

ВВЕДЕНИЕ

Граждане Российской Федерации (далее – РФ, Россия), в соответствии с главным законом государства, имеющим высшую юридическую силу, – Конституцией РФ, являются основным источником власти в стране. Граждане могут осуществлять свою власть в различных формах, одна из которых – это самоуправление. Территориальное общественное самоуправление (далее – ТОС) – тот тип самоуправления, который с каждым годом наращивает активность на конкретных территориях по причине постепенного появления заинтересованности граждан в политической жизни своей страны, а также их осознания своего возможного вклада в решение конкретных проблем на территории места проживания.

Территориальное местное самоуправление – это форма осуществления власти народом, подразумевающая взаимодействие населения и местных органов власти для решения вопросов и проблем, возникающих на территории данного конкретного муниципального образования. На сегодняшний день территориальное местное самоуправление модернизируется по ряду причин, обусловленных различными факторами:

- 1) недовольство общегосударственной политикой в решении низового уровня проблем;
- 2) общее повышение уровня вовлеченности граждан в управленческую деятельность.

Все это порождает, в свою очередь, определенные трудности, которые выявляются и фиксируются в ходе реализации ТОС. Выделим следующие возможные препятствия, возникающие при осуществлении ТОС:

- недостаточная нормативная проработанность отдельных вопросов;
- неосведомленность граждан о своих потенциальных возможностях в сфере реализации такого самоуправления;
- недостаточное финансирование разного рода мероприятий и мер, направленных на решение проблем и т.д.

Стоит отметить тот факт, что основной проблемой остается недостаточная вовлеченность граждан в ТОС, даже несмотря на повышающийся интерес граждан к политике и политическим вопросам в целом. Также следует понимать, что подобные проблемы требуют глубокого анализа и рассмотрения в целях снижения негативного эффекта и проработки тщательного решения всех возникающих вопросов. В связи с этим и проведен литературный обзор исследуемой темы.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Термин «самоуправление» как таковой зародился в Англии в конце XIX в. после революции и отражал лишь состояние английского общества, которое осуществляло самоуправление с помощью парламента или местных органов представительной власти. Термин начал использоваться Россией и Германией в середине XIX в. уже в том значении, которое применяется по сегодняшний день.

Изучением ТОС сейчас занимается обширный круг авторов, которые в своих работах обобщают данные, анализируют всевозможные проблемы в сфере ТОС и стараются предложить действенные рекомендации по решению насущных проблем в данной области. Приведены следующие примеры рекомендаций научных деятелей.

Т.М. Говоренкова уверена в том, что пути развития ТОС определяются, несомненно, вышестоящими органами власти, в случае если ТОС представляют собой органы власти. С.А. Васильев же, напротив, убежден, что для более эффективного управления ТОС необходимо организовывать посредством делегирования его полномочий органами государственной и местной власти [1]. Н.В. Галкина считает, что ТОС рассматривается только как самоорганизация граждан по части места их проживания, цель которой – проявление инициатив для решения вопросов местного значения [2]. Е.В. Раздъяконова, Н.А. Желтухова, Н.А. Соловьева в своих работах в основе анализа рассматривают проблематику уставной деятельности и правового режима имущества. В.П. Кобыльников считает, что ТОС – всего лишь механизм, с помощью которого население имеет возможность участвовать в развитии муниципальных образований [3]. Р.К. Овчаренко и Д.С. Демина изучают понятие ТОС с точки зрения связующего звена между государством, в лице органов местного самоуправления, и населением для организации максимально эффективного самоуправления [4]. Рассматривая сущность ТОС, Е.А. Андреева отмечает, что взгляды авторов на его природу разнятся: какая-то часть исследователей считает, что он сформирован для возможности реализации независимой публичной власти, иные же полагают, что ТОС необходим как самобытный компонент, входящий в систему местного самоуправления.

СУЩНОСТЬ ТОС В РОССИИ

ТОС организуется в пределах:

- подъездов многоквартирного жилого дома;
- многоквартирного жилого дома;
- группы жилых домов;
- жилого микрорайона;
- сельского населенного пункта, не являющегося поселением;
- на иных территориях проживания граждан.

ТОС осуществляется непосредственно населением с помощью проведения собраний и конференций граждан, а также с помощью создания органов ТОС.

Участниками являются граждане, проживающие на одной и той же территории, имеющей определенные границы. Обычно ТОС осуществляется как через создание юридического лица, так и без него. В последнем случае регистрации подлежит только устав, так как ТОС не имеет расчетного счета, но может участвовать в различных муниципальных программах.

ТОС предоставляет преимущества как для жителей конкретной территории, так и для муниципалитета. Оно осуществляется на основе собраний и конференций граждан, участвующих в выборах различных органов государственной власти. Собрание признается правомочным, если в нем участвует не менее половины жителей данной территории, достигших 16 лет.

Например, Ассоциация органов территориального общественного самоуправления Республики Коми (далее – АТОС РК) является общественной организацией, созданной для развития органов ТОС в регионе, и нацелена на внедрение новых информационных и управленческих технологий, способствующих активному проявлению и реализации гражданских инициатив местных сообществ.

В качестве примера деятельности, которую осуществляет данный вид органов ТОС, можно привести отчетность АТОС РК по итогам недели, публикуемую ими в своих социальных сетях: о начале работ над реализацией проектов ТОС «Старый город» и «Сёйты»; об оказании помощи нескольким общественным организациям в разработке проектов на конкурс Фонда президентских грантов; о выпуске статьи на партнерской онлайн-платформе Агентства реализации социальных инициатив «Активные люди»; об организации встречи председателя ТОС для заключения договора по поставке детской площадки.

Следует отметить активное взаимодействие данной структуры с гражданами и жителями муниципальных образований в социальных сетях, что может выступать как еще один пример положительного выстраивания связи и привлечения населения к вопросам ТОС.

Органами ТОС могут являться такие структуры, как совет, комитет самоуправления, исполнительные органы и т.д. Их главой, как правило, выступает председатель, но в малых по численности населенных пунктах на роль главы назначают старосту. Общественные комиссии внутри ТОС создаются только для работы с отдельными вопросами, такими как работа с молодежью, благоустройство территорий, вопросы общественного порядка и т.п. Председатель и другие уполномоченные лица отчитываются за свою деятельность перед собраниями или конференциями граждан. Органы ТОС обеспечивают исполнение решений, принятых на этих собраниях и конференциях. Они могут осуществлять различную хозяйственную деятельность, направленную на содержание жилищного фонда, благоустройство территории и т.д. В собственной хозяйственной деятельности ТОС ведет прежде всего строительную и хозяйственную (сдача в аренду земли, рекламных мест, нежилых помещений, принадлежащих конкретному ТОС).

Организация ТОС для муниципалитета позволяет:

- обеспечить управляемость и предсказуемость социально-экономического развития территории благодаря более устойчивым связям органов местного самоуправления с жителями конкретных территорий;
- обеспечить вовлеченность жителей в решение наиболее актуальных проблем муниципального образования;
- привлечь в реализацию программ и проектов территориального развития ранее не задействованные материальные, трудовые и финансовые ресурсы;
- повысить инвестиционную привлекательность территории;
- обеспечить более эффективное расходование бюджетных средств за счет их целевого использования, а также возможности граждан контролировать ход реализации инициативных проектов на всех этапах и т.д.

Населению ТОС позволяет:

- обеспечить представительство своих интересов в органах власти;
- добиться решения наиболее актуальных проблем в кратчайшие сроки;
- раскрыть личный потенциал при решении проблем развития конкретной территории, тем самым добиться общественного признания и уважения и т.д.

Нормативно-правовую базу ТОС составляют следующие официальные документы:

- 1) Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹;
- 2) Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»²;
- 3) устав муниципального образования и нормативно-правовые акты³;
- 4) устав ТОС⁴.

Из вышеперечисленных аспектов нормативно-правовой базы можно сделать вывод о том, что субъектами ТОС выступают граждане или специально формируемые органы, осуществляющие деятельность в различных направлениях.

Таким образом, ТОС является одной из форм участия населения в местном самоуправлении. Его организационно-правовые основы закреплены в федеральном законодательстве, муниципальных нормативно-правовых актах, а также в локальных документах, регламентирующих работу органов ТОС.

Хоть границы территорий, в пределах которых может применяться ТОС, и различны, основные цели у всех ТОС одни: содействие развитию территории, обеспечение комфортного проживания жителей на ней.

Действенным инструментом решения проблем развития территорий, расположенных в городе, является проведение собраний с участием представителей администрации, депутатов, по результатам которых принимаются решения об осуществлении мероприятий по благоустройству территории.

К примеру, для активизации общественных инициатив в Рассказово проводятся встречи с представителями городской администрации, Тамбовской областной Думы, Общественной палаты Тамбовской области, Ассоциации развития городских территорий, общественных префектур города и области. Так, в Рассказово проводится семинар «Грамотный управдом. Активный житель», в котором приняли участие представители ТОС городов Тамбов, Уварово, Рассказово, Тамбовского района. Участники обмениваются опытом ТОС, обсуждают вопросы благоустройства дворовых территорий, парков, скверов, проведения праздников, массовых культурно-развлекательных и спортивных мероприятий.

В данном случае ТОС осуществляется в тесном взаимодействии с общественным советом при администрации города, который обеспечивает участие общественности в подготовке проектов правовых актов на территории муниципального образования, освещение деятельности ТОС в средствах массовой информации (далее – СМИ), способствует формированию новых.

Таким образом, важно подчеркнуть, что ключевыми формами и объединениями ТОС являются юридические лица, зарегистрированные как социально ориентированные некоммерческие организации (далее – НКО), а также профессиональные структуры, такие как советы, ассоциации и комитеты. Наиболее распространенной формой являются органы ТОС, зарегистрированные как НКО. Реже встречается регистрация в качестве социально ориентированных НКО. Решение может быть принято в соответствии с действующим местным и региональным законодательством по рассмотрению граждан. У регистрации в качестве юридического лица (НКО) есть свои достоинства и недостатки для ТОС, однако все же следует отметить, что она повышает уровень доверия граждан к данному рода управленческой структуре, а значит, повышает активность ТОС в целом.

Однако существуют препятствия в работе ТОС, требующие рассмотрения и выявления подходов к их решению.

¹ Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (редакция от 01.07.2021 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 30.09.2021 г.). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 01.09.2024).

² Федеральный закон от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ (редакция от 02.07.2021 г.) «О некоммерческих организациях». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 01.09.2024).

³ Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (редакция от 01.07.2021 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 30.09.2021 г.). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 01.09.2024).

⁴ Там же.

НАИБОЛЕЕ ОСТРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТОС В РОССИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

К наиболее насущным проблемам в организации и деятельности ТОС относятся:

- проблема финансирования;
- неосознание жителями своей социальной роли в организации ТОС;
- несовершенство нормативно-правовой базы.

Одной из главных проблем ТОС является вопрос несовершенства нормативно-правовой базы, которая регулирует деятельность ТОС. Его нормативно-правовую основу на федеральном уровне составляет всего одна статья в Федеральном законе № 131-ФЗ⁵. Она определяет общие понятия и полномочия. Более конкретные вопросы, связанные с деятельностью ТОС, регулируются региональными и местными нормативно-правовыми актами. Федеральный закон № 131-ФЗ указывает на тот факт, что ТОС возможно зарегистрировать в качестве юридического лица, но существуют обстоятельства, не побуждающие к данному решению. При этом на ТОС накладывается значимая ответственность, заключающаяся в отчетности в инспекцию федеральной налоговой службы и обязательные фонды, не касающиеся бюджета. Привилегии четко не обозначены: как некоммерческие образования ТОС могут участвовать в распределении бюджета через систему конкурсов и грантов, но нет гарантий, что именно они окажутся победителями среди остальных НКО⁶. Перспективным решением является закрепление в законодательстве ТОС как самостоятельной организационно-правовой формы.

Решение проблемы, обусловленной неопределенностью правового статуса ТОС, может лежать в плоскости совершенствования законодательства, регулирующего вопросы его организации, в том числе и на муниципальном уровне. В частности, необходимо разграничить статус ТОС и социально ориентированных НКО [5].

Существует довольно развитая практика создания проектов, направленных на укрепление взаимодействия между ТОС и местными властями в разных регионах, что позволяет заимствовать успешный опыт других территорий. Однако мероприятия по вовлечению населения в ТОС практически не проводятся. Это является серьезной проблемой и сдерживает дальнейшее развитие ТОС в условиях существующих трудностей региона.

Таким образом, для того чтобы перевести ТОС в качественно новую, более эффективную плоскость, требуется в первую очередь совершенно иная, более продуктивная работа с населением. На сегодняшний день такая работа практически не ведется и складывается ситуация, при которой о самой возможности участия в ТОС знает лишь малая доля проживающих в муниципальном образовании. Это снижает потенциал для развития ТОС и существенно ограничивает возможности граждан для участия в решении местных вопросов и проблем.

Не менее насущной проблемой является недостаточность финансовых ресурсов. Перспективными вариантами решения вопроса, связанного с ней, могут стать:

- участие субъектов ТОС в конкурсах на получение грантов;
- содействие сотрудничеству ТОС с предпринимательскими структурами, которые посредством предоставления собственных ресурсов смогут осуществлять софинансирование деятельности субъектов ТОС;
- инициативное бюджетирование (участие граждан в определении объектов и направлений расходования средств, выделяемых из областного бюджета или на условиях софинансирования) [6].

Также верным решением является затрагивание проблемы неосознания жителями своей социальной роли в организации ТОС. В силу недостаточного опыта развития ТОС жители многих городов не знают:

- о существовании ТОС;
- о реализуемых им полномочиях;
- о возможности принятия активного участия в жизни города посредством собраний, конференций и т.д. [7].

В этой связи необходимо осуществлять правовое просвещение граждан относительно ТОС, а также обеспечивать широкое освещение результатов его работы за определенный период (квартал, год) на сайтах администраций, в онлайн-изданиях, а также социальных сетях [8]. Кроме того, необходимо

⁵ Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (редакция от 01.07.2021 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 30.09.2021 г.). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 01.09.2024).

⁶ Федеральный закон от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ (редакция от 02.07.2021 г.) «О некоммерческих организациях». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 01.09.2024).

систематизировать и предоставлять жителям информацию о проводимых конкурсах, реализуемых проектах, с тем чтобы они принимали более активное участие в развитии территории, на которой проживают, имели возможность приложения творческих способностей в решении проблем ее развития. К перспективному направлению ТОС относится становление молодежного общественного самоуправления [9]. На сегодняшний день ТОС активно развивают свою работу в социальных сетях.

Пути решения проблем ТОС в России:

- определение нормативной базы регулирования ТОС как НКО. Законодательство определяет особенности регулирования деятельности ТОС как НКО в ст. 27 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁷;
- возможность присвоения ТОС статуса социально ориентированной НКО;
- методическая и информационная помощь муниципальным образованиям для создания и регистрации ТОС, а также для разработки правовых и организационных основ их работы;
- активное распространение информации о ТОС, его возможностях и методах создания, а также о проектах, реализуемых с помощью ТОС, через информационные ресурсы и СМИ среди жителей регионов [10; 11].

Перспективными вариантами решения вопроса, связанного с недостаточностью финансовых ресурсов, могут стать:

- участие субъектов ТОС в конкурсах на получение грантов. Главной целью предоставления грантов является реализация инициативных проектов ТОС, направленная на благоустройство территории. Однако участие ТОС в таких конкурсах может быть осложнено недостаточной информированностью представителей ТОС о проводимом конкурсе, отсутствием опыта участия в них. В этой связи ТОС нуждается в методической поддержке в форме проведения обучающих семинаров, круглых столов, на которых бы освещались вопросы подготовки грантовых заявок, предоставлялись консалтинговые услуги по правовым вопросам, бухгалтерскому учету и т.д.;
- содействие сотрудничеству ТОС с предпринимательскими структурами, которые посредством предоставления собственных ресурсов смогут осуществлять софинансирование деятельности субъектов ТОС. Такое сотрудничество для предпринимательских структур может стать способом демонстрации корпоративной социальной ответственности бизнеса и положительно сказаться на их имидже;
- инициативное бюджетирование. Предполагает участие граждан в определении объектов и направлений расходования средств, выделяемых из областного бюджета или на условиях софинансирования (из бюджета области и местного бюджета). При этом на собраниях и конференциях граждан путем коллегиального обсуждения могут быть выбраны проекты, направленные на благоустройство конкретной территории, которые требуют финансирования. Граждане в дальнейшем получают возможность отслеживать ход реализации таких проектов и контролировать расходование бюджетных средств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении настоящей работы следует отметить, что ТОС представляет собой форму прямого волеизъявления граждан, проживающих, как правило, в рамках одной территории. ТОС обычно выражается в форме собраний и конференций и через создание его органов в качестве НКО. Развитию данной сферы взаимодействия гражданина и государства мешают различные факторы недостаточного финансирования и неосознание гражданами своей роли в организации ТОС. По мнению авторов работы, снизить влияние данных факторов и решить сложившиеся в сфере проблемы возможно лишь при четкой и слаженной работе, а также заинтересованности как государственных структур, так и граждан: государство должно предоставлять условия и вовлекаться в процесс организации ТОС, а граждане должны изъяснять свою активную позицию и способствовать развитию своей территориальной единицы в той мере, которая предусмотрена государством. По итогу исследования были выявлены основные проблемы внедрения ТОС: ограниченное финансирование, несовершенная нормативная база и отсутствие заинтересованности жителей в организации ТОС, которые препятствуют его развитию в РФ. Предложены перспективные варианты решения сложившихся проблем, начиная от определения нормативной базы регулирования ТОС и заканчивая решениями финансовой стороны вопроса.

⁷ Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (редакция от 01.07.2021 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 30.09.2021 г.). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 01.09.2024).

Список литературы

1. Васильев С.А. Территориальное общественное самоуправление как модернизированная форма управления сельскими поселениями. Государственная власть и местное самоуправление. 2010;3:16–18.
2. Галкина Н.В. Теоретические основы территориального общественного самоуправления. Столица науки. 2020;2(19):44–47.
3. Кобыльников В.П. Территориальное общественное самоуправление: ресурс развития. Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2019;4(29):441–447. <http://doi.org/10.35634/2412-9593-2019-29-4-441-447>
4. Овчаренко Р.К., Демина Д.С. Территориальное общественное самоуправление в системе местного самоуправления России. Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017;4:176–180. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2017-1-4-176-180>
5. Бродникова Е.Г., Родионова Д.Н. Организация деятельности территориального общественного самоуправления на муниципальном уровне. Вестник науки. 2018;9(2):14–18.
6. Шагалов И.Л. Особенности влияния социального капитала объединений по месту жительства на городское развитие. Журнал Новой экономической ассоциации. 2014;2(22):133–151.
7. Мерсиянова И.В. Территориальное общественное самоуправление как форма общественного участия. Вопросы государственного и муниципального управления. 2010;3:149–168.
8. Кидяев В.Б. О потенциале территориального общественного самоуправления. В кн.: Территориальное общественное самоуправление в малых городах и сельских поселениях и его взаимодействие с органами местного самоуправления: сборник материалов общероссийской научно-практической конференции, Москва, 9 июня 2017 г. М.: ИТД «Перспектива»; 2017. С. 9–14.
9. Шаповалова В.А. Проблемы и перспективы развития территориального общественного самоуправления в России. Синергия Наук. 2019;42:653–663.
10. Ляхов В.П. Территориальное общественное самоуправление в регионах России в условиях реформирования системы местного самоуправления: достижения и риски имитации. Власть. 2015;2:71–76.
11. Комарова В.В. Правовая природа ТОС: мнения, суждения, перспективы. Местное право. 2011;4:65–76.

References

1. Vasiliev S.A. Territorial public self-government as a modernised form of management of rural settlements. State Power and Local Self-Government. 2010;3:16–18. (In Russian).
2. Galkina N.V. Theoretical foundations of territorial public self-government. Scientific capital. 2020;2(19):44–47. (In Russian).
3. Kobyl'nikov V.P. Territorial public self-government: resource for development. Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law. 2019;4(29):441–447. (In Russian). <http://doi.org/10.35634/2412-9593-2019-29-4-441-447>
4. Ovcharenko R.K., Demina D.S. Territorial public self-government in the system of local self-government of Russia. State and municipal management. Scholar notes. 2017;4:176–180. (In Russian).
5. Brodnikova E.G., Rodionova D.N. Organisation of activities of territorial public self-government at the municipal level. Science Bulletin. 2018;9(2):14–18. (In Russian).
6. Shagalov I.L. Influence of social capital of community associations on the urban development. Journal of the New Economic Association. 2014;2(22):133–151. (In Russian).
7. Mersiyanova I.V. Territorial public self-government as a form of public participation. Public Administration Issues. 2010;3:149–168. (In Russian).
8. Kidyaev V.B. On the potential of territorial public self-government. In: Territorial public self-government in towns and rural settlements and its interaction with local governments: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, June 9, 2017. Moscow: ITD "Perspektiva"; 2017. Pp. 9–14. (In Russian).
9. Shapovalova V.A. Problems and prospects of development of territorial public self-government in Russia. Synergy of Science. 2019;42:653–663. (In Russian).
10. Lyakhov V.P. Territorial self-government in Russian regions in situation of reforming the system of local self-government: achievements and risks of imitation. Vlast'. 2015;2:71–76. (In Russian).
11. Komarova V.V. Legal nature of TPSG: opinions, judgments, prospects. Local law. 2011;4:65–76. (In Russian).

Анализ влияния государственно-частного партнерства на развитие отечественной медицинской промышленности

Елистратов Игорь Романович

Сонскатель, зам. директора по общим вопросам
ORCID: 0009-0006-3244-5014, e-mail: elistratov90@internet.ru

Национальный медицинский исследовательский центр онкологии имени Н.Н. Блохина, г. Москва, Россия

Аннотация

Развитие социальной сферы в стране зависит от развития здравоохранения и медицинской промышленности, которые выступают ее основой как на муниципальном, так и на региональном уровне, и показывают уровень ее развития. Именно от этой сферы зависит уровень жизни и здоровья населения. Качественное ее развитие напрямую обусловлено эффективной моделью системы управления здравоохранением, которая заключается в оптимизации источников финансирования. В исследовании проведена оценка наиболее существенных насущных проблем, связанных с системой и механизмом финансирования системы здравоохранения и медицинской промышленности, а также изучены новые возможные варианты источников финансирования и направления по оптимизации распределения государственного финансирования. Одним из эффективных направлений финансирования медицинских учреждений на современном этапе выступает государственно-частное партнерство (далее – ГЧП). С его помощью осуществляется решение вопросов, связанных с модернизацией инфраструктуры, оптимизации процесса управления ресурсами в медицинских учреждениях, а также повышения уровня предоставляемых услуг. В проведенном исследовании также рассмотрены риски, возникающие при применении ГЧП в условиях его использования в качестве финансирования медицинской промышленности и сферы здравоохранения.

Ключевые слова

Медицина, медицинская промышленность, социальная сфера, государственно-частное партнерство, финансирование медицинской промышленности, здравоохранение, медицинские учреждения

Для цитирования: Елистратов И.Р. Анализ влияния государственно-частного партнерства на развитие отечественной медицинской промышленности // Вестник университета. 2024. № 11. С. 72–78.

Analysis of the impact of public-private partnership on the development of the domestic medical industry

Igor R. Elistratov

Applicant, Deputy Director for General Affairs

ORCID: 0009-0006-3244-5014, e-mail: elistratov90@internet.ru

National Medical Research Center of Oncology named after N.N. Blokhin, Moscow, Russia

Abstract

The development of the social sphere in the country depends on the development of healthcare and medical industry, which serve as its basis, both at the municipal and regional levels, and show the level of its development. The standard of living and health of the population depend on this sphere. Its qualitative development directly conditioned by the effective model of the healthcare management system, which consists in optimising sources of financing. The study has assessed the most significant pressing problems related to the system and mechanism of financing the healthcare system and medical industry, new possible options for the sources of financing and directions for optimising the distribution of public financing have been explored as well. One of the most effective areas of financing medical institutions at the present stage is public private partnership (hereinafter referred to as PPP). With its help, issues related to modernisation of infrastructure, optimisation of the resource management process in the medical institutions as well as improvement of the level of services provided are addressed. The study also examines risks arising from the use of the PPP in terms of its application as financing for the medical industry and healthcare sector.

Keywords

Medicine, medical industry, social sphere, public private partnership, financing of medical industry, healthcare, medical institutions

For citation: Elistratov I.R. (2024) Analysis of the impact of public-private partnership on the development of the domestic medical industry. *Vestnik universiteta*, no. 11, pp. 72–78.

ВВЕДЕНИЕ

Первоочередной целью развития российской экономики выступает решение социальных задач перед населением. Глобализация приводит к принципиальной направленности инновационных изменений в мире, а также к синхронизации макроэкономических колебаний и изменений в сфере здравоохранения.

В современных условиях первоочередными задачами развития российской экономики выступают решение проблем региональных различий и формирование или разработка механизма, способного оптимизировать систему финансирования социальной сферы отдельного региона и экономический рост страны в целом. С развитием новых информационных технологий и баз происходит и рост спроса на специфические, узконаправленные или, иначе говоря, на профильные виды осуществляемой деятельности, которые предоставляют на рынке специализированные компании, умеющие создавать и производить более конкурентоспособную продукцию.

Именно поэтому весь процесс анализа формирования и развития региональных социально-экономических систем способствует решению ряда проблем и задач, стоящих на современном этапе развития перед системой здравоохранения как на региональном уровне, так и на уровне страны в целом. Таким образом, при изучении становления региональных социально-экономических систем требуется провести детальный анализ влияния государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) на развитие отечественной медицинской промышленности и системы здравоохранения [1; 2].

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ, МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В процессе изучения данной темы исследования использовались труды В.Г. Варнавского, В.А. Кабашкина, С.П. Сазонова, Э.Р. Йескомба, А.А. Алпатова и других ученых.

Теоретическими основами проведенной работы послужили труды таких исследователей и ученых, как О.С. Петрова, Д.Е. Хулукшинов, Е.С. Сизова и др.

Все исследования, которые проводятся в настоящее время в разрезе изучаемой темы, посвящены широкому спектру теоретических проблем финансирования медицинской промышленности, но при этом нет четкой определенной системы и единого подхода к проведению данного анализа и оценки исследуемой проблемы [3; 4].

Суть настоящей работы заключается в изучении и анализе влияния ГЧП на развитие отечественной медицинской промышленности в условиях трансформации экономики, а также в условиях формирования устойчивых систем финансирования медицинской промышленности как ключевого фактора развития и роста социальной составляющей экономики. В этом и заключается актуальность исследования.

В соответствии с указанной проблемой были поставлены и решены задачи по проведению анализа влияния ГЧП на развитие отечественной медицинской промышленности.

Предложенные в работе методические подходы к формированию пространственного развития раскрывают теоретические положения оценки влияния ГЧП на становление отечественной медицинской промышленности в условиях инновационных преобразований, способствуют формированию стабильного социального потенциала в регионах. Исследование проводилось на основе общенаучных методов выборки, группировки, сравнительного и системного анализа, абстрактно-логического метода, экспертных оценок и др.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Отрасль здравоохранения выступает для любого государства первостепенной социальной составляющей. При изучении развития медицинской промышленности и системы здравоохранения на региональном и муниципальном уровнях были выявлены факторы роста доступности и качества предоставляемых медицинских услуг, а также внедрение в деятельность медицинской промышленности эффективных вариантов международного опыта. Были проанализированы различные варианты финансирования, применяемые при инвестировании медицинской промышленности при взаимовыгодном сотрудничестве государства и частного сектора [5]. Все они вызывают сложности, связанные с кризисными явлениями, которые выступают следствием снижения инвестиционной активности, несовершенств законодательной базы, отсутствия опыта реализации отраслевых проектов в рамках ГЧП и ряда других факторов, включая и специфические для социальной сферы.

Отсюда следует, что варианты финансирования можно сгруппировать следующим образом: бюджетные (государственные) средства, страховые ресурсы и частные средства. ГЧП относится к последней группе, но основой современной системы финансирования российской медицинской промышленности выступает бюджетно-страховая. В ходе исследования нами были рассмотрены различные источники финансирования российской медицинской промышленности и здравоохранения, и все эти источники мы подразделили на следующие группы:

- целевое финансирование (из целевых фондов);
- бюджетные средства;
- средства из фондов добровольного страхования;
- средства из федерального и территориального фондов обязательного страхования;
- финансирование за счет средств социального страхования и Пенсионного фонда;
- прочие источники, не противоречащие российскому законодательству.

Иначе говоря, финансирование медицинской промышленности осуществляется в основном за счет государственных программ и гарантий. Следовательно, однозначно можно утверждать о нехватке финансовых ресурсов для эффективного развития медицинской промышленности, в связи с чем увеличивается значение ее финансирования по средствам ГЧП [6–9]. Изучив применение финансирования по средствам ГЧП, можно выделить две формы: во-первых, это институциональная, а во-вторых – контрактная.

Институциональная структура формируется через создание медицинских учреждений с участием государства, основание некоммерческих организаций в области здравоохранения, а также через создание управляющих компаний для внедрения проектов в этой сфере. Кроме того, возможна передача доли государственной медицинской организации частной компании. В рамках контрактного подхода в медицинской промышленности применяются такие инструменты, как концессии, лизинг, государственные контракты, а также контракты на выполнение государственных услуг и работ, финансируемые частным сектором. Кроме того, существует контрактная схема квазигосударственного частного партнерства, в том числе аутсорсинг [8; 9]. Среди основных причин, способствующих развитию аутсорсинга, необходимо выделить такие:

- доступность использования новых цифровых методов и приемов в медицине;
- применение в процессе лечения опыта и знаний высококвалифицированных узких специалистов

в различных областях медицины.

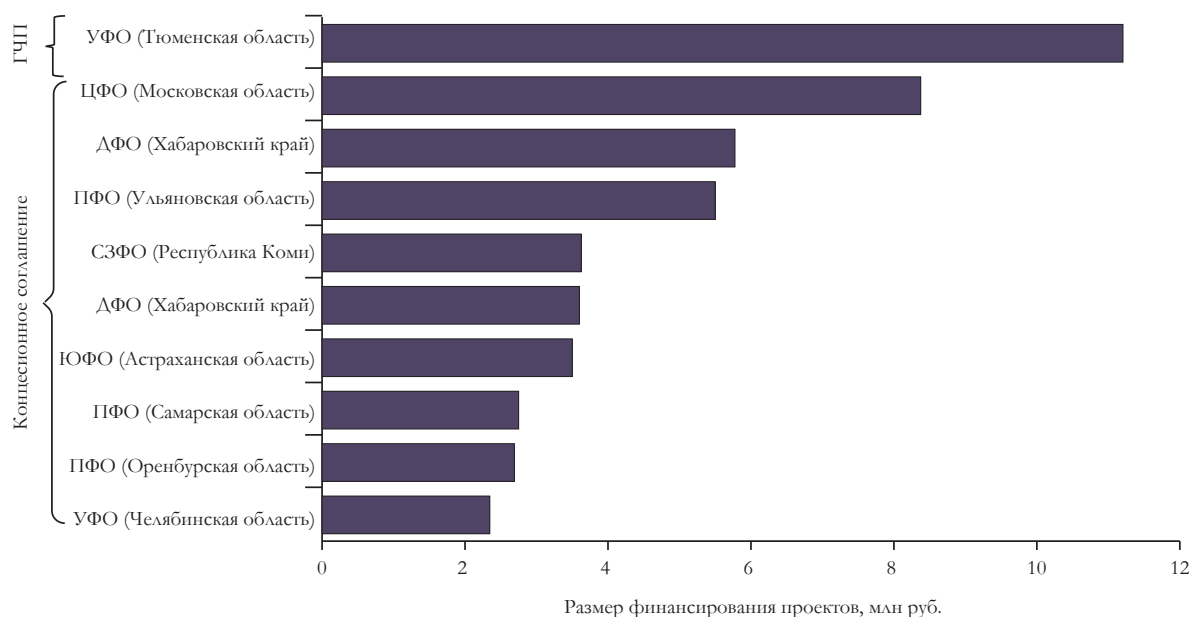
Однако, помимо положительных моментов, следует выделить и отметить его негативные составляющие, которые препятствуют внедрению аутсорсинга в российское здравоохранение и социальную сферу в целом. Среди них выделим настороженность заказчиков к данной системе, с учетом отрицательного опыта применения аутсорсинга в других сферах, нехватку достоверной информации и отсутствие возможности осуществить страхование.

Сфера здравоохранения не является привлекательной для активных финансовых поступлений и инвестиций, что связано с низкой доходностью данной сферы, и это в совокупности с низкой платежеспособностью населения и длительным процессом окупаемости. Выделим основные формы применения ГЧП в здравоохранении на российской территории:

- питание пациентов в зависимости от заболеваний;
- утилизация и транспортировка отходов;
- услуги по обеспечению медицинских организаций транспортом;
- охрана объектов в сфере здравоохранения;
- прочие диагностические мероприятия.

При изучении механизмов финансирования медицинской промышленности мы выявили, что различные варианты частного финансирования нашли применение еще в начале 2019 г. при осуществлении финансирования более 90 проектов в рамках ГЧП.

ГЧП выступает приоритетным по сравнению с другими вариантами финансирования, что является положительным моментом для реализации многих проектов в медицинской промышленности, и это несмотря на то что данный вид финансирования несильно развит в отечественной финансовой практике. Финансирование по системе ГЧП осуществляется на протяжении последних нескольких лет на территории 26 регионов России и внедряется достаточно успешно, причем проекты имеют различные масштабы: от многопрофильных медицинских центров в регионах до небольших фельдшерских пунктов в муниципальных районах (рис. 1).

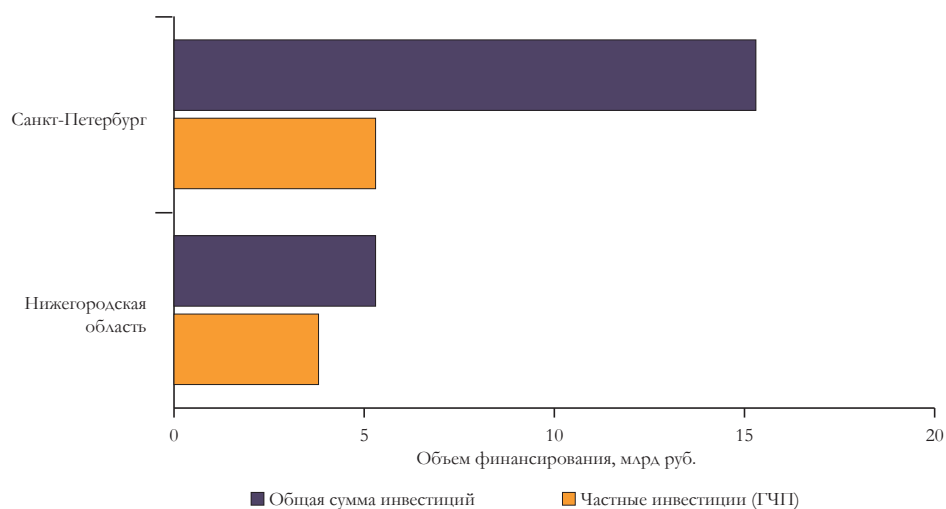
Источник¹

Примечание: УФО – Уральский федеральный округ; ЦФО – Центральный федеральный округ; ДФО – Дальневосточный федеральный округ; ПФО – Приволжский федеральный округ; СЗФО – Северо-Западный федеральный округ; ЮФО – Южный федеральный округ

Рис. 1. Размер финансирования проектов в здравоохранении российских регионов с использованием механизмов ГЧП

Потенциал механизма ГЧП в сфере здравоохранения и медицинской промышленности применяется недостаточно активно, и это связано с существующими барьерами для их внедрения и высокими рисками, сопряженными с реализацией проектов такого партнерства.

На конец 2023 г. в сфере здравоохранения исполняется порядка 56 соглашений о реализации проектов по системе ГЧП. Общий объем инвестиций составил порядка 199,6 млрд руб., среди которых объем частных инвестиций – 149,6 млрд руб. При этом следует отметить, что социальная сфера (спорт, образование, здравоохранение и др.) в 2023 г. стала наиболее динамично растущим направлением по размерам инвестиций и реализованных проектов. За 2023 г. в здравоохранении было профинансировано два соглашения по системе ГЧП на общую сумму 9,1 млрд руб., а оставшаяся часть была профинансирована за счет средств государства до 20,6 млрд руб., то есть за 11,5 млрд руб. (рис. 2).

Источник²

Рис. 2. Объемы финансирования проектов в сфере здравоохранения за 2023 г.

¹ Росинфра. Основные тренды и статистика рынка ГЧП по итогам 2023 года: аналитический дайджест. Режим доступа: <https://rosinfra.ru/library/986-osnovnye-trendy-i-statistika-rynka-g-ch-p-po-itogam-2023-goda-analiticheskii-daidzhest?ysclid=m3d474on5q282002255> (дата обращения: 31.07.2024).

² Там же.

Как видим, в 2023 г. было всего два проекта в сфере здравоохранения на сумму в 5,3 и 3,8 млрд руб. за счет средств частных инвесторов, и они осуществлялись в двух регионах.

Следует отметить, что на сегодняшний день продолжается эксперимент по финансированию региональных проектов по системе ГЧП в регионах и в частности в системе здравоохранения.

По результатам анализа формирования и развития медицинской промышленности и системы здравоохранения в целом формируется эффективное развитие социальной сферы страны в общем, среди регионов-участников на конец 2023 г. насчитывается 24 субъекта и 9 городов. Успешная реализация проектов ГЧП может привести к оптимальным результатам для всех участников. В связи с этим необходимо осуществить мероприятия по привлечению инвесторов, используя льготы и привилегии для них, адаптацию правовой составляющей в области финансирования и инвестиций в сфере здравоохранения, формирование базы эффективных для инвестиций проектов, а также необходимо обеспечивать прозрачность и доступность информации и др.

Внедрение указанных мероприятий позволит повысить эффективность системы финансирования отечественного здравоохранения, расширить источники инвестиций и развить механизмы взаимодействия между публичными и частными партнерами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование является значимым и существенным и заключается в том, что была систематизирована методика осуществляемого финансирования медицинской промышленности в разрезе российских территорий. Данное обстоятельство говорит о том, что необходимо уделять внимание науке как основному источнику новых инновационных идей и направлений.

Анализ формирования и развития региональных социально-экономических систем – это основа экономического развития, на которой разрабатываются оценка влияния ГЧП на становление отечественной медицинской промышленности в рамках районов, областей, провинций, муниципалитетов и т.д., составляются программы развития с государственной поддержкой на длительную перспективу и пр. По результатам своевременного и качественного анализа формирования и становления медицинской промышленности и системы здравоохранения в целом формируется эффективное развитие социальной составляющей страны в общем.

Эффективное использование ГЧП в сфере медицинской промышленности возможно только лишь при балансе между государственным и частным финансированием здравоохранения при осуществлении тщательного отбора инвесторов на конкурсной основе.

Список литературы

1. Савельева О.О., Трубникова Н.В. Всеобщая история рекламы. М.: Дашков и К; 2021. 450 с.
2. Аникин Б.А., Рудая И.А. Аутсорсинг и аутстаффинг. Высокие технологии менеджмента. М.: Инфра-М; 2022. 313 с.
3. Юрьев С.В. Аутсорсинг как элемент современных экономических отношений в Российской Федерации: монография. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики; 2012. 166 с.
4. Календжян С.О., Ермакова С.Э., Измалков И.С. Анализ основных особенностей аутсорсинга в здравоохранении. Российское предпринимательство здравоохранении. 2016;8(17):981–988. <http://doi.org/10.18334/rp.17.8.35118>
5. Огородникова Е.П. Страхование – фактор эффективного развития региональных систем. В кн.: Актуальные вопросы публичного управления, экономики, права в современных геополитических условиях: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Калининград, 30 марта 2024 г. Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании; 2024. С. 417–420.
6. Иванов А.В., Меньшикова А.П., Бурковская Ю.В. Организаторы здравоохранения о возможности использования аутсорсинга в медицинских организациях. Менеджер здравоохранения. 2021;9:34–46. <http://doi.org/10.21045/1811-0185-2021-9-34-46>
7. Корнева А.С., Мазий В.В., Лисицкая Т.С. Роль государственно-частного партнерства в системе финансирования здравоохранения России. Вестник Евразийской науки. 2019;4(11).
8. Кривенко Н.В., Васильева А.В., Цветков А.П. Возможности расширения практики внедрения государственно-частного партнерства в здравоохранении в регионах РФ. Профилактическая медицина. 2021;24(1):17–25. <https://doi.org/10.17116/profmed2021240117>
9. Молчанова М.Ю. Государственно-частное партнерство в системе финансирования здравоохранения регионов. Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016;2(44):114–132. <https://doi.org/10.15838/esc/2016.2.44.7>

References

1. *Saveleva O.O., Trubnikova N.V.* Universal history of advertising. Moscow: Dashkov & K; 2021. 450 p. (In Russian).
2. *Anikin B.A., Rudaya I.L.* Outsourcing and outstaffing. High management technologies. Moscow: Infra-M; 2022. 313 p. (In Russian).
3. *Yuryev S.V.* Outsourcing as an element of modern economic relations in the Russian Federation: monograph. St. Petersburg: Saint Petersburg State University of Service and Economics; 2012. 166 p. (In Russian).
4. *Kalendzhyan S.O., Ermakova S.E., Izmailkov N.S.* Analysis of the main features of outsourcing in healthcare. Russian Journal of Entrepreneurship. 2016;8(17):981–988. (In Russian). <http://doi.org/10.18334/rp.17.8.35118>
5. *Ogorodnikova E.P.* Insurance as a factor of effective development of regional systems. In: Topical issues of public administration, economics, law in modern geopolitical conditions: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Kaliningrad, March 30, 2024. Kirov: Interregional Center for Innovative Technologies in Education; 2024. Pp. 417–420. (In Russian).
6. *Ivanov A.V., Menshikova L.I., Burkovskaya Yu.V.* Health care organizers about the possibility of using outsourcing in medical organizations. Manager zdravoochranenia. 2021;9:34–46. (In Russian). <http://doi.org/10.21045/1811-0185-2021-9-34-46>
7. *Korneva A.S., Mazy V.V., Lisitskaia T.S.* The role of public-private partnership in the Russian healthcare system. The Eurasian Scientific Journal. 2019;4(11). (In Russian).
8. *Krivenko N.V., Vasileva A.V., Tsvetkov A.I.* Possibilities for expanding the practice of public-private partnerships in Russian regional healthcare. Russian Journal of Preventive Medicine. 2021;24(1):17–25. (In Russian). <https://doi.org/10.17116/profmed2021240117>
9. *Molchanova M.Yu.* Public-private partnership in the system of regional healthcare financing. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2016;2(44):114–132. (In Russian). <https://doi.org/10.15838/esc/2016.2.44.7>

Финансово-экономические механизмы городского агломерирования

Попадюк Никита Кириллович

Д-р экон. наук, вед. науч. сотр.

ORCID: 0000-0003-4235-6905, e-mail: NKPopadyuk@fa.ru

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация

Предметом настоящего исследования служит поиск механизмов финансово-экономического регулирования развития городской агломерации, что в силу хронической недостаточности средств на эти цели муниципальных бюджетов приобретает особое значение. Целью работы выступает обоснование необходимости использовать нетрадиционные инструменты регулирования скоординированного развития муниципальных образований (далее – МО), формирующих городскую агломерацию. При этом показано, что субъектами экономической деятельности в каждой городской агломерации являются не только органы государственного регионального управления и органы самоуправления МО: среди них есть вполне самостоятельные хозяйствующие субъекты, которые необходимо приглашать на принципах государственно-частного и муниципально-частного партнерства принимать участие в согласованном управлении развитием всей агломерации в интересах всех стейкхолдеров. Исследование проводилось на основе обобщения литературы по анализу используемых способов управления развитием городских агломераций. Источниками информации стали публикации, в которых анализируемая проблематика находила формы своего разрешения. Результаты исследования обладают эвристическим потенциалом в силу возможности применения рассмотренных инструментов финансирования развития агломерации для скоординированного развития МО, не образующих городскую агломерацию. Выводом данного исследования является возможность использования нетрадиционных форм финансирования согласованного развития за счет повышения капитализации муниципальных активов. Актуальность рассмотренной темы обусловлена необходимостью обеспечивать на новом этапе государственного развития использование всего арсенала рыночных инструментов для целенаправленного развития МО.

Ключевые слова

Стадии урбанизации, городская агломерация, агломерирование, финансово-экономические механизмы, управление агломерированием, стадийно-циклический подход, способы организации управления, муниципальное образование, межмуниципальное соглашение

Благодарности. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Для цитирования: Попадюк Н.К. Финансово-экономические механизмы городского агломерирования // Вестник университета. 2024. № 11. С. 79–88.

Financial and economic mechanisms of urban agglomeration

Nikita K. Popadyuk

Dr. Sci. (Econ.), Leading Researcher

ORCID: 0000-0003-4235-6905, e-mail: NKPopadyuk@fa.ru

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract

The subject of the study is the search for mechanisms of financial and economic regulation of the development of urban agglomeration, which, due to the chronic insufficiency of funds for these purposes of municipal budgets, is of particular importance. The purpose of the work is to justify the need to use non-traditional tools for regulating the coordinated development of municipalities forming the urban agglomeration. At the same time, it is shown that not only state regional government and municipal self-government bodies are the subjects of economic activity in each urban agglomeration: among them there are quite independent economic entities that need to be invited on the principles of public-private and municipal-private partnership to participate in the coordinated management of the development of the entire agglomeration in the interests of all stakeholders. The study is conducted on the basis of generalisation of the literature on the analysis of the methods used to manage the development of the urban agglomerations. Publications in which the analysed problems found forms of their resolution are the sources of information. The results of the study have heuristic potential due to the possibility of using the considered tools for financing the development of agglomeration for the coordinated development of the municipalities that do not form the urban agglomeration. The possibility of applying non-traditional forms of financing the coordinated development by increasing the capitalisation of municipal assets is the conclusion of the study. The relevance of the considered topic is due to the need to ensure the use of the entire arsenal of market instruments for purposeful development of the municipalities at a new stage of state development.

Keywords

Stages of urbanisation, urban agglomeration, agglomeration, financial and economic mechanisms, agglomeration management, stage-cyclical approach, ways of organising management, municipal formation, inter-municipal agreement

Acknowledgements. The article has been prepared based on the results of the research conducted at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation

For citation: Popadyuk N.K. (2024) Financial and economic mechanisms of urban agglomeration. *Vestnik universiteta*, no. 11, pp. 79–88.

ВВЕДЕНИЕ

Известно, что за исключением Московской и Санкт-Петербургской городских агломераций, которые как субъекты Российской Федерации (далее – РФ, Россия) относятся к сфере государственного управления, все остальные городские агломерации России – муниципальные образования (далее – МО). Севастополь, также обладающий статусом субъекта федерации, в силу специфики военно-стратегического характера и конкретных политических обстоятельств городской агломерацией не стал. Из этого следует, что преобладающее большинство вопросов управления отечественными городскими агломерациями находятся в ведении муниципального права. В рамках последнего находится и большая часть проблем управления городскими агломерациями, в том числе и относительно вопросов отладки финансово-экономических механизмов их развития.

Заметим, что отечественная литература по агломерациям представлена достаточно широко, и на протяжении ряда десятилетий рассматривались многие вопросы становления и развития городских агломераций. Некоторые работы были посвящены проблемам управления городскими агломерациями. Здесь следует упомянуть работы Г.М. Лаппо, В.Я. Любоного, Е.Н. Перчика, А.С. Пузанова, Н.Б. Косаревой, Р.В. Фаттахова, А.И. Татаркина, П.А. Минакира и др. В преобладающем большинстве поднимались вопросы, обусловленные экстенсивным этапом развитием урбанизации, что было характерно еще для общественно-политической и экономической системы до рыночных преобразований в стране, и поэтому освещались проблемы формирования и становления новых городов и их взаимоотношений с городскими и сельскими поселениями вокруг них. В постсоветский период образование новых городов в силу известных причин прекратилось, но продолжался рост городских агломераций, хотя и меньшими темпами. Их рост происходил за счет перемещения русскоязычного населения из бывших союзных республик распавшегося Советского Союза на территорию России, а также в результате переезда части российских граждан из малых городов в крупные, где было легче решать проблему трудоустройства, поскольку в таких городах спрос на рабочую силу являлся высоким.

В то же время, несмотря на достаточный объем работ по вопросам развития агломераций, проблематика, связанная с финансово-экономическими механизмами развития городских агломераций, не была должным образом рассмотрена. Поэтому целью настоящей статьи и является рассмотрение вопросов финансово-экономических механизмов городского агломерирования.

СЛОЖИВШИЕСЯ МОДЕЛИ РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ

Недостаточное количество статей о финансово-экономических механизмах развития городских агломераций, представляется, было вызвано тем, что эти механизмы складывались стихийно. Цели создать городскую агломерацию перед органами государственного управления никогда не ставилось. Наоборот, в истории распространения агломераций по миру больше примеров, как предпринимались меры по недопущению чрезмерного роста таких урбанистических образований. Вот почему вопрос о целенаправленном финансировании проектов развития городских агломераций долгое время и не вставал.

Выделение финансовых средств на развитие городских агломераций осуществлялось для более упорядоченного их развития и во многом происходило на традиционной основе – с использованием средств государственного регионального бюджета. В отечественной практике относительно упорядоченного управления городской агломерацией известен, по крайней мере, один случай, когда задача финансирования ее развития возникла «снизу» – перед органами МО, ее образующими. Это когда правительство региона, на территории которого стихийно появилась городская агломерация, в силу известных ограничений и своих соображений отказалось финансировать проекты, связанные с ее развитием. То же имело место в случае с Челябинской городской агломерацией, когда органы местного самоуправления (далее – ОМСУ), представляющие вошедшие в эту агломерацию МО, ради поиска организационных и финансовых ресурсов для своего скоординированного развития использовали межмуниципальное соглашение, заключив его между всеми муниципалитетами агломерации. Это самостоятельно найденный механизм финансирования развития городской агломерации. В основном же отечественная практика пошла по другому пути.

Корректно поставленная задача о финансово-экономических механизмах развития городских агломераций имплицитно предполагает решение двух вопросов:

- 1) каковы характер происхождения конкретной городской агломерации и естественно обусловленные им перспективы ее развития?
- 2) какие используются способы организации управления городскими агломерациями, с учетом того, что они в наибольшей степени соответствуют конкретике ее становления и развития?

Отвечая на первый вопрос, отметим, что в литературе подчеркивается, что городские агломерации как определенная форма расселения населения, являясь сложно организованной иерархической структурой, развиваются согласно своей логике так, что ее отдельные части имеют разновременный темп развития, когда они «находятся на разных стадиях развития. Стадийно-циклический подход к эволюции урбанизации, широко используемый современными исследователями, основан на идеях Н.Д. Кондратьева ... и американского урбаниста Дж. Джибса. Этот подход исходит из того, что пространственные закономерности урбанизации суть определенные стадии естественно-исторического процесса» [1, с. 163].

Это дает возможность при стадийно-циклическом подходе идентифицировать тенденции развития агломераций в каждой стадии, определив такие рычаги влияния, воздействия, которые в наибольшей мере соответствуют внутренней логике развития этих урбанизированных образований на данных стадиях, и тем самым минимизировать объемы тех ресурсов, которые необходимо сосредотачивать на целенаправленное регулирование процессов урбанизации на каждой из них. Городские агломерации объективно являются точками «стягивания» производственных мощностей и населения из близко расположенных территорий и в этом качестве могут стать целенаправленно используемыми рычагами управления размещения рабочих мест в городах и селах России. Наоборот, при отсутствии мер по регулированию процессов обустройства городов, управлению процессами перемещения населения между регионами и в целом внутренней миграции ищущие работу граждане будут перемещаться в более крупные города из менее населенных мест расселения хаотично.

Согласно исследованиям по агломерированию практика выявила следующие этапы этого процесса и, соответственно, «стадии урбанизации»:

- 1) относительно равномерное сельское расселение с формирующимися городами;
- 2) ускоренное развитие городов с формированием их иерархической системы на фоне все еще развитого сельского расселения;
- 3) возникновение городских агломераций с ускоренным ростом их ядер, сопровождающееся началом депопуляции сельской местности;
- 4) дальнейшее расширение агломераций, слияния их между собой (за счет ускоренного роста периферийных зон) на фоне замедления роста средних и депопуляции малых городов, находящихся вне зоны воздействия городских агломераций;
- 5) начало дезурбанизации. Она характеризуется центробежными процессами – частичным заполнением межагломерационных пространств и стагнацией городских центров и исторических ядер» [1, с. 163–164].

Настройка управленческих решений на выявленные тенденции развития, в том числе с предложением градостроительных мер, минимизирующих рост негативных процессов, позволит принимать решения по сбалансированному развитию районов агломерации и обеспечивать гармоничное формирование структуры этих урбанистических образований.

Недостающие средства для финансирования объектов, которые представляют интерес как для местного самоуправления (далее – МСУ), участвующего в развитии агломерации, так и для разномасштабного бизнеса, следует привлекать за счет ресурсов государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) и муниципально-частного партнерства (далее – МЧП). В этом – значимый тренд, характерный для всего мира.

Известно, что вдоль дорог, отходящих от городских агломераций к другим городам, образуются своеобразные «лучи» урбанизации, втягивающие в городскую черту и сельскую местность. Это еще не совсем классические коридоры урбанизации, о которых пишется в литературе по формам расселения городского населения [2], но специфические зоны экономического пространства, постепенно и ускоренно-стихийно застраиваемые без особого плана. Представляется целесообразным по-разному стимулировать финансированием строительство выгодных для развития этого пространства объектов, формируемых на основе таких «лучей» агломераций и крупных городов, застраиваемых производственными узлами и комплексами, и привлекать средства не только муниципальных бюджетов, но и частный капитал предпринимателей в форме ГЧП и МЧП.

В результате вновь вводимые производственные и инфраструктурные объекты, возводимые за счет стимулирующих преференциальных режимов, будут наполняться рабочей силой прежде всего из сельских

поселений, расположенных вокруг городских агломераций. При необходимости можно подготавливать потребные, согласно перспективным планам, отряды рабочих востребованных специальностей из других регионов. Кроме того, строительство железных и автомобильных дорог между создаваемыми таким образом городскими коридорами и вокруг них будет способствовать тому, что в достаточно ограниченный по времени срок урбанизированный ландшафт вокруг городских агломераций преобразуется в более емкое экономическое пространство в регионе в целом. Здесь характер происхождения конкретной городской агломерации, естественно, становится не столь значимым, обусловленные им перспективы ее развития требуют управленческих целенаправленных мер.

Что касается ответа на второй из поставленных вопросов, – какие используются способы организации управления городскими агломерациями – то здесь необходимо заметить следующее. Отмечено уже, что городские агломерации развиваются стихийно и потому объективно в соответствии с закономерностями урбанизации. Однако, возникнув стихийно, они в своем развитии ставят вопросы рационализации средств, необходимых для согласованного развития и дальнейшего функционирования различных частей, с тем чтобы минимизировать дублирование в расходовании бюджетных средств. Здесь в силу известной хронической ограниченности средств муниципальных бюджетов в разных формах слаженному развитию возводимых объектов транспортной и инженерно-коммунальной инфраструктуры содействуют региональные органы государственного управления, на территории которых городские агломерации и расположены. Так как последние образуются на основе административных центров регионов, то прямую заинтересованность в их планомерном развитии не только проявляют, но и практически проводят за счет средств регионального бюджета именно региональные органы государственного управления.

В России сформировались такие модели регулирования развития городских агломераций:

- 1) организация координационного совета при правительстве субъекта федерации, на территории которого образовалась городская агломерация, для регулирования ее развития и устранения тех управленческих коллизий, что могут возникнуть при необходимости межмуниципального взаимодействия;
- 2) создание при заместителе председателя правительства региона, на территории которого создавалась городская агломерация, организационного комитета с вхождением в него начальников департаментов и отделов, курирующих вопросы градостроительства, территориального планирования, транспорта и социального развития, что в рамках своих полномочий вправе выделять средства регионального бюджета на решение вопросов, в которых заинтересован субъект федерации и которые одновременно способствуют развитию городской агломерации.
- 3) разработка региональной территориальной схемы управления городской агломерацией как документа стратегического планирования, финансирование которого осуществляется прежде всего за счет привлечения средств государственного регионального бюджета региона, на чьей территории возникла городская агломерация. Кроме того, для конкретных проектов в рамках этой схемы, которые интересны местным предпринимателям в форме ГЧП и МЧП, может использоваться и частный капитал.

Как уже отмечалось, четвертый способ организации управления городской агломерацией – на основе межмуниципальных соглашений между администрациями МО, входящих в данную агломерацию.

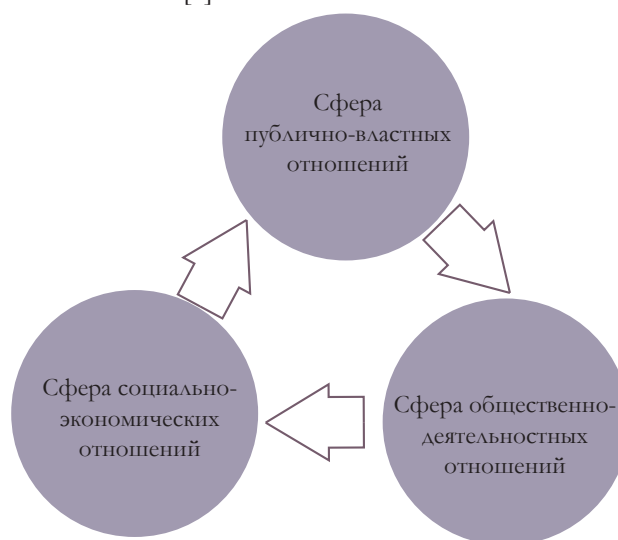
При этом первые три организационные формы своим источником финансирования имеют региональный бюджет с возможным частичным привлечением средств местных бюджетов. Поэтому и механизм финансирования здесь – расходное расписание бюджета.

В ОМСУ, где отлажено самоуправление с участием заинтересованных сторон из муниципального сообщества, как отмечено исследователями, «местное самоуправление на своем уровне реализует ряд функций управления местным развитием лучше государства: эффективнее собирает налоги, привлекает инвестиции, контролирует расходование бюджетных средств и др.» [3, с. 5]. Этими исследователями подчеркивается, что, согласно Федеральному закону от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», во всех потенциально возможных организационных формах, благодаря их многообразию, «использование местных ресурсов, которые могут быть незаметными на общегосударственном уровне, позволяет местному самоуправлению гибко реагировать на вызовы и угрозы, возникающие в процессе функционирования и развития общества и государства».¹

¹Федеральный закон от 06.10.2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/?ysclid=m35yx70nwk552188686 (дата обращения: 15.08.2024).

РЕАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВНУТРИ ГОРОДСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

В этой связи главе администрации ОМСУ города-ядра городской агломерации объективно предоставляется роль ведущего разработчика документов стратегического планирования (стратегий и программ) подведомственного МО. При этом следует учитывать, что реальные организационно-экономические отношения внутри городской агломерации, во-первых, не полностью контролируются администрацией ОМСУ и, во-вторых, далеко не так очевидны, как представляется при учете исключительно формальных предписаний. Вот почему должны быть корректно идентифицированы не номинальные, а реальные субъекты управления и хозяйствования в конкретных группах отношений по следующим ключевым трем сферам организационно-экономических отношений, которые имеют место в каждом МО (рис. 1): в сфере публично-властных отношений, в сфере социально-экономических отношений и в сфере общественно-деятельностных отношений [3].

Составлено автором по материалам источника [3]

Рис. 1. Сферы отношений в городской агломерации

В каждой из указанных сфер эти отношения реально субъектизируются, имеют внутри муниципального сообщества субъекты деятельности по конкретным подгруппам таким образом, что любая группа и подгруппа конкретных отношений представлена вполне определенными субъектами деятельности, каждый из которых, в свою очередь, обеспечен соответствующими для реализации этих отношений ресурсами (материально-техническими, людскими, финансово-экономическими, властно-организационными, информационными и т.п.). Речь идет о таких субъектах деятельности, значимых для самоуправления на территории любого из МО городской агломерации, как:

- глава городской администрации города-ядра городской агломерации;
- глава районной администрации административного района, на территории которого расположена городская агломерация;
- председатели соответствующих legislatures МО «городской округ» и «административный район», на территории которых расположена городская агломерация, а также депутаты крупных городских поселений, охваченных агломерацией и имеющих статус городского поселения;
- главы администраций остальных МО, входящих в городскую агломерацию;
- главы градообразующих предприятий города-ядра городской агломерации;
- главы градообразующих предприятий МО, входящих в городскую агломерацию.

Четкое определение реальных субъектов организационной и хозяйственно-экономической деятельности, функционирующих на территории городской агломерации, – задача не из легких, потому что обычно видятся взаимоотношения между руководителями администрации и руководителями ключевых предприятий и организаций, но реально таких субъектов политико-хозяйственной деятельности на территории значительно больше. Более того, далеко не все они имеют одинаковые целевые установки

развития подведомственных организаций. Предстоит привести эти цели в соответствие таким образом, чтобы достигнуть действительно согласованного развития. Уже идентифицировав их и соотнеся их ресурсы с ресурсами субъектов властных и организационно-управленческих отношений, представленных центрами принятия экономических решений, можно готовить программные документы, согласованные с ними на основе консенсуса и компромиссов, которые должны содействовать повышению жизненно-го уровня всех муниципальных сообществ, входящих в городскую агломерацию.

Каждая из перечисленных сфер представлена соответствующими конкретными отношениями, содержательно наполняющими их деятельность в МО с их МСУ [3]. Рассмотрим их.

Сфера публично-властных отношений – совокупность отношений между:

- местными сообществами, органами и должностными лицами МСУ по вопросам формирования и эффективного функционирования структуры муниципальной организации МСУ;
- органами и должностными лицами МСУ в структуре МО МСУ;
- органами и должностными лицами МСУ в структуре МО МСУ в части реализации своих публично-властных функций;
- органами и должностными лицами в границах муниципального района, на территории субъекта РФ и т.п.

Сфера общественно-деятельностных отношений – отношения, которые возникают:

- в процессе участия граждан в МСУ, во взаимодействии местных сообществ с органами и должностными лицами муниципальной власти по вопросам обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина на территории МО;
- по вопросам эффективного использования форм непосредственной демократии и форм участия граждан в МСУ, развитии различных форм МСУ и самодеятельности граждан;
- по поводу максимального использования потенциала местных подразделений политических партий.

Сфера социально-экономических отношений включает в себя общественные отношения:

- по поводу владения, пользования и распоряжения муниципальной собственностью;
- между органами муниципальной власти и субъектами хозяйственной деятельности всех организационно-правовых форм и форм собственности по удовлетворению общественных (коллективных) потребностей местных сообществ и отдельных граждан;
- между местными сообществами и органами муниципальной власти по вопросам социально-экономического развития МО и др. [3].

Только после того как были идентифицированы и сферы отношений, и субъекты деятельности с их потенциальными ресурсами (организационными, властными, финансовыми, информационными, символическими, авторитетного характера и т.п.), вовлеченные в процесс функционирования городской агломерации, появляются практические возможности содействовать достижению предпочтительных перспектив развития городской агломерации, включая подбор потенциальных механизмов их финансирования. Здесь пространство достаточно инновационное.

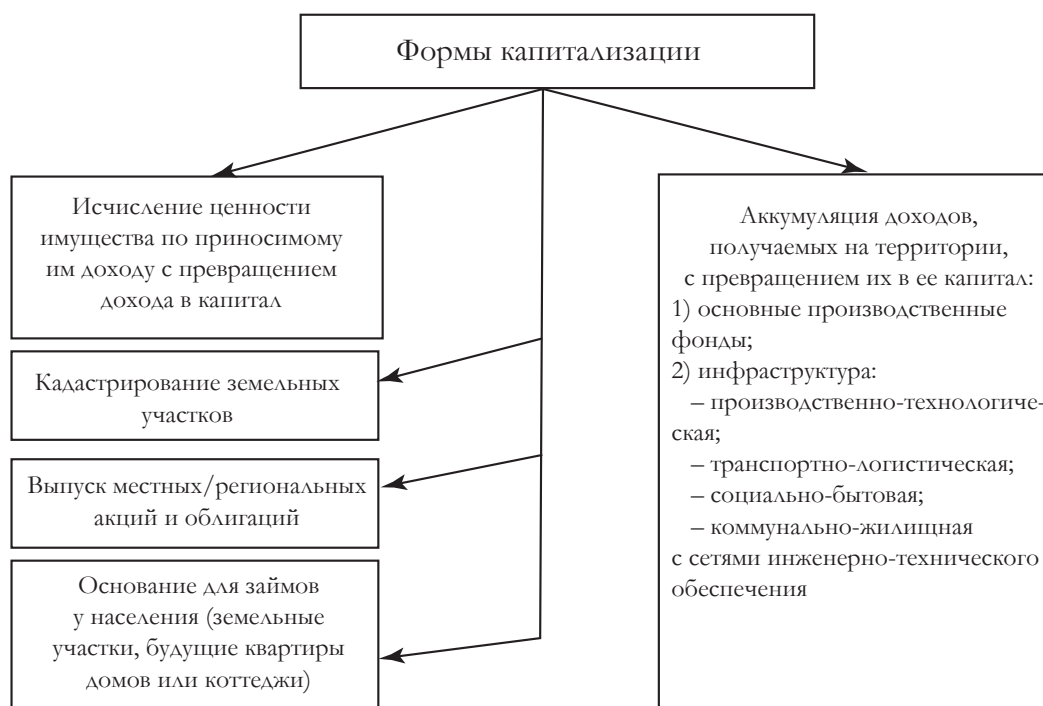
ВОЗМОЖНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ ДЛЯ СОДЕЙСТВИЯ ОЖИДАЕМЫМ ПЕРСПЕКТИВАМ ИХ РАЗВИТИЯ

При использовании всего арсенала практикуемых документов стратегического планирования, разработка которых вменена в обязанность каждому МО независимо от численности населения муниципального сообщества и занимаемой им территории, представляется возможным применять дополнительные инструменты, которые предоставляет современный уровень развития рыночных механизмов. Нужно использовать инструменты ГЧП и МЧП в самых широких масштабах для решения разнообразных вопросов, создав только специальное подразделение для этого, наряду со службой поддержки малого и среднего предпринимательства в МО. Однако речь идет не об этом.

Необходимо найти дополнительные и относительно нетрадиционные источники для финансирования проектов, способствующих сбалансированному и целенаправленному развитию городской агломерации. Отметим при этом, что задача целеполагания развития городской агломерации сама представляет собой особый важный перспективный этап четкого выявления трудностей и возможностей, что подтверждает разработка территориальных схем управления городской агломерацией, практика подготовки

которых уже накоплена. Здесь же предстоит решать стоящие задачи стратегирования, исходя из необходимости перспективного самоопределения развития МО городской агломерации, учитывая при этом, что, возможно, их придется решать в условиях преодоления фазового кризиса, который, как прогнозируют некоторые специалисты, приобретет в ближайшие 3–5 лет тотальный характер.

Использование палитры рыночных рычагов позволяет выйти на целый пласт инструментов, связанных с целенаправленным повышением уровня капитализации МО городской агломерации (рис. 2). Для органов местного самоуправления эта задача стоит особо остро. Однако предстоит, создав межмуниципальный совет по развитию городской агломерации, вынести на его обсуждение вопросы возможных направлений повышения уровня капитализации муниципальных активов, которые могут находиться под контролем ОМСУ, в интересах всего коллектива МО, формирующих городскую агломерацию. Целенаправленное регулирование процессов развития городской агломерации, понятно, потребует дополнительные ресурсы при любом выбранном сценарии, которые предстоит тщательно рассмотреть под углом зрения минимизации негативных издержек (нерегулируемый рост на ограниченной локальной территории численности рабочей силы, подготовка и перепрофилирование рабочей силы, ограничения производственных мощностей и т.п.). Без этих обсуждений, которые позволят тратить ограниченные ресурсы с учетом корректно идентифицируемых стадий естественно-исторического процесса, что были рассмотрены выше невозможно, поскольку необходимо четко определиться, на какой из них представлена данная агломерация.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Формы капитализации некоторых активов городов, входящих в городскую агломерацию

Для производства добавленной стоимости за счет финансово грамотного использования капитальной стоимости городской недвижимости, которая «является ценным экономическим активом для любого города» [4, с. 52], предполагающего современные финансовые технологии, целесообразно различать и разграничивать выполняемые этим активом функции. Дело в том, что каждая из них предполагает свои инструменты получения дохода от уровня капитализации. Ведь наряду с прямыми функциями, которые выполняет городская недвижимость как экономический актив (это находящиеся на поверхности явления функции как места проживания и как места размещения бизнеса), она также осуществляет в рыночной экономике такие экономически значимые функции, как «средство накопления и сбережений граждан и бизнеса, залоговый актив, инвестиционный актив, источник бюджетных доходов от налогов на недвижимость» [4, с. 52].

Согласно известному тезису диалектики «предмет определяет метод», надо понимать, что каждая из перечисленных экономически значимых функций раскрывается для своих бенефициаров по-своему, отражая логику экономического движения материала различных пространственных единиц, которые включены в агломерационное образование. Исследователи Института экономики города, профессионально занимающиеся городскими агломерациями, отмечают: «Анализ дифференциации экономических показателей различных пространственных единиц (территорий) внутри агломерации, города (например, муниципальных образований, входящих в состав агломерации, городов федерального значения, улиц, населенных пунктов или иных пространственных единиц заданного размера) позволяет определить локальные факторы, оказывающие влияние на капитализацию недвижимости, например такие, как функциональная структура использования земли и недвижимости, вовлеченность недвижимости в рыночный оборот, баланс жилых и деловых функций, адекватность предложения парковок на тех или иных территориях, улицах, эффективность налогообложения недвижимости, качество кадастровой оценки недвижимости и др.» [4, с. 52].

Каждый из перечисленных потенциальных источников получения дохода за счет повышения уровня капитализации, которые можно использовать для финансирования сбалансированного развития городской агломерации, требует своего комплекса мероприятий. Из них и будет составлена межмуниципальная или региональная программа. Между тем знакомство с материалами, обобщающими опыт разработки муниципальных программ и стратегий развития городских агломераций, показывает, что должного понимания необходимости использования таких механизмов нет [5]. Здесь без широкого обсуждения с потенциальными выгодополучателями достичь успехов будет сложно. Необходимо идти на компромиссы с субъектами хозяйственной деятельности, чтобы не получить скрытые формы саботирования, казалось бы, согласованных мероприятий, если они противоречат целевым установкам этих хозяйствующих субъектов. Требуется понимание реальных интересов каждого из игроков, чтобы в реальности обеспечить согласованное развитие всей городской агломерации. Однако это достижимо и в условиях необходимости преодоления кризисных явлений приобретает характер императива, а значит, те руководители МО, которые не смогут этого достичь, должны уступить место тем, кто сможет в интересах всего МО использовать новые рычаги муниципального регулирования экономических преобразований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассматривая потенциальные финансово-экономические механизмы городского агломерирования, следует иметь в виду, что они не представляют собой потенциал только органов местного самоуправления или региональных органов государственного управления субъекта РФ, на территории которого расположена городская агломерация. Это должно быть предметом совместного заинтересованного решения всех органов государственного и муниципального управления, а также представителей народного власти на всех уровнях, которые задействованы конкретной городской агломерацией.

В будущей модели государственного и муниципального управления должны быть учтены ожидаемые риски, обусловленные глобальным финансово-экономическим кризисом. Сама стратегия развития региональных и муниципальных органов управления будет по необходимости выстраиваться в соответствии с общими трендами рыночных отношений. Здесь наиболее наглядно проявляются возможности, которые порождены процессами, как отмечал академик А.Г. Гранберг, появления у этих органов таких черт, как квазикорпорация и квазигосударство [6]. Соответственно, данным территориальным органам управления нужно создавать свои, соответствующие уровню квазигосударства и квазикорпорации, службы реагирования на динамично меняющиеся внешние вызовы и изменения и трансформировать их в новые установки, способные корректировать работу всех остальных подразделений органа государственного управления или органа местного самоуправления. Кроме того, возможности генерирования новых денежных потоков, которые потенциально несут в себе сам факт повышения капитализации муниципальных активов в их различных формах (муниципальное имущество, облигации, акции, займы у населения под возводимые коттеджи, перекадастрированные земельные участки с выявлением неучтенных земель и их потенциальным акционированием или передачей в аренду и т.п.) позволят существенно активизировать денежное и финансовое обращение на территории МО, формирующих городскую агломерацию [7].

Таким образом, необходимо не только понять, что возможные механизмы финансирования городских агломераций для содействия ожидаемым перспективам их развития находятся в экономической оболочке этого

«ценного экономического актива для любого города» [8, с. 120–121], но и, посмотрев, как это удастся сделать коллегам из других передовых муниципальных образований, самим искать экономические инструменты реализации данных активов в интересах всех, кто этой недвижимостью пользуется, распоряжается или владеет.

Список литературы

1. *Титов К.А., Любовный В.Я., Хасанов Г.Р.* Самарско-Тольяттинская агломерация: современное состояние и пути устойчивого развития. М.: Наука; 1996. 208 с.
2. *Sayamov Yu., Ivanov A., Gabdullin R., Yashkov I., Mifsud J., Vashevnik A. et al.* A city in the globalizing world: monograph. 2nd ed. Moscow: Moscow University; 2016. 303 p.
3. *Стефанова И.В.* Ориентация системы самоуправления на развитие местного хозяйства депрессивных территорий (на примере шахтерских городов юга России): монография. Ростов-на-Дону: Содействие – XXI век; 2011. 140 с.
4. *Полиди Т.Д., Гершович А.Я.* Индикаторы эффективности использования территорий и управления пространственным развитием городов и городских агломераций. В кн.: Городской альманах. Выпуск 9. М.: Институт экономики города; 2022. С. 51–76.
5. *Попов Р.А., Пузанов А.С.* Практика разработки и реализации стратегических и программных документов развития городских агломераций, соглашений о межмуниципальном сотрудничестве. В кн.: Городской альманах. Выпуск 9. М.: Институт экономики города; 2022. С. 28–36.
6. *Гранберг А.Г.* Основы региональной экономики. М.: Высшая школа экономики; 2001. 492 с.
7. *Попадюк Н.К.* Новые формы капитализации экономического пространства региона в посткризисный период: монография. М.: Инфра-М; 2022. 131 с.
8. *Барабаш Е.С., Леонов С.Н.* Межмуниципальное взаимодействие: потенциал и механизм реализации: монография. Хабаровск: Хабаровская государственная академия экономики и права; 2013. 188 с.

References

1. *Titov K.A., Lyubovny V.Ya., Khasanov G.R.* Samara-Tolyatti agglomeration: current state and ways of sustainable development. Moscow: Nauka; 1996. 208 p. (In Russian).
2. *Sayamov Yu., Ivanov A., Gabdullin R., Yashkov I., Mifsud J., Vashevnik A. et al.* A city in the globalizing world: monograph. 2nd ed. Moscow: Moscow University; 2016. 303 p.
3. *Stefanova I.V.* Orientation of the self-government system towards the development of local economy in depressed territories (on the example of mining towns in southern Russia): monograph. Rostov-on-Don: Sodejstvie – XXI vek; 2011. 140 p. (In Russian).
4. *Polidi T.D., Gershovich A.Ya.* Indicators of the effectiveness of using territories and management of spatial development of cities and urban agglomerations. In: Urban almanac. Issue 9. Moscow: Institute for Urban Economics; 2022. Pp. 51–76. (In Russian).
5. *Popov R.A., Puzanov A.S.* Practice of developing and implementing strategic and programme documents for the development of urban agglomerations, agreements on inter-municipal cooperation. In: Urban almanac. Issue 9. Moscow: Institute for Urban Economics; 2022. Pp. 28–36. (In Russian).
6. *Granberg A.G.* Fundamentals of regional economy. Moscow: Higher School of Economics; 2001. 492 p. (In Russian).
7. *Popadyuk N.K.* New forms of capitalisation of the economic space of the region in the post-crisis period: monograph. Moscow: Infra-M; 2022. 131 p. (In Russian).
8. *Barabash E.S., Leonov S.N.* Inter-municipal interaction: potential and mechanism of implementation: monograph. Khabarovsk: Khabarovsk State Academy of Economics and Law; 2013. 188 p. (In Russian).

Обоснование направлений совершенствования механизма управления строительным комплексом Донецкой Народной Республики

Тарасов Александр Сергеевич

Ст. преп. каф. менеджмента строительных организаций
ORCID: 0009-0008-8763-0377, e-mail: a.s.tarasov@donnasa.ru

Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, г. Макеевка, Россия

Аннотация

Актуальность исследования механизмов управления строительным комплексом обусловлена его фундаментальной ролью в экономическом развитии и структурных преобразованиях национальной экономики. Строительный комплекс выступает не только как производитель материальных благ, но и как катализатор экономического роста, создавая мультипликативный эффект в смежных отраслях и стимулируя инновационную активность. В условиях динамично меняющейся рыночной конъюнктуры, характеризующейся высокой волатильностью спроса и предложения, а также ускоренным темпом технологических инноваций, совершенствование управленческих подходов в строительной отрасли приобретает критическую значимость. Кроме того, современные императивы устойчивого развития, включающие экологические, социальные и экономические аспекты, требуют пересмотра традиционных моделей управления и внедрения инновационных стратегий. Данная работа нацелена на всесторонний анализ и научное обоснование направлений оптимизации механизма управления строительным комплексом. Целью исследования является разработка интегрированного подхода к управлению, который позволит повысить конкурентоспособность отрасли на национальном и международном уровнях, обеспечить долгосрочную экономическую эффективность и устойчивость в условиях глобальных вызовов. Особое внимание уделяется анализу инновационных управленческих практик, цифровизации процессов управления и адаптации международного опыта к российским реалиям.

Ключевые слова

Механизм управления, предприятие, строительный комплекс, взаимосвязь комплекса ЭММ, преимущества строительного комплекса, уровень производительности труда, эффективность управления предприятием

Для цитирования: Тарасов А.С. Обоснование направлений совершенствования механизма управления строительным комплексом Донецкой Народной Республики // Вестник университета. 2024. № 11. С. 89–98.

Substantiation of directions for improving the management mechanism of the construction complex in the Donetsk People's Republic

Alexander S. Tarasov

Senior Lecturer at the Management of Construction Organisations Department
ORCID: 0009-0008-8763-0377, e-mail: a.s.tarasov@donnasa.ru

Donbass National Academy of Civil Engineering and Architecture, Makeyevka, Russia

Abstract

The relevance of the study of management mechanisms of the construction complex is due to its fundamental role in the economic development and structural transformations of the national economy. The construction complex acts not only as a producer of material goods, but also as a catalyst for economic growth, creating a multiplier effect in related industries and stimulating innovative activity. In a dynamically changing market environment characterised by high volatility of supply and demand as well as by an accelerated pace of technological innovation, improving management approaches in the construction industry becomes critically important. In addition, modern imperatives of sustainable development, including environmental, social and economic aspects, require a revision of traditional management models and introduction of innovative strategies. This article is aimed at a comprehensive analysis and scientific justification of the directions of optimisation of the management mechanism of the construction complex. The aim of the research is to develop an integrated management approach that will increase competitiveness of the industry at the national and international levels, ensure long-term economic efficiency and sustainability in the face of global challenges. Special attention is paid to the analysis of innovative management practices, digitalisation of management processes, and adaptation of international experience to the Russian realities.

Keywords

Management mechanism, enterprise, construction complex, interconnection of EMM complex, advantages of construction complex, level of labour productivity, effectiveness of enterprise management

For citation: Tarasov A.S. (2024) Substantiation of directions for improving the management mechanism of the construction complex in the Donetsk People's Republic. *Vestnik universiteta*, no. 11, pp. 89–98.

ВВЕДЕНИЕ

Важность и ценность механизма управления функционированием предприятий строительного комплекса трудно преувеличить. Обоснование совершенствования механизма является необходимым условием для повышения конкурентоспособности и устойчивости строительного комплекса в контексте современного рынка.

Актуальность механизма управления в рамках деятельности предприятий строительной отрасли обусловлена несколькими ключевыми факторами.

Во-первых, строительная отрасль играет центральную роль в экономике страны, будучи драйвером экономического роста и структурных преобразований. Эффективное управление предприятиями строительного комплекса позволяет оптимизировать использование ресурсов, что, в свою очередь, минимизирует издержки и повышает производительность труда.

Во-вторых, современные строительные проекты требуют внедрения передовых технологий, таких как 3D-моделирование (англ. three-dimensional – трехмерный), автоматизация процессов и использование смарт-технологий. Интеграция инновационных решений в общий механизм управления способствует повышению точности, скорости выполнения работ и снижению затрат.

В-третьих, квалифицированные кадры являются основой успешного функционирования строительного комплекса. Эффективное управление включает меры по привлечению, обучению и удержанию профессиональных работников, что обеспечивает высокий уровень качества выполняемых работ и постоянное обновление кадрового потенциала.

Наконец, система мониторинга и оценки позволяет своевременно выявлять и устранять недостатки, что улучшает качество и эффективность строительных проектов. Это включает регулярный контроль за выполнением проектов, анализ ключевых показателей эффективности и проведение аудитов.

Таким образом, актуальность механизма управления в строительном комплексе связана с необходимостью адаптации к быстро меняющимся рыночным условиям, с внедрением технологических инноваций и соблюдением принципов устойчивого развития. Эффективное управление позволяет повысить конкурентоспособность и устойчивость строительного комплекса, что является важным условием для успешной реализации масштабных строительных проектов.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОМПЛЕКСА ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ПО СОЗДАНИЮ ЭФФЕКТИВНОГО ВАРИАНТА МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕМ ПРЕДПРИЯТИЙ СТРОИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА

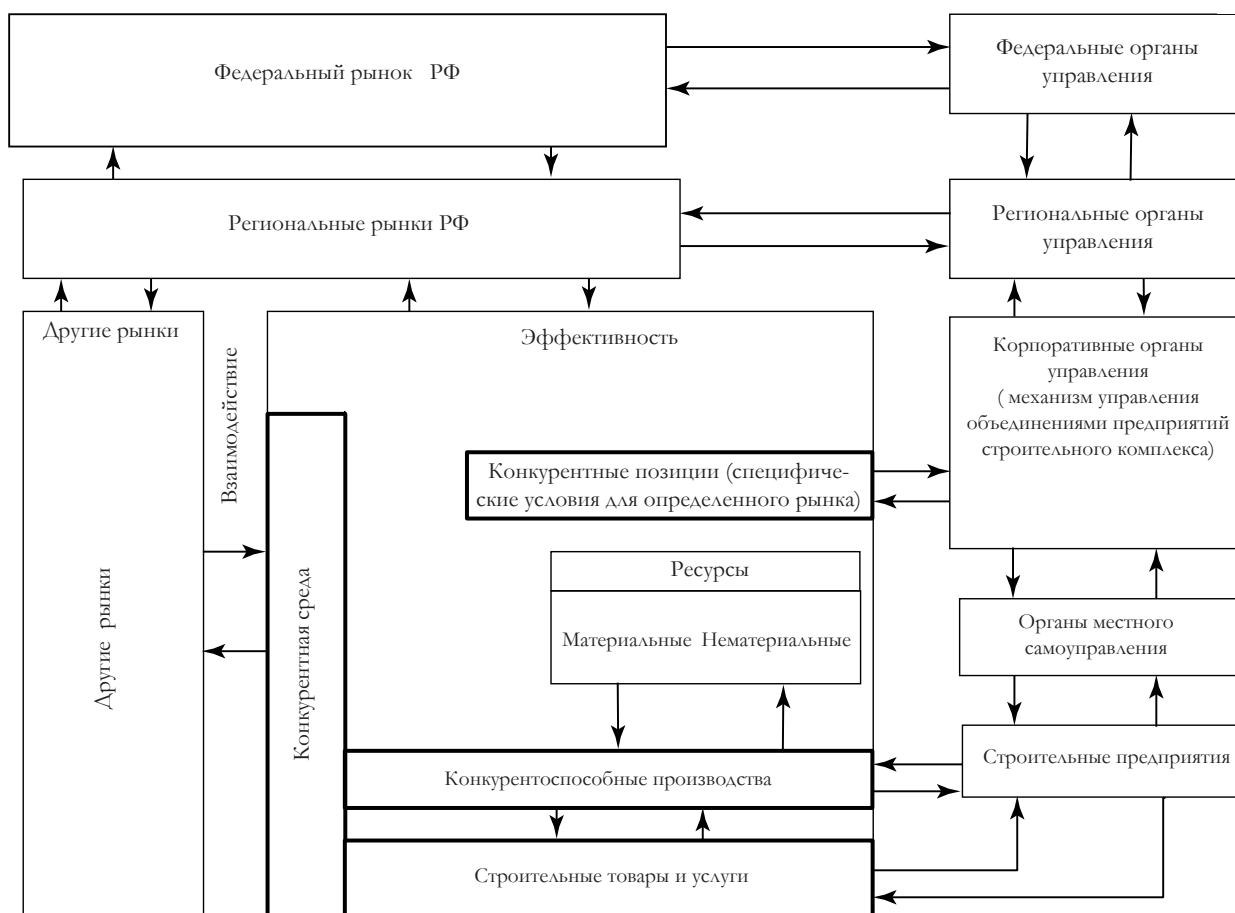
Проектируемый строительный комплекс в Донецкой Народной Республике (далее – ДНР) на период до 2030 г., включающий составляющие его строительные кластеры на территории республики, основан на концепциях государственно-частного партнерства, кооперационной деятельности и кластерно-адаптивного подхода. На сегодняшний день данные концепции и подходы признаны ценными экономическими и организационными инструментами для повышения эффективности деятельности строительных организаций, инвесторов, банков, государства, страховых организаций и т.д. в ДНР в условиях создания и функционирования специальной экономической зоны в республике. Как показывает практика регионов Российской Федерации (далее – РФ, Россия), добившихся успеха в создании строительных кластеров, они имеют более высокий уровень производительности труда, инноваций, занятости и темпов развития в целом.

Механизм управления – это более широкое и сложное понятие, которое охватывает разнообразные средства (инструменты, рычаги, методы, принципы) целенаправленного воздействия на объект управления в их взаимосвязи и взаимодействии, то есть может и должно рассматриваться как система, предназначенная для осуществления управленческой деятельности [1].

Создание эффективных вариантов механизма управления предприятиями строительного комплекса на определенных уровнях управления является очень сложной научно-прикладной задачей. На рис. 1 представлена система функционирования взаимосвязей при этом процессе. Данная система позволяет поставить соответствующие задачи на федеральном, региональном уровнях, на уровне корпораций (объединений предприятий), на местном (муниципальном) уровне управления и на уровне предприятий.

Цель механизма управления функционированием состоит в том, чтобы изучить влияние различных факторов на производительность и справиться с ними, а также задействовать потенциал предприятия.

Механизмы управления могут быть представлены как набор факторов: организационные, экономические, мотивационные, технические и технологические, правовые и политические вмешательства, которые переводят стратегическое управление в новое, желаемое состояние [2].

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Система составляющих механизма управления предприятиями строительного комплекса на определенных уровнях управления

Конкурентные преимущества какой-либо структуры строительного комплекса на том или ином уровне управления – это ее более выгодные позиции в конкурентном взаимодействии с другими строительными формированиями. Конкурентные позиции конкретного строительного комплекса представляют обнаруженные, характерные для него специфические условия (черты), которые определяют самые особенности конкретных целевых рынков для потребителей. В свою очередь, конкурентные позиции предприятий строительного комплекса определяются наличием и использованием конкурентных ресурсов. Эти ресурсы формируются совокупностью материальных и нематериальных элементов предприятий, имеющих рыночную ценность, или способствуют привлечению внимания целевых потребителей строительной продукции, повышению спроса на эффективные структуры строительного комплекса (кластера) и могут использоваться для создания его конкурентных преимуществ, достижению его конкурентного успеха.

На рис. 2 представлена взаимосвязь комплекса экономико-математических моделей по созданию результативного варианта механизма управления функционированием организаций строительного комплекса ДНР на конкретных уровнях управления.

В свою очередь, конкурентный успех предприятий строительного комплекса – это привлечение ими потребителей целевых рынков и необходимых для них ресурсов, а также обеспечение на данной основе занятости и повышение уровня жизни населения в целом на всех уровнях управления.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Взаимосвязь комплекса экономико-математических моделей по созданию эффективного варианта механизма управления функционированием предприятий строительного комплекса на определенных уровнях управления

Необходимо представить условную географическую карту расстояний между предприятиями строительного комплекса ДНР и составляющих его локальных кластеров на определенных рынках и соответствующих уровнях управления. Следует отметить, что взаимодействие между i -м и j -м предприятиями может происходить в направлении интеграции со знаком «+» и в направлении противодействия (деинтеграции) со знаком «-». Когда они имеют взаимные поставки продукции или взаимодействуют по технологическим цепочкам строительного процесса, то речь идет о взаимодействии в направлении интеграции. В тех случаях, когда i -е предприятие с j -м предприятием не взаимодействует по технологической цепочке инвестиционно-строительной деятельности, то степень взаимодействия между ними рассматривается со знаком «-» или равно нулю. Необходимо отметить, что взаимодействие или поставки продукции происходят прежде всего на основе транспортных перевозок.

На базе модели притяжения (или гравитационной, англ. gravity model) [3] можно в вышеупомянутой системе (рис. 2) определить степени взаимодействия между i -м и j -м предприятиями в строительном комплексе по технологической цепочке, а именно:

$$V_{ij}^r = \frac{O_i \cdot O_j}{L_{ij}^2}, \quad (1)$$

$$V_{ij}^f = \frac{O_i \cdot O_j}{L_i^2}, \quad (2)$$

где V_{ij}^r – степень взаимодействия между i -м и j -м предприятиями на региональном уровне внутри государства; V_{ij}^f – степень взаимодействия между i -м и j -м предприятиями на федеральном уровне управления; L – расстояние в хозяйственном пространстве между i -м и j -м предприятиями; O_i – объемы строительного производства на i -м предприятии; O_j – объемы строительного производства на j -м предприятии.

На основе вышеуказанного можно рассматривать матрицу существующих межрегиональных и региональных связей конкретного i -го предприятия. Для этого необходимо, во-первых, определить его отраслевую структуру, а во-вторых, рассматривать конкретные предприятия (организации) с учетом технологических цепочек производственного процесса в строительном комплексе.

Подход к федеральному рынку как к системе региональных рынков и совокупности корпоративных объединений предприятий предполагает изменение взглядов на регионы как территорий в рамках административных границ и на корпорации в рамках этих же границ. Административные границы в реальной жизни не совпадают с экономическими и технологическими переделами, обусловленными территориальной организацией рыночных процессов и межрегиональных экономических связей [4].

При анализе развития различных регионов и корпораций обнаруживаются разная интенсивность и скорость их прогресса, а также несоответствия в направлениях развития, обусловленные множеством объективных и субъективных факторов. Для оценки эффективности развития строительных компаний на макроуровне применяются широко известные статистические методы, которые позволяют исследовать динамику и создают методологическую основу для диагностики механизмов управления функционированием предприятий в строительной отрасли.

ОЦЕНКА УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ В СТРОИТЕЛЬНОМ КОМПЛЕКСЕ ДНР

Сочетание статистических методов, методов анализа, синтеза и экономической оценки составляют основу оценки управленческой эффективности в строительном комплексе ДНР. Анализ изменения эффективности строительной деятельности в различных регионах или его разных частей позволяет выделить ее отдельные компоненты, используя доступные статистические данные для каждого региона и т.д. Исследование активности инвестиций и строительной деятельности в регионах в целом требует синтеза разнообразных показателей, которые охватывают разные аспекты данной деятельности.

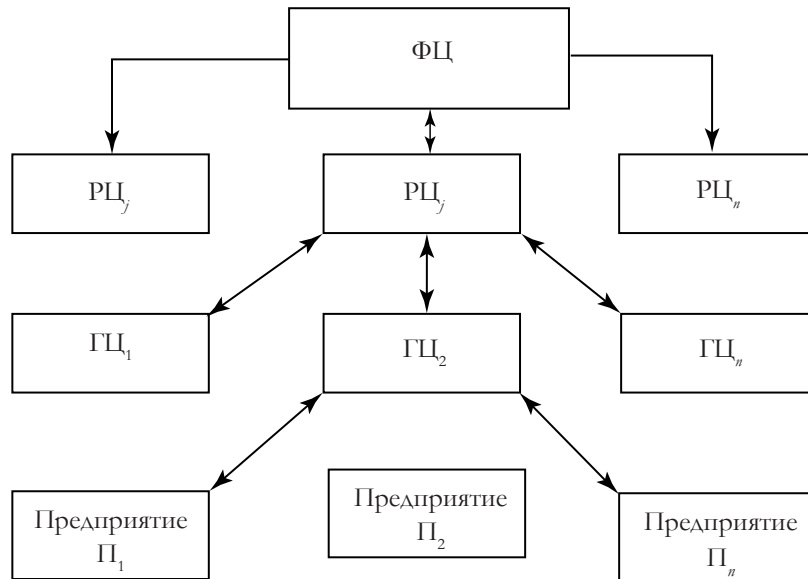
Механизм управления функционированием предприятий строительного комплекса на федеральном и региональном уровнях обеспечивает определенные условия, а точнее, существующую совокупность организационных форм и структур, экономических методов, средств и пр., которые создают определенный объем строительной продукции. Следовательно, имеющийся организационно-экономический механизм управления предприятиями строительного комплекса на конкретных уровнях устанавливает соответствующие организационные и экономические связи между федеральным центром (далее – ФЦ) и региональными центрами (далее – РЦ).

Проблемы распределения экономических интересов между ФЦ, регионами и РЦ с одной стороны, а также между РЦ и муниципальными (городскими, местными) центрами с другой, включая и конкретные организации, будут разбираться при помощи так называемой иерархической пятиуровневой веерной структуры, представленной на рис. 1. Учитывая целевую функцию и ее составляющие, а также существующий механизм управления функционированием предприятий строительного комплекса на федеральном и региональном уровнях, можно говорить, во-первых, о действующей системе налогообложения и формирования федерального бюджета государства, а во-вторых, о распределении средств государственного бюджета на развитие регионов, городов и предприятий (организаций, субъектов хозяйствования и др.).

СТРУКТУРА МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ СТРОИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА

С точки зрения существующей системы налогообложения и формирования федерального бюджета государства, местных бюджетов и бюджетов местного самоуправления налоговой базой являются прибыль предприятий, финансово-промышленных групп и других субъектов хозяйствования, а также соответствующие доходы согласно законодательству.

Существующий механизм управления строительным комплексом заключается в осуществлении с ФЦ руководящего влияния с помощью инвестиций I и развития инвестиционно-строительной деятельности. На уровне регионов происходят конкуренция и взаимовыгодное взаимодействие при распределении указанных инвестиций с ФЦ [5].

Примечание: ФЦ: Правительство РФ, Министерства РФ; РЦ – региональный центр i -го региона (администрации и правительства областей, краев и республик РФ); ГЦ – городской (районный) центр (администрация города, администрация района, органы местного самоуправления); П – предприятия (организации, субъекты хозяйствования)

Составлено автором по материалам источника [5]

Рис. 3. Иерархическая четырехуровневая всерная структура механизма управления предприятий строительного комплекса

Рассмотрим сначала на федеральном уровне взаимодействие ФЦ с РЦ и их взаимодействие между собой в строительной деятельности. На уровне ФЦ целевая функция равна максимальному значению роста валового внутреннего продукта (далее – ВВП) на душу населения за период соответствующего времени, а именно:

$$\Delta \frac{\text{ВВП}}{\text{Ч}} = \frac{\text{ВВП}_t}{\text{Ч}_t} - \frac{\text{ВВП}_{(t-1)}}{\text{Ч}_{(t-1)}} \rightarrow \max, \quad (3)$$

где ВВП – ВВП в t -м году; Ч_t – численность работающих в t -м году.

ФЦ при разработке и реализации в настоящее время инновационно-инвестиционной модели развития национальной экономики проводит государственную политику, которая направлена на увеличение инвестиционных и инновационных затрат из государственного бюджета и внебюджетных фондов. Однако необходимо учитывать возможности регионов и корпораций и их способность к взаимодействию в инвестиционно-строительной сфере.

Если на уровне ФЦ государственные инвестиции в t -м году I_v , а в $(t-1)$ -м году были $I_{v(t-1)}$, то речь должна идти о росте инвестиций на душу населения в целом по стране, а именно:

$$\Delta \frac{I_v}{\text{Ч}} = \frac{I_{vt}}{\text{Ч}_t} - \frac{I_{v(t-1)}}{\text{Ч}_{(t-1)}} \rightarrow \max, \quad (4)$$

где I_v – инвестиции в основной капитал, I_{vt} – инвестиции в основной капитал в t -м году.

Рассмотрим модель межотраслевого взаимодействия предприятий в строительном комплексе ДНР. В квадратной матрице находятся потоки инвестиций и объемов строительно-монтажных работ между i -м и j -м предприятиями в разных регионах государства. Каждое значение x_{ij} означает сумму строительных расходов или объемы работ в строительстве, которые на уровне межотраслевого взаимодействия поступают из i -го предприятия в j -е. В свою очередь, каждое значение x_{ji} показывает инвестиции или объемы работ в строительство в обратном направлении из j -го предприятия в i -е. При этом рассматривается параллельно взаимодействие каждого из РЦ с ФЦ с точки зрения распределения федеральных расходов на строительную деятельность между регионами. Степень взаимодействия между j -м и i -м регионами в одном и обратном направлениях определяется показателем формулы (5) [6].

Совершенствование механизма управления на различных уровнях имеет ключевое значение для эффективного функционирования строительной отрасли в РФ. Рассмотрим необходимость этого процесса на каждом уровне управления:

1) ФЦ (Правительство РФ, Министерства РФ):

– разработка и внедрение национальных стандартов и регламентов: ФЦ должен обеспечивать разработку и внедрение единых стандартов и нормативов, которые регулируют строительную деятельность по всей стране. Это позволит обеспечить согласованность и совместимость между регионами;

– инвестиции и поддержка инноваций: власти ФЦ должны способствовать привлечению инвестиций в строительную отрасль, а также поддерживать разработку и внедрение передовых технологий, что повысит конкурентоспособность отрасли на международном уровне;

– мониторинг и контроль: важной задачей является организация мониторинга и контроля за соблюдением строительных норм и правил, что позволит обеспечить высокое качество и безопасность строительных проектов.

2) РЦ (администрации и правительства областей, краев и республик РФ):

– адаптация национальных стандартов: региональные власти должны адаптировать национальные стандарты к местным условиям, учитывая специфические климатические, географические и экономические особенности региона;

– развитие инфраструктуры: региональные администрации должны обеспечивать развитие инфраструктуры, необходимой для успешной реализации строительных проектов, включая транспортные пути, коммунальные сети и социальные объекты;

– поддержка местных предприятий: региональным властям необходимо оказывать поддержку местным строительным компаниям через субсидии, налоговые льготы и другие формы государственной поддержки.

3) ГЦ (администрация города, администрация района, органы местного самоуправления):

– планирование и зонирование: местные органы власти должны заниматься планированием и зонированием территории, что позволит оптимально использовать доступное пространство и предотвратить хаотичную застройку;

– контроль за строительством: администрации городов и районов должны контролировать ход строительных работ на своих территориях, гарантируя соблюдение строительных норм и правил;

– обеспечение общественного участия: важным аспектом является привлечение общественности к участию в процессе принятия решений по вопросам застройки и развития городской инфраструктуры.

4) П (организации, субъекты хозяйствования):

– эффективное управление ресурсами: строительным компаниям необходимо внедрять современные методы управления ресурсами, что позволит минимизировать издержки и повысить продуктивность;

– внедрение инноваций: П должны активно применять инновационные технологии и методы строительства, что повысит качество и скорость выполнения работ;

– развитие кадрового потенциала: компании должны инвестировать в обучение и развитие своих сотрудников, что обеспечит наличие квалифицированных кадров и увеличит общую продуктивность.

Таким образом, совершенствование механизма управления на всех уровнях – от федерального до уровня отдельных предприятий – является необходимым условием для повышения эффективности и конкурентоспособности строительной отрасли в России.

В случае рассмотрения межотраслевого взаимодействия экономико-математическая модель имеет целевую функцию, определенную как интеграционное межотраслевое взаимодействие в строительном комплексе, а именно:

$$IR = \sum_{i=1}^K \cdot \sum_{j=1}^K \cdot x_{ij} \cdot I_{ij} \rightarrow \max, \quad (5)$$

где IR – интеграционное межотраслевое взаимодействие; K – комплекс

При этом рассматривается матрица межотраслевых связей в развитии строительного комплекса сначала в направлении от i -го предприятия к j -му в различных регионах, а потом наоборот. Каждый регион имеет свой объем инвестиционно-строительных расходов на год T_p или:

$$T_i = I_{ni} + I_{vi}, \quad (6)$$

где I_{ni} – инвестиционные фонды; I_{vi} – инвестиции в основной капитал.

Ограничения целевой функции следующие:

$$\sum_{j=1}^k x_{ij} \leq T_i \quad i=1 \dots K, \quad (7)$$

где T_i – объем инвестиционно-строительных расходов в i -м регионе; k – количество регионов.

$$\sum_{i=1}^k x_{ij} \leq T_j \quad j=1 \dots K, \quad (8)$$

где T_j – объем инвестиционно-строительных расходов в j -м регионе.

При этом необходимо рассматривать схему межотраслевого взаимодействия отраслей в строительном комплексе:

$$\sum_{j=1}^K T_i \leq T, \quad (9)$$

$$\sum_{j=1}^K T_j \leq T, \quad (10)$$

где T – федеральные расходы в строительной сфере; K – количество регионов в государстве.

При этом на уровне ФЦ положительное влияние инвестиционно-строительных расходов на научно-технический прогресс определяется следующим образом:

$$\frac{\Delta \text{НД}}{\text{НД}} = \alpha \frac{\Delta K}{K} + (1 + \alpha) \cdot \frac{\Delta L}{L} + \frac{\Delta T}{T}, \quad (11)$$

где $\Delta \text{НД}$ – прирост национального дохода; НД – национальный доход; α – доля капитала и труда в объеме продукции; ΔK – прирост капитала; ΔL – прирост труда; K – затраты капитала; L – затраты труда; T – затраты на научно-технический прогресс (далее – НТП); ΔT – прирост затрат на НТП [6].

Когда необходимо рассматривать комплексные инвестиционно-строительные программы, которые требуют межотраслевой интеграции в строительном комплексе, то на уровне ФЦ и РЦ нужно создавать новые механизмы управления межотраслевыми строительными комплексами, а на более низовых уровнях управления – кластерных объединений.

Взаимодействие между предприятиями строительного комплекса выступает и на муниципальном уровне между отдельными городами и административными районами ДНР. При этом между городами существуют огромные транспортные, информационные, финансовые и другие потоки, которые тоже следует оценивать с помощью показателей степени взаимодействия, а именно:

$$I_{ij} = A \cdot \frac{P_i^x \cdot P_j^y}{D_{ij}^2}, \quad (12)$$

где I_{ij} – степень взаимодействия в инвестиционно-строительной, транспортной, информационной, финансовой и других сферах между городами i и j ; A – постоянная величина; P – показатели функционирования инвестиционно-строительной, транспортной, финансовой и других систем; D_{ij} – расстояния между городами i и j ; x, y – параметры вышеупомянутых потоков.

На уровне корпоративного управления для совершенствования механизма управления предприятиями необходимо исследовать деятельность предприятий строительного комплекса, а также всех их участников из различных регионов РФ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе создания и реализации строительного комплекса на всей территории ДНР есть заинтересованные стороны, которые оказывают косвенное или прямое влияние на стратегическую и оперативную деятельность. Данная методика позволяет осуществить оценку эффективности механизма управления предприятиями строительного комплекса. Она может быть использована в рамках деятельности строительных организаций для любого субъекта РФ, учитывает влияние внешних или внутренних условий деятельности строительных предприятий на определенном уровне управления строительным комплексом.

В данной научной статье рассмотрены направления совершенствования механизма управления строительным комплексом ДНР на основе анализа ключевых факторов, влияющих на его функционирование. Важным аспектом исследования является применение экономико-математических моделей, которые позволяют более точно оценить эффективность различных управленческих решений и спрогнозировать их воздействие на развитие строительного комплекса. Механизм управления последним имеет значение для обеспечения стабильного и устойчивого роста экономики.

Таким образом, стратегическое развитие и улучшение механизма управления строительным комплексом ДНР позволит обеспечить устойчивый экономический рост, повысить производительность и качество строительных работ, а также создать благоприятные условия для реализации масштабных проектов в строительной отрасли.

Список литературы

1. Яркина Н.Н. Комплексность механизма управления предприятием. Бизнес Информ. 2014;4:324–329.
2. Иванов М.Ф., Тарасов А.С. Разработка концепции совершенствования механизма управления функционированием предприятий строительного комплекса Донецкой Народной Республики в условиях интеграции со строительным комплексом Российской Федерации. В кн.: Перспективы развития строительного комплекса: материалы XVI Международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов, Астрахань, 27–28 октября 2022 г. Астрахань: Астраханский государственный архитектурно-строительный университет; 2022. С. 536–541.
3. Купресченко Н.П. Актуальные проблемы и направления развития современной региональной экономики России. Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2023;3(75).
4. Мусаева З.С. Особенности региональных экономик России. Вестник университета. 2017;4:17–22.
5. Тян Р.Б., Иванов М.Ф., Тян Е.Р. Модели межрегионального взаимодействия на основе активизации инновационно-инвестиционной деятельности в регионах. Вісник Придніпровської державної академії будівництва та архітектури. 2011;4(157):11–15.
6. Аветисян Т.В., Баниева М.А., Базарова М.У., Жажиева В.Э., Львович А.И., Львович И.Я. и др. Макроэкономика и цифровая экономика: вызовы и перспективы в условиях глобальных трансформаций: монография. Нижний Новгород: Профессиональная наука; 2023. 89 с.

References

1. Yarkina N.N. Complexity of the mechanism of enterprise management. Business Inform. 2014;4:324–329. (In Russian).
2. Ivanov M.F., Tarasov A.S. Development of the concept of improving the mechanism for managing the functioning of enterprises of the construction complex of the Donetsk People's Republic in the context of integration with the construction complex of the Russian Federation. In: Prospects for the development of the construction complex: Proceedings of the XVI International Scientific and Practical Conference of Teaching Staff, Young Scientists and Students, Astrakhan, October 27–28, 2022. Astrakhan: Astrakhan State University of Architecture and Civil Engineering; 2022. Pp. 536–541. (In Russian).
3. Kupreschenko N.P. Actual problems and directions of development of the modern regional economy of Russia. Regional economy and management: electronic scientific journal. 2023;3(75). (In Russian).
4. Musaeva Z.S. The interaction of regional economies of Russia. Vestnik universiteta. 2017;4:17–22. (In Russian).
5. Tyan R.B., Ivanov M.F., Tyan E.R. Models of interregional interaction based on the activation of innovation and investment activities in the regions. Bulletin of Prydniprov'ska State Academy of Civil Engineering and Architecture. 2011;4(157):11–15. (In Russian).
6. Avetisyan T.V., Baniyeva M.A., Bazarova M.U., Zhabchieva V.E., Lvovich A.I., Lvovich I.Ya. et al. Macroeconomics and digital economy: challenges and prospects in the context of global transformations: monograph. Nizhny Novgorod: Scipro; 2023. 89 p. (In Russian).

Анализ и прогнозирование динамики валового внутреннего продукта на душу населения по паритету покупательной способности в Российской Федерации

Говалло Милана Олеговна

Студент

ORCID: 0009-0004-8278-9152, e-mail: milanagovallo613@gmail.com

Лобанова Дарья Денисовна

Студент

ORCID: 0009-0004-7776-6546, e-mail: data310303@gmail.com

Давлетшина Лейсан Анваровна

Канд. экон. наук, доц. каф. статистики

ORCID: 0000-0002-1497-1751, e-mail: fille_777@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В данной работе проведен обширный анализ динамики валового внутреннего продукта (далее – ВВП) на душу населения по паритету покупательной способности в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) за период с 1995 г. по 2022 г. С использованием экспоненциального сглаживания и адаптивного метода прогнозирования построен прогноз показателя на период с 2023 г. по 2027 г. Даны характеристика и описание использованных математико-статистических моделей. Определены и обоснованы причины выбора модели прогнозирования. По результатам проведенных расчетов в работе дана оценка прогнозным показателям и сформулированы выводы о прогнозировании ВВП в России. Сделан вывод о том, что выбранная модель достаточно точно отражает будущие изменения показателей и позволяет предположить, что разработанные стратегии и планы на основе этих прогнозов могут быть успешно реализованы. Также упоминается влияние случайной компоненты, вызванной непредсказуемыми факторами, на конечные результаты. Кроме того, изучено мнение иных лиц относительно прогноза ВВП в РФ. Итоги проведенного исследования и сформулированных выводов могут стать ценным материалом для дальнейшей проработки для экономистов и управляющих органов различного уровня.

Ключевые слова

ВВП на душу населения, экономические индикаторы, статистический анализ, временные ряды, определение тенденции, экспоненциальное сглаживание, адаптивный метод, прогнозирование ВВП

Для цитирования: Говалло М.О., Лобанова Д.А., Давлетшина Л.А. Анализ и прогнозирование динамики валового внутреннего продукта на душу населения по паритету покупательной способности в Российской Федерации // Вестник университета. 2024. № 11. С. 99–108.

Analysis and forecasting of the dynamics of the gross domestic product per capita by purchasing power parity in Russia

Milana O. Govallo

Student

ORCID: 0009-0004-8278-9152, e-mail: milanagovallo613@gmail.com

Darya D. Lobanova

Student

ORCID: 0009-0004-7776-6546, e-mail: data310303@gmail.com

Leysan A. Davletshina

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Statistics Department

ORCID: 0000-0002-1497-1751, e-mail: fille_777@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

This article provides an extensive analysis of the dynamics of gross domestic product (hereinafter referred to as GDP) per capita by purchasing power parity in the Russian Federation (hereinafter referred to as RF, Russia) for the period from 1995 to 2022. Using exponential smoothing and an adaptive forecasting method, the indicator forecast is built for the period from 2023 to 2027. The characteristic and description of the mathematical and statistical models used are given. The reasons for choosing the model are determined and justified. Based on the results of the calculations, the paper evaluates the forecast indicators and draws conclusions about forecasting the GDP in Russia. It is concluded that the chosen model accurately reflects future changes in the indicators and suggests that the developed strategies and plans based on these forecasts can be successfully implemented. The article also mentions the influence of a random component caused by unpredictable factors on the final results. The opinion of other persons regarding the GDP forecast in Russia has also been studied. The results of the conducted research and conclusions drawn can become valuable material for further study for economists and governing bodies at various levels.

Keywords

GDP per capita, economic indicators, statistical analysis, time series, trend determination, exponential smoothing, adaptive method, GDP forecasting

For citation: Govallo M.O., Lobanova D.D., Davletshina L.A. (2024) Analysis and forecasting of the dynamics of the gross domestic product per capita by purchasing power parity in Russia. *Vestnik universiteta*, no. 11, pp. 99–108.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире экономическое развитие стран играет ключевую роль в формировании их конкурентоспособности на мировой арене. В экономике для анализа и оценки экономической деятельности странами широко используется система национальных счетов (далее – СНС). Она представляет собой комплексный набор данных обо всех экономических операциях в рамках государства, имеет международную гармонизацию высокого уровня проникновения и подходит для проведения международных сопоставлений. С помощью СНС проводятся экономические анализы, прогнозирование экономического развития, контроль инфляции и определение темпов роста экономики. Один из наиболее важных показателей в рамках СНС – валовой внутренний продукт (далее – ВВП), который является ключевым индикатором экономического развития страны. Изучение ВВП и его компонентов позволяет оценить общий уровень экономического процветания и роста национальной экономики, определить конъюнктуры рынка. Его изучение во времени дает возможность рассчитать вероятностные, прогнозные значения ВВП на ближайшую перспективу.

Современное исследование динамики макроэкономических показателей, в том числе ВВП, является междисциплинарным и вовлекает как отечественных, так и зарубежных ученых. Ученые со всего мира активно изучают вопросы, связанные с экономическим ростом, развитием страны, конъюнктурой рынка, инфляцией и другими важными факторами, влияющими на экономику. Совместно проводимые исследования и обмен опытом между учеными различных стран способствуют совершенствованию теорий и методологий изучения динамики ВВП, что в итоге благоприятствует более эффективной экономической политике и устойчивому экономическому развитию как внутри государства, так и на мировом уровне.

Стоит отметить тот факт, что ВВП (по паритету покупательной способности (далее – ППС) на душу населения для сопоставимости выражен в единой валюте – в долларе США. Пересчеты из национальных валют выполняются при помощи ППС, что позволяет исключить влияние курса валют. Официальные данные ВВП по странам публикуются Всемирным банком и Международным валютным фондом, выраженные по ППС (текущие международные доллары). В настоящей статье источником данных выступает Единая межведомственная информационно-статистическая система, являющаяся хранилищем официальных статистических данных по России, гармонизированных и методологически сопоставимых, собранных из различных верифицированных источников (Федеральная служба государственной статистики, территориальные отделения государственной статистики, федеральные органы исполнительной власти, Центральный банк РФ и пр.).

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

В рамках текущего исследования динамики ВВП проведен анализ ряда ключевых работ, посвященных различным научным подходам взаимодействия макроэкономических показателей с ВВП и их основным тенденциям.

Прежде всего стоит обратиться к сопоставительному исследованию «Экономический рост России в контексте международных сопоставлений», в котором авторы из Крымского федерального университета провели анализ макроэкономических показателей различных стран. Экономика России занимает высокие позиции на глобальной арене, однако отличается изменчивой динамикой по сравнению с другими странами. Результаты исследования подчеркивают, что темп роста ВВП в России превышает средний мировой показатель. Использование результатов исследования о ВВП для построения прогнозных моделей дает представление о перспективных значениях показателя и его тенденции [1].

Статья «Оценка влияния макроэкономических показателей на уровень счастья» сфокусирована на изучении взаимосвязи между объективными макроэкономическими показателями и субъективными оценками благополучия людей. В рамках исследования О.Н. Антипиной и Д. А. Кривицкой ВВП рассматривается как одна из главных макроэкономических переменных при оценке благополучия и удовлетворенности населения. По результатам эконометрического моделирования авторами сформулирован вывод о том, что рост ВВП положительно влияет на уровень счастья в стране [2].

В статье «Взаимовлияние ожидаемой продолжительности жизни и ВВП в странах мира» авторами сформулирована гипотеза о том, что показатель «ожидаемая продолжительность жизни» может быть результатом влияния различных групп факторов. С целью проверки данной гипотезы в работе была проведена оценка воздействия реального ВВП на душу населения на этот показатель. На примере России

выявлена умеренная положительная связь между уровнем ВВП на душу населения и ожидаемой продолжительностью жизни [3].

Изучение динамики ВВП как основного макроэкономического показателя позволяет не только оценить экономическое развитие страны, но и понять его влияние на уровень счастья граждан и продолжительность жизни. В современном мире, особенно в условиях быстро меняющейся экономической ситуации, глубокое понимание этих взаимосвязей становится все более актуальным и представляет значительный интерес как для исследователей, так и для принятия обоснованных экономических и социальных решений.

Статья «Доверие в России и его связь с уровнем экономического развития» обобщает доверие как фактор, влияющий на ВВП страны. Автор Д.А. Авдеевой доказана связь между уровнем доверия и экономическим развитием, что может частично объяснить отставание России от некоторых развитых стран по уровню ВВП на душу населения. Исследование влияния доверия на уровень ВВП населения открывает возможности для разработки более надежных прогнозных моделей, в том числе на основе метода экспертных оценок [4].

Н.В. Рейхерт в работе «Экономический рост России: оценка и прогнозы» анализирует динамику экономического роста России, изучая ключевые показатели – ВВП и ВВП на душу населения. Автор исследует различные научные подходы к пониманию экономического роста, рассматривая вклад отдельных отраслей в прирост ВВП и анализируя структуру ВВП по доходам и расходам [5].

Г.Ф. Фейгин в статье «Глобализация мировой экономики: тенденции и противоречия» изучает понятие «глобализация», отделяя его от похожих терминов, таких как «интернационализация» и «международное разделение труда». В работе рассматривается также взаимосвязь между глобализационной активностью стран и уровнем ВВП на душу населения с использованием значений комбинированного индекса КОГ Globalization Index (англ. индекс глобализации) [6].

В статье «Итоги 30 лет экономической трансформации на постсоветском пространстве: свет и тени» авторы М.Ю. Головин и Р.С. Гринберг анализируют экономическое развитие 12 постсоветских стран (исключая страны Балтии) с 1992 г. по 2019 г. Изучив тенденции развития реального ВВП и ВВП на душу населения, авторы пришли к тому, что особенно удачными оказались некоторые государства Центральной Азии (Туркменистан, Казахстан) и Республика Армения [7].

А.С. Горда в статье «Методические подходы к оценке экономического неравенства стран мира» предлагает новый подход к оценке экономического неравенства в контексте устойчивого развития. Неравенство – субъективная экономическая оценка. Можно вычислить индекс неравенства, опираясь на сравнение ВВП на душу населения по ППС в различных странах мира. Из проведенного исследования сделан вывод, что таксономический коэффициент неравенства является универсальным индикатором для оценки уровня экономического неравенства и позволяет определить позицию страны по данному показателю [8].

Краткий обзор работ, посвященных различным подходам к анализу макроэкономических показателей как факторов, формирующих ВВП, и тенденций его изменений позволил сформулировать вывод о том, что вопросы о ВВП страны и его трансформации остаются актуальной темой исследования. Особенный интерес к аспектам формирования ВВП усиливается тем фактом, что с 2021 г. российская экономика по ППС стала четвертой экономикой мира.

Основной целью статьи является изучение динамики ВВП на душу населения по ППС в РФ за период с 1995 г. по 2022 г. с использованием методов статистического анализа, моделирования и прогнозирования.

Для реализации поставленной цели в работе были применены такие методы, как выявление наличия тенденции в динамическом ряду и определение трендовой компоненты. В данном исследовании проведен анализ экономического показателя и находит отражение социально-экономический процесс. Исходя из этого в работе используется адаптивный метод прогнозирования и не затрагивается метод аналитического выравнивания. Выбранный метод автоматически корректируется, мгновенно адаптируется к изменяющимся условиям и учитывает результаты предыдущих расчетов. Очевидно, что прогноз в этой модели зависит от предыдущих и текущих значений временного ряда, начальных коэффициентов и параметров адаптации, которые были определены и выбраны с применением метода экспоненциального сглаживания.

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ВВП НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ С 1995 Г. ПО 2022 Г.

Количественная оценка динамики ВВП на душу населения по ППС в РФ за период с 1995 г. по 2022 г. была проведена по статистическим методам как абсолютное и относительное изменение, соотношение ВВП на душу населения по ППС текущего периода к предыдущему. В рамках работы были рассмотрены

официальные данные за 28 лет, в период с 1995 г. по 2022 г. Исходные и расчетные данные об изменении ВВП на душу населения по ППС в РФ представлены в табл. 1.

Таблица 1

Динамика ВВП на душу населения по ППС в РФ в период с 1995 г. по 2022 г.

Год	ВВП на душу населения по ППС, долл. США	Темп прироста, % к предыдущему году	Год	ВВП на душу населения по ППС, долл. США	Темп прироста, % к предыдущему году
1995	5 613	–	2009	19 390	– 3,8
1996	5 518	– 1,7	2010	20 490	5,7
1997	5 700	3,3	2011	22 790	11,2
1998	5 465	– 4,1	2012	24 274	6,5
1999	5 914	8,2	2013	26 020	7,2
2000	6 825	15,4	2014	25 688	– 1,3
2001	7 361	7,9	2015	23 994	– 6,6
2002	8 038	9,2	2016	24 012	0,1
2003	9 255	15,1	2017	25 778	7,4
2004	10 227	10,5	2018	28 629	11,1
2005	11 822	15,6	2019	29 837	4,2
2006	14 912	26,1	2020	29 758	– 0,3
2007	16 648	11,6	2021	33 850	13,8
2008	20 164	21,1	2022	36 761	8,6

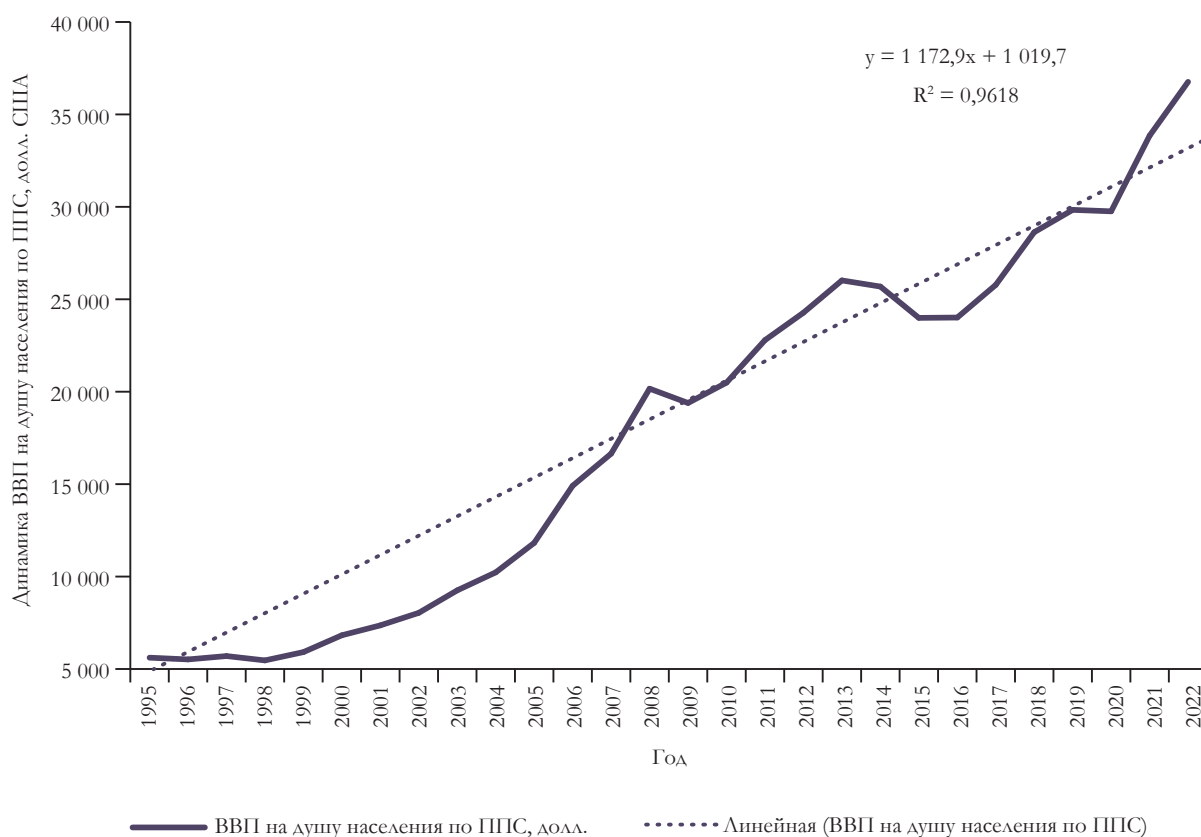
Источник¹

За весь исследуемый период ВВП на душу населения достиг рекордного максимального показателя в 2022 г., составив 36 761 долл. США, при этом по отношению к 1995 г. увеличение показателя соответствует 6,6 раза. В среднем за исследуемый период ВВП на душу населения ежегодно увеличивался на 1 154 долл. США. Расчет среднего темпа прироста позволяет сделать вывод, что его среднее ежегодное увеличение – 7,2 %. В целом можно заключить, что ВВП России за период 1995–2022 гг. демонстрировал переменчивую динамику, на которую влияли многие факторы, включая мировые экономические тренды и внутренние экономические нюансы.

Анализ динамики с 1995 г. по 2022 г. демонстрирует разнонаправленные изменения: за исследуемый период в экономике России наблюдался как рост, так и спад значений показателя ВВП на душу населения по ППС. В 1995–1998 гг. показатель в большей степени имел тенденцию к снижению за счет значений за 1996 г. и 1998 г. В 1999 г. наблюдалось его увеличение на 8,2 %, которое продолжалось вплоть до 2009 г., достигнув максимального темпа прироста в 2006 г. в 26,1 %. В 2009 г. отмечалось снижение значения показателя на 3,8 %, что свидетельствует о замедлении роста экономики России. С 2010 г. по 2013 г. значения ВВП на душу населения по ППС увеличивались в диапазоне от 5,7 до 11,2 %. Однако 2014 г. характеризуется снижением анализируемого показателя на 1,3 %, который достиг самого высокого значения во всем временном ряду в 2015 г. – 6,6 %. Данный скачок может быть обусловлен введением санкций против России. В результате было зафиксировано снижение объема поставок ряда товаров, что привело к определенным застойным процессам в экономике страны. Начиная с 2015 г. до 2022 г. значения ВВП на душу населения по ППС ежегодно увеличиваются. Подобные изменения в определенной степени могут свидетельствовать о восстановлении экономики после введенных ограничений. Незначительный спад (0,3 %) в 2020 г. с высокой вероятностью стал следствием пандемии 2019 г. и ограничений в связи с COVID-19.

¹ ЕМИСС. ВВП России на душу населения по паритету покупательной способности. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/40579> (дата обращения: 28.07.2024).

Для первичной оценки динамики показателя в работе проведен визуальный анализ значений показателя ВВП на душу населения по ППС в РФ (рис. 1).

Источник²

Рис. 1. Динамика ВВП на душу населения по ППС в РФ в период с 1995 г. по 2022 г.

Проанализировав график, можно сделать вывод о наличии четко выраженной положительной тенденции. Данную гипотезу с вероятностью 96,8 % подтверждает восходящий линейный тренд (полином первой степени).

С целью получения более точных данных и подтверждения наличия тренда и тенденции мы провели математический анализ и моделирование последней. Для этой цели прежде всего был рассчитан кумулятивный Т-критерий, который позволяет определить наличие не только самой тенденции, но и ее математического выражения — тренда. Вычисленные значения кумулятивного Т-критерия были сопоставлены с критическим значением при уровне значимости $\alpha = 0,05$. Результаты показали, что вычисленное значение превысило критическое значение критерия. Исходя из этого гипотеза об отсутствии тенденции отвергается, что свидетельствует о наличии тренда в исходном временном ряду. Основываясь на методах расчета Фостера-Стьюарта и t-критерии Стьюдента, мы подтвердили наличие тренда и отвергнули гипотезы о равенстве средних и дисперсии, следовательно, с вероятностью ошибки 5 % различия существенны и в ряду динамики ВВП на душу населения по ППС существуют тренд, тенденция средней и дисперсии.

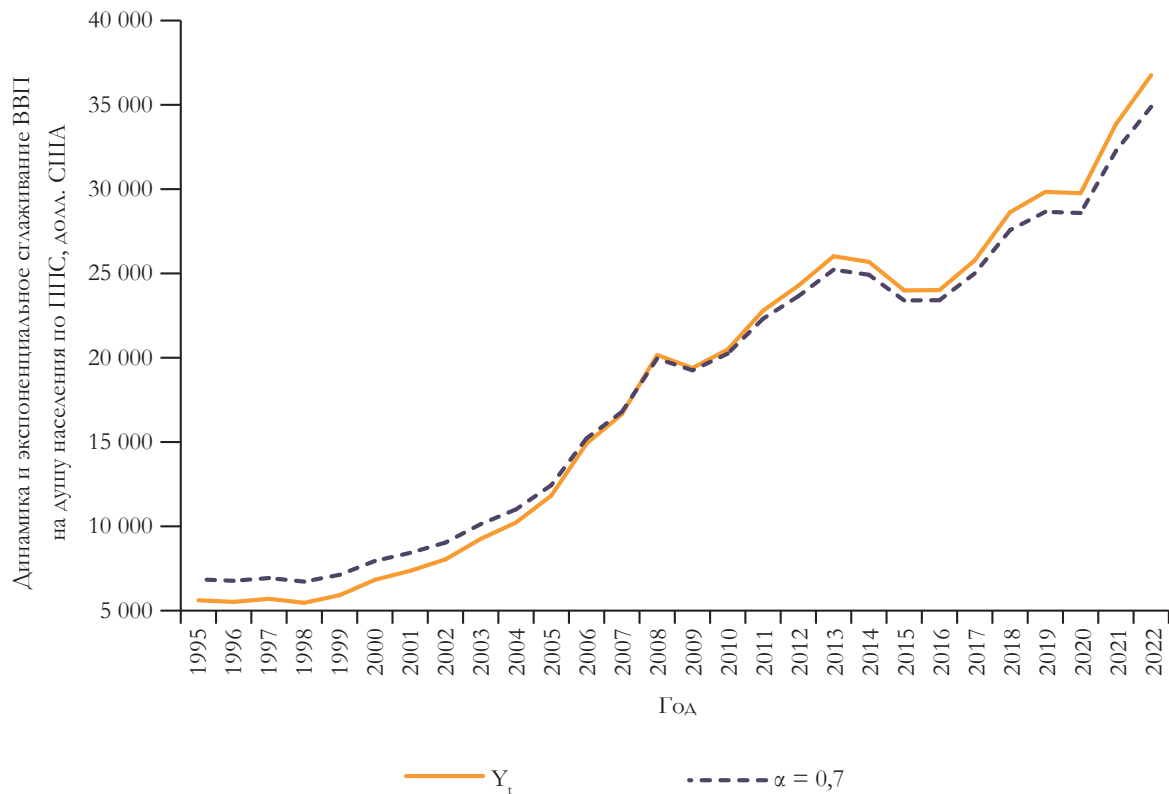
ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ВВП НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ С 2023 Г. ПО 2027 Г.

В ходе исследования было выполнено экспоненциальное сглаживание как один из самых распространенных приемов, используемых для сглаживания временных рядов и прогнозирования (рис. 2).

На рис. 2 представлены значения ВВП на душу населения по ППС в РФ в период с 1995 г. по 2022 г. с использованием метода экспоненциального сглаживания. Стоит отметить, что данные при коэффициенте сглаживания $\alpha = 0,7$ оказались самыми приближенными к эмпирическим значениям. Его высокое значение может быть обусловлено быстрым изменением уровней временного ряда. Окончательный

² ЕМИСС. ВВП России на душу населения по паритету покупательной способности. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/40579> (дата обращения: 28.07.2024).

выбор прогнозной модели осуществлен методом подбора коэффициентов α_1 и α_2 . Результаты подбора представлены в табл. 2.

Источник³

Рис. 2. Динамика и экспоненциальное сглаживание ВВП на душу населения по ППС в РФ в период с 1995 г. по 2022 г.

Таблица 2

Анализ адекватности модели на основе коэффициентов ошибки прогноза

Показатель	$\alpha_1 = 0,9$, $\alpha_2 = 0,8$	$\alpha_1 = 0,5$, $\alpha_2 = 0,6$	$\alpha_1 = 0,99$, $\alpha_2 = 0,4$	$\alpha_1 = 0,7$, $\alpha_2 = 0,3$
Средняя абсолютная ошибка (MAD), долл. США	1 143,6	1 507,9	552,2	263,4
Средняя квадратическая ошибка (MSE), долл. США	1 967 581,5	3 195 172,9	487 868,7	110 471,1
Средняя абсолютная процентная ошибка (MAPE), %	0,0643	0,0935	0,0309	0,0188
Средняя процентная ошибка (MPE), %	- 6,0031	- 9,2419	- 2,7428	- 1,6771

Примечание: MAD – англ. median absolute deviation; MSE – англ. mean squared error; MAPE – англ. mean absolute percentage error; MPE – англ. mean percentage error

Составлено авторами по материалам исследования

На основе ошибок прогноза была выбрана самая адекватная адаптивная модель с коэффициентами $\alpha_1 = 0,7$, $\alpha_2 = 0,3$. Используя данную модель, отметим, что ожидаемая абсолютная ошибка отклонения прогнозных значений от фактических будет составлять 263,4 долл. США, что позволяет нам оценить ее в конкретных единицах измерения. Средняя процентная ошибка имеет отрицательное значение и составляет - 0,0067 %. Оно достаточно маленькое ($< 0,1$ %). Исходя из этого, мы можем утверждать, что данный метод не является систематически переоценивающим или недооценивающим показатель ВВП на душу населения по ППС. Для наилучших моделей значение MAPE не превышает 0,0188 %, что подтверждает высокое качество полученных значений.

³ ЕМИСС. ВВП России на душу населения по паритету покупательной способности. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/40579> (дата обращения: 28.07.2024).

Используя модель Хольта, мы рассчитали прогнозные значения ВВП на душу населения на ближайшие 5 лет. Результаты прогноза размещены в табл. 3. Анализируя прогнозные значения ВВП на душу населения, можно наблюдать положительную динамику на ближайшие 5 лет. С 2023 г. по 2026 г. темп прироста будет колебаться на уровне от 2,32 до 4,75 %, однако в 2027 г. ожидается рост показателя на 8,5 %.

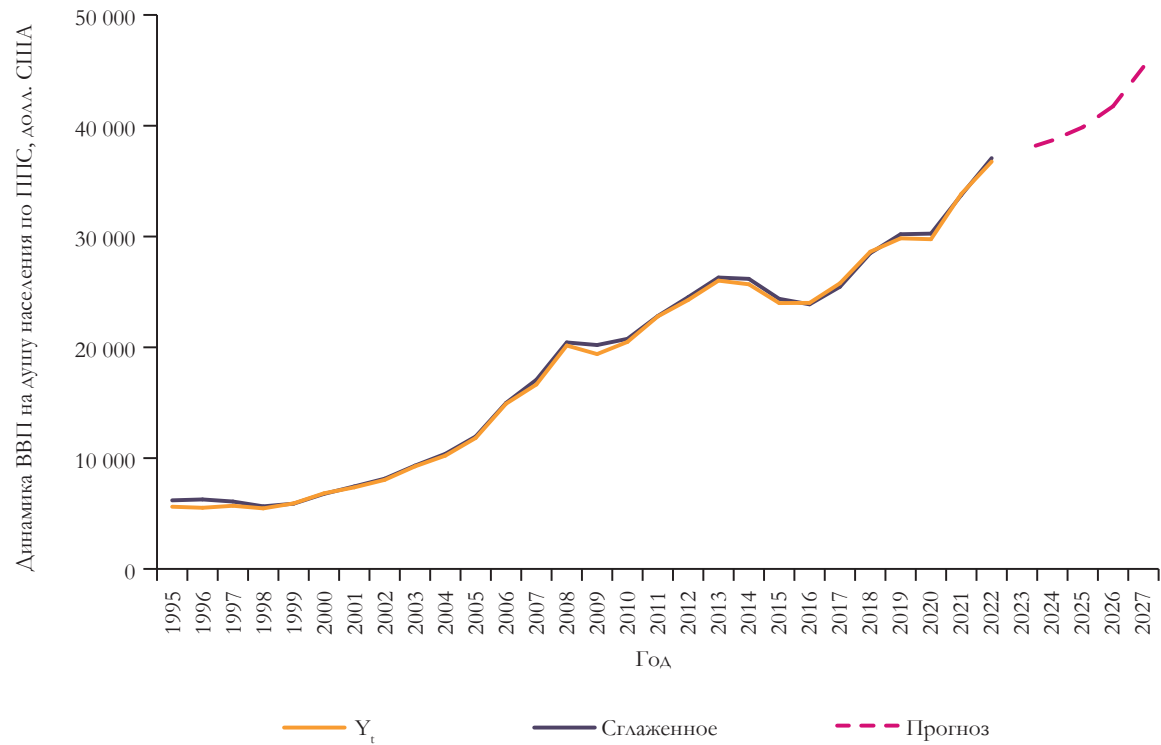
Таблица 3

Прогноз ВВП на душу по ППС в РФ в период с 2023 г. по 2027 г.

Год	$\hat{b}_1$	$\hat{b}_2$	Прогноз ВВП на душу населения по ППС, долл. США	Темп прироста, % к предыдущему году
2023	37 074,8	730,56203	37 805,4	2,84
2024	37 805,4	438,33722	38 682,1	2,32
2025	38 682,1	394,5035	39 865,6	3,06
2026	39 865,6	473,4042	41 759,2	4,75
2027	41 759,2	710,1063	45 309,7	8,50

Составлено авторами по материалам исследования

Для наглядной демонстрации полученных расчетных данных и эмпирических значений оформлен рис. 3.

Источник⁴

Рис. 3. Динамика ВВП на душу населения в РФ по ППС по модели Хольта в период с 1995 г. по 2022 г. и прогнозные значения в период с 2023 г. по 2027 г.

Основываясь на визуальном анализе, можно наблюдать достаточно точное совпадение эмпирических значений с расчетными данными, полученными по результатам использования модели Хольта, что подтверждает гипотезу об адекватности модели и точности прогноза.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье был проведен анализ изменений ВВП России на душу населения по ППС в период с 1995 г. по 2022 г., сформулированы выводы по направлениям изменений и возможным факторам, повлиявшим

⁴ ЕМИСС. ВВП России на душу населения по паритету покупательной способности. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/40579> (дата обращения: 28.07.2024).

на итоговые значения. С помощью контрольных расчетов были проведены анализ и прогнозирование показателей на ближайшие 5 лет. Выбранная модель прогнозирования достаточно точно отражает будущие изменения показателей и позволяет предположить, что разработанные стратегии и планы на основе этих прогнозов могут быть успешно реализованы. Таким образом, на базе полученных значений прогноза можно сделать вывод о том, что ВВП на душу населения в России будет иметь положительный тренд при государственном контроле экономической ситуации.

1. В 2023 г. прогнозируется довольно скромный рост уровня ВВП на душу населения – до 37 805,4 долл. США, что соответствует приросту на 2,84 %.

2. В последующие годы (2024–2025 гг.) ожидается увеличение показателя до 38 682,1 и 39 865,6 долл. США, прирост на 2,32 и 3,06 % соответственно.

3. В 2026 г. ВВП на душу населения значительно вырастет до 41 759,2 долл. США, что соответствует приросту на 4,75 %.

4. К 2027 г. прогнозируется значительный рост до 45 309,7 долл. США, который станет самым масштабным за анализируемый период и будет равен 8,50 %.

Исходя из этих данных, для формирования государственной политики важно уделить особое внимание стимулированию экономического роста и улучшению благосостояния населения. Меры по развитию инфраструктуры, поддержке предпринимательства, инновационной деятельности, образования и здравоохранения могут способствовать устойчивому росту ВВП на душу населения.

По мнению А.А. Широ́ва, РФ имеет потенциал, который позволяет поддерживать среднегодовой темп прироста ВВП выше 3 %, однако данный уровень достижим при введении ряда факторов экономического роста и стимулирования. Динамика ВВП при условии отсутствия изменений в экономической политике и внешних шоков формирует среднегодовые темпы роста ВВП на уровне 1,6 % в перспективе до 2050 г. Данный уровень может привести к усилению социальных и экономических неравенств в обществе, а также создать барьеры для развития конкурентоспособности российской экономики. По мнению А.А. Широ́ва, население является ключевым фактором, влияющим на рост ВВП. Для достижения полного потенциала экономического роста требуется проведение комплекса мер государственной политики, направленного на улучшение уровня жизни населения [9].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ динамики ВВП на душу населения по ППС за последние 28 лет демонстрирует его разнонаправленное изменение. Для целей моделирования и прогнозирования в работе использованы различные подходы. Наилучшие значения показала адаптивная модель прогнозирования Ч. Хольта.

Построенная модель и полученные прогнозные значения ВВП могут стать эффективным инструментом для планирования экономического роста. Важно осознавать, что в реальности существует случайная компонента, которая способна оказать влияние на конечные результаты. Она может возникнуть из-за различных факторов, таких как экономические кризисы, природные катастрофы, политические изменения или неожиданные события на мировой арене, а также изменения государственной политики.

Понимание этой случайной компоненты важно для точности прогнозирования и принятия более рациональных управленческих экономических решений. Нельзя полагаться исключительно на математические модели, не принимая во внимание возможные внешние воздействия, которые могут исказить результаты и создать неопределенную зону риска. С учетом случайной компоненты в моделях прогнозирования ВВП государственные органы и бизнес-структуры должны быть готовы к быстрым адаптациям и маневрированию на основе различных сценариев развития событий. В связи с этим рекомендуется использовать модели прогнозирования как инструмент поддержки принятия решений, а не как единственный источник информации.

Список литературы

1. Никитина М.Г., Буценко И.Н., Фахретдинова Н.И. Экономический рост России в контексте международных сопоставлений. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2019;2(5(71)):60–74.
2. Антипина О.Н., Кривицкая А.Д. Оценка влияния макроэкономических показателей на уровень счастья. Журнал экономической теории. 2020;4(17):760–769. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-4.1>

3. Беданок М.К., Моргунов Е.В., Чернявский С.В. Взаимовлияние ожидаемой продолжительности жизни и ВВП в странах мира. *Народонаселение*. 2022;4(25):4–15. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.4.1>
4. Авдеева Д.А. Доверие в России и его связь с уровнем экономического развития. *Общественные науки и современность*. 2019;3:79–93. <https://doi.org/10.31857/S086904990005087-7>
5. Рейхерт Н.В. Экономический рост России: оценка и прогнозы. *Наука Красноярья*. 2019;4–3(8):73–83.
6. Фейгин Г.Ф. Глобализация мировой экономики: тенденции и противоречия. *Мировая экономика и международные отношения*. 2021;4(65):5–13. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-4-5-13>
7. Головин М.Ю., Гринберг Р.С. Итоги 30 лет экономической трансформации на постсоветском пространстве: свет и тени. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021;5(14):6–29. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-5-1>
8. Горда А.С. Методические подходы к оценке экономического неравенства стран мира. *Научный вестник: финансы, банки, инвестиции*. 2019;1(46):132–140.
9. Шилов А.А. Российская экономика под влиянием пандемического кризиса. *Вестник Российской академии наук*. 2022;8(92):809–816. <https://doi.org/10.31857/S0869587322080151>

References

1. Nikitina M.G., Butsenko I.N., Fekbretdinova N.I. Economic growth of Russia in the context of international comparisons. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Economics and Management*. 2019;2(5(71)):60–74. (In Russian).
2. Antipina O.N., Krivitskaya A.D. Impact assessment of macroeconomic indicators on happiness level. *Russian Journal of Economic Theory*. 2020;4(17):760–769. (In Russian). <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-4.1>
3. Bedanokov M.K., Morgunov E.V., Chernyarsky S.V. The interaction between life expectancy and gross domestic product by countries. *Population*. 2022;4(25):4–15. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.4.1>
4. Avdeeva D.A. Trust in Russia and its relation to the level of economic development. *Social Sciences and Contemporary World*. 2019;3:79–93. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S086904990005087-7>
5. Reykbert N.V. Russia's economic growth: estimation and forecasts. *Krasnoyarsk Science*. 2019;4–3(8):73–83. (In Russian).
6. Feygin G.F. Globalization of world economy: trends and contradictions. *World Economy and International Relations*. 2021;4(65):5–13. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-4-5-13>
7. Golovnin M.Yu. Outcomes of 30 years of economic transformation in the post-Soviet space: light and shadows. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2021;5(14):6–29. (In Russian). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-5-1>
8. Gorda A.S. Methodological approaches to the assessment of economic inequality in the countries of the world. *Scientific Bulletin: finance, banking, investment*. 2019;1(46):132–140. (In Russian).
9. Shiroy A.A. Russian economy under the influence of the pandemic crisis. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2022;8(92):809–816. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S0869587322080151>

Типология экосистем российского агробизнеса

Коробейников Дмитрий Александрович

Канд. экон. наук, доц. каф. экономической безопасности
ORCID: 0000-0002-5859-2649, e-mail: korobeinikov77@yandex.ru

Корабельников Иван Сергеевич

Канд. экон. наук, доц. каф. экономической безопасности
ORCID: 0000-0002-0428-5838, e-mail: korablick.ru@mail.ru

Телекабель Виктория Канатовна

Студент
ORCID: 0009-0006-7878-7626, e-mail: telekabelvika@yandex.ru

Волгоградский государственный аграрный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация

В аграрном секторе России активно развивается самостоятельный рынок цифровых платформ и экосистем, что приводит к многообразию их организационных форм и дифференциации бизнес-моделей. Целями исследования являются разработка критериев классификации и формирование на их основе типологии существующих платформенных и экосистемных решений в российском агропромышленном комплексе. В качестве классификационных критериев предложены: роль в бизнесе ядра экосистемы, отраслевая локализация и продуктовая специализация. По первому критерию все экосистемы разделены на комплементарные к основному бизнесу компании-ядра и самостоятельные. По второму критерию они делятся на универсальные и отраслевые, при этом последние могут быть частью универсальных экосистем. По третьему критерию выделены и детально описаны: специализированные товарные маркетплейсы (B2B (англ. business-to-business – бизнес для бизнеса) по оптовым продажам, B2B и B2C (англ. business-to-consumer – бизнес для потребителя) по розничным продажам, B2B по снабжению, B2B по закупкам и смешанные); логистические платформы; финансовые платформы и сайты-агрегаторы. Отдельно выделены формирующиеся многофункциональные отраслевые экосистемы, предлагающие комплексные продукты для агробизнеса, а также государственные сервисы и платформы, реализующие отдельные функции государственного управления в отрасли.

Ключевые слова

Цифровые экосистемы, типология экосистем, цифровые платформы, экосистемные бизнес-модели, агропромышленный комплекс, маркетплейсы, государственные информационные системы

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01117 «Разработка экосистемной модели функционирования сельскохозяйственного кредита».

Для цитирования: Коробейников Д.А., Корабельников И.С., Телекабель В.К. Типология экосистем российского агробизнеса // Вестник университета. 2024. № 11. С. 109–119.

Typology of Russian agribusiness ecosystems

Dmitry A. Korobeynikov

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economic Security Department
ORCID: 0000-0002-5859-2649, e-mail: korobeinikov77@yandex.ru

Ivan S. Korabelnikov

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economic Security Department
ORCID: 0000-0002-0428-5838, e-mail: korablick.ru@mail.ru

Victoria K. Telekabel

Student
ORCID: 0009-0006-7878-7626, e-mail: telekabelvika@yandex.ru

Volgograd State Agrarian University, Volgograd, Russia

Abstract

In the agricultural sector of Russia, an independent market of digital platforms and ecosystems is actively developing, which leads to a variety of their organisational forms and differentiation of business models. The purposes of the study are to develop classification criteria and, on their basis, form a typology of existing platform and ecosystem decisions in the Russian agro-industrial complex. The following classification criteria are proposed: role of the ecosystem core in business, industry localization, and product specialisation. According to the first criterion, all ecosystems are divided into core companies complementary to the main business and independent ones. According to the second criterion, they are divided into universal and industry-specific, while the latter can be part of the universal ones. Considering the third criterion, the following elements are identified and described in detail: specialised product marketplaces (B2B (business-to-business) for wholesale, B2B and B2C (business-to-customer) for retail, B2B for supply, B2B for procurement and mixed ones); logistics platforms; financial platforms and aggregator sites. Emerging multi-functional industry ecosystems offering comprehensive products for agribusiness are separately highlighted as well as government services and platforms implementing individual functions of government administration in the industry.

Keywords

Digital ecosystems, typology of ecosystems, digital platforms, ecosystem business models, agro-industrial complex, marketplaces, government information systems

Acknowledgments. The research is supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-01117 “Development of an ecosystem model for functioning of an agricultural credit”.

For citation: Korobeynikov D.A., Korabelnikov I.S., Telekabel V.K. (2024) Typology of Russian agribusiness ecosystems. *Vestnik universiteta*, no. 11, pp. 109–119.

ВВЕДЕНИЕ

Диффузия цифровых технологий в различные сферы общества и бурное развитие FinTech (англ. financial technology – финансовые технологии) привели к появлению новой организационной формы экономической деятельности, получившей название «цифровая экосистема», а сами экосистемы рассматриваются в качестве «главного организационного последствия цифровых инноваций», порожденного «цифровой технологической революцией» и наилучшим образом «адаптированного к новым способам создания и сохранения стоимости» [1, с. 110]. Их бурное развитие сопровождается появлением множества бизнес-моделей, объединяемых данным зонтичным понятием, и активной научной дискуссией, в ходе которой так и не сложилось единого представления относительно их сущностных характеристик. Экосистемы трактуются как «совокупности хозяйствующих субъектов, тесно связанных с ключевой фирмой, технологией или платформой и взаимодействующих с ней и между собой на базе гибридного механизма управления транзакциями» [2, с. 69], как «основанные на модульности, а не на иерархическом управлении ... совокупности автономных организаций, производящих взаимодополняющие компоненты ценности» [3, с. 19], как многосторонние рынки, обеспечивающие возможность транзакций между различными группами пользователей [4], как «набор участников с разной степенью многосторонней, необщей взаимодополняемости, которые не полностью иерархически контролируются» [5, с. 2259] и др.

Отмечая тенденцию к доминированию цифровых экосистем на многих рынках (победитель получает все в силу сетевых эффектов и эффекта масштаба), М. Трейбер, Т. Теуниссен, С. Гребнер, Дж. Уиттинг, Х. Бернард делают вывод, что на аграрном рынке такие доминирующие решения пока отсутствуют, заменяясь множеством цифровых решений внутри его сегментов [6]. В отрасли функционирует большое количество различных по масштабу цифровых платформ и формируемых вокруг них экосистем, что определяет тенденцию к конвергенции и интеграции реализуемых на практике платформенных и экосистемных решений [7; 8]. Следствием роста популярности платформенных и экосистемных моделей является опережающее развитие практики в сравнении с формированием теории экосистем, особенно в отраслевом контексте. Соответственно, целями исследования являются определение критериев классификации и формирование единой типологии экосистемных и платформенных решений в российском агробизнесе, выступающей необходимым базисом для структурирования и системного обобщения накопленного эмпирического опыта.

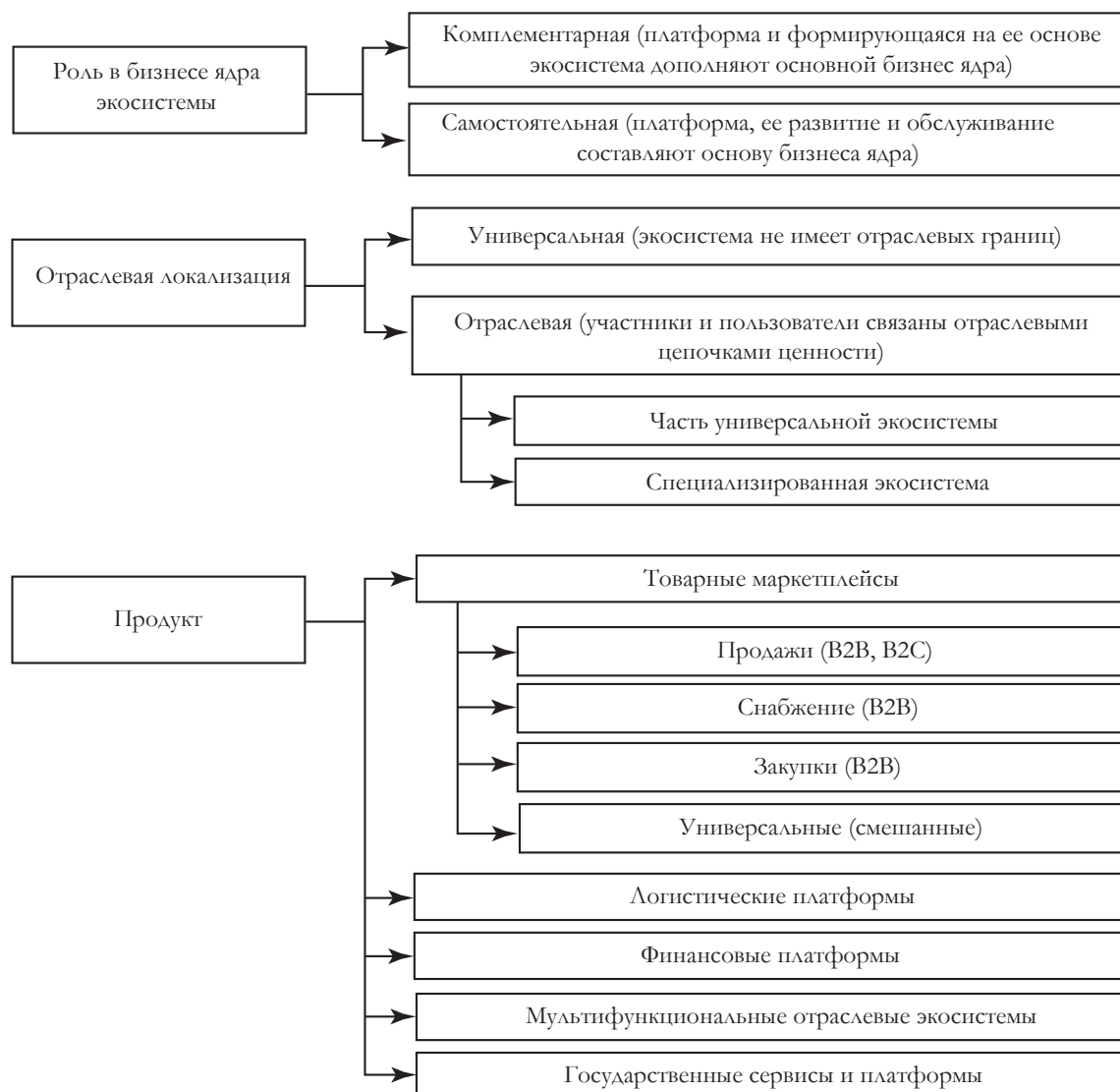
КРИТЕРИИ КЛАССИФИКАЦИИ ЭКОСИСТЕМ РОССИЙСКОГО АГРОБИЗНЕСА

Вариативность платформенных и экосистемных бизнес-моделей в аграрном секторе является следствием формирующегося рынка, находящегося в процессе поиска оптимальных организационных и функциональных решений. С одной стороны, это не позволяет выстроить сколь-либо законченную классификацию возникающих экономических структур, с другой – систематизация накопленного эмпирического опыта дает возможность выделить ряд типологических признаков, полезных для его структурирования и дальнейшего обобщения (см. рисунок).

Первый уровень классификации – деление всех экосистем на два типа в зависимости от их роли по отношению к бизнесу ядра систем. Первые могут быть названы комплементарными, поскольку создаваемые платформы и формирующиеся на их базе экосистемы выступают дополнением к основному бизнесу ее ядра (крупных агрохолдингов и банков), позволяя извлекать дополнительную ценность из сетевого взаимодействия с существующими и новыми акторами. В аграрном секторе примерами таких экосистем являются «Свое» («Россельхозбанк»), «Цифровой фермер» («Русагро»), «Поле.рф» и Smartseeds («Деметра-Холдинг»). Вторые представлены разнообразными цифровыми платформами, изначально создаваемыми ИТ-компаниями (ИТ – информационные технологии) как самостоятельный бизнес, то есть платформа выступает продуктом, предлагаемым потенциальным заинтересованным лицам как услуга (платформа как сервис), способствующая решению их производственных задач, а для ядра является основным источником доходов. В аграрном секторе примерами таких экосистем выступают «Агросервер», «Агробаза», «Ешь Деревенское», «АгроМП» и др.

Второй уровень классификации – разделение экосистем на универсальные и отраслевые. Для универсальных экосистем («Мегамаркет», «Яндекс Маркет», Wildberries, Ozon, KazanExpress) и функционирующих в их структуре B2C товарных маркетплейсов аграрные рынки не являются основными и представлены отдельными сегментами (как правило, продуктами питания), что определяет их ограниченную ценность

для развития отрасли. Отраслевые экосистемы локализованы в границах отраслевых цепочек ценности и представлены в настоящее время специализированными бизнес-единицами (что в перспективе не исключает возможность формирования специализированных сегментов в структуре универсальных экосистем).

Примечание: B2B – англ. business-to-business, бизнес для бизнеса; B2C – англ. business-to-consumer, бизнес для потребителя

Составлено авторами по материалам исследования

Рисунок. Типологические признаки классификации экосистем российского агробизнеса

Третий уровень классификации формируется по признаку продукта, лежащего в основе ценностного предложения экосистемы. По данному признаку существующие в аграрном секторе экосистемы можно разделить на товарные маркетплейсы, логистические и финансовые платформы, мультифункциональные (мультипродуктовые) экосистемы. Отдельно следует выделить отраслевые государственные цифровые сервисы и информационные системы (далее – ИС), которые пока не формируют единой экосистемы, но необходимость их консолидации, унификации и развития входит в число приоритетных направлений государственной аграрной политики.

Дальнейшее предметное рассмотрение функционирующих в аграрной сфере экосистем и цифровых платформ будет структурировано в разрезе выделенных типологических признаков.

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ

Крупнейшими российскими игроками на рынке продовольствия являются «Мегамаркет», «Яндекс Маркет», Wildberries, Ozon и другие подобные B2C-маркетплейсы. Первые два являются комплементарными к основному бизнесу компаний, формирующих их ядро, то есть «Сбер» и «Яндекс», а товарные

B2C-маркетплейсы выступают структурными элементами общей экосистемы компаний. Wildberries и Ozon эволюционируют как самостоятельный бизнес, где базовое ценностное предложение, то есть цифровая торговая платформа, расширяется за счет логистических (транспортных, складских), платежных и финансовых («Вайлдберриз Банк», «Озон Банк» и др.) сервисов и услуг.

Маркетплейсы всех универсальных экосистем используют схожие принципы работы со сторонними продавцами. Доходы они получают в виде комиссии за размещение товара на витрине маркетплейса, за услуги хранения, сборки заказов и доставки покупателям (англ. *fullfilment*), за расчетно-кассовое обслуживание, за применение инструментов для продвижения и т.д. Схемы работы с продавцами дифференцированы от самых простых, когда маркетплейс используется только как витрина и продавец самостоятельно взаимодействует с покупателем, до максимально полных, где хранение, обработка и доставка товаров осуществляется маркетплейсом (сейлерам перечисленных маркетплейсов доступны на выбор три-четыре альтернативных варианта фулфилмента).

Российский рынок маркетплейсов стремительно растет: в 2020–2023 гг. продажи на Wildberries выросли в 5 раз, на Ozon и «Яндекс Маркет» – в 8 раз, а в целом российский рынок e-commerce (англ. электронная торговля) за этот период вырос в три раза, до 7,7 трлн руб., с прогнозом роста в 2024 г. до 10,6 трлн руб. В рейтинге крупнейших российских маркетплейсов 1-е место занимает Wildberries с долей рынка 47 %, 2-е – Ozon (доля рынка – 34,4 %), 3-е – «Яндекс Маркет» (8,1 %), 4-е – «Мегамаркет» (6,9 %). Однако, несмотря на активный рост, универсальные экосистемы и их маркетплейсы не оказывают существенного влияния на развитие агробизнеса.

ОТРАСЛЕВЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ

Наиболее распространенной экосистемной бизнес-моделью в агробизнесе являются цифровые платформы, позволяющие «потребителям и поставщикам связываться онлайн для обмена продуктами, услугами и информацией» и рассматриваемые в качестве предшествующей «фазы развития» экосистем, которые «могут включать несколько цифровых платформ»¹. Экосистемы исследуются как сеть взаимосвязанных экономических субъектов, формирующихся вокруг платформы [9], или как «сообщество, которое появляется из комбинации повседневных использований цифровой платформы ... различными акторами» [10, с. 274], что позволяет рассматривать платформы в качестве структурного элемента или предшественника экосистемы (однако это не означает, что абсолютно любая цифровая платформа в перспективе сможет развиваться до уровня полноценной экосистемы).

По продуктовому признаку цифровые платформы в агропромышленном комплексе (далее – АПК) можно разделить на специализированные товарные маркетплейсы, логистические и финансовые платформы. Отдельно следует выделить формирующиеся многофункциональные отраслевые экосистемы, предлагающие комплексные продукты для агробизнеса, а также государственные сервисы и платформы, реализующие отдельные функции государственного управления в отрасли.

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ ТОВАРНЫЕ МАРКЕТПЛЕЙСЫ В АПК

В отрасли представлены как специализированные, так и смешанные формы товарных маркетплейсов, преимущественно функционирующие в качестве организационно самостоятельных бизнес-единиц.

1. Товарные B2B-маркетплейсы, специализирующиеся на оптовых продажах отдельных видов сельскохозяйственной продукции (например, Yorso, IDK, M-flowers, Foodretail и др.). Yorso – маркетплейс для крупнооптового рынка рыбы и морепродуктов, объединяющий производителей, дистрибьюторов и HoReCa (англ. *hotel, restaurant, cafe* – гостинично-ресторанный бизнес). Помимо маркетплейса, Yorso предлагает возможность удаленного участия в рыбных аукционах, сервисы CRM (англ. *customer relationship management* – система управления взаимоотношениями с клиентами) и управления заказами, маркетинг и аналитику. IDK – электронная площадка для заключения фиксированных сделок и аукционов с сельскохозяйственными культурами, а также сервисы маршрутизации и тарификации железнодорожных перевозок, статистики и аналитики. M-flowers – международный цветочный B2B-маркетплейс, позволяющий напрямую закупать цветы с более чем 500 плантаций со всего мира, включая полный платежный и логистический сервис для покупателей. Foodretail – сайт-агрегатор для поставщиков и оптовых

¹ Концепция общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «экосистемы». Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/konceptiya_21052021.pdf (дата обращения: 06.09.2024).

покупателей пищевой продукции, функционирующий как доска объявлений для размещения каталогов продукции и актуальных прайсов.

2. Товарные B2B- и B2C-маркетплейсы, которые специализируются на розничных продажах сельскохозяйственной продукции и продовольствия. Например, «Ешь Деревенское», объединяющий небольших производителей органической продукции из 5 регионов. Сервис доставки маркетплейса в настоящее время работает только в Москве, Санкт-Петербурге, Твери, Дубне и близлежащих городах.

3. Товарные B2B-маркетплейсы, специализирующиеся на продажах основных средств и других факторов производства сельскохозяйственным производителям (например, «Агробаза», e-Feed). «Агробаза» – классическая доска объявлений по покупке и продаже сельскохозяйственной техники, функционирующая с 2006 г. Электронный каталог сельскохозяйственной техники маркетплейса включает более 30 тыс. моделей и 2 593 производителя и поставщика. Дополнительно размещаются обзоры новинок, протоколы испытаний, каталоги запасных частей, отзывы потребителей и другие сопутствующие информационные материалы. E-Feed – специализированный маркетплейс, работающий с поставщиками ветеринарных препаратов и кормов, а также предлагающий консалтинговые услуги и лабораторные исследования в этой области.

4. Товарные B2B-маркетплейсы, которые специализируются на оптовых закупках сельскохозяйственной продукции у сельскохозяйственных производителей. Примером является торговая (закупочная) платформа «Цифровой фермер», созданная обществом с ограниченной ответственностью (далее – ООО) «Русагро-Закупки», входящим в состав группы компаний «Русагро», для автоматизации работы со сторонними поставщиками сельскохозяйственного сырья на перерабатывающие предприятия агрохолдинга. В едином интерфейсе реализованы B2B-маркетплейс (купля-продажа сельскохозяйственного сырья с цифровой подписью и обменом информацией о поставках, транспортная логистика с перспективой расширения на рынки основных средств и других ресурсов для сельского хозяйства), финансовый сервис (в 2023 г. «Русагро» предоставила займы поставщикам под заключенные договоры на сумму более 500 млн руб.; ведется поиск банков и страховых компаний для участия в партнерском проекте в области финансирования сельскохозяйственных производителей) и агроконсалтинг (исследование почв, подбор семян и средств защиты растений, аналитика рынка и прогнозы экспертов). В перспективе «Русагро» готова предоставить доступ к платформе для неконкурирующих организаций, то есть на ее основе возможно формирование полноценной мультифункциональной отраслевой экосистемы (сейчас фактически она обслуживает интересы только одного участника – агрохолдинга «Русагро», и даже если ситуация изменится, выраженная асимметрия акторов будет сохраняться в силу комплементарного характера экосистемы и доминирования бизнес-интересов ее ядра).

5. Универсальные (смешанные) товарные B2B- и B2C-маркетплейсы, обеспечивающие реализацию сельскохозяйственной продукции и снабжение ресурсами сельскохозяйственных производителей (например, «Агросервер», «АгроМП», Agroru.com, «Твой продукт»). Подобные торговые площадки обеспечивают доступ на товарные и ресурсные рынки аграриям, а также информационным сервисам в рамках единого цифрового интерфейса. «Агросервер» работает как традиционная доска объявлений (размещение и поиск объявлений, обмен сообщениями без возможности внутренних транзакций), основными разделами которой являются сельскохозяйственная техника и оборудование, земля и недвижимость, услуги, корма, агрохимия, тарные материалы, сельскохозяйственная продукция и продукты ее переработки, а также вакансии в отрасли (спрос и предложение). Аналогичным образом функционируют торговые платформы Agroru.com, созданной в 2001 г. и объединяющей более 115 тыс. покупателей и продавцов с совокупным объемом торгов в 5 299 млрд руб., а также «АгроМП», чей розничный B2C-маркетплейс ориентирован на владельцев дачных (приусадебных) участков и небольших фермерских хозяйств.

Несколько отличается от рассмотренных моделей бизнес-модель торговой платформы «Твой продукт», включающей B2C- и B2B-маркетплейсы (розничная и оптовая продажи сельскохозяйственной продукции), сервис поиска гастротуров и медиапортал. Ее функционал допускает создание интернет-витрин, автоматическую обработку заказов и коммуникации по внутреннему мессенджеру. Транзакции и доставка заказов осуществляются продавцом и покупателем самостоятельно.

ЛОГИСТИЧЕСКИЕ ПЛАТФОРМЫ В АПК

В отрасли представлены как комплементарные логистические платформы (например, Smartseeds входит в состав «Деметра-Холдинг»), так и самостоятельные (например, AgroCargo). Цифровая логистическая платформа Smartseeds объединяет российских участников (производителей, перевозчиков,

порты и терминалы) рынка автомобильных грузовых перевозок зерновой продукции в 25 регионах страны. Она позволяет аграриям выбирать из множества предложений перевозчиков, при этом ответственность за груз и организацию логистики несет собственник платформы. Перевозчикам доступны гарантии своевременной оплаты и электронные перевозочные документы. Терминалы и порты получают удобные сервисы электронной очереди и интеллектуальной системы управления грузопотоком. Smartseeds активно развивается: только за 2023 г. перевозки зерновых культур удвоились и достигли 2,5 млн т, а за весь период существования платформы объем автоперевозок превысил 6,5 млн т.

AgroCargo – глобальная логистическая платформа, организующая грузовые перевозки сельскохозяйственной продукции по Российской Федерации (далее – РФ, Россия), Содружеству Независимых Государств, странам Азии и Европы. В отличие от Smartseeds, AgroCargo дополнительно располагает собственным парком специализированных транспортных средств (ското-, кормо-, тушевозов, молоко-, жировозов и т.д.), а в остальном принципы работы платформ схожи и условно могут быть определены как Uber для грузового транспорта.

МУЛЬТИФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОТРАСЛЕВЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ

К мультифункциональным отраслевым экосистемам отнесены цифровые платформы, функционал которых выходит за границы электронной коммерции (хотя маркетплейсы в их структуре, как правило, остаются наиболее развитым сегментом) и расширяется за счет финансовых, информационных и других сервисов.

Например, в Agrisale акторам, помимо универсального маркетплейса, доступны такие цифровые сервисы, как CRM-система, управление заказами, агроконсультации, наем сотрудников, страхование и финансирование.

B2B-Agro является отраслевым сегментом универсальной торговой экосистемы B2B-Center, развиваемой акционерным обществом (далее – АО) «Центр развития экономики» (Москва). Наряду с участием в торгах (тендерах на закупку крупных компаний), платформа предлагает ряд финансовых онлайн-сервисов для покупателей и поставщиков – оформление заявок на банковские гарантии, тендерные займы, факторинг, эскроу-счета, обеспечительные платежи и другие финансовые услуги.

Цифровая экосистема сельского хозяйства Agraroom имеет ряд особенностей. Во-первых, она ориентирована на развитие и поддержку сельскохозяйственной потребительской кооперации, объединяя более 4 тыс. потребительских кооперативов. Во-вторых, в число стратегических партнеров экосистемы входит Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан, что подтверждает тезис о перспективности различных форм коллаборации частных отраслевых экосистем с отраслевыми геоинформационными системами (далее – ГИС) и сервисами Министерства сельского хозяйства РФ (далее – Минсельхоз РФ) [11]. В-третьих, на платформе реализована уникальная система привлечения частных инвестиций в отрасль через продуктовые паи потребительского кооператива взаимного обеспечения «АГРАРУМ» (по форме сравнимая с краудлендингом). Вкладчиками являются члены кооператива, имеющие личный кабинет на платформе и приобретающие доли в стандартизированных паевых продуктах. Аккумулированные средства в виде целевых займов получают конкретные сельскохозяйственные производители, имущество которых формирует стоимость продуктового пая.

Direct.Farm как отраслевая экосистема имеет два значимых отличия. Главным из них является формирование обширной отраслевой базы данных с возможностью обсуждения (по сути, в формате социальной сети) возникающих производственных проблем и онлайн-консультирования профильных специалистов. База знаний Direct.Farm включает каталоги семян, удобрений, сельскохозяйственной техники, химии, пород животных и др., формируемые по данным независимых экспертиз и исследований (полевых и лабораторных), проводимых на сельскохозяйственных предприятиях, принадлежащих основателю экосистемы А.Н. Додуде. Также отличия связаны с особенностями функционирования B2B-маркетплейса экосистемы, где платформа выступает стороной сделки, оплачивая крупные оптовые партии ресурсов поставщикам и передавая их в рассрочку покупателям.

«Поле.рф», наряду со Smartseeds, принадлежит «Деметра-Холдингу», и данные платформы выступают основой для развития цифровой экосистемы «Деметра Digital», позиционируемой агрохолдингом как универсальное экосистемное решение для АПК. В качестве главной особенности «Поле.рф» следует отметить то, что это единственный в России полноценный транзакционный маркетплейс в сельском хозяйстве, где в едином интерфейсе доступны такие сервисы, как продажа урожая и покупка любых ресурсов (заключение договоров, электронный документооборот, выставление и оплата счетов внутри платформы), получение

финансирования, доступ к отраслевой аналитике и другие агросервисы. «Поле.рф» создано в июле 2021 г., но уже сейчас общий объем сделок, совершенных на платформе, превысил 45 млрд руб. Из финансовых сервисов акторы могут воспользоваться авансами под урожай и займами, предоставляемыми ООО «Деметра Трейдинг», рассрочками от «Сбера», лизингом от FleetFinance, «СберЛизинга», «Росагролизинга», «ВТБ Лизинга». Также в число партнеров «Поле.рф» входят «ВТБ» и публичное акционерное общество (далее – ПАО) коммерческий банк «Центр-инвест».

«Свое» от рассмотренных ранее экосистем отличает ядро – это единственная отраслевая экосистема, созданная банком (главным кредитором отрасли, «Россельхозбанком», в 2020 г.) и объединившая его информационную и платежную инфраструктуру с рядом небанковских онлайн-решений, агрегированных с основным банковским бизнесом, с возможностью бесшовного перехода между финансовыми и нефинансовыми сервисами (встроенные финансы). За пределами отрасли банковские экосистемы получили широкое распространение, но в сельском хозяйстве это первый подобный опыт. Экосистема объединяет 6 цифровых платформ, более 3 млн активных клиентов, более 140 тыс. субъектов малого и среднего агробизнеса.

Платформа «Свое фермерство» – товарный B2B-маркетплейс для фермерских хозяйств, позволяющий приобретать напрямую у производителей и поставщиков сельскохозяйственную технику и запасные части, семена, удобрения, сельскохозяйственных животных, ветеринарные препараты, корма и другие ресурсы. Одновременно на платформе доступно множество производственных B2B-сервисов в области сбыта и рекламы сельскохозяйственной продукции, селекции, ветеринарии, цифровизации, органического производства, рекрутинга персонала, онлайн-бухгалтерии и т.д.

«Свое родное» – B2C-маркетплейс, обеспечивающий прямой доступ микро- и малого агробизнеса к функциональным сервисам электронной торговли в e-commerce. Сервис ориентирован на здоровую, экологически чистую фермерскую продукцию.

Платформа «Свое» «Я в Агро» формирует образовательный кластер экосистемы, предлагая школьникам, абитуриентам, студентам и участникам рынка труда сервисы в сфере образования (в том числе образовательные программы онлайн), онлайн-стажировок, переквалификации, трудоустройства (поиска вакансий).

«Свое жилье» – онлайн-сервис подбора недвижимости, встроенный в программы ипотечного кредитования банка. Пользователи получают возможность сравнения ипотечных программ, онлайн-оформления заявок на ипотечный (или потребительский) кредит, комплементарные услуги в области личного и имущественного страхования, а также сервис оценки рыночной стоимости приобретаемых объектов недвижимости.

Платформа «Свое за городом» – онлайн-сервис по поиску и бронированию однодневных и многодневных туристических продуктов. Основу предложения составляют агротуры (общение с животными, мастер-классы, экскурсии на фермы от отраслевых партнеров), гастрономические туры (винные, дегустации), экотуры (экскурсии, активный отдых, этнографический туризм).

«Свое село» – B2C-маркетплейс товаров и услуг для владельцев загородной недвижимости. На платформе доступны витрины товаров и услуг партнеров, оказывающих услуги по строительству, ремонту и обслуживанию загородных домов, а также информационные сервисы (расчет строительства объектов недвижимости, рекомендации по строительству и ремонту, опросы, stories (англ. истории) и т.д.) и кредитные (подбор ипотечной программы, удаленное формирование заявок на получение ипотечного кредита).

ФИНАНСОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ

Федеральный закон № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» был принят летом 2020 г.², в сентябре того же года заработал Регистратор финансовых транзакций, что создало условия для развития нового элемента финансовой инфраструктуры. По состоянию на 29 июля 2024 г. реестр Центрального банка РФ (далее – ЦБ РФ) включает 10 операторов финансовых платформ: «Финуслуги» (ПАО «Московская биржа»), АО «ВТБ Регистратор», «Сравни.ру» (АО «Финансовый маркетплейс Сравни.ру»), «Открытый финансовый маркетплейс» (АО «ОФМ»), «Банки.ру» (АО «Банки.ру Маркетплейс»), АО «Финфорт МП», АО «Финансовая Платформа», АО «Ванта», «Единые финансовые решения» (АО «ЕФР»), «Универсальные финансовые технологии» (АО «УФТ»). С первого квартала 2023 г. по первый квартал 2024 г. на финансовых платформах совершено сделок на 149 млрд руб., из которых 59,8 млрд руб. приходится на первый квартал текущего года. Количество

² Федеральный закон от 20.07.2020 г. № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» (с изменениями и дополнениями). Режим доступа: <https://base.garant.ru/74399619/#friends> (дата обращения: 09.09.2024).

зарегистрированных клиентов финансовых платформ на конец марта 2024 г. достигло 1,96 млн лиц (рост за год в 11 раз), к приобретению доступны продукты 69 кредитных организаций [12].

Несмотря на операционную дифференциацию («ВТБ Регистратор» – сделки с внебиржевыми финансовыми активами, «Финфорт МП» – фокус на кредитование, «Финансовая Платформа» – ипотека, «Открытый финансовый маркетплейс» – сотрудничество с автомобильными маркетплейсами, и т.д.), отличительной чертой финансовых платформ является транзакционная бизнес-модель, означающая, что сделка между финансовой организацией (банком, страховой компанией и т.д.) и физическим лицом заключается непосредственно в контуре платформы.

Наряду с финансовыми платформами на финансовых рынках широко распространены сайты-агрегаторы финансовой информации, бизнес-модель которых исключает их из сферы регулирования Федерального закона № 211-ФЗ. Сайты-агрегаторы собирают клиентские заявки (лиды) и направляют их в кредитные организации. Для заключения сделки клиент и банк должны контактировать непосредственно друг с другом (то есть в отличие от платформ транзакции совершаются за пределами цифрового контура агрегатора, а функционал последнего ограничен аккумуляцией и трансфером клиентского трафика для банковской лидогенерации). Отсутствие регулирования и надзора со стороны ЦБ РФ дает агрегаторам определенные конкурентные преимущества. В результате, например, в тройку лидеров финансовых маркетплейсов по величине медиаиндекса вместе с финансовыми платформами входит агрегатор «Выберу.ру». Также ряд операторов (например, «Банки.ру», «Сравни.ру») совмещают функции агрегатора и финансовой платформы, позволяя клиенту выбрать из двух возможных траекторий взаимодействия.

В существующем виде финансовые платформы и сайты-агрегаторы финансовой информации не создают конкуренцию традиционным финансовым посредникам, формируя для них новый канал продаж, способствуя экономии транзакционных издержек клиентского обслуживания и снятию территориальных ограничений для банков с небольшой сетью физического присутствия. Основное предложение платформ составляют страховые продукты и вклады, допускающие стандартизацию и непосредственную продажу клиенту. Развитие кредитного сегмента тормозит необходимость скоринга, по результатам которого определяются индивидуальные условия для каждого заемщика, что не позволяет финансовому маркетплейсу предложить клиенту сразу конечный продукт.

На развитие аграрного сектора финансовые платформы влияния пока не оказывают как в силу отсутствия отраслевых платформ или агрегаторов, так и в силу их текущей ограниченности B2C-сегментом. В то же время с учетом темпов развития FinTech логично предположить, что B2B-сегмент получит достаточное развитие в общем, в том числе в отраслевом контексте, поскольку для сельского хозяйства проблема физической удаленности производителей от финансовых центров стоит достаточно остро.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СЕРВИСЫ И ПЛАТФОРМЫ

Процесс цифровизации сферы государственного управления в агропромышленном секторе идет не одно десятилетие [13], и сегодня аграрии обязаны использовать в своей деятельности порядка 30 различных государственных ИС, таких как ГИС «Электронный бюджет» (Министерство финансов РФ), ИС Федерального казначейства, автоматизированная ИС «Цербер», федеральные государственные ИС «Зерно», «Меркурий», «Сатурн», единая федеральная ИС о землях сельскохозяйственного назначения, государственные ИС региональных органов власти, 1С («Предприятие», «Бухгалтерия», «Свод АПК»), ИС государственных закупок, Личный кабинет недропользователя («Роснедра»), личный кабинет «Росприроднадзор», «Госуслуги» и др.

Большое количество государственных ИС вызывает определенные трудности, связанные с ростом издержек (ГИС созданы государством для контроля и не добавляют ценности отраслевому продукту, а их разрозненность влечет за собой дублирование до 70 % информации и дополнительные трудозатраты) и с отсутствием заинтересованности со стороны аграриев, что объективно приводит к необходимости:

- 1) формирования единой экосистемы государственных сервисов в отрасли, исключающей дублирование информации, программные конфликты между разными ГИС и прочие непроизводительные издержки;
- 2) смены ценностной парадигмы цифровой трансформации государственного управления с функций контроля к проактивной поддержке и упрощению взаимодействия.

Разработка концепции единой цифровой платформы для сельского хозяйства началось еще в 2020 г. в рамках ведомственного проекта Минсельхоза РФ «Цифровое сельское хозяйство»³, но практическая реализация идеи стала возможной только в 2022 г. с принятием Федерального закона № 169-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства»⁴. Закон предусматривает создание ИС цифровых сервисов АПК, интегрированной с Единой системой идентификации и аутентификации, порталом «Госуслуги» и другими отраслевыми ГИС для адресного и проактивного предоставления мер государственной поддержки, что станет первым подобного рода сервисом, отличным от систем контроля. Ожидается, что Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций России приступит к созданию платформы с 1 сентября 2024 г., старт эксплуатации запланирован на 1 марта 2026 г.⁵, а в 2028 г. оформление всех мер государственной поддержки АПК будет переведено в цифровой формат. Краткосрочную цель развития данной платформы можно определить как объединение всех ИС и сервисов Минсельхоза РФ и смежных ведомств в единую цифровую экосистему, а в более отдаленной перспективе следует ожидать ее частичной интеграции с частными отраслевыми платформами и экосистемами для формирования полноценной бесшовной цифровой среды в границах отраслевых цепочек ценности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие любых высокотехнологичных рынков, особенно подверженных сетевым эффектам, всегда сопровождается технологической консолидацией и установлением доминирующего дизайна на более поздних стадиях жизненного цикла. Рынок цифровых платформ и экосистем в агропромышленном секторе не будет являться исключением, и в перспективе следует ожидать сокращения количества участников и их укрупнение за счет объединения разрозненных платформ, а также перехода к универсальным экосистемам, способным предложить акторам цифровые инструменты любых производственных проблем (приобретение ресурсов, сбыт, финансирование, страхование, консалтинг и т.д.) для всех участников отраслевых цепочек ценности. Драйвером подобных процессов станут конкуренция и сетевые эффекты, определяющие прямую зависимость успешности той или иной экосистемы от количества ее акторов. Также следует ожидать консолидации разрозненных государственных ИС и сервисов с формированием полноценной ведомственной экосистемы, позволяющей оцифровать функции государственного управления и поддержки в отрасли (этот процесс уже фактически инициирован).

Список литературы

1. Gawer A. Digital platforms and ecosystems: remarks on the dominant organizational forms of the digital age. *Innovation*. 2021;1(24):110–124. <https://doi.org/10.1080/14479338.2021.1965888>
2. Шаститко А.Е., Курдин А.А., Филиппова И.И. Мезоинституты для цифровых экосистем. *Вопросы экономики*. 2023;2:61–82. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-2-61-82>
3. Раменская Л.А. Применение концепции экосистем в экономико-управленческих исследованиях. *Управленец*. 2020;4(11):16–28. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-4-2>
4. McIntyre D.P., Srinivasan A. Networks, platforms, and strategy: emerging views and next steps. *Strategic Management Journal*. 2017;1(38):141–160. <https://doi.org/10.1002/SMJ.2596>
5. Jacobides M.G., Cennamo C., Gawer A. Towards a theory of ecosystems. *Strategic Management Journal*. 2018;8(39):2255–2276. <https://doi.org/10.1002/smj.2904>
6. Treiber M., Theunissen Th., Grebner S., Witting J., Bernhardt H. How to successfully orchestrate content for digital agriecosystems. *Agriculture*. 2023;5(13):1003. <https://doi.org/10.3390/agriculture13051003>
7. Коробейникова О.М., Горбачева А.С., Чекрыгина Т.А., Воронников М.А. Государственное регулирование деятельности агробизнеса в цифровых экосистемах. *Казанский экономический вестник*. 2022;4:14–18.
8. Korobeynikova O., Korobeynikov D., Popova L., Chekrygina T., Melikhov V. Russian agribusiness and digital ecosystems: ways of interaction. In: XV International Scientific Conference “INTERAGROMASH 2022”: Proceedings, volume 1, Rostov-on-Don, May 25–27, 2022. Cham: Springer; 2023. Pp. 1205–1215. https://doi.org/10.1007/978-3-031-21432-5_128. URL

³ Ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство». Режим доступа: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/900/900863fae06c026826a9ee43e124d058.pdf> (дата обращения: 10.09.2024).

⁴ Федеральный закон от 11.06.2022 г. № 169-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства». Режим доступа: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1548754/> (дата обращения: 10.09.2024).

⁵ Интерфакс. Дума приняла закон о разработчике информационной системы цифровых сервисов АПК. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/972216> (дата обращения: 10.09.2024).

9. *Thomas L.D.W., Autio E.* Modeling the ecosystem: a meta-synthesis of ecosystem and related literatures. In: DRUID Summer Conference: Proceedings, Copenhagen, June 19–21, 2012. Copenhagen: Copenhagen Business School; 2012.
10. *Шкарупета Е.В.* Управление развитием промышленных комплексов в условиях реиндустриализации. Дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. М.: Национальный исследовательский технологический университет; 2019. 356 с.
11. *Коробейников Д.А.* Модель цифровой экосистемы агропромышленного комплекса. Вестник университета. 2023;1:83–91. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-1-83-91>
12. *Померанцева Н.* Банки на витрине: как развиваются цифровые платформы в финансовом секторе. Эксперт. 2024;7(6):32–39.
13. *Коробейникова О.М., Очеретяная Д.В., Петерс И.А., Шалдохина С.Ю.* Цифровые экосистемы для агробизнеса. Аграрная Россия. 2022;6:40–47. <https://doi.org/10.30906/1999-5636-2022-6-40-47>

References

1. *Gaver A.* Digital platforms and ecosystems: remarks on the dominant organizational forms of the digital age. Innovation. 2021;1(24):110–124. <https://doi.org/10.1080/14479338.2021.1965888>
2. *Shastitko A.E., Kurdin A.A., Filippova I.N.* Meso-institutions for digital ecosystems. Voprosy Ekonomiki. 2023;2:61–82. (In Russian). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-2-61-82>
3. *Ramenskaya L.A.* The concept of ecosystem in economic and management studies. The Manager. 2020;4(11):16–28. (In Russian). <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-4-2>
4. *McIntyre D.P., Srinivasan A.* Networks, platforms, and strategy: emerging views and next steps. Strategic Management Journal. 2017;1(38):141–160. <https://doi.org/10.1002/SMJ.2596>
5. *Jacobides M.G., Cennamo C., Gawer A.* Towards a theory of ecosystems. Strategic Management Journal. 2018;8(39):2255–2276. <https://doi.org/10.1002/smj.2904>
6. *Treiber M., Theunissen Th., Grebner S., Witting J., Bernhardt H.* How to successfully orchestrate content for digital agriecosystems. Agriculture. 2023;5(13):1003. <https://doi.org/10.3390/agriculture13051003>
7. *Korobeynikova O.M., Gorbacheva A.S., Chekrygina T.A., Vorotnikov M.D.* State regulation of agribusiness activities in digital ecosystems. Kazan Economic Bulletin. 2022;4:14–18. (In Russian).
8. *Korobeynikova O., Korobeynikov D., Popova L., Chekrygina T., Melikhov V.* Russian agribusiness and digital ecosystems: ways of interaction. In: XV International Scientific Conference “INTERAGROMASH 2022”: Proceedings, volume 1, Rostov-on-Don, May 25–27, 2022. Cham: Springer; 2023. Pp. 1205–1215. https://doi.org/10.1007/978-3-031-21432-5_128.-URL
9. *Thomas L.D.W., Autio E.* Modeling the ecosystem: a meta-synthesis of ecosystem and related literatures. In: DRUID Summer Conference: Proceedings, Copenhagen, June 19–21, 2012. Copenhagen: Copenhagen Business School; 2012.
10. *Shkarupeta E.V.* Managing the development of industrial complexes in the context of reindustrialisation. Diss. ... Dr. Sci. (Econ.): 08.00.05. Moscow: National University of Science and Technology; 2019. 356 p. (In Russian).
11. *Korobeinikov D.A.* Digital ecosystem model of the agro-industrial complex. Vestnik universiteta. 2023;1:83–91. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-1-83-91>
12. *Pomerantseva N.* Banks on display: how digital platforms are developing in the financial sector. Expert. 2024;7(6):32–39. (In Russian).
13. *Korobeinikova O.M., Ocheretyanaya D.V., Peters I.A., Shaldokhina S.Yu.* Digital ecosystems for agribusiness. Agrarian Russia. 2022;6:40–47. (In Russian). <https://doi.org/10.30906/1999-5636-2022-6-40-47>

Рекомендации по разработке и внедрению сбалансированной системы показателей на основе изучения опыта российских организаций

Кузнецова Надежда Владимировна

Ассист. каф. финансового мониторинга
ORCID: 0000-0002-9818-0980, e-mail: nadyakuznetsova555@mail.ru

Леонов Павел Юрьевич

Канд. экон. наук, доц. каф. финансового мониторинга
ORCID: 0000-0002-3415-2702, e-mail: PYLeonov@mephi.ru

Национальный исследовательский ядерный университет «Московский инженерно-физический институт», г. Москва, Россия

Аннотация

В работе проводится сравнительный анализ текущей практики российских организаций в области разработки и внедрения сбалансированной системы показателей (далее – ССП). Отдельно описываются причины низкой эффективности компаний. Подробно обосновывается целесообразность использования в деятельности компаний механизма стратегического управления, а также на основе применения табличных данных обозначается масштаб научных исследований в области ключевых показателей эффективности. Сформулированные авторами рекомендации отражают причинно-следственные связи между запросами клиентов и потребностями поставщиков товаров и услуг. Особое внимание уделено оценке потенциального эффекта от внедрения ССП в деятельность российских компаний. По мере написания работы выявляются закономерности в процессах осуществления объектами исследования кадровой политики, формирования стратегических целей и реализации механизма распространения информации о заявленной стратегии среди всех должностных уровней компании. Авторами данной работы излагаются подробные выводы по каждому разделу с указанием обнаруженных мотивов действий и прогнозированием потенциальных результатов. Обозначенный вначале алгоритм формулирования рекомендаций по разработке и внедрению ССП находит свое поэтапное развитие в рамках проводимого исследования и сопровождается аргументированными комментариями, основанными как на уже опубликованных ранее источниках информации, так и на положениях, предложенных авторами.

Ключевые слова

Сбалансированная система показателей, российские компании, рекомендации по оптимизации, эффективность деятельности компаний, стратегические цели, стратегический проект, разработка сбалансированной системы, внедрение сбалансированной системы, опыт российских организаций

Благодарности. Благодарность выражается Б.М. Лейферову, кандидату физико-математических наук, генеральному директору консалтинговой компании, за чуткое руководство и активную поддержку в процессах сбора, анализа и представления информации, а также за своевременное вдохновение и искреннюю солидарность с мотивами исследования.

Для цитирования: Кузнецова Н.В., Леонов П.Ю. Рекомендации по разработке и внедрению сбалансированной системы показателей на основе изучения опыта российских организаций // Вестник университета. 2024. № 11. С. 120–130.

Recommendations for the development and implementation of a balanced scorecard based on studying the experience of Russian organisations

Nadezhda V. Kuznetsova

Assistant at the Financial Monitoring Department
ORCID: 0000-0002-9818-0980, e-mail: nadyakuznetsova555@mail.ru

Pavel Yu. Leonov

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Financial Monitoring Department
ORCID: 0000-0002-3415-2702, e-mail: PYLeonov@mephi.ru

National Research Nuclear University “Moscow Engineering Physics Institute”, Moscow, Russia

Abstract

The article provides a comparative analysis of the current practice of Russian organisations in the development and implementation of a balanced scorecard. The reasons for low efficiency of the companies are described separately. The expediency of using a strategic management mechanism in the activities of the companies is substantiated in detail, and also, based on the application of tabular data, the scale of scientific research in the field of key performance indicators is indicated. The recommendations formulated by the authors reflect cause-and-effect relationships between customer requests and the needs of suppliers of goods and services. Particular attention is paid to assessing the potential effect of introducing the balanced scorecard into the activities of the Russian companies. As the article is written, patterns are revealed in the processes of implementation of personnel policies by the objects of research, formation of strategic goals, and realisation of a mechanism for disseminating information about the declared strategy among all official levels of the company. The authors of this work state detailed conclusions for each section indicating the detected motives for actions and predicting potential results. The algorithm for formulating recommendations for the development and implementation of the balanced scorecard identified at the beginning of the article finds its step-by-step development within the framework of the ongoing research and is accompanied by reasoned comments based both on previously published sources of information and on provisions proposed by the authors.

Keywords

Balanced scorecard, Russian companies, recommendations for optimisation, efficiency of companies' activities, strategic goals, strategic project, development of balanced scorecard, implementation of balanced scorecard, experience of Russian organisations

Acknowledgments. Gratitude is expressed to B.M. Leiferov, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, General Director of the consulting company, for sensitive guidance and active support in the processes of collecting, analysing, and presenting information as well as for timely inspiration and sincere solidarity with the motives of the research.

For citation: Kuznetsova N.V., Leonov P.Y.u. (2024) Recommendations for the development and implementation of a balanced scorecard based on studying the experience of Russian organisations. *Vestnik universiteta*, no. 11, pp. 120–130.

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях развития бизнеса можно найти подтверждение существованию замкнутого круга стратегического управления. В целях обозначения способа функционирования в сформировавшемся циклическом процессе авторы данной статьи отмечают, что при разработке стратегии компании могут столкнуться с проблемой выбора первоочередных для нее действий: определение цели развития или же анализ имеющейся практики. Эти объекты исследования тесно взаимосвязаны, поскольку базируются на сведениях друг о друге, тем самым частично задавая вектор развития второй стороны. В связи с этим организации, по мнению авторов данного исследования, важно периодически пересматривать как уже когда-то намеченную стратегическую цель, так и результаты, возникающие по мере продвижения к выбранному ориентиру, поскольку вовремя вносимые корректировки позволяют компании на стабильной основе следовать своим стратегическим инициативам, тем самым поэтапно повышая эффективность деятельности.

Еще одну закономерность, оказывающую непосредственное влияние на раскрытие актуальности выбранной темы, авторы данной статьи формулируют следующим образом: чем больше у бизнеса прецедентов процветать без четко регламентированной системы управления, тем реже он обращается к необходимости разработки и внедрения стратегии, не считая данные процессы ключевой деталью механизма своего функционирования. Придерживаясь такой тактики, компания со временем упускает все большее количество требующих ее пристального внимания элементов деятельности, что, в свою очередь, неизбежно приводит к потере понимания многими участниками системы того, как (и, что не менее важно, зачем) полученный ими результат эффективно применять в дальнейшем.

Таким образом, авторы статьи считают целесообразным изучить вопрос о существующей практике разработки и внедрения сбалансированной системы показателей (далее – ССП) российскими организациями.

Целью данного изучения является формулирование рекомендаций по совершенствованию процесса развития ССП.

ВЫЯВЛЕНИЕ ПРИЧИН НИЗКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМПАНИЙ

В качестве гипотезы работы выступает предположение о том, что изучение публикуемого в открытых источниках опыта российских компаний в сфере разработки и внедрения ССП позволит сформулировать рекомендации по его оптимизации.

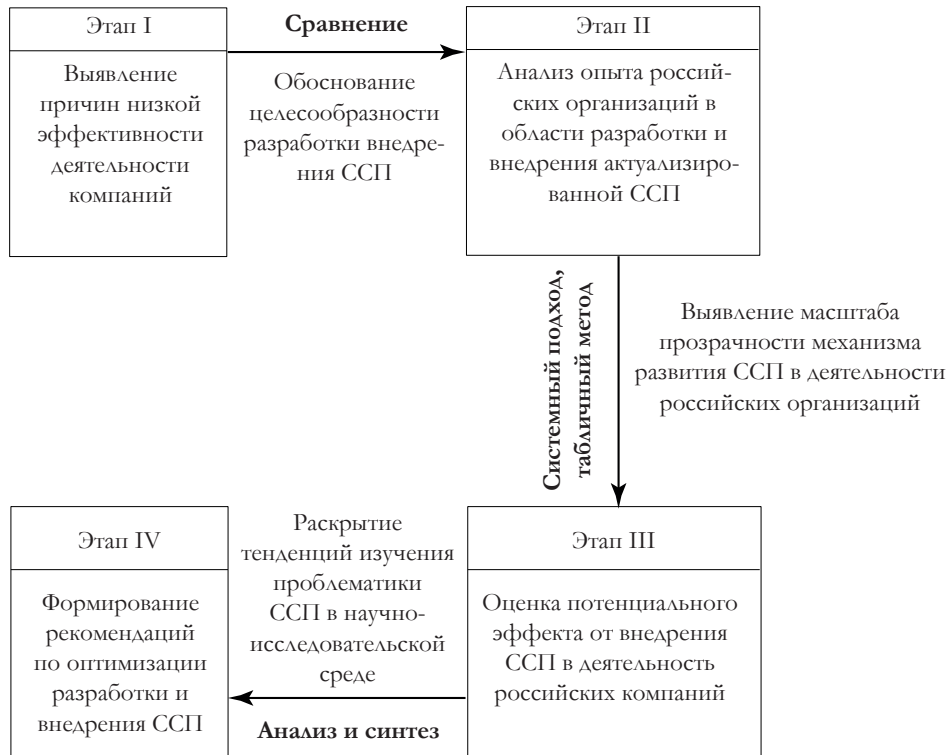
В целях наглядной иллюстрации механизма исследования авторы данной статьи подготовили схему «Алгоритм формулирования рекомендаций по разработке и внедрению ССП», отражающую не только этапы проводимого анализа, но и используемые в процессе работы методы исследования (см. рисунок). Далее рассмотрим каждый из заявленных этапов более подробно.

В чем же, по мнению авторов данной статьи, заключаются причины низкой эффективности деятельности компаний? На основе проводимого исследования было выявлено: проблема в том, что они стараются выжить в текущих обстоятельствах, решая только задачи, видимые в текущий момент, в то время как надо продумывать свои действия на несколько шагов (лет) вперед и принимать решения, рассматривая и учитывая все известные возможные варианты их влияния на будущее состояние компании. Таким образом, недостаточно в моменте совершенствовать только один навык, оставляя без внимания остальные показатели. Действительно, важно своевременно сделать упор на чем-то одном, однако при этом не должно подразумеваться полное игнорирование роли показателей другого содержания.

Кроме того, причиной низкой эффективности деятельности компании может быть и то, что она сама себе мешает, изначально обеспечив невозможность достижения высокого результата из-за ограничения своего потенциала неверно определенными целями и нерационально заданным направлением развития.

Также на эффективность деятельности компании влияет степень осведомленности персонала о сформированной (или еще находящейся на стадии формирования) стратегии, установленной руководящими подразделениями. Сотрудники, не имеющие ясного представления о стратегии организации, во время выполнения своих обязанностей действуют в рамках собственной концепции профессионального развития, не ставя перед собой цели, выходящей за пределы их восприятия своей роли в организации. Таким образом, внутри компании формируются отдельно функционирующие единицы, в лучшем случае ответственные лишь за качество своих действий, непосредственно не учитывающие степень своего влияния

на эффективность работы другого сотрудника. Отсутствие сплоченности в стремлении достичь единого для всех результата, являющееся последствием недостаточной информированности о стратегии компании (или неимения стратегии как таковой), пресекает потенциальные возможности повышения эффективности деятельности хотя бы потому, что в критических для бизнеса обстоятельствах каждый из участников команды выберет тот вариант развития событий, который, вне зависимости от масштабов понесения компанией убытков, будет сопровождаться минимальным для них ущербом.

Составлено авторами по материалам исследования

Рисунок. Алгоритм формулирования рекомендаций по разработке и внедрению ССП

Таким образом, в целях повышения эффективности деятельности организаций предлагается разрабатывать и внедрять ССП, способную выступать в качестве инструмента стратегического управления, а значит, позволять прогнозировать долгосрочные перспективы, четко формулировать стратегические цели и распространять ключевые стратегические идеи среди всего персонала.

АНАЛИЗ ОПЫТА РОССИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОБЛАСТИ РАЗРАБОТКИ И ВНЕДРЕНИЯ АКТУАЛИЗИРОВАННОЙ ССП

В рамках второго этапа исследования авторы изучили опыт российских компаний в области разработки и внедрения ССП, адаптированной (актуализированной) под особенности их деятельности.

В табл. 1 данные сгруппированы по объектам (как действующим, так и уже ликвидированным), внедрившим (частично или полностью) ССП в свою деятельность. Целью данной таблицы является выявление ключевых особенностей реализации политики ССП. Анализ выборки компаний позволит сформулировать выводы о масштабах прозрачности рассматриваемого механизма для сторонних исследователей, интересующихся изучением вопроса целесообразности применения ССП в бизнесе.

Таким образом, по результатам исследования фактического влияния технологии ССП на эффективность деятельности российских организаций авторами данной статьи было выявлено, что большинство реализуемых самой компанией примеров разработки и внедрения описываемого стратегического механизма (доступных к изучению в открытых источниках информации) отражает поверхностное описание создаваемых стратегических проектов.

Опыт некоторых российских организаций в сфере разработки и внедрения ССП

Объект, внедривший ССП в свою деятельность	Ключевые особенности разработки и внедрения ССП на объекте
«ТК Десан»	Функция реализации стратегии в проекте была возложена на топ-менеджера компании. Особенностью в восприятии сотрудниками внедрения данного механизма являлось негативное отношение некоторых из них к нововведениям, формирующееся из позиции системы наказания и штрафов за несвоевременно выполненные стратегические проекты, а не созидательного начала, способного облегчить процесс выполнения поставленных руководством задач. Многие сотрудники терялись в иерархическом распределении обязанностей: даже разделяя позиции руководства по поводу стратегии компании, сотрудник не был уверен в том, что до него доводится вся необходимая информация. Результатом становилось либо его увольнение из компании, либо увеличение корпоративных ошибок
ПАО «ИК Русс-Инвест» ¹	Механизм ССП функционирует только в части одной из перспектив «Финансы» с использованием прибыли в качестве ключевого показателя эффективности. Проблема возникала с возможностью отражения изменения стоимости денежных средств в разрезе времени
ПАО «Комбинат «Мagneзит» ²	Формирование стратегической карты для комбината в целом, отдельных топ-менеджеров
ГК «Росмэн», УК «Масштаб» ³	Внедрение проектов по формированию корпоративной стратегии
Международный аэропорт Иркутск ⁴	Для разработанных ключевых параметров эффективности установлены стратегические цели. Указан процент, достаточный для рационального усовершенствования результативности ключевых параметров. Так, например, в рамках перспективы «Персонал» особая роль выделяется уменьшению уровня текучести кадров и росту профессионалов (квалификации)
Международный аэропорт Красноярск ⁵	В рамках перспективы «Персонал» акцентируется внимание на повышении производительности труда. Формирование проектов и мероприятий с указанием потенциальных расходов и результатов вложений. В качестве ключевых показателей эффективности выступают: – укрепление взаимосвязи между разными туристическими агентствами (в целях роста пассажиропотока); – программа лояльности; – методики обучения персонала
«Группа ГАЗ» ⁶	Возникновение сложностей с процессами: – увязки ключевых параметров эффективности со стратегическими целями организации; – выявления достоверных источников информации; – повышения квалификации пользователей

¹ Инвестиционная компания ПАО «ИК Русс-Инвест». Официальный сайт. Режим доступа: <https://www.russ-invest.com> (дата обращения: 14.08.2024).

² Группа Магнезит. Комбинат Магнезит. Режим доступа: <http://magnezit.ru/ru/manufacture/kombinat> (дата обращения: 14.08.2024).

³ Rosman. О компании РОСМЭН. Режим доступа: <https://rosman.ru/company/?ysclid=lyile9mrfg306223911> (дата обращения: 14.08.2024).

⁴ Международный аэропорт Иркутск. Официальный сайт. Режим доступа: <https://iktport.ru/ru/?https://hotel.iktport.ru> (дата обращения: 14.08.2024).

⁵ Международный аэропорт Красноярск. Официальный сайт. Режим доступа: <https://www.kja.aero/?ysclid=lyilix2nkj152283065> (дата обращения: 14.08.2024).

⁶ Группа ГАЗ. Информация о компании «Группа ГАЗ». Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20180324054650/http://gazgroup.ru/company/about> (дата обращения: 15.08.2024).

Объект, внедривший ССП в свою деятельность	Ключевые особенности разработки и внедрения ССП на объекте
ГБУЗ СО «Самарская медико-санитарная часть № 5 Кировского района»	Реализация стратегических целей, поставленных перед компанией
ГАУ «Республиканский медицинский библиотечно-информационный центр»	В рамках актуализированной ССП выступают следующие перспективы: – миссия и видение; – стратегия; – потребитель/пользователь; – лидерство и приверженность высшего руководства; – финансовая проекция; – средства обеспечения; – процессы системы менеджмента качества; – персонал и обучение
«МДМ Банк» (ранее – ОАО)	До того как банк решил внедрить ССП, наблюдалось отсутствие единых стратегических целей, четко сформулированных и донесенных до персонала. После оптимизации бизнес-процессов с учетом внедрения ССП: – в управлении инвестиционным процессом стала прослеживаться взаимосвязь между финансовыми и нефинансовыми показателями; – увеличилась чистая прибыль; – возрос доход от оказания услуг; – увеличилась рыночная стоимость банка
Сибирский федеральный университет	Формирование таких ключевых показателей эффективности, как: – доход, получаемый от основной деятельности; – объемы средств от выпускников, полученных для осуществления благотворительности; – процентные показатели расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы; – объем финансирования исследований в расчете на одного научного сотрудника с полной ставкой; – процентные показатели, выражающие соотношение фактического и потенциального финансирования

Примечание: ПАО – публичное акционерное общество; ГК – группа компаний; УК – управляющая компания; ГБУЗ СО – государственное бюджетное учреждение здравоохранения Самарской области; ГАУ – государственное автономное учреждение; ОАО – открытое акционерное общество

Составлено авторами по материалам источников [1–5]

Согласно результатам исследований, представленным в табл. 1, в целях распределения нагрузки в процессе постепенной реализации стратегии компаниями формируются стратегические проекты развития, способные описать роль ключевых участников. Однако, несмотря на то что стратегический проект выступает в качестве инструмента, позволяющего не отдаляться от выбранного стратегического курса, независимо от долгосрочности запланированного развития, его поверхностное описание влечет за собой неспособность сторонних наблюдателей (интересующихся данной темой) решить вопрос о целесообразности разработки и внедрения организациями ССП.

Если сформулировать данную идею более простыми словами, то получится так: далеко не все компании раскрывают информацию о том, каким образом они внедряли ССП, с помощью каких ключевых показателей эффективности оценивали свою деятельность в рамках каждой перспективы («Финансы» / «Внутренние процессы» / «Клиенты» / «Персонал») и как актуализация внедряемого механизма способствовала повышению эффективности бизнеса в целом.

ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛЬНОГО ЭФФЕКТА ОТ ВНЕДРЕНИЯ ССП В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ

На основе смежных с рассматриваемой тематикой опубликованных диссертаций авторами данной статьи был сформирован реестр организаций, на которых посредством проведения современными исследователями теоретического анализа был оценен потенциальный эффект от внедрения ССП.

В табл. 2 представлены результаты собранных данных. При этом авторы статьи посчитали целесообразным сгруппировать найденную информацию таким образом, чтобы прослеживался период публикации работ. Благодаря выбранному формату представления данных становится возможным сопоставить предлагаемые в диссертациях особенности внедрения ССП со степенью их востребованности в современных условиях экономики.

Заранее стоит отметить, что в табл. 2 в качестве объектов исследования представлены компании, отличные от тех, что указаны в табл. 1. Это объясняется тем, что целью табл. 2 является оценка потенциального эффекта от внедрения ССП: авторы изучают то, что могло бы быть, но не считается действительно функционирующим в текущий момент (на основе научных исследований других авторов), в то время как табл. 1 описывает реальный результат внедрения ССП и указывает раскрываемые компаниями характеристики механизма ССП. Таким образом, выборка, представленная в табл. 2, не находится во взаимосвязи со сгруппированными в табл. 1 организациями, поскольку формируется с целью оценки возможности использования элементов ССП там, где ее ключевых элементов не было вообще. Табл. 1 же призвана дать представление о действительной практике компаний и обосновать гипотезу наличия недостаточной степени прозрачности внедрения организациями ССП (недостаточной с точки зрения полноты сведений, необходимых для формирования структуры ключевых этапов алгоритма ССП каждой компании).

Таблица 2

Потенциальный эффект от внедрения ССП в деятельность российских организаций

Объект исследования	Год публикации исследования	Потенциальный эффект от внедрения ССП на объекте исследования
ПАО «ЛУКОЙЛ»	2022	С помощью ССП оценена эффективность управления организацией: по сравнению с 2020 г. и 2021 г. (для которых характерно возникновение сложностей в связи с пандемийными ограничениями) в 2022 г. наблюдается удовлетворительный результат в области менеджмента (средний уровень эффективности) – менее 70 %
ООО «Сибирское здоровье 2000»	2019	Посредством ССП была выявлена взаимосвязь между стабильной долей компании на рынке и такими показателями, как: – своевременная реализация условий согласно договоренностям; – выпуск товаров; – осуществление рекламы; – стимулирование сбыта продукции. С помощью ССП обнаружилась взаимосвязь между ростом производительности труда и такими показателями, как: – использование новых технологий в производстве; – использование качественного сырья; – рост эффективности производственного процесса в целом; – повышение качества технического перевооружения
НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург	2014	Обоснование необходимости актуализации уже применяемой ССП. Модификация традиционной модели посредством объединения перспектив «Внутренние процессы» и «Персонал» в единую перспективу «Инфраструктура», а также посредством размещения перспективы «Финансы» на нижнем уровне причинно-следственных связей
ООО «Тольяттикаучук»	2021	Внедрение механизма ССП в деятельность службы внутреннего финансового контроля. Как результат – сокращение издержек и увеличение прибыли

Объект исследования	Год публикации исследования	Потенциальный эффект от внедрения ССП на объекте исследования
АО «ТЭМЗ»	2018	Выявление соответствия понесенных на реализацию программ компании затрат достигнутым результатам, на что указывают такие ключевые параметры, как уменьшение текучести кадров, снижение уровня травматизма на производстве. Обнаружение соответствия реализуемых компанией программ сформулированным стратегическим целям
АО «Полиметалл»	2023	С помощью механизма ССП был спрогнозирован объем собственного капитала, что, в свою очередь, позволило сформировать следующий вывод: стратегия компании, нацеленная на устойчивый рост и развитие, останется неизменной за счет усовершенствования новых объектов строительства. Благодаря анализу такого ключевого показателя эффективности, как капитал, было установлено, что организация достигла не всех поставленных перед собой ранее стратегических целей, прежде всего в связи с наличием рисков совершения человеческих ошибок на производстве (человеческий и интеллектуальный капитал)
ООО «Рассвет плюс»	2013	С помощью ССП было оценено соотношение между фактически достигнутыми и прогнозными результатами по таким показателям, как: – текущие активы и обязательства; – собственный капитал; – валюта баланса; – выручка от реализации; – валовая прибыль. Благодаря выявленной взаимосвязи был сформирован вывод о том, что ключевым фактором увеличения издержек компании является рост объема реализации товаров

Примечание: ООО – общество с ограниченной ответственностью; НИУ ВШЭ – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; АО «ТЭМЗ» – акционерное общество «Гомский электромеханический завод имени В.В. Вахрушева»

Составлено авторами по материалам источников [6–12]

На основе сгруппированных сведений авторы данной статьи выявляют следующие особенности в изучении потенциального развития бизнеса посредством внедрения ССП:

- 1) в научно-исследовательских кругах все более распространенным явлением становится изучение степени потенциального влияния механизма разработки и внедрения ССП на эффективность деятельности конкретной компании;
- 2) ССП, согласно проведенным исследованиям, находит свое применение в деятельности российских компаний самых разных направлений (в том числе в сфере образования и медицины);
- 3) исследования позволяют рассмотреть ключевые особенности ССП, однако содержат в себе определенный процент субъективности, поскольку демонстрируют результаты анализа авторами причинно-следственных связей, в большинстве своем не подтвержденных реальной практикой изучаемой компании.

ФОРМИРОВАНИЕ РЕКОМЕНДАЦИЙ ПО ОПТИМИЗАЦИИ РАЗРАБОТКИ И ВНЕДРЕНИЯ ССП

Таким образом, в целях повышения эффективности деятельности компаний становится целесообразным разработать прежде всего прикладной механизм стратегического управления. В связи с этим организации стоит направлять ресурсы на создание, поддержание и развитие тех алгоритмов, которые бы придали внутрифирменной стратегии практическое значение, являющееся актуальным в текущий момент и имеющее задатки для долгосрочного функционирования в будущем. С этой целью компаниям предлагается внедрять в свою деятельность ССП, сформированную на основе причинно-следственных связей: движение каждой детали в механизме ССП оказывает влияние на результат работы остальных

составляющих, в том числе потому, что своими действиями частично формулирует условие задачи, в решении которой участвуют последующие инстанции.

Чтобы раскрыть прикладную сторону вопроса, необходимо перечислить конкретные факторы, которые предлагаются к внедрению в рамках функционирования механизма ССП. Так, организациям, по мнению авторов, следует актуализировать ССП посредством внедрения таких ключевых показателей эффективности (с учетом специфики их деятельности), как:

- темп роста количества сделок со старыми клиентами, %. Данный критерий призван усовершенствовать проекцию «Клиенты». Так, компания начнет уделять большее внимание укреплению отношений с постоянными клиентами, а значит, увеличивается вероятность получения денежных средств за услуги, оказываемые на постоянной основе;

- общее количество залежалого товара по отношению ко всему объему изготовленной продукции, % (в случае наличия производственной деятельности). Данный критерий призван усовершенствовать проекцию «Внутренние процессы»;

- число совместных проектов (число проектов, в осуществлении которых принимают участие различные подразделения);

- коэффициент стратегического переобучения (отношение объема сотрудников, которых нужно переобучить, к общему количеству сотрудников);

- удельный вес сотрудников, использующих цифровые технологии при выполнении служебных обязанностей, в общем числе сотрудников компании, %.

Что касается последних трех критериев, то стоит отметить, что недооценка важности обучения и развития персонала может быть компенсирована внедрением большего количества показателей в перспективу «Персонал», а именно увеличением роли оценки мотивации в работе сотрудников, которая проявляется и в объеме совместных проектов, свидетельствующем об умении и наличии желания работать в команде. Во избежание проблемы отсутствия показателей, характеризующих степень адаптации компании к условиям цифровой экономики, авторы данной работы предлагают внедрить в управленческую деятельность компании показатель, демонстрирующий степень подготовки сотрудников к цифровизации, а значит, их способность адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам, при этом сохраняя качество и необходимую скорость предоставляемых услуг.

Стоит отметить, что авторы данного исследования акцентируют внимание на разумном отборе внедряемых (по мере развития ССП) в деятельность организации элементов стратегии, а не на необходимости ее разработки и реализации только по достижении определенной ступени развития бизнеса. Так, находясь еще на первом этапе (разработка ССП), компаниям следует на стабильной основе уже рассматривать особенности внедрения элементов следующего этапа – каскадирования (интеграция ССП в систему управления и внедрение ССП) – вне зависимости от того, в полной ли мере проработана предыдущая стадия функционирования механизма ССП. Например, стоит уже в начале пути обдумывать возможность введения в действие такого элемента, как личная ССП, с точки зрения наличия шансов и необходимости переноса некоторых идей ССП с уровня руководства на уровень сотрудника. Такой подход позволит не только спрогнозировать наилучший вариант реализации второго этапа, но и усовершенствует текущую деятельность, касающуюся разработки ССП. Аналогичным образом следует поступать и во время проработки третьего этапа (пересмотр и корректировка ССП): так, например, нужно заранее рассмотреть такой элемент, как использование современного программного обеспечения для систем показателей, и при необходимости скорректировать механизм интеграции ССП в систему управления.

Кроме того, в целях установления взаимопонимания между сотрудниками одной компании на почве единых стратегических решений авторы данного исследования предлагают к рассмотрению руководящим подразделениям следующую методику реализации кадровой политики: постепенно вкладываясь в развитие сотрудников, только начинающих знакомиться со своей профессией (и в связи с этим не являющихся востребованными у большинства крупных компаний), расширяя круг выполняемых ими обязанностей, «выращивать» членов своей команды. При этом работники, по мере развития бизнеса, следуют уже заданной стратегии, а значит, уменьшается вероятность осуществления руководителем расходов на преобразование их целей и мотивации (в отличие от обстоятельств, в которых необходимо перестроить алгоритм действий персонала, уже привыкшего к стратегии, сформулированной на предыдущем месте работы).

Поскольку современные условия экономики становятся динамичнее, то компании необходимо наладить механизм получения обратной связи, чтобы иметь возможность и причины корректировки тактики и стратегии. Соблюдение принципа «одной петли» (связи в одном направлении), по мнению авторов данной статьи, является необходимым, но недостаточным условием высокой эффективности организации.

Не менее важным для повышения эффективности деятельности компаний посредством использования такого инструмента стратегического управления, как ССП, авторы данного исследования считают корректное применение закона Парето в развитии бизнеса. Неэффективно функционирующие организации применяют принцип 20/80, однако при этом нерационально распределяют нагрузку: большинство усилий (80 %) приходится на развитие текущей деятельности, в то время как подобное сиюминутное решение задач (поглощающее основной массив ресурсов), возникающих перед организацией, не способно обеспечить наиболее высокий результат в будущем. Если бы компания первоочередной целью ставила укрепление стратегических перспектив, то выполняемая в текущий момент деятельность (с учетом 20 % выделенных на нее усилий) смогла бы улучшиться автоматически.

В связи с этим становится актуальным рациональное внедрение компаниями результатов стратегического анализа, который, проводясь на обязательной основе, предшествует разработке стратегии, то есть не является самоцелью, в связи с чем важно не задерживаться на этом этапе (проведение стратегического анализа), аккумулируя в данном направлении все ключевые ресурсы, а своевременно переходить на следующий уровень развития (разработка стратегии), уделяя необходимое внимание каждому элементу цикла стратегического управления. Нужна своего рода решимость начать применять собранные сведения, не дожидаясь того момента, когда будет освоен весь возможный объем информации, поскольку такое состояние может быть так и не достигнуто.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в данной статье был проведен подробный анализ существующей практики российских компаний в области разработки и внедрения ССП и описаны рекомендации по оптимизации изучаемой проблематики. Ключевые выводы по итогам исследования авторы излагают следующим образом:

- можно выделить несколько главных причин низкой эффективности компаний, в том числе отсутствие на стабильной основе практики прогнозирования долгосрочных перспектив, нечеткое формулирование стратегических целей и недостаточное распространение ключевых стратегических идей среди всего персонала организации;
- для повышения эффективности компаний целесообразно распределить ресурсы таким образом, чтобы их хватало на полноценную разработку и качественное внедрение ССП;
- раскрываемый российскими организациями опыт в области разработки и внедрения актуализированной ССП характеризуется низкой степенью прозрачности для внешних (сторонних) наблюдателей, интересующихся описываемым механизмом стратегического управления;
- потенциальный эффект от внедрения ССП в деятельность российских компаний описан в некоторых современных научно-исследовательских работах, однако далеко не во всех из них представлен детальный анализ результативности использования механизма стратегического управления;
- рекомендации, подробно обозначенные в предыдущем разделе статьи, охватывают не только способы усовершенствования бизнес-процессов компаний в целом, но и методики, отражающие инновационный подход к формированию у организаций понимания роли ССП в их долгосрочном развитии.

Список литературы

1. Дамаскин В.А., Соколова И.Н. Повышение эффективности бизнеса на основе сбалансированной системы показателей. Социально-экономическое управление: теория и практика. 2021;3(46):14–20. <https://doi.org/10.22213/2618-9763-2021-3-14-20>
2. Архипова С.В. Оценка деятельности амбулаторно-поликлинического учреждения на основе системы сбалансированных показателей. Автореф. дис. ... канд. мед. наук: 14.02.03. М.: Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения Министерства здравоохранения Российской Федерации; 2016. 25 с.
3. Косолапова Е.А. Сбалансированная система показателей как инструмент управления информационно-библиотечной деятельностью. Автореф. дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03. Казань: Казанский государственный институт культуры; 2019. 29 с.
4. Шеховцов С.Ю. Управление инвестиционным процессом с помощью сбалансированной системы показателей. Автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Волгоград: Волгоградский государственный университет; 2008. 24 с.

5. Цыганков Н.С., Петрунина А.Э. Сбалансированная система показателей эффективности инновационной инфраструктуры. Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Естественные и технические науки». 2022;4:137–144. <https://doi.org/10.37882/2223-2966.2022.04.35>
6. Казакова Н.А. Оценка эффективности управления бизнесом на основе развития технологии сбалансированных показателей. Russian Journal of Management. 2022;2(10):121–125. <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2022-10-2-121-125>
7. Хайруллина А.Р. Совершенствование процесса принятия управленческих решений в малом и среднем предпринимательстве. Дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет; 2022. 220 с.
8. Сперанский С.Н., Егорова М.Е. Сбалансированная система показателей как инструмент управления сделками слияния и поглощения. В кн.: Экономическая безопасность: правовые, экономические, экологические аспекты: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Курск, 4 апреля 2020 г. Курск: Юго-Западный государственный университет; 2020. С. 288–291.
9. Цацулин А.Н. Анализ результативности деятельности предприятия в концепциях «золотого правила» экономики и сбалансированной системы показателей. Экономический вектор. 2023;3(34):108–122. <https://doi.org/10.36807/2411-7269-2023-3-34-108-122>
10. Климашевская А.А. Оценка результативности технологической модернизации предприятий и отраслей промышленности. Дис. канд. экон. наук: 08.00.05. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; 2019. 252 с.
11. Сильченко И.А. Совершенствование инструментария системы планирования общеорганизационных ресурсов промышленных предприятий. Дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Барнаул: Алтайский государственный университет; 2022. 204 с.
12. Барышев С.Б. Формирование учетно-аналитической системы, ориентированной на сбалансированные показатели, в торговых организациях. Автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.12. Орел: Государственный университет – учебно-научно-производственный комплекс; 2013. 48 с.

References

1. Domashkin V.A., Sokolova I.N. Increasing Business Efficiency Based on a Balanced Performance System. Socio-economic management: theory and practice. 2021;3(46):14–20. (In Russian). <https://doi.org/10.22213/2618-9763-2021-3-14-20>
2. Arkhipova S.V. Assessment of the activity of an outpatient polyclinic institution based on a system of balanced indicators. Abstr. Diss. ... Cand. Sci. (Med.): 14.02.03. Moscow: Federal Research Institute for Health Organization and Informatics of Ministry of Health of the Russian Federation; 2016. 25 p. (In Russian).
3. Kosolapova E.A. Balanced scorecard as a tool for managing information and library activities. Abstr. Diss. ... Cand. Sci. (Ped.): 05.25.03. Kazan: Kazan State Institute of Culture; 2019. 29 p. (In Russian).
4. Shekhtovtsov S.Yu. Management of the investment process using a balanced scorecard. Abstr. Diss. ... Cand. Sci. (Econ.): 08.00.05. Volgograd: Volgograd State University; 2008. 24 p. (In Russian).
5. Tygankov N.S., Petrunina A.E. Balanced system of performance indicators of innovative infrastructure. Modern science: actual problems of theory and practice. Series “Natural and technical sciences”. 2022;4:137–144. (In Russian). <https://doi.org/10.37882/2223-2966.2022.04.35>
6. Kazakova N.A. Evaluation of the efficiency of business management based on the development of balanced indicators technology. Russian Journal of Management. 2022;2(10):121–125. (In Russian). <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2022-10-2-121-125>
7. Khairullina A.R. Improving the process of making management decisions in small and medium-sized businesses. Diss. ... Cand. Sci. (Econ.): 08.00.05. St. Petersburg: Saint-Petersburg State University of Economics; 2022. 220 p. (In Russian).
8. Speransky S.N., Egorova M.E. Balanced scorecard as a tool for managing mergers and acquisitions. In: Economic security: legal, economic, environmental aspects: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Kursk, April 4, 2020. Kursk: Southwest State University; 2020. Pp. 288–291. (In Russian).
9. Tsatsulin A.N. Analysis of the performance of the enterprise in the concepts of the “golden rule” of economy and the balanced scorecard. Economic Vector. 2023;3(34):108–122. (In Russian). <https://doi.org/10.36807/2411-7269-2023-3-34-108-122>
10. Klimashevskaya A.A. Evaluation of the effectiveness of technological modernisation of enterprises and industries. Diss. ... Cand. Sci. (Econ.): 08.00.05. Yekaterinburg: Ural Federal University; 2018. 252 p. (In Russian).
11. Silchenkov I.A. Improving the tools of the planning system of general organisational resources of industrial enterprises. Diss. ... Cand. Sci. (Econ.): 08.00.05. Barnaul: Altai State University; 2022. 204 p. (In Russian).
12. Baryshev S.B. Formation of an accounting and analytical system focused on balanced indicators in trade organisations. Abstr. Diss. ... Dr. Sci. (Econ.): 08.00.12. Oryol: State University – Education-Science-Production Complex; 2013. 48 p. (In Russian).

Обеспечение конкурентоспособности в XXI в.: использование инструментов управления в интернет-экономике (на примере банков)

Мадьяров Азат Альбертович

Канд. социол. наук, доц. каф. строительства
ORCID: 0000-0002-4911-7790, e-mail: am.1818@mail.ru

Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета,
г. Набережные Челны, Россия

Аннотация

Формирование интернет-экономики предъявляет особые требования к развитию системы организационных воздействий, используемых для разрешения проблем адаптации к изменениям внешней среды и внутренней интеграции. При этом эффективность обновленной комбинации инструментов управления должна оказываться достаточной, для того чтобы обеспечивать конкурентоспособность в ходе реализации стратегического процесса. Актуальность изучения и систематизации практик, используемых субъектами цифровой экономики, обосновывается трансформационными процессами информационного общества, представляя как научный, так и практический интерес. Рассмотрение трудов ведущих российских и зарубежных ученых, специализирующихся в области развития интернет-экономики за счет использования инструментов управления, а также результатов Народного рейтинга обслуживания клиентов отечественными банками позволяет сделать выводы о необходимости внедрения особых подходов для ответа на вызовы – угрозы новейшего стратегического контекста. Кроме того, их нужно комбинировать с учетом результатов анализа и систематизации настоящего исследования. Завершается работа краткими выводами об итогах исследования, подчеркивающими важность продолжения изучения примеров обеспечения конкурентоспособности российскими компаниями в XXI в.: выявление отраслевых особенностей может представлять интерес для тиражирования лучших практик в интернет-экономике.

Ключевые слова

Интернет-экономика, инструменты управления, организационное развитие, конкурентоспособность, организационные способности, стратегический процесс, ключевые компетенции, организационная культура

Для цитирования: Мадьяров А.А. Обеспечение конкурентоспособности в XXI в.: использование инструментов управления в интернет-экономике (на примере банков) // Вестник университета. 2024. № 11. С. 131–142.

Ensuring competitiveness in the XXI century: use of management tools in the internet-economy (on the example of banks)

Azat A. Madyarov

Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. at the Construction Department

ORCID: 0000-0002-4911-7790, e-mail: am.1818@mail.ru

Naberezhnye Chelny Institute of the Kazan Federal University, Naberezhnye Chelny, Russia

Abstract

The formation of the Internet economy places special demands on the development of a system of organisational influences used to solve problems of adaptation to changes in the external environment and internal integration. At the same time, the effectiveness of the updated combination of management tools should be sufficient to ensure competitiveness during the implementation of the strategic process. The relevance of studying and systematising the practices used by the subjects of the digital economy is justified by the transformational processes of the information society, representing both scientific and practical interest. Consideration of the works of leading Russian and foreign scientists specialising in the development of the Internet economy through the use of the management tools as well as the results of the People's rating of customer service by domestic banks allows us to draw conclusions about the need to introduce special approaches to respond to the challenges the threats of the latest strategic context. In addition, they should be combined considering the results of the analysis and systematisation of this study. The article concludes with brief findings on the results of the research, emphasising the importance of continuing to study examples of ensuring the competitiveness by Russian companies in the XXI century: identifying industry features may be of interest for replicating best practices in the Internet economy.

Keywords

Internet-economy, management tools, organisational development, competitiveness, organisational abilities, strategic process, key competencies, organisational culture

Для цитирования: Madyarov A.A. Ensuring competitiveness in the XXI century: use of management tools in the internet-economy (on the example of banks)//Вестник университета. 2024. № 11. С. 131–142.

ВВЕДЕНИЕ

Достижение целей и задач, заявленных в национальной программе по развитию отечественной цифровой экономики до 2030 г., возможно посредством внедрения наиболее эффективных инструментов и концепций управления¹. В этой связи целесообразно дальнейшее изучение особенностей перехода на качественно новую структуру экономических активов, отвечающих приоритетам интернет-экономики, начатое в предыдущих научных публикациях [1–4].

Коммерческие банки Российской Федерации (далее – РФ, Россия), являясь финансовыми посредниками и проводниками социально-экономического развития, демонстрируют значительные успехи, что при этом относится не только к финансовой результативности их деятельности. Выдающимися являются также организационные компетенции отечественных банков в цифровизации отдельных направлений и бизнес-процессов, относящихся как к внешним клиентским сервисам, так и к внутренним корпоративным.

Стратегический экспресс-анализ деятельности ключевых кредитных организаций РФ с точки зрения выявления ресурсных разрывов по обслуживанию клиентов наряду с систематизацией современных инструментов и концепций менеджмента создает предпосылки для повышения их конкурентоспособности в высокодинамичных реалиях интернет-экономики.

Комплексное использование инструментов управления как механизмов реализации ценностных установок информационного общества имеет решающее значение для развития организационных способностей, обеспечивающих корпоративное лидерство в XXI в.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Базовой для настоящего исследования является теория Р. Гранта о классификации и стратегическом анализе ключевых активов (так называемый ресурсный подход) [5] в рамках концепции «стратегического процесса» [6, с. 35], так как ресурсная концепция имеет критическое значение в XXI в.: «истинно опасным конкурентом может оказаться организация, ныне создающая ценность способами, отличными от практикуемых вашей организацией» [7, с. 134].

Ценные активы (редкие, трудно имитируемые, незаменимые [8]) как обеспечивающие получение запланированного результата занимают центральное место в реализации стратегии развития: превосходство в конкурентной борьбе достигается за счет совершенствования способностей – ключевых компетенций, вклад которых является непропорционально большим в отношении создания потребительской ценности [1].

Необходимость систематизации уровней развития организационных способностей как объективного фактора обеспечения конкурентного преимущества современной компании в XXI в. («управленческие действия по развитию ключевых компетенций и конкурентных возможностей, как правило, принимают одну из двух форм: либо укрепление навыков ... либо объединение усилий подразделений» [9, с. 490]) сопровождается субъективным выбором инструментов и концепций, который делают организации в ходе управления стратегическим процессом.

Консалтинговая компания Bain&Company практически ежегодно систематизирует инструменты менеджмента, проводя опросы руководителей ведущих компаний по всему миру. В 2023 г. ее эксперты составили очередной перечень топ-инструментов, а ранее, в апреле 2018 г., подготовили доклад о 5 трендах:

1) отказ от бюрократии, организационной сложности (иерархии) и командно-контрольного стиля руководства, так как традиционные структура и культура «препятствуют прибыльному росту»²;

2) активный переход на цифровые управленческие технологии (присущие ранее только инновационным ИТ-компаниям (ИТ – информационные технологии): например, agile management (англ. гибкое управление) впервые появился в рейтинге топ-инструментов Bain и сразу же занял верхние позиции из-за активного внедрения и высокой удовлетворенности от его использования в традиционных отраслях экономики;

3) формирование сильной корпоративной культуры, ценности которой соответствуют принципам интернет-экономики и характеристикам информационного общества [2];

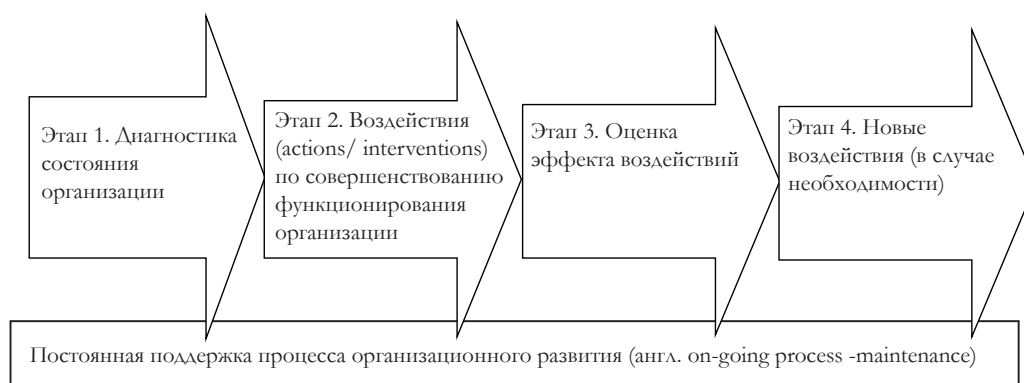
¹Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/436754837?ysclid=m2zyfk5m61138840006> (дата обращения: 20.09.2024).

²Там же.

4) постоянное внимание к укреплению отношений с клиентами (за счет использования таких инструментов, как сегментация клиентов, управление взаимоотношениями с клиентами и системы обеспечения удовлетворенности клиентов);

5) возобновление интереса к контролю затрат как фактора, препятствующего дальнейшему росту современной компании (высокая сложность увеличивает издержки и препятствует росту, так как бюрократия и чрезмерные уровни иерархии снижают конкурентоспособность в XXI в.)³.

При этом распределение инструментов менеджмента по 5 уровням качества управления – развития организационных способностей (лестница Пригожина, возрастание качества управления происходит в следующей последовательности: по заданиям/*min*, по процессам, по правилам, по целям, по ценностям/*max* [10]) необходимо сочетать с концепцией организационного развития (далее – ОР), предложенной В. Френчем и С. Беллом (рис. 1). Использование лестницы Пригожина обосновывается тем, что обеспечение конкурентоспособности в XXI в. на основе совершенствования организационных способностей соответствует формированию более инновационных механизмов, выявленных в предыдущем исследовании: внедрение «систем управления высшего порядка / высокого качества ... позволяет компаниям реализовывать преимущества технологических инноваций» [1, с. 156].

Примечание: англ. actions – действия; interventions – вмешательства

Составлено авторами по материалам источника [11]

Рис. 1. Компоненты процесса ОР

Признавая тот факт, что «способности, в отличие от многих других ресурсов, не продаются на рынках, а должны создаваться внутри организации» [8, с. 66], руководству компаний необходимо правильно комбинировать воздействия/интервенции ОР (по В. Френчу и С. Беллу) с инструментами менеджмента, обеспечивая трансформационный переход с менее эффективного уровня системы управления на более инновационный в условиях информационного общества.

В ходе адаптации к новому цифровому контексту интернет-экономики следует помнить о приоритетности развития организации (по своей значимости) перед обеспечением стабильного функционирования, так как глобальный характер деятельности, пиринг/самоорганизация, открытость и шеринг [12] как принципы интернет-экономики задают совершенно новый формат взаимодействия (когда требуются совсем другие навыки, инструменты, подходы, методы, отвечающие запросам по внедрению новых подрывных и прорывных инноваций [13; 14]). То есть акцент на управляемости как одной из трех базовых ценностей организации (управляемость – инновационность – клиентность [15]) должен уступить место ориентации на потребителя с открытостью к изменениям и проактивностью инновационного менеджмента.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Несмотря на постоянные заявления о важности ориентации на клиента, крупнейшие банки РФ (финансово доминирующие в настоящее время на российском рынке) испытывают трудности с завоеванием лояльности потребителей. Согласно Народному рейтингу банков⁴ интернет-портала banki.ru, ни «Сбербанк», ни «ВТБ» начиная с 2022 г. не входили в топ-10 лучших по обслуживанию.

³ Rigby D., Bilodeau B. Management tools & trends. Five key trends emerged from Bain's survey of 1,268 managers. Режим доступа: <https://www.bain.com/insights/management-tools-and-trends-2017/> (дата обращения: 20.09.2024).

⁴ Банки.ру. Народный рейтинг банков. Режим доступа: <https://www.banki.ru/services/responses/> (дата обращения: 21.09.2024).

Необходимые для повышения лояльности клиентов организационные мероприятия нередко ограничиваются фрагментарным анализом рисков внешней среды («ключевой риск – геополитика»⁵) или общедекларативными (без указания на использование конкретных инструментов) обещаниями, например о смене модели обслуживания («увеличить клиентскую базу СМБ в 1,5 раза»⁶ за три года посредством персонального обслуживания). То есть руководство крупнейших кредитных организаций России практически не предпринимает действенных мер по своевременному выявлению и комплексной нейтрализации ресурсных разрывов организационных способностей, игнорируя низкие позиции их банков в Народном рейтинге.

Проблематика настоящего исследования обосновывает необходимость нейтрализации ресурсного разрыва организационных способностей российских банков посредством:

- 1) систематизации по уровням качества управления лестницы Пригожина и правильного сочетания инструментов менеджмента в ходе реализации стратегического процесса;
- 2) подбора воздействий процесса ОР, обеспечивающих переход с менее эффективных уровней развития организационных способностей на более продуктивные.

МАТЕРИАЛЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Принцип перехода от простейших методов целеполагания к более эффективным, соответствующий определенному набору инструментов менеджмента (идентификация по уровням качества управления / статика), необходимо сочетать с мероприятиями по трансформации (динамика). Используя лестницу Пригожина, можно систематизировать инструменты менеджмента (принимая во внимание результаты опросов Bain&Company), распределив их по уровням качества управления, одновременно с этим определяя компоненты/воздействия ОР В. Френча и С. Белла (для перехода с менее эффективных уровней на более инновационные).

Классифицируем перечень инструментов, концепций, мероприятий, воздействий, сгруппировав их по уровням качества управления Пригожина.

1. Управление по заданиям / заданные методы целеполагания (табл. 1).

Таблица 1

Базовые заданные методы целеполагания

Метод	Содержание	Примеры/критерии
От проблем	Организационные патологии – причины проблем / ресурсных разрывов, характерные для директивного стиля руководства и традиционного менеджмента	1) патологии лидерства: культ стабильности через тотальный контроль; 2) патологии в организационных отношениях: несогласованность целей и действий, неосуществимость решений, отсутствие инициативы; 3) патологии в управленческих решениях: рост без развития, демотивирующий стиль руководства; 4) патологии управленческих команд: эмоциональное подавление подчиненных, управленческая алчность; 5) патологии командообразования: негативная селекция; 6) патологии инноваций: имитационные действия
От угроз	Реглобализация, подрывные и прорывные инновации	«Ключевой риск – геополитика» ⁷ . Использование традиционных инструментов менеджмента в период де- или реглобализации уступает место более современным компонентам активизации сотрудничества, обеспечивающим органичное развитие

Составлено автором по материалам источников [4; 16]

⁵ БКС Экспресс. Сбер представил Стратегию 2026. Режим доступа: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/sber-predstavil-strategiiu-2026-glavnoe> (дата обращения: 21.09.2024).

⁶ PLUSworld.ru. ВТБ переходит на персональное обслуживание малого бизнеса. Режим доступа: <https://plusworld.ru/articles/59777/> (дата обращения: 21.09.2024).

⁷ БКС Экспресс. Сбер представил Стратегию 2026. Режим доступа: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/sber-predstavil-strategiiu-2026-glavnoe> (дата обращения: 21.09.2024).

1.1 Характеристика/инструменты наименее эффективного управления.

1.1.1. Директивный стиль руководства (по П. Герси и К. Бланшару) – четкие инструкции и постоянный внешний контроль, ориентированный на низкую зрелость исполнителей/команд [17].

1.1.2. Традиционный менеджмент – многослойная организационная структура управления, эгоцентризм руководства, авторитарный стиль принятия решений, бюрократическая путаница, профессиональная и управленческая некомпетентность менеджмента, нежелание развивать более зрелые, ответственные трудовые отношения, отказ от сотрудничества [18].

1.2. Мероприятия-воздействия по переходу (в рамках процесса ОР по В. Френчу и С. Беллу) на более эффективные уровни систем управления.

1.2.1. Инициирование формирования набора ценностей, запускающих инновационный процесс.

1.2.2. Установление лидерства на всех уровнях, что обеспечит его проникновение во все организационные сферы (формирование механизмов избрания лидеров без давления со стороны руководства).

1.2.3. Инициирование внедрения упрощенных, открытых процедур и процессов, облегчающих совместную деятельность (выбор наиболее адекватного способа принятия решения).

1.2.4. Формирование самоуправляемых команд с инновационным мышлением.

1.2.5. Инициирование создания комплексной, самокорректирующейся системы.

1.2.6. Отказ от иерархических методов осуществления перемен [18].

2. Управление по процессам.

2.1. Инструменты, обеспечивающие промежуточную по качеству систему управления⁸.

2.1.1. Total quality management (англ. всеобщее управление качеством, далее – TQM) – это общеорганизационный подход, ориентированный на клиента и использующий данные для устранения, сокращения или предотвращения ошибок (однако, по Bain, использование TQM за 30 лет сократилось почти вдвое), успех применения которого зависит от реализации определенных этапов (рис. 2).

2.1.2. Реинжиниринг бизнес-процессов – это радикальная перестройка бизнес-процессов для достижения значительного повышения производительности, продолжительности цикла, качества, а также удовлетворенности сотрудников и клиентов. Интеллектуальный анализ процессов используется для их идентификации и совершенствования (рис. 3).

2.1.3. Lean Six Sigma (англ. lean – бережливое производство, six sigma – концепция «Шесть сигм») – это подход к управлению проектами, который сочетает в себе элементы как бережливого производства, так и 6 сигм. Сочетание принципов бережливого производства и 6 сигм помогает компаниям быстро и эффективно повышать качество, иницируя создание культуры быстрого реагирования (рис. 4).

2.2. Инструменты перехода на более эффективные (по лестнице Пригожина) уровни систем управления (в рамках воздействий по В. Френчу и С. Беллу).

2.2.1. Стиль «убеждение» (объяснение решений и создание возможностей для уточнения задач) – способ взаимодействия, который дает сотрудникам большую свободу решать, где, когда, как сотрудничать друг с другом и с клиентами, повышая мотивацию исполнителей. Стиль управления используется, когда уровень зрелости работников/команд (желание взять ответственность за выполнение задач и уровень образования и опыта) соответствует среднему уровню [17].

2.2.2. Системы вовлечения сотрудников – это инструменты, процессы и процедуры, применяемые для повышения энтузиазма сотрудников и их приверженности своей работе и компании; инструменты вовлечения сотрудников (опросы и другие виды анализа), которые позволяют оценить степень их привязанности к своей работе, коллегам и организации; они также могут быть использованы для определения факторов привлечения и удержания сотрудников⁹.

3. Управление по целям

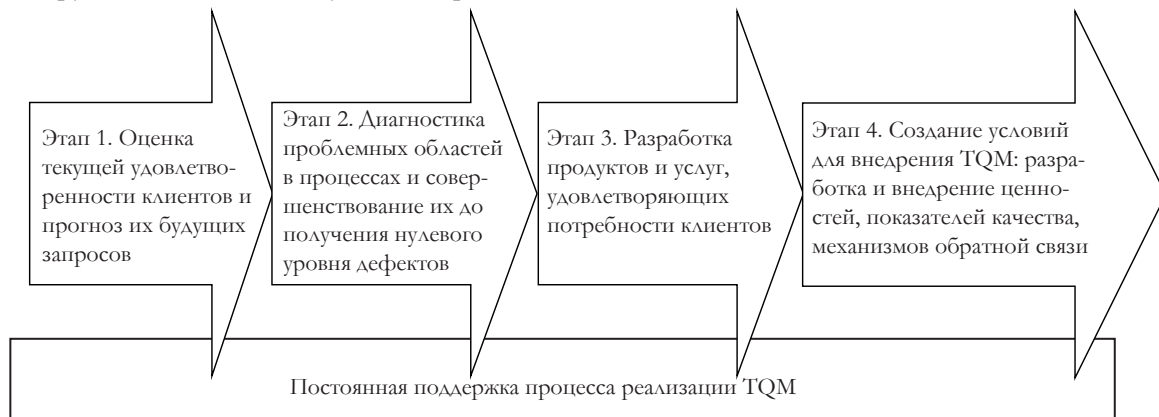
3.1. Инструменты управления.

3.1.1. Стиль лидерства «участие» (руководитель делится своими идеями в ходе целеполагания [16]) с ориентацией на реализацию принципов современных лидеров М. Бауэра: уважительное отношение к сотрудникам, развитие в них уверенности в себе и самоуважения, подготовка последователей (используя профессиональную и управленческую ротацию), построение партнерских взаимоотношений с сотрудниками [19].

⁸Rigby D., Bilodeau B., Ronan K. Management tools & trends 2023. On the 30th anniversary of our survey, managers seem surprisingly upbeat. Режим доступ: <https://www.bain.com/insights/management-tools-and-trends-2023/> (дата обращения: 22.09.2024).

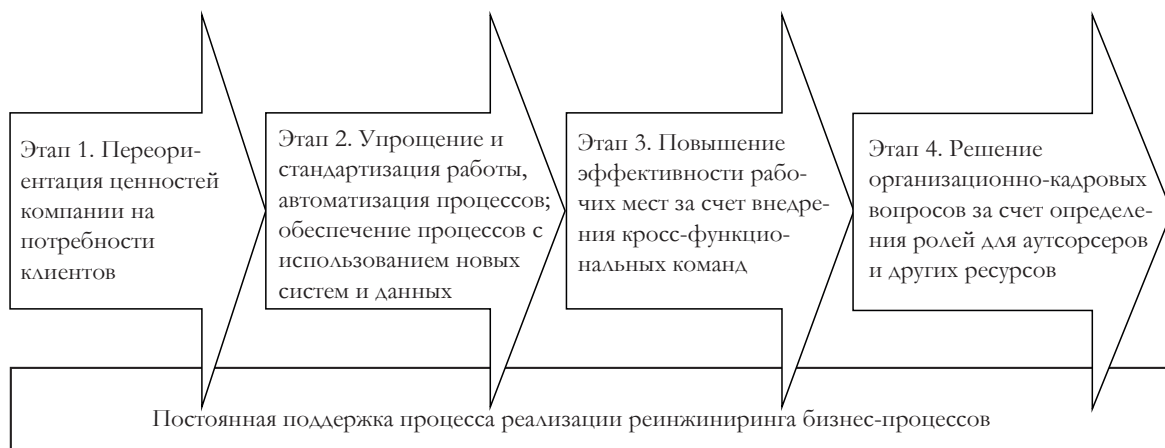
⁹Там же.

3.1.2. Agile-менеджмент – это итеративный подход к управлению проектами, основанный на адаптивных («от борьбы интересов») методах целеполагания [1, с. 154]. Методы гибкого управления обеспечивают применение инноваций в продуктах и услугах, процессах и бизнес-моделях, повышая вовлеченность сотрудников/команды и удовлетворенность клиентов¹⁰.

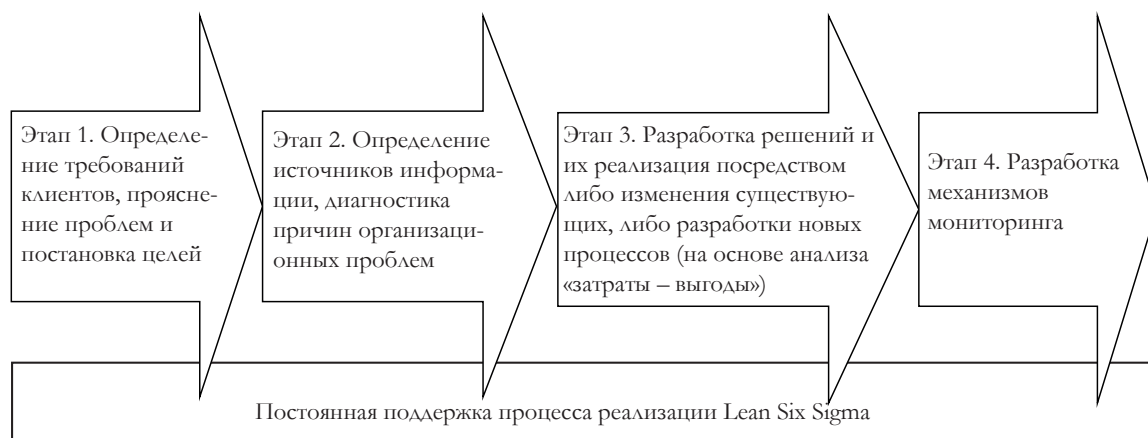
Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Компоненты реализации TQM

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 3. Компоненты реализации реинжиниринга бизнес-процессов

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 4. Компоненты реализации Lean Six Sigma

¹⁰ Rigby D., Bilodeau B., Ronan K. Management tools & trends 2023. On the 30th anniversary of our survey, managers seem surprisingly upbeat. Режим доступ: <https://www.bain.com/insights/management-tools-and-trends-2023/> (дата обращения: 22.09.2024).

3.1.3. Программа управления качеством обслуживания клиентов (включая инструменты сегментации клиентов, управления взаимоотношениями с ними и системы обеспечения удовлетворенности клиентов) – это способ, с помощью которого бизнес контролирует взаимодействие с клиентами, используя показатели и замкнутые системы обратной связи¹¹.

3.1.4. Сбалансированная система показателей (далее – ССП) (топ-10 в 2010–2014 гг.) – это способ измерения эффективности работы организации. ССП преобразует цели, миссию и видение в количественные показатели: финансовые, потребительской ценности (доля рынка, показатели удовлетворенности клиентов, лояльность клиентов), эффективности внутренних бизнес-процессов и внедрения инноваций, а также устойчивого развития, включая социально-управленческие (разнообразие сотрудников, уровень инцидентов, связанных со здоровьем и безопасностью, количество утечек данных), показатели экологичности и эффективности работы сотрудников (моральный дух, знания, текучесть кадров, использование передового опыта)¹².

3.2. Инструменты перехода (воздействия процесса ОР) на максимально эффективный уровень системы управления – управление по ценностям¹³.

3.2.1. Цифровая трансформация – это способ интеграции цифровых технологий в стратегию и операционную деятельность организации. Вся организация фокусируется на возможностях объединения лучшего из цифрового/виртуального и физического/материального форматов. В процессе цифровых преобразований изучаются инновации и новые технологии, которые могут улучшить качество обслуживания клиентов и укрепить основной бизнес. Цель состоит в том, чтобы значительно расширить конкурентные преимущества и ускорить прибыльный рост.

3.2.2. Программы управления изменениями – это планы, которые позволяют компаниям внедрять новые процессы, системы и стратегии для достижения более высоких общекорпоративных показателей бизнеса, помогая сотрудникам добиваться успеха на индивидуальном уровне.

4. Управление по ценностям на примере крупнейших банков РФ (табл. 2).

Таблица 2

Управление по ценностям крупнейших банков РФ

Ценности	«Сбербанк»	«ВТБ»
Лидерство, ответственность	Лидерство: – ответственность (за себя и окружение); – честность (с коллегами и клиентами); – совершенствование (себя, банка и окружения, стремление делать лучшее, на что способны)	Ответственность за результат: – целеустремленность (работа на результат); – персональная ответственность (за вклад в достижение общих целей); – открытость (об успехах и неудачах)
Команда, инициативность, совершенствование	Команда: – уважение (внутренняя свобода и достоинство каждого должна стимулировать творчество в команде); – доверие (в коллективе – привлечение смежных подразделений к решению проблем клиентов);	Работа в команде: – уважение и доверие (в коллективе – уважительное отношение к мнению коллег); – взаимная поддержка (в работе и развитии принято делиться знаниями и информацией с коллегами); – достижение общих целей (командный успех ставится выше индивидуального) Инициативность: – неравнодушное отношение (к делу); – проактивная позиция (готовность сотрудников при решении общих задач делать больше, чем они формально обязаны)

¹¹ Rigby D., Bilodeau B., Ronan K. Management tools & trends 2023. On the 30th anniversary of our survey, managers seem surprisingly upbeat. Режим доступ: <https://www.bain.com/insights/management-tools-and-trends-2023/> (дата обращения: 22.09.2024).

¹² Rigby D., Bilodeau B. Management tools & trends. Five key trends emerged from Bain's survey of 1,268 managers. Режим доступа: <https://www.bain.com/insights/management-tools-and-trends-2017/> (дата обращения: 20.09.2024).

¹³ Rigby D., Bilodeau B., Ronan K. Management tools & trends 2023. On the 30th anniversary of our survey, managers seem surprisingly upbeat. Режим доступ: <https://www.bain.com/insights/management-tools-and-trends-2023/> (дата обращения: 22.09.2024).

Ценности	«Сбербанк»	«ВТБ»
Команда, инициативность, совершенствование	– взаимопомощь (командный дух, поощрение инициативы, обратная связь; постоянное поддержание в коллективе чувства товарищества и взаимовыручки); – открытость (комфортная атмосфера открытости и готовность к конструктивной критике / диалогу); – развитие (вдохновлять коллег на достижение наилучшего результата; создавать возможности для обучения и профессионального роста; уделять значимое время наставничеству; помогать коллегам, в том числе из других подразделений)	Постоянное совершенствование: – открытость (к изменениям – восприятие изменений как источника возможностей; открытость к внешним идеям и знаниям); – гибкость (изменение поведения и действий для реализации изменений; извлечение уроков из ошибок); – скорость (скорость реализации идеи ценится выше, чем получение идеального продукта с первого раза)
Клиентоцентричность	– удовлетворение потребностей клиентов (индивидуальный подход); – качество услуг (рассмотрение жалобы клиента как возможности улучшить работу; максимально комфортный и удобный сервис; идейная инициативность по улучшению качества); – кастомизация (предвидение ожиданий); – построение отношений (эмпатия и корректность, несмотря на обстоятельства; недопустимость невежливого тона / грубости в отношении с клиентами)	– удовлетворение потребностей клиентов (изучение их потребностей; оперативное улучшение продуктов и услуг); – качество обслуживания (доверие клиентам и стремление заслужить их доверие; забота о клиенте); – кастомизация (слушать и слышать клиентов, чтобы превзойти их ожидания); – построение отношений (честные и открытые коммуникации с клиентами, сообщение обо всех условиях и возможных рисках)

Источники^{14,15,16}

4.1. Инструменты наиболее эффективного управления.

4.1.1. Заявления о миссии (определение бизнеса компании, кому она служит, что делает, ее целей и подходов к достижению этих целей; «эмоциональная приверженность или чувство миссии зависит от согласованности организационных и индивидуальных ценностей» [1, с. 155]) и видение объясняют, почему компания существует, как она планирует достигать своих целей и чего в конечном итоге достигнет бизнес¹⁷.

4.1.2. Формирование самообучающейся организации на основе развития интеллектуального капитала, включая обеспечение наличия навыков soft skills (англ. социально-психологические качества) – ключевых компетенций и факторов человеческого капитала: критическое мышление, эмоциональный интеллект, открытые коммуникации – обратная связь (круговая оценка / 360 градусов), командная работа, инновационность – креативность, «цифровое сознание» [20, с. 36].

4.1.3. Организационная демократия (далее – ОД) и корпоративная социальная ответственность (далее – КСО) – разные, но взаимосвязанные понятия. Демократичность современных организаций измеряется по параметрам трехуровневой шкалы:

- на стратегическом уровне – формирование надлежащей КСО, соответствующей принципам интернет-экономики, а также ОД, основывающейся на ценностях, которые сигнализируют о равенстве и наличии широких возможностей для участия в управлении, зависит от ротации – выборности лидеров/руководителей и акционеров (инновационный механизм, влияющий на содержательность должностных обязанностей и функционала сотрудников/бизнес-процессов и на общую организационную эффективность);

¹⁴ Сбербанк. Книга ценностей Сбербанка. Режим доступа: <https://online.fliphtml5.com/xclu/ipsi/#p=1> (дата обращения: 22.09.2024).

¹⁵ ВТБ. Годовой отчет 2023. Линии роста. Режим доступа: https://www.vtb.ru/media-files/vtb.ru/sitepages/ir/financial-results/annual-reports/VTB_GO_2023_rus.pdf (дата обращения: 23.09.2024).

¹⁶ ВТБ. Успешный опыт реализации ценностей Банка в команде автокредитования. Режим доступа: <https://callcenterevent.ru/content/eccs/2022/conf/21200.pdf> (дата обращения: 23.09.2024).

¹⁷ Rigby D., Bilodeau B., Ronan K. Management tools & trends 2023. On the 30th anniversary of our survey, managers seem surprisingly upbeat. Режим доступа: <https://www.bain.com/insights/management-tools-and-trends-2023/> (дата обращения: 22.09.2024).

– на тактическом уровне – внедрение КСО за счет имплементации демократической идеологии, обеспечивающей разделение организационной власти, открытые и свободные деловые коммуникации (инновации рабочих процессов и направлений бизнеса);

– на оперативном уровне – высокая индивидуальная результативность достигается за счет повышения содержательности работы, вовлечения персонала в принятие решений (демократическая социальная ответственность) [21].

4.1.4. Развитие организационной культуры / формирование сильной корпоративной культуры, обеспечивающей единое видение ключевых заинтересованных сторон на основе ценностей XXI в. (приверженности сотрудников и лояльности клиентов) в сочетании со стилем «делегирование» (передача ответственности за принятие и реализацию решений [17]).

Декларации руководства «ВТБ» (в отношении ценностей как повседневных установок и ориентиров в поведении и действиях, объединяющих всех сотрудников) синхронизируются с тем, что «приверженность ... зависит от согласованности организационных и индивидуальных ценностей» [1, с. 155]. Однако «ВТБ» только в 2021 г. оказался в топ-10 лучших банков, а «Сбербанк» с 2005 г. ни разу не входил в данный перечень, что свидетельствует о наличии ресурсных разрывов, так как реализация клиентоцентричности как ключевой ценности информационного общества имеет решающее значение для обеспечения конкурентоспособности в условиях интернет-экономики.

Использование же более эффективных инструментов управления – прогрессивных концепций менеджмента (например, ОД в сочетании с КСО), соответствующих более продуктивным методам целеполагания (по лестнице Пригожина), наряду с постоянной поддержкой процесса ОР (по В. Френчу и С. Беллу) может способствовать увеличению лояльности клиентов и приверженности сотрудников, обеспечивая:

1) на уровне организации – повышение производительности, рентабельности, продаж и эффективности, общей адаптивности (общеорганизационный эффект);

2) на операционном уровне – расширение возможностей для привлечения наиболее талантливых сотрудников, повышение уровня творчества и инноваций (функциональный эффект);

3) на уровне потребительского рынка – устойчивые темпы роста, увеличение доли рынка, лидерство в рейтингах обслуживания клиентов (клиентский эффект) [3].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, преодоление негатива от влияния системных проблем (когда не все наемные сотрудники разделяют провозглашаемые ценности, затрудняя применение инструментов развития, «руководству банков приходится решать проблемы применения инструментов развития на нижних уровнях» [2, с. 14]) возможно только при комплексном использовании инструментов – концепций управления и компонентов (мероприятий-инструментов перехода / воздействий) процесса ОР.

Низкая готовность руководителей крупнейших банков РФ (не уделяющих должного внимания результатам Народного рейтинга) к внедрению передовых инструментов управления (из-за преобладания кланово-бюрократического, по К. Камерону и Р.Э. Куинну, вектора организационной культуры [22] вместо ориентации на адхократию – рынок) препятствует органичному развитию крупнейших кредитных организаций России. Повышение управленческой квалификации руководящего состава (до уровня «менеджера будущего» [23, с. 131]) наряду с формированием сильной инновационной корпоративной культуры обеспечит прогрессирование организационных способностей / конкурентоспособность в XXI в. за счет «распространения практик ответственного развития» [24, с. 56] – реализации принципов устойчивого бизнеса Э. Деминга («менеджмент перемен» [25, с. 347]) и нейтрализации причин организационных проблем / ресурсных разрывов.

Важность применения комплексного подхода в процессе развития организационных способностей – ключевых компетенций для повышения конкурентоспособности в XXI в. требует от банковского руководства более активных действий по комбинированию инструментов управления и мероприятий-воздействий процесса ОР, систематизированных в данном исследовании.

Список литературы

1. Мадьяров А.А. Обеспечение конкурентоспособности в XXI веке: развитие организационных способностей в условиях интернет-экономики. Вестник университета. 2023;9:149–157. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-9-149-157>

2. Мадьяров А.А. Обеспечение конкурентоспособности в XXI веке: особенности управления человеческими ресурсами. Вестник университета. 2021;4:11–17. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-4-11-17>
3. Мадьяров А.А. Корпоративная социальная ответственность в информационном обществе: особенности управления персоналом в XXI веке. Вестник университета. 2023;1:14–22. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-1-14-22>
4. Мадьяров А.А. Тенденции использования инструментов управления в XXI веке: стратегические альянсы в условиях реглобализации. Славянский форум. 2023;4(42):234–241.
5. Грант Р. Современный стратегический анализ. Пер. с англ. Д. Строганова. СПб.: Питер; 2015. 544 с.
6. Буджихавон Р., Сегал-Хорн С. Стратегия R820. Книга 1. Что такое стратегия: учебное пособие. Пер. с англ. Жуковский: Международный институт менеджмента Линк; 2013. 48 с.
7. Бахфу А., Вайни Г. Стратегия R820. Книга 2. Анализ внешнего окружения: учебное пособие. Пер. с англ. Жуковский: Международный институт менеджмента Линк; 2013. 123 с.
8. Бахфу А., Глидл П. Стратегия R820. Книга 3. Конкуренция на основе способностей: учебное пособие. Пер. с англ. Жуковский: Международный институт менеджмента Линк; 2013. 88 с.
9. Томпсон А.А., Питерсф М., Гэмбл Д., Стрикленд А.Дж. Стратегический менеджмент. Создание конкурентного преимущества. Пер. с англ. Н.А. Коневской, Н.А. Лавской. М.: Вильямс; 2015. 592 с.
10. Пригожин А. Цели и ценности. Новые методы работы с будущим. М.: Дело; 2010. 432 с.
11. French W., Bell C. Organization development. Behavioral science interventions for organizational improvement. Hoboken: Prentice-Hall; 1978. 271 p.
12. Татскотт Д., Уильямс Э.Д. Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет все. Пер. с англ. П.В. Миронова. М.: Интеллектуальная литература; 2020. 460 с.
13. Кристенсен К. Дилемма инноватора. Как из-за новых технологий погибают сильные компании. Пер. с англ. Т. Овсенева. М.: Альпина Паблишер; 2016. 238 с.
14. Глазл Ф., Ливехуд Б. Динамичное развитие предприятия. Как предприятия-пионеры и бюрократия могут стать эффективными. Калуга: Духовное познание; 2000. 264 с.
15. Пригожин А.И. Методы развития организаций. М.: Международный центр финансово-экономического развития; 2003. 864 с.
16. Пригожин А.И. Дезорганизация. Причины, виды, преодоление. М.: Альпина Бизнес Букс; 2007. 402 с.
17. Дафт Р. Менеджмент. Пер. с англ. В. Вольского, С. Жильцова, Д.А. Раевской. СПб.: Питер; 2009. 800 с.
18. Клок К., Голдсмит Дж. Конец менеджмента и становление организационной демократии. СПб.: Питер; 2004. 368 с.
19. Бауэр М. Курс на лидерство. Альтернатива иерархической системе управления компанией. М.: Альпина Бизнес Букс; 2008. 198 с.
20. Акперов И.Г., Мартынов Б.В., Прокопенко Е.С. Цифровое сознание как фактор формирования человеческого капитала в ренитерационных процессах. E-Management. 2023;3(6):32–38. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-3-32-38>
21. Svendsen M., Jonsson Th.F. Organizational democracy and meaningful work: the mediating role of employees' corporate social responsibility perceptions. Frontiers in Psychology. 2022;13. <http://dx.doi.org/10.3389/fpsyg.2022.946656>
22. Камерон К., Куини Р.Э. Диагностика и изменение организационной культуры. Пер. с англ. А. Токарева. СПб.: Питер; 2001. 320 с.
23. Мадьяров А.А., Шамарова Г.М. Отечественный опыт конкурентоспособности вуза на рынке образовательных услуг. Современная конкуренция. 2015;1(49(9)):119–143.
24. Швачко А.А. Векторы совершенствования стратегий развития российских предприятий в контексте предпосылок к трансформации российской экономики. E-Management. 2024;1(7):48–60. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-1-48-60>
25. Нив Г.Р. Пространство доктора Деминга. Принципы построения устойчивого бизнеса. М.: Альпина Бизнес Букс; 2005. 370 с.

References

1. Madyarov A.A. Ensuring competitiveness in the XXI century: development of organizational skills in the conditions of the Internet economy. Vestnik universiteta. 2023;9:149–157. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-9-149-157>
2. Madyarov A.A. Ensuring competitiveness in the twenty-first century: features of human resource management. Vestnik universiteta. 2021;4:11–17. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-4-11-17>
3. Madyarov A.A. Corporate social responsibility in the information society: features of personnel management in the 21st century. Vestnik universiteta. 2023;1:14–22. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-1-14-22>

4. *Madyarov A.A.* Trends in the use of management tools in the XXI century: strategic alliances in the context of reglobalization. *Slavic Forum*. 2023;4(42):234–241. (In Russian).
5. *Grant R.* Contemporary strategy analysis. Text and cases. Trans. from Eng. D. Stroganov. St. Petersburg: Piter; 2015. 544 p. (In Russian).
6. *Bujihavon R., Segal-Horn S.* Strategy R820. Book 1. What is strategy: textbook. Trans. from Eng. Zhukovsky: International Institute of Management LINK; 2013. 48 p. (In Russian).
7. *Babru A., Vaini G.* Strategy R820. Book 2. Analysis of the external environment: textbook. Trans. from Eng. Zhukovsky: International Institute of Management LINK; 2013. 123 p. (In Russian).
8. *Babru A., Gleadle P.* Strategy R820. Book 3. Competition based on abilities: textbook. Zhukovsky: International Institute of Management Link; 2013. 88 p. (In Russian).
9. *Thompson A.A., Piteref M., Gamble D., Strickland A.J.* Crafting and executing strategy. Concepts and readings. Trans. from Eng. N.A. Konevskaya, N.A. Lavskaya. Moscow: Williams; 2015. 592 p. (In Russian).
10. *Prigozhin A.* Goals and values. New methods of working with the future. Moscow: Delo; 2010. 432 p. (In Russian).
11. *French W., Bell C.* Organization development. Behavioral science interventions for organizational improvement. Hoboken: Prentice-Hall; 1978. 271 p.
12. *Tapscott D., Williams E.D.* Wikinomics. How mass collaboration changes everything. Moscow: Intellectuálnaya literatura; 2020. 460 p. (In Russian).
13. *Christensen C.* The innovator's dilemma. When new technologies cause great firms to fail. Trans. from Eng. T. Ovsenev. Moscow: Alpina Publisher; 2016. 238 p. (In Russian).
14. *Glažl F., Livebud B.* Dynamic development of the enterprise. How enterprises-pioneers and bureaucracy can become effective. Kaluga: Duhovnoe poznanie; 2000. 264 p. (In Russian).
15. *Prigozhin A.I.* Methods of organisation development. Moscow: International Centre for Financial & Economic Development; 2003. 864 p. (In Russian).
16. *Prigozhin A.I.* Disorganisation. Causes, types, ways to overcome. Moscow: Alpina Business Books; 2007. 402 p. (In Russian).
17. *Daft R.* Management. Trans. from Eng. V. Volsky, S. Zhiltsov, D.L. Rayevskaya. St. Petersburg: Piter; 2009. 800 p. (In Russian).
18. *Cloke K., Goldsmith J.* The end of management and the rise of organizational democracy. St. Petersburg: Piter; 2004. 368 p. (In Russian).
19. *Bower M.* The will to lead. Running a business with a network of leaders. Moscow: Alpina Business Books; 2008. 198 p. (In Russian).
20. *Akperov I.G., Martynov B.V., Prokopenko E.S.* Digital consciousness as a factor of human capital formation in integration processes. *E-Management*. 2023;3(6):32–38. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-3-32-38>
21. *Svendsen M., Jonsson Th.F.* Organizational democracy and meaningful work: the mediating role of employees' corporate social responsibility perceptions. *Frontiers in Psychology*. 2022;13. <http://dx.doi.org/10.3389/fpsyg.2022.946656>
22. *Cameron K., Quinn R.E.* Diagnosing and changing organizational culture. St. Petersburg: Piter; 2001. 320 p. (In Russian).
23. *Madyarov A.A., Shamarova G.M.* Domestic experience competitiveness of the university in the education market. *Journal of Modern Competition*. 2015;1(49(9)):119–143. (In Russian).
24. *Shvachko A.A.* Vectors for improving development strategies of Russian enterprises in the context of prerequisites for transformation of the Russian economy. *E-Management*. 2024;1(7):48–60. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-1-48-60>
25. *Neave H.R.* The Deming dimension. Principles of building a sustainable business. Moscow: Alpina Business Books; 2005. 370 p. (In Russian).

Международные экономические отношения Российской Федерации и африканских стран

Махамат Мустафа Махамат

Аспирант

ORCID: 0009-0002-4130-5428, e-mail: moustaphamahamat056@gmail.com

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В работе анализируются международные экономические отношения Российской Федерации (далее – РФ, Россия) и африканских стран. Рассматриваются показатели экспорта и импорта России со странами Африки. Цель исследования – изучение состояния и перспектив развития международных экономических отношений между РФ и государствами Африки. Предмет исследования – торгово-экономические, инвестиционные и финансовые связи между Россией и странами Африки. Методология работы: анализ статистических данных, сравнительный анализ, системный подход, методы обобщения и синтеза. Основные результаты исследования: выявление тенденций и закономерностей развития международных экономических отношений между Россией и странами Африки, оценка потенциала сотрудничества и возможностей для расширения взаимодействия. Области применения результатов исследования: разработка стратегий и программ развития международного экономического сотрудничества между Россией и странами Африки, принятие решений в сфере экономической политики и дипломатии. По мнению автора, перспективными моделями торгового сотрудничества России и Африки являются: развитие взаимной торговли товарами, по которым наблюдается нереализованный экспортный потенциал, например фруктами, минеральными ресурсами, какао и химическими продуктами; расширение сотрудничества в сфере услуг, особенно в туристической и образовательной областях; укрепление инвестиционного сотрудничества, особенно в нефтегазовой отрасли и атомной энергетике.

Ключевые слова

Международные экономические отношения, страны Африки, российско-африканское сотрудничество, взаимная торговля, российско-африканские экономические отношения, центральноафриканские страны, международные взаимоотношения

Благодарности. Благодарность выражается О.Б. Аникину, научному руководителю, доктору экономических наук, профессору Государственного университета управления.

Для цитирования: Махамат М.М. Международные экономические отношения Российской Федерации и африканских стран // Вестник университета. 2024. № 11. С. 143–149.

International economic relations between the Russian Federation and African countries

Mustafa M. Mahamat

Postgraduate Student

ORCID: 0009-0002-4130-5428, e-mail: moustaphamahamat056@gmail.com

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article analyses the international economic relations of the Russian Federation (hereinafter referred to as RF, Russia) and African countries. The indicators of Russia's export and import with African countries are considered. The purpose of the research is to study the state and prospects of development of the international economic relations between the RF and African states. The subject of the study are trade, economic, investment, and financial relations between Russia and African countries. The research methodology: statistical data analysis, comparative analysis, systematic approach, methods of generalisation and synthesis. The main results of the study: identification of trends and patterns in the development of the international economic relations between Russia and African countries, assessment of the potential for cooperation and opportunities for expanding interaction. The scope of the research results: elaboration of strategies and programmes for the development of the international economic cooperation between Russia and African countries, decision-making in the field of economic policy and diplomacy. According to the author, promising models of trade cooperation between Russia and Africa are: development of the mutual trade in goods for which there is an unrealised export potential, for example, fruits, mineral resources, cocoa, and chemical products; expansion of cooperation in the service sector, especially in the tourism and educational fields; strengthening investment cooperation, especially in the oil and gas industry and nuclear energy.

Keywords

International economic relations, African countries, Russian-African cooperation, mutual trade, Russian-African economic relations, Central African countries, international relations

Acknowledgements. Gratitude is expressed to O.B. Anikin, Scientific Supervisor, Doctor of Economic Sciences, Professor of the State University of Management.

For citation: Mahamat M.M. (2024) International economic relations between the Russian Federation and African countries. *Vestnik universiteta*, no. 11, pp. 143–149.

ВВЕДЕНИЕ

Российская Федерация (далее – РФ, Россия) и африканский континент являются естественными торгово-экономическими партнерами. Российские инвестиции в Африку широко освещаются в различных источниках: производство Россией ливийских банкнот, присутствие группы «Вагнер» в Центральноафриканской Республике и других странах, разработка месторождений платины в Зимбабве, торговля зерном в Мали, русские православные миссионеры, отправленные по всему континенту, афро-российские саммиты, организованные РФ.

В связи с этим автором выдвинута гипотеза исследования: активное развитие международных экономических отношений между РФ и странами Африки способствует укреплению позиций обеих сторон на мировой арене и повышению благосостояния населения.

Задачи исследования: провести анализ экспорта/импорта между Россией и странами Африки; охарактеризовать отрасль образования как фундамент торгово-экономического сотрудничества; наметить перспективные модели торгового сотрудничества России и Африки.

Современная Россия, как и Советский Союз до нее, предлагает альтернативный западному порядку вариант. Еще в 1990-х гг. российские институты выработали новую позицию, которая оспаривала западное господство и продолжала привлекать африканских лидеров, решительно выступая против односторонних санкций и военного вмешательства со стороны Соединенных Штатов Америки (далее – США) [1]. В последнее время российские официальные лица начали прямо ссылаться на поддержку со стороны Запада к деколонизации советской эпохи для продвижения своей деятельности.

Например, в 2018 г. в Луанде, столице Анголы, был открыт новый памятник советским воинам, а также кубинцам и намибийцам, взявшим за оружие во имя независимости Анголы. Многие африканцы, которые учились в Советском Союзе, были приглашены на вечеринки в российском посольстве в честь 9 мая, Дня Победы над нацистской Германией в России, подчеркивая сходство между борьбой России и Советского Союза и борьбой Мозамбика против фашистских государств¹.

Хотя связи между Россией и Африкой, по-видимому, развивались за последнее десятилетие, они не исчезли полностью в 1990-х гг. и 2000-х гг. Материальная и личная преемственность этих связей заметна, поскольку бывшие советские эксперты и дипломаты перешли в российские учреждения, а многие африканцы, получившие образование в Советском Союзе, остались на руководящих должностях. Как и раньше, они устанавливаются экономикой. Доходы от торговли между РФ и африканскими государствами оцениваются примерно в 17,7 млрд долл. США. Эта цифра впечатляет, но экономические связи между Африкой и Россией остаются гораздо меньшими по объему, чем сопоставимые связи африканских государств со странами Запада и Китаем. Объем торговли США и Европейского союза с африканскими странами превышает 250 млрд долл. США, в то время как у Китая этот показатель составляет 65 млрд долл. США². Поскольку российское государство продает нефть, оружие и зерно странам Африки и другим странам, оно сталкивается с усилением экономического давления из-за санкций после 2014 г. и 2022 г. Недавняя тенденция требовать оплаты в рублях напоминает советские попытки избежать использования твердой валюты, но по совершенно другим причинам – еще неизвестно, является ли это сигналом силы или слабости.

ЭКСПОРТ И ИМПОРТ РОССИИ СО СТРАНАМИ АФРИКИ

Оборот внешней торговли России со странами Африки в 2022 г. составил 18 млрд долл. США. Около 25 % российских поставок – зерновые культуры, еще 22 % – нефть и нефтепродукты, значительная доля экспорта – секретные товарные группы, включающие вооружение. Министерство экономического развития РФ считает, что до 2030 г. Россия и Африка могут удвоить товарооборот. В российском импорте из Африки доминирует продовольствие. Его доля – около 60 % (1,8 млрд долл. США) [1]. Президент РФ В.В. Путин в статье, опубликованной накануне саммита и форума, отметил, что потенциал торгово-экономического сотрудничества России и стран Африки намного выше нынешнего показателя товарооборота. По данным Федеральной таможенной службы за 2021 г., в топ-10 торговых партнеров

¹ Banks Elizabeth. Les origines soviétiques de la puissance économique russe en Afrique. Режим доступа: <https://legrandcontinent.eu/fr/2024/03/16/les-origines-sovietiques-de-la-puissance-economique-russe-en-afrique/> (дата обращения: 27.08.2024) (Фр. яз.).

² Droin M., Dolbaia T. Russia is still progressing in Africa. What's the limit? Режим доступа: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/2023-08/230815_Droin_RussiaInAfrica.pdf?VersionId=MG4MmQLckwRhJrAWq3QKtMbgDTdgO35 (дата обращения: 27.08.2024).

на африканском континенте входят Египет, Алжир, Сенегал, Марокко, Нигерия, Южно-Африканская Республика, Тунис, Кения, Эфиопия, Гана³.

Стоит отметить существенный дисбаланс торговли России с Африкой с точки зрения значительного перекоса в сторону экспорта: в структуре товарооборота порядка 85 % приходится на экспорт, 15 % – на импорт. В долгосрочной перспективе необходимо искать пути наращивания импорта товаров с африканского континента и, соответственно, африканских инвестиций. В этой связи нужно учитывать, что в Африке сосредоточено до 40 % общемировых запасов золота и до 90 % запасов хрома и платины. Также там находятся самые большие на планете запасы кобальта, алмазов и урана. Кроме того, на долю Африки приходится 65 % мировых пахотных земель и около 10 % внутренних возобновляемых источников пресной воды, что позволяет говорить об огромном сельскохозяйственном потенциале.

Более того, Россия активно развивает военное сотрудничество с африканскими странами, используя частную охранную фирму Wagner и ее вероятного преемника – Африканского корпуса. При этом российские наемники берут на себя самые разные роли: от защиты африканских лидеров до помощи государствам в борьбе с экстремистами. Россия предлагает помощь в области безопасности, не вмешиваясь в политику, что делает ее привлекательным партнером в таких странах, как Мали, Нигер и Буркина-Фасо⁴.

Одним из ключевых факторов внешнеэкономической деятельности России является ее диверсификация. В условиях санкций и экономических изменений важно развивать новые направления, весомую роль могут сыграть отрасли, связанные с технологиями и инновациями: информационные, биотехнологии, агропромышленный комплекс, медицинские технологии и др. [2].

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФУНДАМЕНТ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Образование играет ключевую роль в растущей экономике, являясь частью экономической повестки. Сотрудничество в области образования выступает одним из ключевых элементов отношений между Россией и Африкой.

По данным Министерства науки и высшего образования РФ (далее – Минобрнауки РФ), в российских вузах обучается почти 35 тыс. студентов из стран Африки. На предстоящий 2024–2025 учебный год Министерство увеличило количество бюджетных мест для африканских студентов вдвое – до 4 720⁵.

Распределение африканских студентов по российским городам составляет заметную разницу между российским и советским периодами. Если раньше более половины африканцев были сосредоточены в двух крупнейших городах страны, Москве и Ленинграде (Санкт-Петербурге), то в настоящее время в них проживает только около 26 % африканских студентов. Африканцы обучаются почти в 300 университетах России в более чем 90 городах, крупнейшими из которых являются Нижний Новгород, Екатеринбург, Казань, Тамбов, Воронеж, Курск, Белгород и Краснодар, из-за более низкой стоимости жизни и качества образования.

Традиционно наиболее популярными направлениями обучения африканских студентов являются медицина (до 30 % африканцев), инженерия и технологии (около 20 %), а также менеджмент, финансы и экономика. Африканцы выбирают области прикладного высшего образования, чтобы получить профессиональную степень и быть готовыми к работе. Эти профессии также связаны с областями, жизненно важными для развития самой Африки.

Африканские студенты традиционно составляют около 6 % всех иностранных студентов в России. Однако в последние годы, особенно после саммитов Россия – Африка, в которых основное внимание уделялось укреплению сотрудничества в области образования, процент африканцев в российских университетах увеличился.

Например, на первом саммите Россия – Африка, который состоялся в октябре 2019 г., в России обучались 17 600 африканских студентов, в 2020–2021 гг. их было более 27 тыс.⁶

³ Федеральная таможенная служба. Справочные и аналитические материалы. Режим доступа: <https://customs.gov.ru/statistic> (дата обращения: 27.08.2024).

⁴ Africanews. Pourquoi la Russie accentue son influence en Afrique? Режим доступа: <https://fr.africanews.com/2024/06/07/pourquoi-la-russie-accentue-son-influence-en-afrique/> (дата обращения: 27.08.2024) (Фр. яз.).

⁵ Росконгресс. Экономика Африки: скрытый потенциал и реальный рост. Режим доступа: <https://roscongress.org/materials/ekonomika-afriki-skrytyy-potentsial-i-realnyy-rost/> (дата обращения: 27.08.2024).

⁶ Chelkovnikov A. Une vraie communauté: pourquoi les étudiants africains choisissent-ils la Russie? Режим доступа: <https://francais.rt.com/opinions/109391-communaute-pourquoi-etudiants-africains-russie> (дата обращения: 27.08.2024) (Фр. яз.).

В 2022–2023 учебном году в России уже проживало свыше 34 тыс. африканских студентов, что составляло 10 % всех иностранных студентов в стране (и около 5 % всех африканских студентов, обучавшихся за границей). Это более чем вдвое превысило пик, достигнутый в период 2022–2023 учебного года. Поэтому неудивительно, что на втором саммите Россия – Африка, состоявшемся в июле 2023 г., был принят план действий на 2023–2026 гг., многие положения которого призывают к развитию сотрудничества в области образования.

Чтобы привлечь африканцев в свои университеты, Правительство России в последние годы неуклонно увеличивает количество стипендий для граждан африканских стран за счет государства. Наибольшее количество государственных стипендий, выделенных Россией на 2022–2023 учебный год, было предоставлено Гвинее (450), Анголе (300), Мали (290), Республике Конго (250), Египту (250) и Нигерии (250). В 2023–2024 гг. количество мест, финансируемых из федерального бюджета, составило 4 700, что вдвое больше, чем в предыдущем учебном году (2 300 стипендий).

Сотрудничество в области образования не ограничивается набором все большего числа африканских студентов, которые приедут в Россию. Существует значительное число инициатив, направленных на укрепление связей между африканскими и российскими университетами. Это свидетельствует о желании не только обучать персонал, но и инвестировать в развитие инфраструктуры на континенте, участвуя во взаимовыгодном обмене специалистами и знаниями.

В 2021 г. был основан Российско-африканский сетевой университет (англ. Russian-African Network University). Он объединяет 48 университетов (и два исследовательских института) из России и Африки. Его образовательная модель состоит из единой системы курсов для членов консорциума на русском, английском и французском языках.

В июле 2023 г. было подписано соглашение о создании профессионального сообщества университетов, готовящих специалистов в области природных ресурсов. Соглашение подписали представители 9 африканских стран (Гана, Египет, Зимбабве, Ангола, Мали, Намибия, Замбия, Нигерия и Южная Африка) и старейший технический университет России – Горный институт в Санкт-Петербурге. В результате в декабре был создан российско-африканский университетский консорциум «Недра» («Недра Африки») с участием более 30 африканских университетов.

В июне 2023 г. Минобрнауки РФ приступило к координации проекта по открытию центров обучения русскому языку в африканских странах, который реализуется совместно с более чем 10 российскими педагогическими университетами. В 2024 г. такие центры и классы открылись и действуют в Камеруне, Алжире, Тунисе, Египте, Уганде, на Мали, в Замбии, Намибии, Нигерии, Демократической Республике Конго, Зимбабве и Кот-д’Ивуаре. Аналогичные центры планируется открыть в Южной Африке и Ботсване. Этот проект особенно важен для повышения качества образования африканских студентов, которые могут изучать язык, не покидая своей страны. Такая довузовская подготовка до приезда в страну обучения снижает трудности адаптации к жизни в незнакомой среде.

Российские университеты все чаще участвуют в образовательных ярмарках и продвигают свои программы в африканских государствах. Например, Центр африканских исследований «Высшей школы экономики» в сотрудничестве с фондом «Иннопрактика» реализует программу обмена знаниями между Россией и Африкой в области электронного управления в сфере государственного управления.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ МОДЕЛИ ТОРГОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Перспективные модели российско-африканского торгового сотрудничества включают:

- 1) развитие взаимной торговли товарами, по которым наблюдается нереализованный экспортный потенциал, например фруктами, минеральными ресурсами, какао и химическими продуктами;
- 2) расширение сотрудничества в сфере услуг, особенно в туристической и образовательной областях;
- 3) укрепление инвестиционного сотрудничества, особенно в нефтегазовой отрасли и атомной энергетике [3].

На фоне быстро развивающихся политических и экономических связей между Россией и африканскими странами, а также увеличения специализированных квот число африканских студентов может вырасти до 50 тыс. в ближайшие годы. Об этом свидетельствует большой интерес к обучению в России, а также острая конкуренция вокруг него. Согласно последним доступным данным за 2022–2023 гг., африканские кандидаты подали более 11 тыс. заявок на получение стипендий, при этом средний конкурс составлял около 5 чел. на место.

Сегодня наибольшее количество африканских студентов в России – выходцы из Египта (более 15 тыс., что составляет почти половину всех африканских студентов), за ними следуют марокканцы, нигерийцы, алжирцы и ганцы. По словам В.Н. Фалькова, министра науки и высшего образования России, за время сотрудничества с Африкой в РФ прошли обучение более 310 тыс. специалистов из Африки. Об этом свидетельствует и тот факт, что во многих африканских странах (в Анголе, Египте, Танзании и т.д.) были созданы и действуют до сих пор национальные ассоциации выпускников советских и российских вузов.

Было бы полезно разнообразить языковые возможности. Помимо английского, важно интегрировать французский и другие официальные языки, на которых говорят на континенте. В настоящее время английский является единственным языком, используемым на письменном этапе конкурсов на получение стипендии, таких как «Открытые двери России» или стипендия Минобрнауки. Это языковое ограничение представляет собой проблему для многих компетентных и мотивированных франкоязычных африканских студентов, которые хотят получить высшее образование в РФ. Однако следует отметить, что франкоязычных студентов в Африке много, и их нельзя упускать из виду.

Еще один важный аспект – это необходимость расширить сферу стипендий, включив в нее бакалавриат. В настоящее время эти возможности в основном подходят для магистерских и докторских программ. Тем не менее, есть много очень талантливых молодых выпускников, которые стремятся после получения степени бакалавра заняться передовыми дисциплинами [4].

Российские университеты также хотят начать обучение в африканских странах-партнерах. В октябре 2023 г. было объявлено, что президент Египта А.-Ф.Х. Ас-Сиси одобрил открытие филиалов Санкт-Петербургского университета и Казанского федерального университета в стране. В ближайшие годы филиалы российских университетов появятся и в других африканских государствах. Эти инициативы основаны на возможности дальнейшего сотрудничества с заинтересованными африканскими компаниями и развития взаимовыгодного двустороннего и многостороннего сотрудничества.

Российские компании также заинтересованы в развитии образовательных программ. Ряд российских организаций («РУСАЛ», «АЛРОСА», «Росатом»), работающих в Африке, регулярно финансируют набор африканских студентов в российские университеты. Эти компании намерены готовить специалистов, которые смогут работать над крупными проектами. Кроме того, в апреле 2023 г. о возможности открытия филиала в Египте объявил Московский инженерно-физический институт, который начал обдумывать эту идею в ответ на призыв Министерства высшего образования Египта обеспечить подготовку местных кадров в рамках проекта.

Необходимо отметить, что следующие три аспекта будут оказывать влияние на дальнейшее развитие российско-африканских отношений: грамотно выбранная продукция для экспортно-импортных операций, уникальная модель торгово-экономического взаимодействия и наличие подготовленных кадров [5]. Это позволит сотрудничеству не распасться на отдельные диалоги и даст возможность сформировать глобальное видение будущего «Россия – Африка»⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, автор пришел к выводу, что международные экономические отношения РФ и центральноафриканских стран включают различные сферы сотрудничества, такие как военно-техническая, торгово-экономическая, образование, инфраструктурная, реконструкция предприятий, миротворческие операции и др. Основные направления развития этих отношений включают повышение уровня приоритетности партнерства, усиление конвергентности внешнеполитических интересов, эффективное взаимодействие по вопросам нового мироустройства и укрепление взаимосвязи внешнеполитического диалога с политико-дипломатическим лоббированием. Сотрудничество в сфере образования является одним из важнейших факторов установления долгосрочных и взаимовыгодных экономических отношений между Россией и Африкой. В последние годы взаимодействие в этой области не только достигло наивысшего уровня в истории, но и открыло новые области сотрудничества между российскими университетами и африканскими государствами с целью предоставления качественного образования и взаимного укрепления.

⁷ Росконгресс. Россия – Африка: новая экономическая политика. Режим доступа: <https://roscongress.org/materials/rossiya-afrika-novaya-ekonomicheskaya-politika/> (дата обращения: 27.08.2024).

Можно указать следующие направления дальнейших исследований: изучение опыта других стран в развитии экономических отношений с африканскими государствами и определение наиболее эффективных стратегий для России; анализ возможностей для расширения российского экспорта и импорта с учетом специфики африканских рынков и потребностей стран региона; разработка инновационных подходов и технологий для решения проблем, связанных с развитием инфраструктуры, жилищного строительства и коммунальных систем в африканских государствах; оценка влияния геополитических изменений и мировых экономических кризисов на развитие торгово-экономических отношений между Россией и странами Африки.

Список литературы

1. *Ramani S.* Russia in Africa. Resurgent great power or bellicose pretender? London: C. Hurst & Co; 2023. 320 p.
2. *Гарипова И.Р., Сыроизко В.В.* Регулирование и поддержка внешнеэкономической деятельности в современной России. Экономика и бизнес: теория и практика. 2024;1–1(107):59–61. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2024-1-1-59-61>
3. *Слиман А.И.* Развитие экономических и торговых связей России с Африканским континентом. Вестник Евразийской науки. 2023;4(15).
4. *Виджаядаса С.* Россия – Африка: история и перспективы взаимоотношений. Этнодиалоги. 2024;1(72):91–104. <http://doi.org/10.37492/ETNO.2024.72.1.004>
5. *Носков В.А., Хилов Д.В., Некрасов В.В.* Последствия глобальных процессов интеграции России и стран Африканского союза. Инновационное развитие экономики. 2022;5(71):113–117. <https://doi.org/10.51832/2223798420225113>

References

1. *Ramani S.* Russia in Africa. Resurgent great power or bellicose pretender? London: C. Hurst & Co; 2023. 320 p.
2. *Garipova I.R., Syroizhko V.V.* Regulation and support of foreign economic activity in modern Russia. Economy and business: theory and practice. 2024;1–1(107):59–61. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2024-1-1-59-61>
3. *Sliman A.I.* Development of economic and trade relations between Russia and the African continent. The Eurasian Scientific Journal. 2023;4(15). (In Russian).
4. *Wijayadasa S.* Russia Africa: the history and prospects of relations. Ethnodialogues. 2024;1(72):91–104. (In Russian). <http://doi.org/10.37492/ETNO.2024.72.1.004>
5. *Noskov V.A., Khilov D.V., Nekrasov V.V.* Consequences of the global processes of integration of Russia and countries of the African Union. Innovative development of economy. 2022;5(71):113–117. (In Russian). <https://doi.org/10.51832/2223798420225113>

Анализ современного характера института банкротства в Российской Федерации

Людмила Андреевна Мостовая¹

Арбитражный управляющий
ORCID: 0009-0005-3233-2688, e-mail: lyusy-s@yandex.ru

Сергей Александрович Антонов²

Канд. экон. наук, доц. каф. теории и организации управления
ORCID: 0000-0001-7101-8628, e-mail: sa_antonov@guu.ru

¹Некоммерческое партнерство «Саморегулируемая организация арбитражных управляющих «Развитие», г. Москва, Россия

²Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Целями настоящей работы являются обоснованное определение характера института банкротства и оценка его влияния на правоприменительную практику. Базовыми методами выступают исторический обзор, содержательный (контент-) анализ, причинно-следственный (каузальный) анализ, статистическое (горизонтальное и вертикальное) исследование данных о процедурах банкротства, наблюдение последствий. Методологически работа опирается на краткое описание исторических вех развития института банкротства и на анализ трансформации понимания сущности понятия несостоятельности в различных редакциях федерального закона. Далее устанавливаются причинно-следственные связи, отражающие ключевые изменения в действующем Федеральном законе № 127 от 26 октября 2002 г. и высказывается гипотеза о ликвидационном характере института. Используя открытые статистические данные официальных органов и актуальные исследования специалистов по предмету работы, авторы обоснованно подтверждают исходную гипотезу (приводятся количественные характеристики). Завершается работа оценкой влияния ликвидационного характера института банкротства на правоприменительную практику, и раскрываются отрицательные последствия такого положения вещей, что обуславливает необходимость (целесообразность) проведения дополнительного исследования причин. Основные результаты могут найти применение в практике преподавания таких дисциплин, как антикризисное управление, правовые основы несостоятельности (банкротства), арбитражный процесс. Вкладом в науку можно считать достаточно ясное обоснование характера и последствий функционирования современного института банкротства. Практическая полезность проявляется в указании слабых мест законодательства, которые используются в целях недобросовестного обогащения.

Ключевые слова

Несостоятельность, банкротство, реабилитационные процедуры, ликвидационный характер, финансовое оздоровление, внешнее управление, восстановление платежеспособности, арбитражный управляющий

Благодарности. Авторы выражают особую благодарность кандидату экономических наук, доценту Государственного университета управления, Лохановой Валентине Николаевне, за передачу профессиональных знаний и опыта в области теоретических аспектов антикризисного управления в рамках научной школы Государственного университета управления.

Для цитирования: Мостовая Л.А., Антонов С.А. Анализ современного характера института банкротства в Российской Федерации // Вестник университета. 2024. № 11. С. 150–160.

Analysis of the modern nature of bankruptcy institution in the Russian Federation

Lyudmila A. Mostovaya¹

Arbitration Manager

ORCID: 0009-0005-3233-2688, e-mail: lyusy-s@yandex.ru

Sergey A. Antonov²

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Management Theory and Organisation Department

ORCID: 0000-0001-7101-8628, e-mail: sa_antonov@guu.ru

¹Non-Profit Partnership “Self-Regulated Organisation of Arbitration Managers “Development”, Moscow, Russia

²State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The purposes of this article are to reasonably determine the nature of the institution of bankruptcy and assess its impact on law enforcement practice. The basic methods of the article are: historical review, substantive (content) analysis, causal analysis, statistical (horizontal and vertical) research of data on bankruptcy procedures, observation of consequences. Methodologically, the work is based on a brief description of historical milestones in the development of the institute of bankruptcy and on the analysis of the transformation of understanding the essence of the concept of insolvency in various editions of the Federal law. Then causal relationships are established, reflecting the key changes in the current Federal law No. 127 of October 26, 2002 and a hypothesis is expressed about the liquidation nature of the institution. Using open statistical data from official bodies and current research by specialists on the subject of the article, the authors reasonably confirm the initial hypothesis (quantitative characteristics are given). The work is completed with an assessment of the impact of the liquidation nature of the bankruptcy institution on the law enforcement practice and the negative consequences of this state of affairs are revealed, which necessitates (determines the expediency) an additional study of the causes. The main results of the article can be applied in the practice of teaching such disciplines as anti-crisis management, legal foundations of insolvency (bankruptcy), arbitration process. A fairly clear justification of the nature and consequences of the functioning of the modern institution of bankruptcy can be considered a contribution to science. Practical usefulness is manifested in the indication of weak points of the legislation that are applied for the purpose of unfair enrichment.

Keywords

Insolvency, bankruptcy, rehabilitation procedures, liquidation nature, financial recovery, external management, restoration of solvency, arbitration manager

Acknowledgments. The authors express their special gratitude to Valentina Nikolaevna Lokhanova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the State University of Management, for transferring professional knowledge and experience in the field of theoretical aspects of anti-crisis management within the framework of the scientific school of the State University of Management.

For citation: Mostovaya L.A., Antonov S.A. (2024) Analysis of the modern nature of bankruptcy institution in the Russian Federation. *Vestnik universiteta*, no. 11, pp. 150–160.

ВВЕДЕНИЕ

Действующему Федеральному закону № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ уже более 20 лет. Однако с момента его введения он менялся в среднем раз в два месяца, что не удивительно, ведь на протяжении многих веков институт банкротства в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) развивался вместе с государственным строем, отражая его политические и экономические аспекты. В каком-то смысле он выступает производным институтом экономической политики, проводимой на соответствующем этапе государственного развития, являя собой естественную (порой необходимую) реакцию на значимые события в жизни государства.

На сегодняшний день институт несостоятельности выступает одним из наиболее активно развивающихся комплексных правовых институтов [1]. При этом сфера несостоятельности имеет исключительную специфику, поскольку она обладает межотраслевым характером, образуясь на стыке экономических отношений между хозяйствующими субъектами и правовых отношений, возникающих из необходимости регулирования института. Отношения внутри института несостоятельности появляются в связи с разбалансированностью экономических отношений между субъектами хозяйственной деятельности [1], а его целью является достижение такого состояния экономической системы, которое будет справедливо как для субъектов хозяйствования, так и для национальной экономики [2]. Таким образом, можно с полным основанием говорить о том, что институт несостоятельности (банкротства) – это экономико-правовой институт, имеющий как частноправовые, так и публично-правовые аспекты [1].

По мере изменения форм собственности внутри страны, характера производства и потребления менялись и положения России на мировом рынке с формами и характером правового регулирования отношений, связанных с несостоятельностью. Наблюдалось колебание степени участия государства в процессах несостоятельности и вектора правового регулирования института банкротства. Кроме того, по мере развития научно-технического прогресса внедрялись новые инструменты арбитражного управления и контроля (надзора) за деятельностью арбитражных управляющих.

В качестве гипотезы исследования выдвигается предположение о возможности выявления характера института банкротства в России через рассмотрение главных трендов его развития за последние 20 лет. Также предполагается соотнести характеристику текущего состояния института банкротства в РФ с влиянием на правоприменительную практику. В этой связи нам представляется, что предмет рассмотрения статьи имеет важное значение для определения потенциала дальнейшего развития института, выбора наиболее эффективных решений в сфере регулирования банкротства в России, а также устранения насущных проблем непосредственно в области арбитражного управления.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА БАНКРОТСТВА В КОНЦЕ XX В. – НАЧАЛЕ XXI В.

История действующего института несостоятельности (банкротства) в РФ, начиная с Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»², опирается на основные принципы конкурсного права в России, которые закладывались еще в дореволюционном законодательстве (1729 г. – Вексельный устав, 1740 г. – Банкротский устав, 1800 г. – Устав о банкротах, 1832 г. – Устав о торговой несостоятельности) и советском (1905 г. – Устав судопроизводства торгового, 1922 г. – Гражданский кодекс РСФСР (РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика), 1927 г. – Гражданско-процессуальный кодекс РСФСР) [3]. В наиболее знакомом варианте закон о банкротстве был сформулирован лишь в постсоветский период – Закон РФ от 19 ноября 1992 г. № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий»³. Также впоследствии был принят Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁴.

¹ Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (последняя редакция). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/?ysclid=m3e49vbm1k190279961 (дата обращения: 16.09.2024).

² Там же.

³ Закон Российской Федерации от 19.11.1992 г. № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1250/7d2f4fbc7333c7f5254f542331426e9b4a44d7cd/ (дата обращения: 17.09.2024).

⁴ Федеральный закон от 08.01.1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (последняя редакция). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17408/ (дата обращения: 17.09.2024).

Исходные российские законы о банкротстве (1992 г., 1998 г.) не будут подробно рассматриваться в данной статье по той причине, что они являлись одними из первых шагов на пути к судебному, а не административному регулированию процедур банкротства. В то же время указанные законы достаточно наглядно отражали запросы и явления того времени (период 1990-х гг.). Законы 1992 г. и 1998 г. принимались в условиях резкой перестройки экономики России. До 1992 г. законодательство в первую очередь решало проблемы массового банкротства государственных предприятий. В 1992 г. Верховный совет РФ регламентировал банкротство субъектов предпринимательской деятельности. Законодательство в 1990-х гг. колебалось от продолжникового Закона 1992 г. в сторону прокредиторского закона 1998 г., однако и в том, и в другом документе сохранялось большое количество недоработок по части юридической техники. Так, из запутанного Закона 1992 г., применяя который судам приходилось руководствоваться расширительным толкованием, он превратился в объемный, избыточный множеством новых понятийный закон 1998 г., где акцент смещался от критерия неоплатности к критерию неплатежеспособности [4].

В результате описанных трансформаций в 2002 г. был принят Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», в котором законодатель сформулировал оптимальную дефиницию понятия несостоятельности (банкротства): «несостоятельность (банкротство) – признанная арбитражным судом или наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей»⁵. С целью более точного восприятия характера изменений закона о банкротстве в табл. 1 наглядно представлена трансформация ключевого понятия (несостоятельности).

Таблица 1

Трансформация понятия несостоятельности в законе о банкротстве

1992 г.	1998 г.	2002 г. (редакция от 04.08.2023 г.)
Несостоятельность (банкротство)		
–	Признанная арбитражным судом	Признанная арбитражным судом
–	Объявленная должником	Наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина
Неспособность должника		
Удовлетворить требования кредиторов по оплате товаров (работ, услуг), включая неспособность обеспечить обязательные платежи в бюджет и внебюджетные фонды	В полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей	В полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей
В связи с превышением обязательств должника над его имуществом или в связи с неудовлетворительной структурой баланса должника	–	–

Примечание: в таблице представлена авторская разработка Л.А. Мостовой

Источники^{6,7,8}

⁵ Федеральный закон от 08.01.1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (последняя редакция). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17408/ (дата обращения: 17.09.2024).

⁶ Закон Российской Федерации от 19.11.1992 г. № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1250/7d2f4fbc7333c7f5254f542331426e9b4a44d7cd/ (дата обращения: 17.09.2024).

⁷ Федеральный закон от 08.01.1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (последняя редакция). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17408/ (дата обращения: 17.09.2024).

⁸ Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (последняя редакция). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/?ysclid=m3e49vbm1k190279961 (дата обращения: 16.09.2024).

В табл. 1 представлено определение несостоятельности из закона 2002 г. уже с учетом редакции, которая стала следствием принятия Федеральных законов № 186 от 29 июня 2015 г. и № 289 от 31 июля 2020 г. Однако, несмотря на то что закон о банкротстве 2002 г. действует до сих пор, за время своего существования он претерпел множество изменений. Если говорить точнее, например, с 2002 г. по 2019 г. закон был изменен 102 раза⁹.

Такой изменчивый характер института несостоятельности можно объяснить тем, что попытки комплексного законодательного урегулирования отношений в сфере банкротства начали реализовываться только в 1990-х гг. и, по сути, методом проб и ошибок запросы общества нашли свое отражение в более или менее цельном виде в законе 2002 г. Кроме того, при рассмотрении факторов реформ законодательства о банкротстве необходимо учитывать, что институт несостоятельности представляет собой симбиоз всех отраслей права и экономических дисциплин, поэтому с банкротством могут столкнуться все существующие хозяйствующие субъекты различных отраслей экономики, за исключением казенных предприятий, учреждений, политических партий и религиозных организаций. На разных стадиях банкротства требуется различная степень погружения в предпринимательскую и управленческую специфику, ведь в зависимости от направления деятельности банкрота в отношении его продолжают исполняться разные отраслевые нормативно-правовые документы. В этой связи, поскольку институт несостоятельности является одним из инструментов государственного регулирования рыночной экономики, все изменения в экономической и политической обстановке страны требуют адаптации отдельных норм законодательства о банкротстве к меняющимся потребностям общества.

Цель настоящей научной статьи не предполагает подробного рассмотрения каждого из принятых изменений закона о банкротстве 2002 г., однако особый интерес представляют основные тренды в изменении законодательства о банкротстве после его принятия (их экономические и политические предпосылки). В табл. 2 представлен краткий анализ самых значимых, по нашему мнению, трансформаций закона о несостоятельности 2002 г.

Таблица 2

Ключевые изменения, внесенные в закон о банкротстве 2002 г.

Предпосылки изменений	Суть изменения	Реквизиты основных документов, предусматривающих изменения закона
Антиковидные ограничения	Мораторий на банкротство 2020 г.	Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций». Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 428 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников»
Антиковидные ограничения	Мораторий на банкротство 2022 г.	Постановление Правительства РФ от 28 марта 2022 г. № 497 (редакция от 13 июля 2022 г.) «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами»

⁹Ефименко Е. Что было, что будет: шесть аспектов законодательства о банкротстве. Режим доступа: <https://pravo.ru/story/215504/> (дата обращения: 18.09.2024).

Предпосылки изменений	Суть изменения	Реквизиты основных документов, предусматривающих изменения закона
Перечень предпосылок: – несоответствие смысла деятельности арбитражного управляющего содержанию отдельных норм закона о банкротстве; – резкие противоречия между судебной практикой арбитражных судов и Конституционного суда; – вопрос отнесения деятельности арбитражного управляющего к предпринимательской деятельности; – правоотношения с арбитражным управляющим – трудовые или гражданско-правовые	Уточнение правового статуса арбитражных управляющих и решение организационных моментов, связанных с их участием в деле о банкротстве	Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» (статья 1). Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»
Перечень предпосылок: изменения в Гражданский кодекс РФ; развитие банковской системы; закрепление физических лиц в качестве самостоятельных участников рыночной экономики; расширение возможностей участия физических лиц в бизнес-процессах	Введение института банкротства физических лиц	Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
Перечень предпосылок: отсутствие в законе критериев определения понятия «предпочтительность»; не учитывалась добросовестность контрагента	Установление возможности оспаривания сделок должника	Федеральный закон от 28 апреля 2009 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
Перечень предпосылок: смещение баланса интересов в пользу кредиторов как следствие; усиленные попытки бенефициаров сохранить власть над имуществом; слабое регулирование порядка определения контролирующих должника лиц и привлечения их к ответственности; частое привлечение к ответственности номинальных директоров	Возможность привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности	Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»
Перечень предпосылок: отсутствие однозначных и конкретных требований к процедуре торгов; злоупотребления со стороны арбитражного управляющего и других заинтересованных лиц; непрозрачность процедуры торгов	Совершенствование порядка продажи имущества должника	Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)». Федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 144-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Приказ Министерства экономического развития России от 23 июля 2015 г. № 495

Предпосылки изменений	Суть изменения	Реквизиты основных документов, предусматривающих изменения закона
Перечень предпосылок: – противоречия по вопросу распределения выручки от продажи предмета залога; – избыточные привилегии залоговых кредиторов по сравнению с незалоговыми кредиторами	Установление порядка удовлетворения требований кредиторов, обеспеченных залогом имущества должника	Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 306-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием порядка обращения взыскания на заложенное имущество». Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 июня 2023 г. № 23 «О применении судами правил о залоге вещей»

Примечание: в таблице представлена авторская разработка Л.А. Мостовой

Источники^{10,11,12,13,14,15,16,17,18,19,20,21,22}

Важной особенностью закона 2002 г. является классификация должников по отдельным категориям: градообразующие, сельскохозяйственные, финансовые, кредитные организации, стратегические предприятия и организации, субъекты естественных монополий, застройщики, участники клиринга и клиенты участников клиринга. Такие нововведения отражают многообразие субъектов экономических отношений и, соответственно, необходимость специфического регулирования несостоятельности некоторых из них как имеющих особенное экономическое и социальное значение для национальной экономики и общества.

¹⁰ Федеральный закон от 01.04.2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» (последняя редакция). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349080/?ysclid=m3e6gh7vdt754405561 (дата обращения: 18.09.2024).

¹¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 03.04.2020 г. № 428 (редакция от 22.05.2020 г.) «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям кредиторов в отношении отдельных должников». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349332/?ysclid=m2bxcio4817527859 (дата обращения: 18.09.2024).

¹² Постановление Правительства Российской Федерации от 28.03.2022 г. № 497 (редакция от 13.07.2022 г.) «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_413460/?ysclid=m2bxi9f8t707499196 (дата обращения: 18.09.2024).

¹³ Федеральный закон от 30.12.2008 г. № 296-ФЗ (редакция от 29.07.2017 г.) «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83460/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/?ysclid=m2bxbzra824801769 (дата обращения: 18.09.2024).

¹⁴ Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (последняя редакция). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103104/?ysclid=m2bxmi3bbk905237551 (дата обращения: 18.09.2024).

¹⁵ Федеральный закон от 29.06.2015 г. № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (последняя редакция). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181701/?ysclid=m2bxoz0w8m486536345 (дата обращения: 18.09.2024).

¹⁶ Федеральный закон от 28.04.2009 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87214/?ysclid=m2bxrqhkv484314599 (дата обращения: 18.09.2024).

¹⁷ Федеральный закон от 29.07.2017 г. № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221193/?ysclid=m2bxvzwhhh677960576 (дата обращения: 18.09.2024).

¹⁸ Федеральный закон от 30.12.2008 г. № 296-ФЗ (редакция от 29.07.2017 г.) «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83460/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/?ysclid=m2bxbzra824801769 (дата обращения: 18.09.2024).

¹⁹ Федеральный закон от 28.07.2012 г. № 144-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133287/?ysclid=m2by02kyzj298021898 (дата обращения: 18.09.2024).

²⁰ Приказ Министерства экономического развития России от 23.07.2015 г. № 495 «Об утверждении Порядка проведения торгов в электронной форме по продаже имущества или предприятия должников в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве, Требованиям к операторам электронных площадок, к электронным площадкам, в том числе технологическим, программным, лингвистическим, правовым и организационным средствам, необходимым для проведения торгов в электронной форме по продаже имущества или предприятия должников в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве, внесении изменений в приказ Минэкономразвития России от 5 апреля 2013 г. № 178 и признании утратившими силу некоторых приказов Минэкономразвития России» (зарегистрировано в Министерстве юстиции России 20.02.2016 г. № 41182). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194513/?ysclid=m2by341fc71744882 (дата обращения: 18.09.2024).

²¹ Федеральный закон от 30.12.2008 г. № 306-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием порядка обращения взыскания на заложенное имущество». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83307/?ysclid=m2by4o3iqb290891362 (дата обращения: 18.09.2024).

²² Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27.06.2023 г. № 23 «О применении судами правил о залоге вещей». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451067/?ysclid=m2by6crxrpq749663154 (дата обращения: 18.09.2024).

Кроме того, в законе о банкротстве 2002 г. появляется процедура финансового оздоровления. Примечательно, что на момент его принятия предполагалось, что она будет применяться чаще других процедур и такое нововведение позволит изменить курс законодательства с ликвидационного на реабилитационный. Однако в действительности результаты были диаметрально противоположными, что обусловило необходимость более внимательного изучения практики применения реабилитационных процедур.

АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ ПРОЦЕДУР

С целью анализа практики мы изучили статистику введения процедур банкротства по материалам сайта «Федресурс», статистику сайта Высшего арбитражного суда РФ, а также ряд периодических научных статей, продемонстрировав ликвидационный характер законодательства.

Далее подробнее рассмотрим применение одной из реабилитационных процедур, а именно финансовое оздоровление. Данная процедура банкротства, предусмотренная законом о несостоятельности 2002 г., главными целями имеет полное погашение реестра требований кредиторов и восстановление платежеспособности должника. При этом органы управления последнего сохраняют свои полномочия и продолжают осуществлять хозяйственную деятельность предприятия. Такая процедура является наименее болезненной для должника, не привносит радикальных изменений в структуру организации, позволяет продолжать хозяйственную деятельность, контроль за предприятием сохраняется за бенефициарами. Однако же это может являться одновременно и недостатком в случае недобросовестности контролирующих должника лиц, ведь финансовое оздоровление возможно использовать в качестве способа получения дополнительного времени для вывода активов, фальсификации документов, истечения сроков исковой давности и достижения прочих противозаконных целей.

Процедура финансового оздоровления в отношении должника вводится арбитражным судом в случае принятия первым собранием кредиторов соответствующего решения. Для принятия такого решения первым собранием кредиторов должника собственникам организации-должника необходимо представить:

- ходатайство о введении финансового оздоровления;
- план финансового оздоровления;
- график погашения задолженности;
- протокол общего собрания участников;
- перечень участников, голосовавших за обращение к собранию кредиторов с подобным ходатайством;
- сведения о том, какое обеспечение исполнения должником графика погашения задолженности могут предложить учредители;
- иные предусмотренные законом о банкротстве документы²³.

То есть законом о несостоятельности учитывается возможность обеспечения собственниками исполнения обязательств должником, однако это факультативное условие, и если бенефициарам удастся убедить кредиторов утвердить план финансового оздоровления и обратиться с соответствующим ходатайством в суд без обеспечения исполнения обязательств, то такая ситуация законом допущена [5]. Этим периодически пользуются недобросовестные субъекты хозяйствования. Так, даже эпизодические случаи злоупотребления правом, а порой и прямые нарушения законодательства в данной области угнетающе влияют на развитие реабилитационного потенциала института банкротства в целом и на результативность процедуры финансового оздоровления, делая ее малопопулярной (часто используемой в практике банкротства).

Выбор в пользу этой процедуры осуществляется крайне редко, что видно из статистических данных, представляемых ежегодно Судебным департаментом при Верховном суде РФ (табл. 3), ведь картина кажется стабильно негативной, а идея введения такой процедуры фактически не оправдывает надежд законодателя.

Для полноты анализа статистических данных обратимся к сведениям, представленным в Едином федеральном реестре юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (табл. 4).

²³ Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (последняя редакция). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/?ysclid=m3e49vbm1k190279961 (дата обращения: 16.09.2024).

Статистика введения процедур банкротства в 2018–2022 гг.

Год	Всего дел о банкротстве в производстве арбитражных судов (с учетом оставшихся с предыдущего года)	Всего процедур наблюдения в производстве арбитражных судов (с учетом оставшихся с предыдущего года)	Всего процедур финансового оздоровления в производстве арбитражных судов (с учетом оставшихся с предыдущего года)	Всего процедур внешнего управления в производстве арбитражных судов (с учетом оставшихся с предыдущего года)	Всего процедур конкурсного производства в производстве арбитражных судов (с учетом оставшихся с предыдущего года)
2018	69 569	16 841	63	685	41 516
2019	76 597	16 055	53	584	42 488
2020	72 198	13 454	47	543	40 934
2021	91 071	13 849	48	446	42 031
2022	68 373	10 593	44	413	40 807

Источник²⁴

Количество сообщений в ЕФРСБ о введении судами процедур в 2018–2022 гг.

Год	О введении наблюдения	О введении финансового оздоровления	О введении внешнего управления	О признании должника банкротом и открытии конкурсного производства
2018	10 547	19	278	13 117
2019	10 134	19	209	12 401
2020	7 775	23	150	9 930
2021	8 575	22	157	10 317
2022	5 227	9	140	9 055

Примечание: ЕФРСБ – Единый федеральный реестр сведений о банкротстве

Источник²⁵

Разница в представленных данных объясняется тем, что в табл. 3 случаи введения тех или иных процедур исчисляются по изданным судебным актам, а в табл. 4 – по опубликованным в ЕФРСБ сообщениям. Однако следует заметить, что данные, представленные Судебным департаментом при Верховном суде РФ, кажутся нам более объективными, так как сообщения в ЕФРСБ формируются арбитражными управляющими, а факты нарушения ими или их саморегулируемыми организациями требований законодательства о банкротстве выявляются регулярно.

Примечательно, что, если обратиться к более ранним исследованиям данного вопроса, можно убедиться, что в целом соответствующие тенденции присутствовали на всем протяжении действия закона о несостоятельности. Например, С.Е. Кован провел комплексный анализ реализованных процедур банкротства за период с 1998 г. по 2012 г. Его также интересовал реабилитационный потенциал института несостоятельности. Ученый в своей работе пришел к выводу, что, хотя оздоровительные механизмы процедур финансового оздоровления и внешнего управления и получили определенное развитие как в Законе 1998 г., так и в законе 2002 г., оно, однако, нашло незначительное проявление в сравнении с предыдущими периодами. В целом же за все время существования закона о банкротстве количество введенных процедур конкурсного производства всегда ощутимо превалировало над количеством введенных реабилитационных процедур [6].

Также нельзя отрицать тот факт, что даже те малочисленные процедуры финансового оздоровления и внешнего управления, которые были введены, не показывали и близко того эффекта, который от них ожидался. Исходя из этого, С.Е. Кован в своем исследовании подвел следующие итоги: лучший

²⁴ Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. Отчеты о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации по рассмотрению дел о банкротстве за 2018–2022 гг. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 19.09.2024).

²⁵ Федеральный ресурс. Банкротство в России: 2023 год. Статистический релиз Федресурса. Режим доступа: <https://clck.ru/3DyQUh> (дата обращения: 19.09.2024).

результат за рассматриваемый период был показан в 2006 г., когда из 39 процедур финансового оздоровления к восстановлению платежеспособности привели 8 [6]. Доля же процедур внешнего управления, которые привели к положительному результату, также невелика: в основном не более 3 %. Аналогичные тенденции мы можем наблюдать и сегодня (табл. 5).

Таблица 5

Результативность реабилитационных процедур в 2018–2022 гг.

Год	Финансовое оздоровление		Внешнее управление	
	Всего	Восстановлена платежеспособность	Всего	Восстановлена платежеспособность
2018	63	2	685	5
2019	53	3	584	3
2020	47	1	543	4
2021	48	1	446	10
2022	44	3	413	4

Источник²⁶

Из табл. 5 видно, что доля процедур финансового оздоровления, которые привели к восстановлению платежеспособности предприятий, составляет не более 5 % от общего количества процедур. Что касается внешнего управления, ситуация полной реабилитации должников встречается еще реже: доля таких случаев в большинстве своем не более 2 %. Это без анализа длительности успеха, связанного с восстановлением платежеспособности, ведь соответствующий эффект также может иметь и краткосрочный характер, когда через какое-то время вновь, вероятно, потребуются финансовая помощь. Таким образом, по результатам проведенного анализа статистических данных, имеющихся в открытом доступе, гипотеза о ликвидационном характере института несостоятельности подтверждается.

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ЛИКВИДАЦИОННОГО ХАРАКТЕРА ИНСТИТУТА БАНКРОТСТВА НА ЕГО РАЗВИТИЕ

Характер российского института банкротства во многом предопределяет будущее кризисного предприятия. Так, если состояние должника отвечает признакам неплатежеспособности, то шансов на финансовое оздоровление практически нет. Следуя сложившимся стереотипам о единственно возможной ликвидационной миссии института банкротства, уже и кредиторы, и должники верят только в такой сценарий и всяким образом ведут предприятие к ликвидации. Нам же такое положение вещей представляется проблемой, причем достаточно актуальной и в целом определяющей состояние института несостоятельности (банкротства), поскольку приводит к следующим последствиям:

- 1) упускаются из виду реальные возможности восстановления платежеспособности предприятия / максимального удовлетворения требований кредиторов должником;
- 2) максимально упрощается и формализуется арсенал инструментов и методов, применяемых арбитражным управляющим в ходе процедуры банкротства;
- 3) институт банкротства начинает использоваться преимущественно как средство списания долгов и ухода от ответственности [7];
- 4) вместо высококвалифицированного антикризисного руководителя, способного оказать помощь в трудной ситуации, арбитражный управляющий приобретает негативный образ «торгаша-падальщика», который расхищает остатки разрушенного бизнеса;
- 5) возникают сложности обоснования в судебном процессе оригинальных антикризисных управленческих решений в рамках процедуры банкротства, поскольку преследуется цель буквально просто оценить и продать все имущество, завершив таким образом процедуру;
- 6) кредиторы, в принципе, не рассматривают возможность реабилитации должника, поскольку не верят в компетентность арбитражного управляющего.

Итак, мы имеем институт, закрепивший за собой преимущественно образ «похоронного бюро», и формализм в подходе законодателя и судебной системы только способствует такому восприятию положения вещей.

²⁶ Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. Отчеты о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации по рассмотрению дел о банкротстве за 2018–2022 гг. Режим доступа: <http://www.cdcp.ru/?id=79> (дата обращения: 19.09.2024).

Анализ обработанных статистических данных за все время существования закона о банкротстве и процент введенных оздоровительных процедур в общем количестве дел только подтверждают негативную картину. Реабилитационных же процедур, приведших к успешному результату, и того меньше. В то время как институт банкротства не теряет свою актуальность, с каждым годом количество дел о банкротстве неуклонно растет²⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как было установлено в работе, институт несостоятельности в России имеет большую историю и тесно связан с экономической политикой государства. По своей сути данная область относится к наиболее трудным сферам управленческой практики, поскольку находится на стыке государственных и частных интересов (юридической и организационно-экономической практики). Несмотря на наличие давно принятого основного Федерального закона 2002 г., он продолжает претерпевать изменения и поправки, что отражает динамику развития самого института.

К сожалению, в современных условиях правоприменительная практика приобрела достаточно негативный характер вследствие доминирования ликвидационных процедур в делах о несостоятельности, что было подтверждено статистическими данными. Последствия такого положения представлены в статье в виде перечня пунктов, который побуждает задуматься о причинах, вызвавших соответствующее восприятие функции института несостоятельности. В рамках настоящего исследования сложно выявить и проанализировать причины подобного положения вещей, поэтому перспективным представляется проведение отдельного научного исследования данного вопроса.

Список литературы

1. Карелина С.А., Фролов И.В. Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография. М.: Юстицинформ; 2020. 364 с.
2. Бештоев М.И. Тенденции развития института банкротства: движение от репрессии – к реабилитации должника. Стратегические решения и риск-менеджмент. 2015;5(92):62–75. <https://doi.org/10.17747/2078-8886-2015-5-62-75>
3. Коноплева М.И. История становления института банкротства в России. Молодой ученый. 2020;4(294):387–389.
4. Немцева О.И. Исторический анализ законодательства о несостоятельности и банкротстве в РФ конца XX века. Вологодские чтения. 2006;58:79–85.
5. Рудакова О.Ю., Рудакова Т.А. Финансовое оздоровление как процедура банкротства или результат ее проведения. Стратегические решения и риск-менеджмент. 2017;2(101):30–35. <https://doi.org/10.17747/2078-8886-2017-3-30-35>
6. Кован С.Е. Проблемы развития реабилитационного потенциала института банкротства. Стратегические решения и риск-менеджмент. 2014;2(83):64–74. <https://doi.org/10.17747/2078-8886-2014-2-64-74>
7. Кириллова О.Ю., Демидова Н.Г. Законодательство о банкротстве как инструмент перераспределения корпоративного контроля: ретроспективный анализ. Вестник университета. 2017;1:150–156.

References

1. Karelina S.A., Frolov I.V. Institute of insolvency (bankruptcy) in the legal system of Russia and foreign countries: theory and practice of law enforcement: monograph. Moscow: Justicinform; 2020. 364 p. (In Russian).
2. Beshtoyev M.I. Move from repression to protection of debtor, from punishment to rehabilitation. Strategic decisions and risk management. 2015;5(92):62–75. (In Russian). <https://doi.org/10.17747/2078-8886-2015-5-62-75>
3. Konopleva M.I. History of the formation of the bankruptcy institute in Russia. Young scientist. 2020;4(294):387–389. (In Russian).
4. Nemtseva O.I. Historical analysis of the legislation on insolvency and bankruptcy in the Russian Federation at the end of the XX century. Vologda readings. 2006;58:79–85. (In Russian).
5. Rudakova O.Yu., Rudakova T.A. Financial recovery as a bankruptcy procedure or the result of its implementation. Strategic decisions and risk management. 2017;2(101):30–35. (In Russian). <https://doi.org/10.17747/2078-8886-2017-3-30-35>
6. Kovan S.E. Problems of development of the rehabilitation potential of the bankruptcy institute. Strategic decisions and risk management. 2014;2(83):64–74. (In Russian). <https://doi.org/10.17747/2078-8886-2014-2-64-74>
7. Kirillova O.Yu., Demidova N.G. Bankruptcy legislation as a tool for redistributing corporate control: retrospective analysis. Vestnik universiteta. 2017;1:150–156. (In Russian).

²⁷ Куликов В. Верховный суд подготовит специальные разъяснения по делам о банкротстве. Режим доступа: <https://rg.ru/2023/02/16/verhovnyj-sud-podgotovit-specialnye-raziasneniia-po-delam-o-bankrotstve.html?ysclid=ly1gzfzv14658342983> (дата обращения: 20.09.2024).

Проблема кадрового дефицита в Ульяновской области Российской Федерации и некоторые пути ее решения

Мухаметов Дамир Алмазович

Аспирант

ORCID: 0009-0006-1546-8863, e-mail: damirqwerty@gmail.com

Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск, Россия

Аннотация

В работе рассматривается проблема кадрового дефицита в Ульяновской области в контексте текущих экономических и политических преобразований. Анализируются причины дефицита квалифицированных специалистов, которые включают как позитивные факторы (быстрое экономическое развитие и технологические изменения), так и негативные (демографические изменения, отраслевые особенности, дисбаланс на рынке труда и миграция). Приводятся статистические данные по уровню безработицы, миграции и структуре населения, что позволяет выявить основные тенденции и спрогнозировать дальнейшее развитие ситуации на рынке труда. Особое внимание уделено проблеме миграции выпускников вузов и их влиянию на экономику региона. Также рассматривается влияние международной и межрегиональной миграции на рынок труда и демографическую ситуацию в регионе. Обсуждаются возможные пути решения проблемы кадрового дефицита, включая улучшение материально-технической базы учебных заведений, адаптацию образовательных программ к требованиям рынка труда и введение многоуровневой системы контроля над миграцией. Предложенные меры направлены на создание условий для привлечения и удержания квалифицированных специалистов в регионе, что, в свою очередь, будет способствовать его устойчивому экономическому развитию.

Ключевые слова

Кадровый дефицит, региональное развитие, экономическое развитие, рынок труда, безработица, молодежь, миграция, население, кадровая политика

Для цитирования: Мухаметов Д.А. Проблема кадрового дефицита в Ульяновской области Российской Федерации и некоторые пути ее решения // Вестник университета. 2024. № 11. С. 161–176.

Problem of staffing shortage in the Ulyanovsk region of the Russian Federation and some ways to solve it

Damir A. Mukhametov

Postgraduate Student

ORCID: 0009-0006-1546-8863, e-mail: damirqwerty@gmail.com

Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia

Abstract

The article examines the problem of personnel shortage in the Ulyanovsk region in the context of current economic and political transformations. The reasons for the shortage of qualified specialists are analysed, which include both positive factors (rapid economic development and technological changes) and negative ones (demographic changes, industry characteristics, imbalance in the labour market and migration). Statistical data on the level of unemployment, migration, and population structure are provided, which makes it possible to identify the main trends and predict the further development of the situation in the labour market. Particular attention is paid to the problem of migration of graduates of higher educational institutions and their impact on the economy of the region. The article also examines the impact of international and interregional migration on the labour market and demographic situation in the region. Possible ways to solve the problem of the personnel shortage are discussed, including improving the material and technical base of educational institutions, adapting educational programmes to the requirements of the labour market, and introducing a multi-level system of control over the migration. The proposed measures are aimed at creating conditions for attracting and retaining the qualified specialists in the region, which in turn will contribute to its sustainable economic development.

Keywords

Personnel shortage, regional development, economic development, labour market, unemployment, youth, migration, population, personnel policy

For citation: Mukhametov D.A. (2024) Problem of staffing shortage in the Ulyanovsk region of the Russian Federation and some ways to solve it. *Vestnik universiteta*, no. 11, pp. 161–176.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время отрасли реального сектора экономики Ульяновской области переживают значительные структурные и технологические преобразования, обусловленные переходом к инновационной модели развития. Эти изменения связаны как с новыми приоритетами регионального развития, так и с политическими изменениями, начавшимися в 2022 г. Однако развитие лимитировано несколькими факторами, такими как недостаточно развитый рынок, несовершенство законодательства, ограниченный доступ к новым технологиям и ограниченные ресурсы для производства.

Как и в Ульяновской области, в целом в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) произошла смена полюсов в сфере кадрового обеспечения: нехватка рабочих мест сменилась нехваткой трудовых ресурсов, так как спрос превысил предложение. Такие же выводы в своих исследованиях делают О.А. Колесникова, Е.В. Маслова и И.В. Околедых [1].

Н.Н. Гунько, О.А. Динукова, В.Я. Вишневер, изучая сбалансированность на рынке труда, приходят к выводам: «Отсутствие равновесия между спросом и предложением на рынке труда проявляется через безработицу и дефицит рабочей силы, что негативно отражается на производительности труда на макроуровне» [2, с. 211].

О.П. Чекмарев, А.А. Ильвес и П.А. Конев отмечают, что «исследователи склоняются к выводам о скорее локальных дефицитах кадров в России, хотя социологические и статистические исследования показывают, что проблемы занятости и дефицита кадров являются достаточно значимыми для экономических субъектов современной России» [3, с. 478].

Понятие «кадровый дефицит» можно определить как ситуацию, при которой существует недостаток квалифицированных и подходящих специалистов для заполнения вакансий и выполнения необходимых задач. Это означает, что спрос на определенные виды рабочей силы превышает предложение и работодатели испытывают трудности в нахождении подходящих кандидатов на вакансии.

Кадровый дефицит в регионе может возникать по разным причинам, включая как позитивные, так и негативные.

К позитивным причинам относятся:

- быстрое экономическое развитие: когда экономика региона или страны растет быстро, возникает повышенный спрос на рабочую силу и рынок труда не всегда успевает соответствовать этому росту;
- технологические изменения: развитие новых технологий может потребовать от специалистов новых навыков, что способно создать кадровый дефицит в отраслях, которые не успевают приспособиться к этим изменениям.

К негативным причинам можно отнести:

- снижение рождаемости, старение населения и т.д., то есть демографические изменения, которые способны привести к уменьшению числа работников, доступных для определенных отраслей;
- отраслевые особенности: некоторые отрасли могут постоянно сталкиваться с кадровым дефицитом из-за особенностей своей работы, требующей высокой квалификации и опыта;
- дисбаланс между спросом и предложением на рынке труда;
- выбытие человеческих ресурсов из региона в другой регион/страну в связи с тем, что там более высокая заработная плата и (или) лучше условия труда;
- не соответствующая нынешним реалиям материально-техническая база учебных заведений, а также несоответствие теоретической и практической подготовки рабочих кадров.

ПРОБЛЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В целом дефицит кадров – это общемировая тенденция. Как отмечает Президент России В.В. Путин, «для России эта проблема является достаточно острой. Если мы не будем предпринимать энергичных усилий для того, чтобы эти задачи решать, то к концу 2030 года дефицит квалифицированных кадров у нас составит где-то около 3 млн человек»¹. Также он отметил, что цифра в 3 млн чел. чуть меньше прогнозируемого дефицита в Германии и Великобритании, однако для россиян это очень много. Нехватка специалистов может привести к потерям в российской экономике, «измеряемым сотнями миллиардов

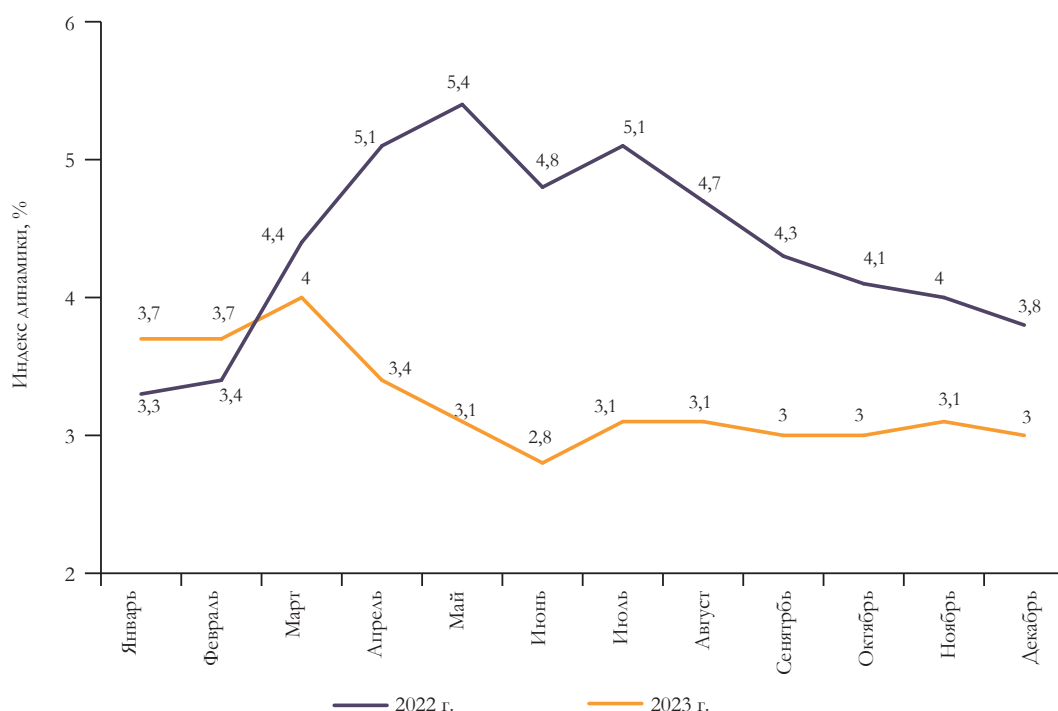
¹ РБК. Путин предупредил о дефиците квалифицированных кадров к 2030 году. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/01/11/2019/5dbc6df69a7947f792ab10a3> (дата обращения: 23.08.2024).

долларов недополученной прибыли»². По его словам, уже сейчас, в 2024 г., дефицит кадров в РФ составляет 2,5 млн чел.

Подтверждая слова Президента России, Д.Н. Чернышенко, заместитель Председателя Правительства РФ, на Петербургском международном экономическом форуме заявил, что «дефицит сотрудников в России к 2030 году составит 2,4 млн человек»³. Главными причинами являются проблема демографии (демографическая яма) и проблема развития собственных производств.

Институт развития предпринимательства и экономики провел исследование и пришел к неблагоприятным выводам: примерно 92 % российских компаний испытывают дефицит кадров. Около 55 % работников необходимы в промышленности, в сельском хозяйстве – 47 %, в строительстве – 38 %. Проблема кадрового дефицита характерна почти для всех отраслей и субъектов страны⁴.

По данным статистики, Ульяновская область испытывает дефицит кадров по всем профессиональным областям (рис. 1).

Источник⁵

Рис. 1. Индекс динамики соотношения вакансий и соискателей за 2022 г. и 2023 г.

Если значение индекса составляет до 1,9, то рынок испытывает острый дефицит соискателей. При значении от 2,0 до 3,9 имеется просто дефицит соискателей. Умеренный уровень конкуренции за рабочие места или же здоровое соотношение между работодателями и соискателями достигается при значении индекса 4,0–7,9. Высокий уровень конкуренции характерен для значения индекса 8,0–11,9. Если же оно составляет 12 и больше, то на рынке преобладает крайне высокий уровень конкуренции.

Некоторый темп роста индекса в 2022 г. можно связать с событиями, произошедшими в феврале 2022 г.: санкции дали новый виток развитию экономического кризиса, страх остаться без денег побуждал людей к поиску работы с целью получения стабильного заработка.

Традиционно дефицит кадров наблюдается в производстве и по рабочим профессиям. Средний индекс составляет 2,3. Подобные дефициты кадров способны оказать серьезное воздействие на различные

² РБК. Путин предупредил о дефиците квалифицированных кадров к 2030 году. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/01/11/2019/5dbc6df69a7947f792ab10a3> (дата обращения: 23.08.2024).

³ Прайм. Чернышенко предупредил о страшной демографической яме в России. Режим доступа: <https://1prime.ru/20240607/yama-848950382.html> (дата обращения: 06.09.2024).

⁴ Известия. Названы отрасли с наибольшей нехваткой кадров в России. Режим доступа: <https://iz.ru/1673404/2024-03-28/nazvany-otrasli-s-naibolshe-nekhvatkoi-kadrov-v-rossii> (дата обращения: 06.09.2024).

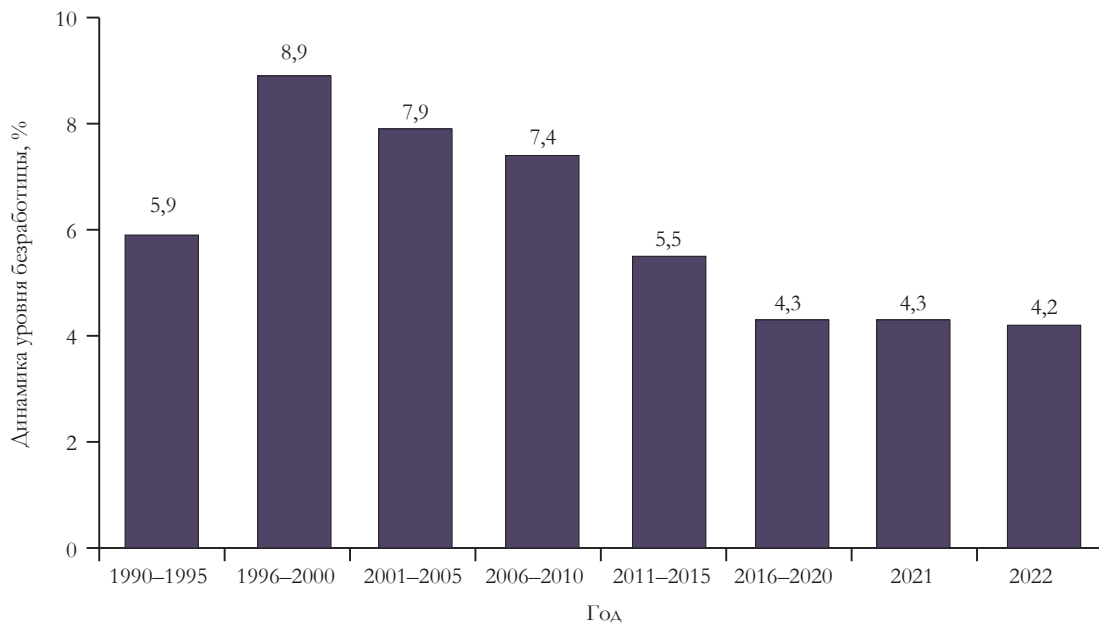
⁵ hh статистика. Ульяновская область. Режим доступа: https://stats.hh.ru/ulyanovsk_oblast?hhIndexProfArea=working_staff (дата обращения: 08.09.2024).

отрасли и секторы экономики региона. Например, некоторые отрасли могут испытывать недостаток специалистов определенного профиля, что, вероятно, приведет к увеличению расходов на поиск и обучение персонала, а также снизит производственные показатели и конкурентоспособность предприятий.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Принимая во внимание низкий уровень безработицы в России, исследователи начинают обращать внимание на местные проблемы с кадрами в различных регионах. Проводимые исследования (социологические и статистические) однозначно подтверждают наличие данной проблемы в РФ. Ульяновская область не является исключением.

Рис. 2 представляет собой данные о динамике безработицы в Ульяновской области за период с 1990 г. по 2022 г. Этот период охватывает различные этапы развития региона и экономические изменения, которые могли повлиять на уровни занятости и безработицы.

Примечание: МОТ – Международная организация труда

Источник⁶

Рис. 2 Динамика уровня безработицы в Ульяновской области

Уровень безработицы в России в разные периоды, такие как переход к рыночной экономике в 1990-х гг., кризисы 2008–2009 гг. и начало пандемии в 2020 г., отражал экономический спад. Однако кризисы 2014 г. и 2022 г. оказались особыми: несмотря на падение валового внутреннего продукта и валового регионального продукта (далее – ВРП) соответственно, уровень занятости оставался стабильным и в 2023 г. даже достиг исторического минимума (2,3).

Это свидетельствует о том, что связь между уровнем безработицы и спадом ВРП стала менее очевидной. Возможно, это связано с изменением структуры экономики, появлением новых отраслей, а также с усилением гибкости и адаптивности рынка труда.

Анализ факторов, влияющих на безработицу, показывает, что постковидная экономика, военно-политический конфликт и социальная поддержка могли бы увеличить безработицу, но единственным фактором, снижающим ее, является демографическая ситуация.

2022 г. и 2023 г. показали уменьшение безработицы. В свою очередь, это может указывать на отсутствие равновесия на рынке труда и на преобладание сверхзанятости.

Табл. 1 отражает уровень безработицы в Ульяновской области по возрастным группам в период с 2019 г. по 2022 г.

⁶ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ульяновской области. Официальные публикации Ульяновскстата. Режим доступа: <https://73.rosstat.gov.ru/folder/42056#> (дата обращения: 08.09.2024).

Таблица 1

Уровень безработицы по возрастным группам в Ульяновской области

Возрастная группа, лет	Год				Средний показатель за период
	2019	2020	2021	2022	
15–19	29,0	25,0	21,0	18,1	23,3
20–29	5,3	6,1	6,9	6,5	6,2
30–39	3,0	5,7	4,4	4,4	4,4
40–49	3,5	5,0	3,8	4,4	4,2
50–59	4,2	3,5	3,5	2,9	3,6
60–69	0,5	0,9	1,2	1,4	1,0

Примечание: данные представлены в %

Источник⁷

Анализ данных из табл. 1 привел нас к следующим выводам.

Динамика демонстрирует, что показатель уровня безработицы снижается в зависимости от возраста (чем старше возрастная группа, тем меньше данный показатель). Это является специфическим феноменом для РФ и Ульяновской области в частности. В зарубежных странах наоборот: чем старше возрастная группа, тем сложнее найти работу. Такой феномен может свидетельствовать о том, что работодатели в России предпочитают нанимать работников более старших возрастов, чем молодых.

С 2020 г. уровень безработицы начал снижаться во всех возрастных группах. Однако в возрастных категориях 15–19 и 20–29 лет он остается достаточно высоким. Это можно объяснить недостаточным опытом и низкой квалификацией, не соответствующими требованиям работодателей, либо ростом потребности в работе среди молодых людей.

В возрастных группах старше 30 лет наблюдается значительное снижение безработицы, за исключением категории 60–69 лет. Это указывает на то, что, несмотря на общее улучшение экономической ситуации, молодые люди продолжают испытывать трудности и сталкиваются с определенными барьерами при поиске работы.

Анализ структуры населения поможет понять факторы, которые влияют на уровень безработицы в зависимости от возрастной группы (табл. 2).

Таблица 2

Состав населения Ульяновской области от 15 до 70+ лет

Возраст, лет	На 1 января 2019 г., чел.	В % от всего	На 1 января 2020 г., чел.	В % от всего	На 1 января 2021 г., чел.	В % от всего	На 1 января 2022 г., чел.	В % от всего	На 1 января 2023 г., чел.	В % от всего
Всего	1 035 765	100	1 026 905	100	1 007 874	100	1 000 565	100	992 582	100
15–19	52 310	5,1	52 836	5,1	53 004	5,3	53 902	5,4	54 522	5,5
20–24	57 118	5,5	53 911	5,2	52 258	5,2	50 731	5,1	51 448	5,2
25–29	82 247	7,9	75 345	7,3	68 400	6,8	63 620	6,4	58 642	5,9
30–34	101 426	9,8	100 597	9,8	92 222	9,2	94 096	9,4	87 590	8,8
35–39	87 166	8,4	89 814	8,7	91 925	9,1	94 754	9,5	97 417	9,8
40–44	83 021	8,0	82 642	8,0	82 523	8,2	82 078	8,2	82 091	8,3
45–49	80 189	7,7	80 115	7,8	79 294	7,9	79 328	7,9	79 068	8,0
50–54	84 042	8,1	80 208	7,8	77 848	7,7	76 681	7,7	76 582	7,7
55–59	105 620	10,2	101 998	9,9	96 176	9,5	89 961	9,0	84 057	8,5
60–64	97 531	9,4	98 023	9,5	99 681	9,9	100 033	10,0	99 087	10,0

⁷ Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 09.09.2024).

Окончание табл. 2

Возраст, лет	На 1 января 2019 г., чел.	В % от всего	На 1 января 2020 г., чел.	В % от всего	На 1 января 2021 г., чел.	В % от всего	На 1 января 2022 г., чел.	В % от всего	На 1 января 2023 г., чел.	В % от всего
65–69	77 800	7,5	79 533	7,7	81 110	8,0	82 117	8,2	84 552	8,5
70+	127 295	12,3	131 883	12,8	133 433	13,2	133 264	13,3	137 526	13,9

Источник⁸

В Ульяновской области в целом население сокращается, население в возрасте от 15–19 и 35–39 лет имеет небольшой прирост, в возрасте от 20 до 34 лет заметно сокращается, наблюдается плавное снижение в возрасте 40–59 лет. Рост численности населения в возрастных группах от 60 до 70+ лет указывает на старение региона и общее увеличение доли старших возрастных групп.

Прогнозируется, что в ближайшие 5–8 лет доля населения старше 60 лет будет постепенно снижаться. С учетом новых условий выхода на пенсию ожидается также сокращение числа лиц, переходящих в пенсионный возраст, что поможет сгладить негативные последствия недостаточного количества молодых людей на рынке труда.

Также прогнозируется усиление дефицита рабочей силы в ближайшие два-четыре года из-за снижения числа лиц в молодых возрастных группах. В последующие годы ожидается рост предложения рабочей силы, однако вопросы молодежной занятости и экономической активности станут более актуальными.

Тенденция увеличения трудовой мобильности молодых людей и снижение их численности на рынке труда могут неблагоприятно сказаться на сглаживании кадрового дефицита региона при актуальных изменениях производственной структуры региона и внешнеторговых связях.

С возрастной группой молодежи прямо связаны выпускники вузов. Выпускники играют важную роль в экономическом развитии регионов. Их перемещение между регионами может влиять на экономическую активность. Экономический дисбаланс и неблагоприятная экономическая ситуация в субъектах могут стимулировать выпускников менять место жительства и уезжать из региона учебы (табл. 3).

Таблица 3

Доля выпускников, покинувших регион обучения, и зарплаты выпускников, трудоустроенных в регионе обучения и покинувших его

Регион	Доля выпускников, работающих не в регионе обучения, %	Средняя заработная плата выпускников, покинувших регион обучения, руб.	Средняя заработная плата выпускников, трудоустроенных в регионе обучения, руб.
РФ	27	64 900	50 900
ПФО	29	67 700	40 200
Республика Башкортостан	37	68 000	42 300
Республика Марий Эл	40	49 400	32 700
Республика Мордовия	51	57 700	30 000
Республика Татарстан	30	59 900	43 100
Удмуртская Республика	33	51 200	36 300
Чувашская Республика	45	52 700	32 300
Пермский край	33	61 200	45 000
Кировская область	38	57 600	35 100
Нижегородская область	32	66 400	42 800
Оренбургская область	40	58 100	38 000
Пензенская область	41	55 600	34 000
Самарская область	38	69 200	41 600

⁸ Там же.

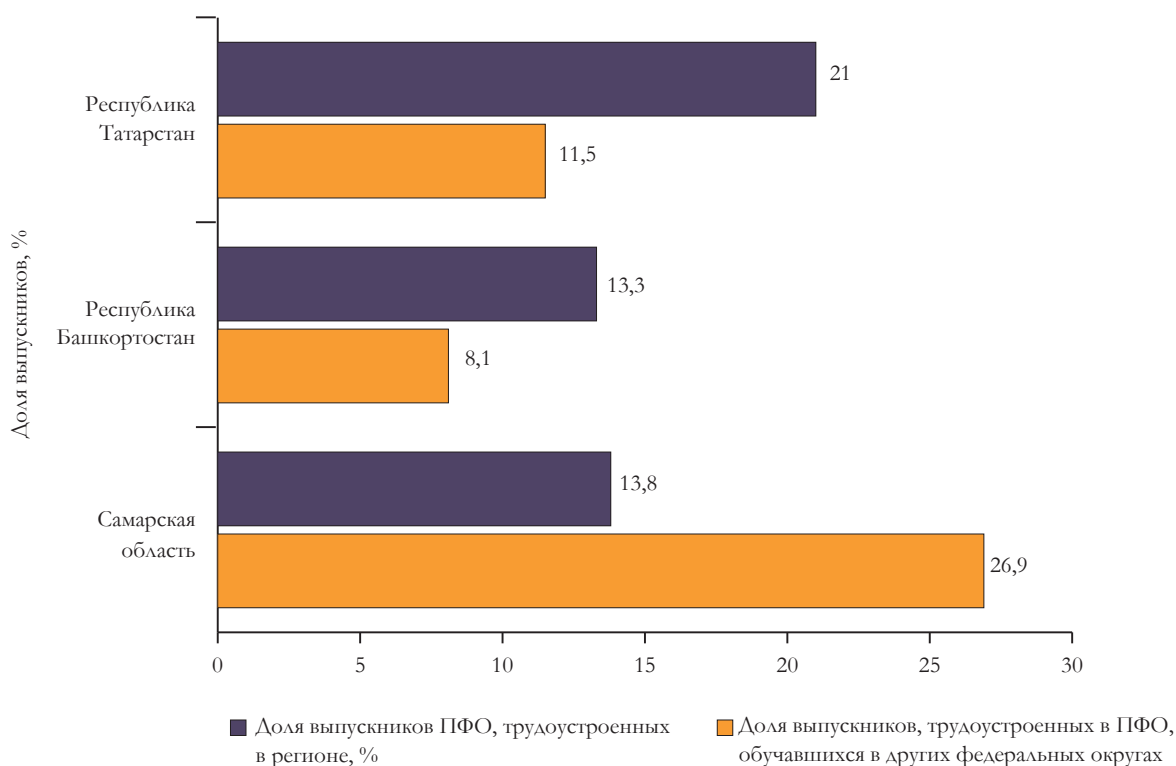
Регион	Доля выпускников, работающих в регионе обучения, %	Средняя заработная плата выпускников, покинувших регион обучения, руб.	Средняя заработная плата выпускников, трудоустроенных в регионе обучения, руб.
Саратовская область	49	61 300	33 100
Ульяновская область	42	71 700	36 100

Примечание: ПФО – Приволжский федеральный округ

Составлено автором по материалам источника [4]

Из табл. 3 видно, что из Ульяновской области выезжают работать 42 % от числа всех выпускников, что в 1,5 раза выше средних показателей по России и ПФО. Вне Ульяновской области их заработная плата составляет 71 700 руб., тогда как в самой области среднее предложение составляет 36 100 руб. В 2023 г. на территории Ульяновской области обучалось 34 832 студента бакалавриата, специалитета и магистратуры. Таким образом, практически половина из них, 14 629 студентов, потенциальная рабочая сила, эмигрирует в регионы с предложением более высокой заработной платы.

Ключевые регионы ПФО, специализирующиеся на машиностроении, включают Республику Татарстан (21 % выпускников), Республику Башкортостан и Самарскую область (13 и 14 % соответственно). Самарская область является основным регионом трудоустройства для внешних выпускников благодаря ее развитой промышленности и потребности в инженерных и технических специалистах (рис. 3).

Составлено автором по материалам источника [4]

Рис. 3. Основные субъекты ПФО с точки зрения трудоустройства выпускников

Значительным фактором, по нашему мнению, является массовая трудовая эмиграция, превратившаяся в проблему национального значения. В контексте исследуемого региона массовый отток населения имел непоправимые последствия для заполнения вакансий на предприятиях.

В России внутренняя миграция к 2019 г. составила 4 млн чел. ежегодно. Из них половина мигрирует внутри регионов – менее 1,4 % всего населения РФ.

С учетом того, что в других странах внутренняя миграция более активная, в России ее уровень низок относительно 10-летнего прошлого, когда он превышал 10 %. Например, в Соединенных Штатах

Америки доля внутренней миграции населения составила около 10 % в 2019 г. и 60 % из них пришлось на миграцию между штатами.

Так, в 2022 г. миграционная убыль Ульяновской области составила 1 827 чел., тогда как в 2021 г. данный показатель достигал 625. В 2023 г. убыль равнялась 493 чел. Миграционная динамика представлена в табл. 4.

Таблица 4

Миграция населения Ульяновской области в 2006–2022 гг.

Показатель, тыс. чел.	2006–2010 гг.	2011–2015 гг.	2016–2020 гг.	2021 г.	2022 г.
Межрегиональная миграция					
Прибыло	5,7	11,8	12,9	10,5	9,4
Убыло	10,1	17,1	16,5	13,3	12,6
Прирост	– 4,4	– 5,3	– 3,6	– 2,8	– 3,2
Международная миграция					
Прибыло	1,1	3,3	2,9	2,9	3,7
Убыло	0,3	0,6	0,8	0,7	2,3
Прирост	0,8	2,7	1,8	2,2	1,4
Общий прирост (убыль)	– 3,6	– 2,6	1,8	– 0,6	– 1,8

Источник⁹

В 2022 г. в России количество выехавших из страны и прибывших в нее оказалось примерно равным. Это разительное изменение по сравнению с предыдущими годами. Изменение миграционной ситуации связано с особенностями учета выезжающих. В 2021 г. временное продление регистрации во время пандемии COVID-19 и автоматическая фиксация факта выезда после любой регистрации иностранца сроком более 9 месяцев привели к недоучету выезжающих.

Недоучет выезжающих в 2021 г. и резкое увеличение в 2022 г. после окончания пандемии количества выезжающих стали причиной этого сдвига. Региональные данные подтверждают эту тенденцию. Данные из табл. 4 доказывают увеличение количества выезжающих из Ульяновской области в другие страны с 0,7 тыс. чел. в 2021 г. до 2,3 тыс. чел. в 2022 г. Миграционная ситуация, определяемая по долгосрочной регистрации на территории страны, не демонстрирует существенной динамики.

В последние годы в Ульяновской области наблюдается увеличение числа прибывающих из-за рубежа. Однако этот прирост мигрантов не приводит к повышению качества трудовых ресурсов региона, поскольку большинство прибывших имеют низкую профессиональную квалификацию или вовсе ее не имеют. В основном мигранты приезжают из стран Содружества Независимых Государств, особенно из Средней Азии. Образование и профессиональная подготовка у них часто неудовлетворительные, что позволяет им работать только на низкотехнологичных производствах.

Несмотря на низкую производительность и качество труда в целом, такие мигранты выгодны местным предпринимателям и экономике, так как представляют собой дешевую рабочую силу, их ожидание по желаемому уровню заработной платы ниже, чем у россиян. Приобретает особую важность введение многоуровневой системы контроля над миграцией, которая бы включала отбор и оценку мигрантов по их профессиональным навыкам и квалификации.

В Ульяновской области, как и во многих других регионах, сельское население заметно сокращается. Высокая доля пожилых людей в сельской местности и влияние негативных демографических процессов приводят к снижению трудового потенциала, что, в свою очередь, серьезно воздействует на развитие сельской экономики.

Весьма очевидно, что из сельской местности наибольший отток людей приходится на возрастную группу 18–40 лет – трудоспособную и более квалифицированную часть населения. Это, в свою очередь, влияет на состояние сельского хозяйства и его развитие в перспективе.

Соотношение объемов миграции городского и сельского населения рассматриваемого региона представлено в табл. 5.

⁹ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ульяновской области. Официальные публикации Ульяновскстата. Режим доступа: <https://73.rosstat.gov.ru/folder/42056#> (дата обращения: 08.09.2024).

**Соотношение объемов миграции городского и сельского населения
Ульяновской области за 2013–2023 гг.**

Год	Объем миграции, чел.			Объем миграции на 1 тыс. населения, %		
	Все население	В том числе		Все население	В том числе	
		Городское население	Сельское население		Городское население	Сельское население
2013	– 3 424	– 1 139	– 2 285	– 2,7	– 1,2	– 7,0
2014	– 1 568	908	– 2 476	– 1,	1,0	– 7,6
2015	– 1 185	257	– 1 442	– 0,9	0,3	– 4,5
2016	– 737	1 292	– 2 029	– 0,6	1,4	– 6,4
2017	– 1 325	848	– 2 173	– 1,1	0,9	– 7,0
2018	– 2 552	234	– 2 786	– 2,1	0,2	– 9,1
2019	– 2 395	– 206	– 2 189	– 1,9	– 0,2	– 7,3
2020	– 1 030	958	– 1 988	– 0,8	0,8	– 1,6
2021	– 625	1 646	– 2 271	– 0,4	1,8	– 7,4
2022	– 1 746	– 47	– 1 699	– 1,5	– 0,1	– 6,2
2023	– 493	479	– 972	– 0,4	0,4	– 0,8

Источник¹⁰

Из табл. 5 видно: миграционный отток сельского населения составляет большую часть эмигрировавших из Ульяновской области. По всему исследуемому периоду заметно, что на общий показатель уехавших из Ульяновской области в значительной степени влияет показатель по сельскому населению.

Основными мерами для решения этой проблемы являются повышение заработной платы в сельской местности, государственная поддержка сельскохозяйственных производителей, а также развитие социальной и производственной инфраструктуры в деревнях и селах. Оптимальным решением было бы создать такие условия, чтобы люди, переехавшие в город для получения образования, стремились возвращаться обратно в село.

Помимо этого, значительное воздействие на эмиграцию оказывает уровень заработной платы. Ульяновская область занимает 10-е место из 14 в ПФО по уровню заработной платы за 2023 г. (36 126 руб.).

Опрос 2014 г. среди граждан, покинувших Ульяновскую область для поиска работы, показал, что большинство находят ее в Москве и Московской области: на данный регион приходится 48 % уехавших. Вторым регионом по притяжению является Самарская область, куда направились 23 % граждан. На Ленинградскую область и Санкт-Петербург, соответственно, приходится 9,5 % опрошенных. Небольшая доля (12 %) уехавших приходится на соседние регионы: Татарстан, Мордовию, Пензу, Чебоксары, Нижний Новгород и др.

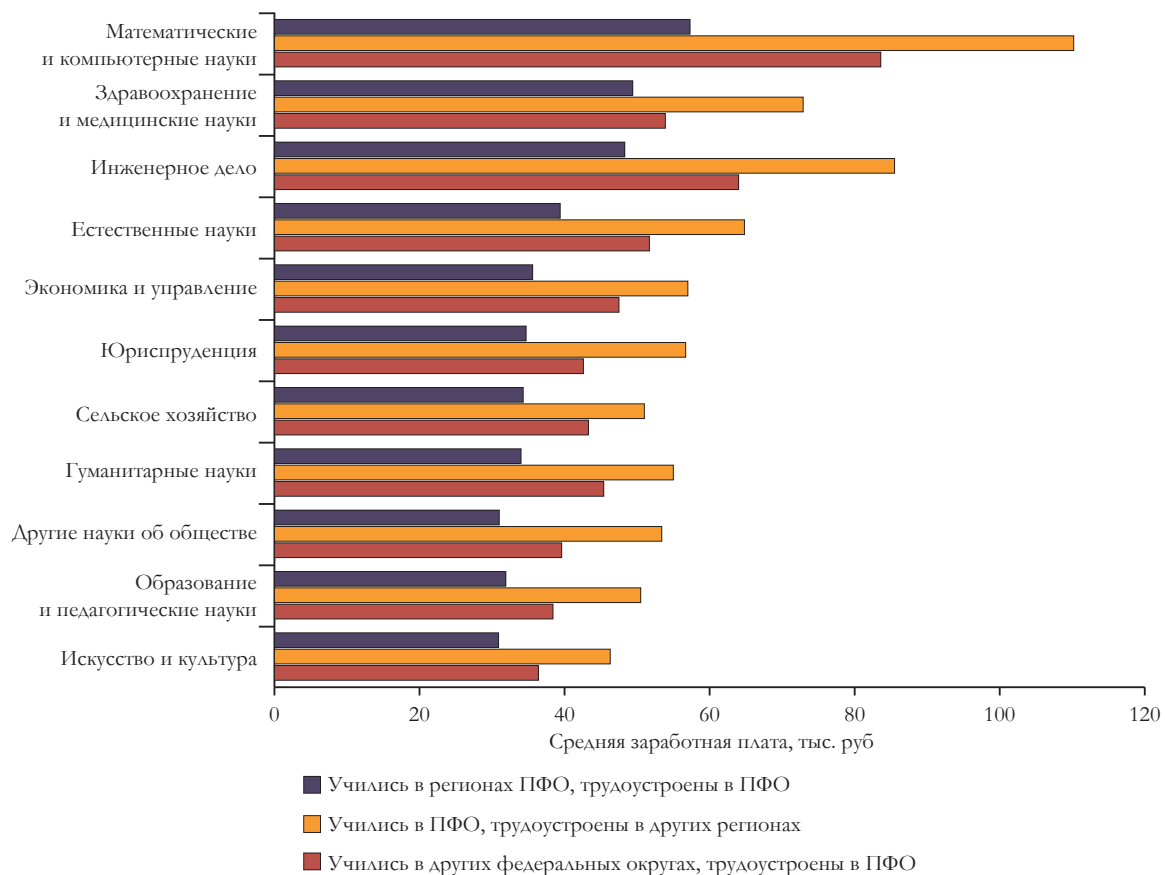
Среди уезжающих 37 % – строители и водители, 31 % – разнорабочие и охранники, 23 % – юристы, учителя, инженеры, программисты, бухгалтеры и экономисты, то есть высококвалифицированные кадры, и 9 % – электрики, сварщики и продавцы.

Основной причиной переезда является более высокая заработная плата. Выпускники регионов ПФО по заработной плате значительно уступают внешним выпускникам, работающим в регионе (рис. 4).

Анализ диаграммы показывает, что выпускники всех направлений подготовки из регионов ПФО значительно уступают по заработной плате внешним выпускникам, работающим в регионе. Наибольшие различия наблюдаются в следующих областях:

- математические и компьютерные науки – внешние выпускники зарабатывают на 46 % больше;
- инженерное дело – разница составляет 33 %;
- естественные науки – разница составляет 31 %.

¹⁰ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ульяновской области. Официальные публикации Ульяновскстата. Режим доступа: <https://73.rosstat.gov.ru/folder/42056#> (дата обращения: 08.09.2024).

Составлено автором по материалам источника [4]

Рис. 4. Средняя заработная плата выпускников в зависимости от региона учебы и трудоустройства по направлениям подготовки

Это может быть связано с тем, что выпускники из других регионов обладают более высоким уровнем подготовки по сравнению с местными выпускниками, особенно в ПФО. Это создает дополнительные сложности для молодых специалистов округа, конкурирующих за высокооплачиваемые рабочие места.

Основным последствием данной ситуации стало нарушение процесса воспроизводства рабочей силы в регионе, что привело к двойному дефициту: с одной стороны, недостаток квалифицированных работников, а с другой – дефицит рабочей силы среднего и молодого возраста.

Эти два дефицита взаимно усугубляют друг друга. Недостаток квалифицированных кадров замедляет производственные процессы и выпуск необходимой продукции. В то же время устаревшая производственная база и отсутствие современных рабочих мест отталкивают молодых специалистов от трудоустройства на предприятия региона.

Проблема усложняется тем, что без внедрения необходимых улучшений ситуация остается неблагоприятной. Региональные промышленные предприятия оказались в текущем экономическом кризисе с нерешенными кадровыми проблемами.

Низкое качество подготовки выпускников вузов подтверждается проводимыми исследованиями. Так, Л. Лежнева в своих работах, ссылаясь на опрос компании (распространенного сервиса для поиска работы) HeadHunter, указывает на то, что 93 % работодателей оценивают качество профессиональной подготовки молодых людей-выпускников, выходящих на рынок труда, как ниже среднего или среднее. Всероссийский центр изучения общественного мнения при проведении социологического исследования выявил, что 20 % опрошенных работодателей ссылаются на низкий уровень подготовки и общее отсутствие кандидатов; 15 % считают, что проблемой заполнения вакансий является неконкурентный уровень предлагаемых заработных плат; 13 % работодателей подчеркнули фактор недостатка требуемой квалификации выпускников для замещения должности¹¹.

¹¹ Лежнева Л. Тень знаний: работодатели назвали самых невостребованных специалистов. Режим доступа: <https://iz.ru/1217736/liubov-lezhneva/ten-znaniy-rabotodateli-nazvali-samykh-nevostrebovannykh-spcialistov> (дата обращения: 10.09.2024).

Еще в 2008 г. 52 % предпринимателей отмечали проблему дефицита квалифицированных кадров как одну из наиболее острых, мешающих развитию бизнеса¹². В 2019 г. 58 % работодателей пришли к выводу, что на положительное развитие и ведение бизнеса негативно влияет система образования и уровень профессиональной подготовки, 22 % из них подчеркнули однозначно негативное влияние¹³.

Всего 61,4 % выпускников Ульяновской области трудоустраиваются на первую работу, связанную с полученной профессией (специальностью) (табл. 6).

Таблица 6

Удельный вес выпускников, трудоустроившихся на первую работу, связанную с полученной профессией (специальностью), по уровню образования

Регион	Все выпускники	Высшее (специалитет)	Высшее (магистратура)	Высшее (бакалавриат)	Среднее профессиональное (специалисты среднего звена)	Среднее профессиональное (квалифицированные рабочие, служащие)
РФ	67,1	74,4	74,9	66,8	61,4	57,2
ПФО	65,8	76,4	74,3	65,1	60,8	51,7
Ульяновская область	61,4	74,4	72,2	64,7	42,5	51,7

Примечание: данные представлены в %

Источник¹⁴

Данные из табл. 6 указывают на то, что практически по всем показателям Ульяновская область уступает показателям по ПФО и по России в целом на 1–19 %. Молодые специалисты среднего звена неохотно трудоустраиваются на первую работу, связанную с полученной профессией.

Однако, по данным Главного информационно-вычислительного центра Московского государственного технического университета радиотехники, электроники и автоматики – Российского технологического университета (далее – МИРЭА), уровень занятости выпускников Ульяновской области, завершивших обучение по программам среднего профессионального образования (далее – СПО), составляет 82,5 %. Стоит учесть, что данные представлены без связи между программой обучения и рабочим местом. Здесь учитываются все выпускники СПО, осуществляющие трудовую, предпринимательскую деятельность, деятельность в форме самозанятости¹⁵.

Сопоставив данные Федеральной службы государственной статистики и МИРЭА, мы пришли к выводу, что 40 % выпускников СПО Ульяновской области устраиваются на работу не по выбранной специальности (профессии), 17,5 % не могут найти работу сразу после завершения обучения в учебном заведении.

На основании вышеизложенного стоит сделать вывод о том, что выпускники, которые впервые выходят на рынок труда, имеют низкое качество профессиональной подготовки. Это, в свою очередь, ярче выражает проблему дефицита кадров при общем дефиците граждан в этой возрастной группе.

Анализ данных показывает, что качество подготовки работников, впервые выходящих на рынок труда, остается низким. Это обостряет проблему кадрового дефицита, особенно на фоне сокращающегося числа молодых специалистов. Дополнительно наблюдается несоответствие между структурой профессионального образования и реальным спросом на рабочую силу, что также подтверждено исследованиями Ф.И. Мирзабалаевой и Г.В. Антоновой [5].

¹² ВЦИОМ Новости. Легко ли быть бизнесменом? Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/legko-li-byt-biznesmenom> (дата обращения: 10.09.2024).

¹³ ВЦИОМ Новости. Бизнес в России: взгляд изнутри. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/biznes-v-rossii-vzglyad-iznutri> (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁴ Федеральная служба государственной статистики. Выборочное наблюдение трудоустройства выпускников 2021. Режим доступа: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_trudoustr_2021/index.html (дата обращения: 27.09.2024).

¹⁵ Федеральный институт цифровой трансформации в сфере образования. Характеристика системы среднего профессионального образования. Режим доступа: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2023/_spo/material.php?type=2&id=10606 (дата обращения: 10.09.2024).

Кроме того, опытность работников зависит от продолжительности работы на одном месте, что можно косвенно оценить по данным об их прибытии и убытии, представленным в табл. 7¹⁶.

Таблица 7

**Прибытие и выбытие работников по отраслям экономики
в Ульяновской области за 2017–2022 гг.**

Отрасль экономики	Год											
	2017		2018		2019		2020		2021		2022	
	При- нято	Вы- было	При- нято	Вы- было	При- нято	Вы- было	При- нято	Вы- было	При- нято	Вы- было	При- нято	Вы- было
Всего чел.	58 266	66 279	58 993	67 963	57 381	63 611	52 728	60 230	61 013	69 559	72 384	79 580
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство, % от всего	1,4	2,2	1,6	1,8	1,3	1,5	1,3	1,2	1,5	1,6	2,2	2,1
Добыча полезных ископаемых, % от всего	0,5	0,6	0,6	0,5	2,3	2,1	0,3	0,5	0,5	0,4	0,5	0,4
Обрабатывающие производства, % от всего	20,9	24,0	21,4	23,3	17,6	21,0	15,7	18,3	20,1	24,9	23,0	25,3
Строительство, % от всего	3,5	4,7	2,5	2,8	1,8	2,3	1,4	1,5	2,1	1,7	2,3	2,2
Услуги, % от всего	73,6	68,5	75,2	74,2	75,5	69,0	71,8	69,4	80,5	76,3	96,2	90,1

Составлено автором по материалам источника [5]

В Ульяновской области текучесть кадров ежегодно составляет около 6-й части занятых, что представляет серьезную проблему для роста производительности труда. Продолжительность работы на одном месте способствует повышению производительности, но молодые специалисты, по данным исследования Kontakt EnterSearch Russia 2023 г., чаще меняют работу. Так, 39 % готовы работать на одном месте один-два года, а 25 % – два-три года¹⁷.

Как было отмечено выше, молодежь обладает достаточной трудовой мобильностью и ей требуется опыт работы. С положительной стороны, частая смена мест работы повышает универсальность и гибкость молодых специалистов, а с негативной – влияет на экономику и работодателей, которые сталкиваются с нехваткой специализированных знаний и опыта.

В настоящее время наблюдается сокращение периода безработицы, что подтверждается данными о средней продолжительности поиска работы безработными гражданами (табл. 8). Это можно объяснить дефицитом рабочей силы на рынке труда.

Таким образом, в течение будущих 4–5 лет будет наблюдаться тенденция обострения дефицита кадров в Ульяновской области. Проблемы количественного снижения рабочей силы усугубляются ухудшением ее качества.

¹⁶ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ульяновской области. Официальные публикации Ульяновскстата. Режим доступа: <https://73.rosstat.gov.ru/folder/42056#> (дата обращения: 08.09.2024).

¹⁷ Kontakt EnterSearch Russia. Ожидания работодателей и молодых специалистов друг от друга 2023. Режим доступа: https://hr-elearning.ru/wp-content/uploads/2023/11/Molodezh_noyabr_2023.pdf (дата обращения: 10.09.2024).

Таблица 8

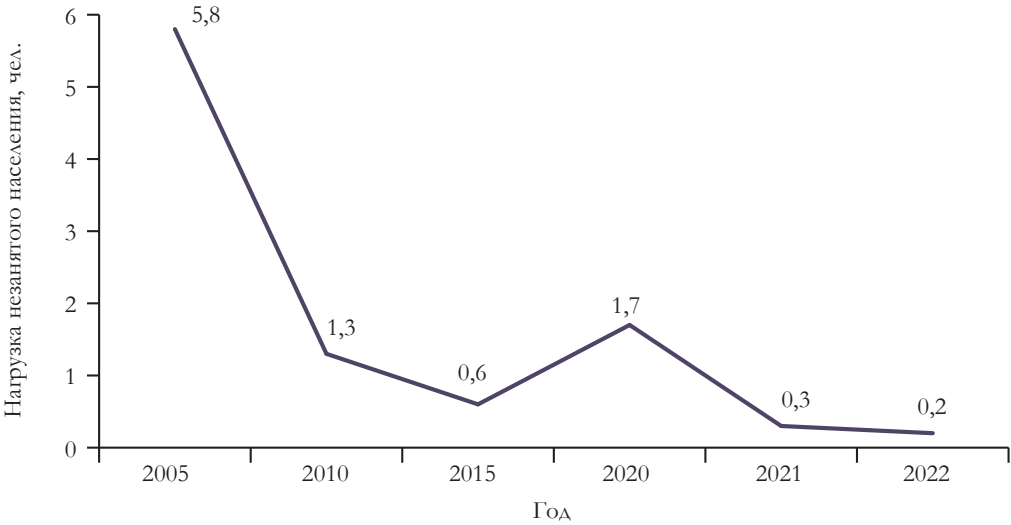
Средняя продолжительность поиска работы безработными по возрастным группам по России в 2006–2022 гг.

Возраст, лет	Год				
	2006–2010	2011–2015	2016–2020	2021	2022
Всего	8,1	7,5	7,2	6,8	6,2
15–19 (до 20)	5,4	4,6	4,5	4,1	3,9
20–24	7,0	6,3	5,8	5,4	4,9
25–29	8,1	7,5	7,0	7,0	6,0
30–34	8,4	7,6	7,1	6,9	6,1
35–39	8,6	7,9	7,4	7,1	6,6
40–44	8,8	8,4	7,8	7,2	6,7
45–49	9,1	8,5	8,2	7,6	7,0
50–54	9,2	8,8	8,3	7,8	7,1
55–59	9,0	8,5	8,3	7,5	7,1
60–64	8,9	8,5	8,1	7,7	6,6
65–69	9,0	8,6	8,2	9,1	8,0
70 и старше			8,0	8,2	7,1

Примечание: данные представлены в месяцах

Источник¹⁸

Сокращение предложения рабочей силы является фактором снижения безработицы в Ульяновской области и в меньшей степени связано с увеличением числа рабочих мест. Это подтверждается данными о нагрузке незанятого населения на одну вакансию (рис. 5).

Источник¹⁹

Рис 5. Нагрузка незанятого населения на одну вакансию в Ульяновской области в 2005–2022 гг.

Создание новых рабочих мест, исходя из баланса предложения труда и динамики безработицы, подаёт признаки тенденции к снижению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После выявления проблемы можно предложить несколько путей ее решения. Один из подходов заключается в введении двухканального финансирования образовательных учреждений, основанного

¹⁸ Федеральная служба государственной статистики. Труд и занятость в России. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁹ Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 09.09.2024).

на средствах из государственного и местных бюджетов. В этом контексте правительство может использовать субвенции из государственного бюджета, чтобы восстановить государственный заказ на подготовку кадров, уделяя особое внимание дефицитным специальностям.

Для успешной реализации данной стратегии необходимо разработать эффективную систему распределения субвенций, которая бы учитывала реальные потребности регионов и отдельных отраслей экономики. Это позволит более точно направлять финансовые ресурсы на подготовку специалистов, востребованных на рынке труда.

Принятие решения о финансировании для конкретных специальностей, нужных конкретному региону, было бы логично делегировать местным органам власти.

Кроме того, стоит рассмотреть возможность привлечения частного сектора к софинансированию образовательных программ. Компании, испытывающие острый дефицит квалифицированных кадров, могут быть заинтересованы в инвестировании в подготовку специалистов, соответствующих их требованиям. Это не только поможет удовлетворить потребности бизнеса, но и создаст дополнительные стимулы для образовательных учреждений улучшать качество обучения.

Важно также наладить тесное взаимодействие между образовательными учреждениями и работодателями. Это позволит разрабатывать учебные программы, максимально приближенные к реальным условиям работы, и обеспечивать студентам доступ к практическому опыту в процессе обучения. Совместные стажировки, практики и дуальное обучение могут стать эффективными инструментами для подготовки конкурентоспособных специалистов.

Необходимо также уделить внимание повышению престижности профессий, испытывающих кадровый дефицит. Для этого можно внедрять программы профессиональной ориентации в школах, проводить информационные кампании и создавать условия для карьерного роста в этих сферах.

Таким образом, комплексный подход к решению проблемы кадрового дефицита, включающий двухканальное финансирование, привлечение частного сектора, взаимодействие с работодателями и повышение престижности профессий, позволит значительно улучшить ситуацию на рынке труда и обеспечить подготовку квалифицированных специалистов.

Большинство предприятий, таких как авиационная и машиностроительная отрасли, играют ключевую роль в экономике исследуемого региона и часто выступают в роли основных работодателей.

Последствия дефицита рабочей силы для региона включают в себя:

- увеличение уровня заработной платы;
- ранний выход на рынок труда;
- поздний выход с рынка труда;
- увеличение миграции рабочей силы за пределы региона.

Что касается повышения влияния демографических причин кадрового дефицита, то вовлечение бизнес-сектора, некоммерческих организаций и образовательных учреждений в создание и реализацию программ поддержки семей и стимулирования рождаемости, а также формирование социальных партнерств могут обеспечить комплексный и эффективный подход к решению проблемы.

Миграционные причины возможно нивелировать с помощью разработки программ, направленных на привлечение мигрантов обратно в регион. Это может включать в себя специальные условия для трудоустройства, льготы по жилью и другие меры поддержки; участие в международных программах и соглашениях, способствующих решению проблемы миграции через сотрудничество с другими регионами и странами; создание рабочих групп с участием бизнеса и общественности для совместной разработки и внедрения стратегий по удержанию трудовых ресурсов в регионе.

Также среди путей решения можно отметить следующие: планомерное обновление технического и информационного обеспечения образовательных учреждений, включая внедрение новейших технологий в учебный процесс; реформирование учебных программ с учетом современных требований рынка труда и внедрение практико-ориентированных курсов, способствующих лучшей подготовке студентов. Введение системы мотивации и стимулирования для педагогических работников, включая дополнительные льготы, возможности для профессионального развития и карьерного роста.

В итоге путем анализа кадрового голода (дефицита) в Ульяновской области мы выявили ряд проблем и предложили некоторые рекомендации по уменьшению или устранению дефицита рабочей силы.

Список литературы

1. Колесникова О.А., Маслова Е.В., Окоletz И.В. Кадровый дефицит на современном рынке труда России: проявления, причины, тренды, меры преодоления. Социально-трудовые исследования. 2023;4(53):179–188. <http://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-53-4-179-189>
2. Гунько Н.Н., Динукова О.А., Вишневер В.Я. О проблемах сбалансированности на рынке труда. Экономика труда. 2020;3(7):211–220. <http://dx.doi.org/10.18334/et.7.3.100677>
3. Чекумарев О.П., Ильвес А.А., Конев П.А. Занятость и дефицит кадров в России в условиях санкционного давления: факторный анализ предложения труда. Экономика труда. 2023;4(10):475–496. <https://doi.org/10.18334/et.10.4.117602>
4. Емелина Н.К., Рожкова К.В., Роцин С.Ю., Солтцев С.А., Травкин П.В. Выпускники высшего образования на российском рынке труда: тренды и вызовы. Доклад к XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. М.: Высшая школа экономики; 2022. 160 с.
5. Мирзабалаева Ф.И., Антонова Г.В. Структурные диспропорции спроса и предложения на рынке труда в отраслевом и профессионально-квалификационном разрезе. Экономика труда. 2023;8(10):1145–1168. <https://doi.org/10.18334/et.10.8.118938>

References

1. Kolesnikova O.A., Maslova E.V., Okoletykh I.V. Personnel shortage in the current Russian labor market: manifestations, causes, trends, measures to overcome it. Social and labor research. 2023;4(53):179–188. (In Russian). <http://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-53-4-179-189>
2. Gunko N.N., Dinukova O.A., Vishnever V.Ya. About the problems of balance in the labor market. Ekonomika truda. 2020;3(7):211–220. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.18334/et.7.3.100677>
3. Chekumarev O.P., Ilves A.A., Konev P.A. Employment and staff shortages in Russia under sanctions pressure: labor supply factor analysis. Ekonomika truda. 2023;4(10):475–496. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/et.10.4.117602>
4. Emelina N.K., Rozhkova K.V., Roshchin S.Yu., Solntsev S.A., Travkin P.V. Graduates of higher education in the Russian labour market: trends and challenges. Report to the XXIII Yasinsky (April) international scientific conference on problems of economic and social development. Moscow: Higher School of Economics; 2022. 160 p. (In Russian).
5. Mirzabalaeva F.I., Antonova G.V. Structural imbalances in labor market supply and demand at the sectoral and occupational qualification levels. Ekonomika truda. 2023;8(10):1145–1168. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/et.10.8.118938>

Региональный инвестиционный стандарт как инструмент повышения эффективности реализации инвестиционных проектов

Надыргалиев Елнар Темиргалиевич

Соискатель

ORCID: 0009-0008-2558-1282, e-mail: Natnet2018@gmail.com

Акционерное общество «Товарная биржа «Каспий», г. Астана, Казахстан

Аннотация

В данной работе рассматривается необходимость создания благоприятных условий для инвестирования, особенно в сфере промышленного производства, как критически важного элемента уменьшения территориального расслоения и повышения уровня жизни в стране. В условиях экономических санкций и ограниченных финансовых возможностей компаний нельзя достичь технологического и продуктового суверенитета без значительного увеличения инвестиций в производство. Основной задачей исследования является разработка методологии оценки эффективности регионального инвестиционного стандарта (далее – РИС) и его влияния на рост промышленного производства и прибыльности компаний. В работе предложены два ключевых инструмента: коэффициент влияния инвестиций на промышленное производство и коэффициент прибыльности инвестиций. Также проведен корреляционный анализ, который хотя и продемонстрировал низкую степень зависимости между величиной внедрения РИС и показателями эффективности, указывает на будущее улучшение динамики по мере совершенствования инвестиционных процедур. В заключении отмечается, что правильная методология и ее использование смогут значительно повысить уровень реализации инвестиционных проектов и стимулировать экономический рост в регионах. Исследование опирается на данные Федеральной службы государственной статистики об инвестициях в нефинансовые активы.

Ключевые слова

Регрессионный анализ, инвестиции, корреляционно-регрессионный анализ, перспективы развития, промышленное производство, региональный инвестиционный стандарт, инвестиционный проект

Для цитирования: Надыргалиев Е.Т. Региональный инвестиционный стандарт как инструмент повышения эффективности реализации инвестиционных проектов // Вестник университета. 2024. № 11. С. 177–183.

Regional investment standard as a tool for increasing the effectiveness of investment project implementation

Yelnar T. Nadyrgaliev

Applicant

ORCID: 0009-0008-2558-1282, e-mail: Natnet2018@gmail.com

Joint Stock Company "Commodity Exchange "Kaspiy", Astana, Kazakhstan

Abstract

This article discusses the need to create favourable conditions for investment, especially in the industrial production sector, as a critical element in reducing territorial inequality and raising the standard of living in the country. In the context of economic sanctions and limited financial capabilities of companies, achieving technological and product sovereignty is impossible without a significant increase in the investment in production. The main objective of the study is to develop a methodology for assessing the effectiveness of the regional investment standard (hereinafter referred to as RIS) and its impact on the growth of the industrial production and profitability of companies. The article proposes two key tools: coefficient of investment impact on the industrial production and coefficient of investment profitability. A correlation analysis has also been conducted which, although demonstrating a low degree of dependence between the magnitude of the RIS implementation and performance indicators, points to future improvement in dynamics as investment procedures are improved. The conclusion notes that the correct methodology and its use can significantly increase the level of investment projects and stimulate economic growth in the regions. The study is based on the data of the Federal State Statistics Service on the investments in non-financial assets.

Keywords

Regression analysis, investments, correlation and regression analysis, development prospects, industrial production, regional investment standard, investment project

For citation: Nadyrgaliev Ye.T. (2024) Regional investment standard as a tool for increasing the effectiveness of investment project implementation. *Vestnik universiteta*, no. 11, pp. 177–183.

ВВЕДЕНИЕ

Региональный инвестиционный стандарт (далее – РИС) представляет собой ключевой инструмент для повышения эффективности реализации инвестиционных проектов в субъектах федерации. Его основная цель – создание интегрированной системы, обеспечивающей поддержку и стимулирование инвестиций в регионах [1]. Важным аспектом РИС является унификация процедур, связанных с инвестиционными проектами, что снижает административные барьеры и улучшает деловой климат.

Эффективность РИС определяется через ряд показателей, таких как объем привлеченных инвестиций, динамика промышленного производства и рост занятости. Также важным является то, что РИС должен учитывать специфику каждого региона: его экономическую структуру, уровни развития и потенциальные конкурентные преимущества [2]. Наличие четких критериев оценки позволит не только выявить успешные практики, но и адаптировать стратегии к изменениям в экономическом фоне. Таким образом, РИС способствует как росту инвестиционных потоков, так и более рациональному распределению ресурсов среди регионов, что в конечном итоге приводит к устойчивому экономическому развитию и улучшению качества жизни населения [3].

Для глобальной цели выравнивания уровня жизни и снижения территориального расслоения в стране необходимо формировать ряд более мелких, этапных задач [4]. Одной из важнейших среди них является создание в равной степени благоприятных условий для инвестирования в различные области деятельности, прежде всего в промышленное производство. Особенно это актуально в контексте новой экономической реальности и санкций, когда финансовые возможности компаний могут быть ограничены [5; 6]. Достичь технологического и продуктового суверенитета нельзя без значительного повышения уровня инвестирования в производство [7].

Конечно, здесь также не стоит упускать из виду и вопрос эффективности самих инвестиций – стандарт должен служить задачам не только повышения уровня инвестирования, но и роста эффективности этих инвестиций [8]. Поэтому общая схема нашей работы по оценке результативности РИС для реализации инвестиционных проектов видится следующей:

- создание методики оценки эффективности реализации работы РИС (как с точки зрения критериев повышения инвестиционной деятельности, так и с точки зрения повышения эффективности самих инвестиций);
- выработка наиболее целесообразных решений по улучшению эффективности РИС с учетом первых двух пунктов.

Так как ряд авторов отмечает, что в абсолютном выражении, разумеется, в инвестиционных рейтингах с огромным отрывом лидирует Москва, то будет не совсем корректным проводить регрессионный анализ на основе абсолютных показателей, поскольку это очевидным образом приведет нас к ошибкам в расчетах [9; 10]. Поэтому резонным будет оценивать эффективность РИС с точки зрения относительных величин или рассчитанных на душу населения. Причем последний аспект выглядит наиболее рациональным, поскольку учитывает разницу в численности жителей регионов страны [11].

ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В целом, обобщая приведенные выше мнения авторов и наш взгляд на проблему, мы можем определить основные задачи нашего исследования.

Первый раздел исследования посвящен поиску наиболее подходящей методологии для оценки эффективности реализации инвестиционных проектов в регионах.

Во втором разделе мы определим степень корреляции показателя РИС за 2023 г. с выбранными в рамках решения второй задачи индикаторами. Это позволит нам сделать шаг вперед в поиске оптимального критерия эффективности инвестиционного стандарта для регионов, выведя его из декларативной области в область действительных влияющих факторов на инвестиционную деятельность.

Основным источником данных для исследования послужил раздел Федеральной службы государственной статистики далее – Росстат «Инвестиции в нефинансовые активы»¹. Для обработки исходных данных использовались такие методы общенаучного познания как синтез, анализ, регрессия, табличный.

¹ Федеральная служба государственной статистики. Инвестиции в нефинансовые активы. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial (дата обращения: 06.09.2024).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В рамках настоящего исследования для анализа и оценки эффективности применения РИС в реализации инвестиционных проектов использовались как количественные, так и качественные методы. Материалы исследования включали статистические данные Росстат, а также отчеты и данные, предоставленные региональными министерствами и ведомствами. В особенности учитывались показатели объема привлеченных инвестиций, рост промышленного производства в выбранном регионе на душу населения и другие индикаторы, характеризующие состояние региональной экономики.

Методы исследования включали анализ документации в виде изучения нормативных документов и отчетов, касающихся РИС, позволили оценить его структуру и ключевые положения. Также был проведен анализ стратегий и программ, соответствующих реализационным практикам в различных регионах. Автором использован корреляционно-регрессионный анализ для количественной оценки взаимосвязи между внедрением РИС и показателями эффективности инвестиционных проектов. Это позволило определить, насколько значимо стандарты влияют на инвестиционную активность.

Полученные результаты и выводы помогут не только оценить текущий статус применения РИС, но и разрабатывать рекомендации для его дальнейшего совершенствования и адаптации к меняющимся экономическим условиям.

РАЗРАБОТКА МЕТОДОЛОГИИ ОЦЕНКИ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РИС КАК ИНСТРУМЕНТА ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ В РЕГИОНАЛЬНОМ МАСШТАБЕ

Как показал предыдущий этап, ключевым фактором влияния на инвестиции является уровень промышленного развития региона, то есть промышленное производство на душу населения коррелирует с объемом инвестиций на душу населения. Промышленно развитые субъекты федерации демонстрируют наибольшие инвестиционные потоки. Поэтому вполне резонным будет утверждение, что инвестиционный стандарт, ставящий целью увеличение инвестиционных вложений в регионах, естественным образом должен оказывать благоприятное воздействие на ключевой фактор инвестиционного роста – объем промышленного производства региона (на душу населения, разумеется, как и практически все показатели в нашей работе). Основным направлением работы РИС должны стать унификация и упрощение шагов по инвестированию в производственном секторе.

Здесь будет уместно упомянуть мнение К.В. Харченко, что в непростых современных политико-экономических условиях ключевой целью инвестиционной политики является развитие отечественной промышленности, в том числе в рамках импортозамещения [12]. Поэтому важнейшим показателем эффективности инвестиций следует считать рост промышленного производства, обеспеченный инвестициями. То есть они должны приводить к промышленному росту или, проще говоря, один рубль инвестиций должен генерировать определенную сумму прироста производства.

В условиях российской действительности корреляция показателей «объем инвестиций за счет собственных средств» и «промышленное производство на душу населения» приближается к 100 %. Поэтому в первом приближении мы видим два возможных сценария: либо инвестиции приводят к росту промышленного производства, либо рост промышленного производства создает необходимость и условия (в виде дополнительной прибыли от расширения выпуска продукции), которые приводят к расширению возможностей предприятий для инвестирования.

Конечно, с точки зрения элементарной логики именно инвестиции (в производство или смежные сферы) создают возможности для наращивания промышленного выпуска. Хотя вторая часть фразы также не лишена смысла. Ее можно понимать следующим образом: больше производство – значит, больше спрос, а если больше спрос, значит, надо производить еще больше. Однако это работает лишь на определенном этапе развития, когда еще есть незадействованные мощности. В конечном же счете инвестиции остаются главным фактором производственного роста в стратегической перспективе. Целесообразным видится включение в методику динамики подушевых величин прироста прибыли компаний и объема промышленного производства. Поскольку в итоге именно эти показатели являются конечными целями инвестирования с точки зрения стратегии регионального развития.

Таким образом, в регионах, где оценка внедрения РИС наиболее высока, мы должны ожидать повышения уровня промышленного производства и прибыли предприятий и организаций. Однако как увязать эти показатели с инвестициями в основной капитал? Мы разработали оригинальную методику оценки эффективности РИС, которая заключается в расчете всех указанных показателей на душу населения и сличения их с оценкой внедрения инвестиционного стандарта в каждом регионе.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РИС ПО ВЫБРАННЫМ КРИТЕРИЯМ

В качестве двух критериев эффективности РИС мы выбрали два коэффициента.

1. Коэффициент влияния инвестиций на промышленное производство. Общая формула расчета выглядит следующим образом:

$$K_{\text{и}} = \frac{C_{\text{п}}}{\Pi_{\text{р}}}, \quad (1)$$

где $K_{\text{и}}$ – коэффициент влияния инвестиций на промышленное производство; $C_{\text{п}}$ – общая величина инвестиций в выбранном регионе на душу населения за базовый год (в нашем случае – 2023 г.); $\Pi_{\text{р}}$ – рост промышленного производства в выбранном регионе на душу населения за расчетный год, следующий за базовым (в нашем случае – 2022 г.).

Общий смысл показателя заключается в том, что инвестиции должны быть эффективными и приводить к росту промышленного производства в следующем периоде. Хотя, конечно, является обсуждаемым выбор базового и расчетного периодов. Возможно рассмотрение прироста производства не за расчетный год, а за некоторый расчетный срок в несколько лет, следующих за базовым. Однако это уже предмет для будущих исследований. В нашем случае мы считаем расчетным следующий за базовым год.

2. Коэффициент прибыльности инвестиций. Общая формула расчета выглядит следующим образом:

$$K_{\text{п}} = \frac{C_{\text{и}}}{D_{\text{р}}}, \quad (2)$$

где $K_{\text{п}}$ – коэффициент прибыльности инвестиций; $C_{\text{и}}$ – общая величина инвестиций в выбранном регионе на душу населения за базовый год; $D_{\text{р}}$ – рост прибыли предприятий и организаций в выбранном регионе на душу населения за расчетный год, следующий за базовым.

Общий смысл второй величины заключается в том, что инвестиции должны служить не только расширению производства, но и росту прибыли компаний. Хотя второй показатель представляется спорным по сравнению с первым, было принято решение оставить его для опытной разработки и корреляционно-регрессионного анализа.

В упрощенном виде первый показатель можно представить как повышение промышленного производства на душу населения в рублях на один рубль инвестиций за базовый период. Соответственно, коэффициент прибыльности инвестиций выражает, сколько составил рост прибыли на душу населения (в рублях) на один рубль инвестиций за базовый период, предшествующий расчетному.

Разумеется, поскольку мы в первом разделе нашего исследования уже определили, что наибольшее влияние РИС оказывает на инвестиции за счет собственных средств предприятий, то также в расчет будут введены показатели инвестиций за счет собственных средств (в расчете на душу населения). Индексы, рассчитанные таким образом, будут обозначены как $K_{\text{ис}}$ и $K_{\text{ис}}$.

Для всех выбранных коэффициентов ($K_{\text{и}}$, $K_{\text{ис}}$, $K_{\text{п}}$ и $K_{\text{ис}}$) мы проведем корреляционно-регрессионный анализ с величиной оценки внедрения РИС (см. таблицу).

Таблица

Результаты регрессионного анализа воздействия РИС (оценки) на коэффициент влияния инвестиций на промышленное производство и на коэффициент прибыльности инвестиций

Показатель	Коэффициент корреляции	Коэффициент детерминации	Проверка $F > F_t$ (F_t – табличное значение критерия Фишера)	Оценка достоверности модели (значимость F)
РИС – $K_{\text{и}}$	0,14	0,02	Нет	0,20

Показатель	Коэффициент корреляции	Коэффициент детерминации	Проверка $F > F_t$ (F_t – табличное значение критерия Фишера)	Оценка достоверности модели (значимость F)
РИС – $K_{ис}$	0,11	0,01	Нет	0,31
РИС – $K_{п}$	0,30	0,09	Да	< 0,01
РИС – $K_{ис}$	0,19	0,04	Нет	0,08

Составлено автором по материалам исследования

Результаты регрессионного анализа, представленные в таблице, конечно, демонстрируют низкую степень влияния уровня внедрения РИС на выбранные нами показатели. Впрочем, это говорит не о некорректности выбранных показателей самих по себе, а о том, что, скорее, индекс РИС пока еще в недостаточной степени оказывает фактическое влияние на инвестиционные процессы в регионах. Хотя третья по списку модель в таблице в целом показывает некоторую зависимость от прироста прибыли в результате инвестиций предыдущего периода и от величины регионального стандарта.

Мы ожидаем, что по мере налаживания и унификации процедур, определенных в РИС для улучшения инвестиционного климата в регионах, при повторном подсчете в будущем мы увидим качественный рост регрессионных моделей, что будет свидетельствовать о верности выбранной нами методики. В этом нет сомнений, поскольку инвестиции очевидным образом должны служить росту промышленного производства и улучшению финансового состояния компаний, а РИС – повышению эффективности реализации инвестиционных проектов в субъектах федерации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Методология оценки применимости РИС как инструмента повышения результативности реализации инвестиционных проектов видится в расчете влияния инвестиционного стандарта на рост промышленного производства и прибыльности компаний. Для этого предлагается авторская методика расчета эффективности на основе вычисления эффективности инвестиций как повышение промышленного производства на один рубль инвестиций; повышение прибыли компаний на один рубль инвестиций, а также увязка двух указанных показателей с индексом РИС для каждого региона. Соответственно, чем выше коэффициент эффективности инвестиций в обоих случаях, тем лучше выполняет свои функции инструмент РИС.

Конечно, корреляционный анализ показал, что на текущем уровне внедрения и развития инструментария РИС корреляция индекса инвестиционного стандарта с предлагаемыми критериями невысока. Однако мы ожидаем, что со временем степень корреляции будет расти и коэффициенты результативности работы инвестиций смогут применяться с целью оценки РИС как инструмента повышения эффективности реализации инвестиционных проектов на уровне регионов.

Список литературы

1. Захаров С.А. Конкуренция регионов за инвестора: когда инвестиционный портал станет средством конкурентной борьбы? ЭКО. 2020;7(553):130–149. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-7-130-149>

2. Дорожкина Т.В., Щербакова Е.С., Кузнецова А.А., Иванов А.А. О современных механизмах привлечения иностранных инвестиций в Российскую Федерацию. Естественно-гуманитарные исследования. 2023;5(49):82–84.

3. Фролова Н.С. Инвестиционная политика в стратегическом развитии регионов: пространственный аспект. Общество: политика, экономика, право. 2024;2(127):73–79. <https://doi.org/10.24158/per.2024.2.7>

4. Маслюк Н. А., Медведева Н. В. Инструментарий реализации регионального инвестиционного стандарта нового поколения. Власть и управление на Востоке России. 2022;2(99):8-20. DOI 10.22394/1818-4049-2022-99-2-8-20.

5. Варфоломеева В.А., Архипова И.И. Инвестиционная привлекательность регионов в условиях санкций. Управленческий учет. 2022;3–3:494–499. <https://doi.org/10.25806/uu3-32022494-499>

6. Зюкин Д.А., Большачева Е.А., Каширин С.В., Баранников А.А., Гончаренко О.Н. Развитие инвестиционного климата в Российской Федерации на фоне политических и экономических санкций. Финансы: теория и практика. 2024;4(28):84–96. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-4-84-96>

7. Жуковская Н.П., Штанова И.С. Управление инвестиционным потенциалом территории: региональная практика. Российский экономический вестник. 2021;3(4):93–98.

8. *Курьшев И.В., Ишутит Р.С., Лосева А.В.* Анализ эффективности инвестиционной деятельности. В кн.: Наука. Технологии. Инновации: сборник научных трудов, часть 7, Новосибирск, 5–9 декабря 2016 г. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет; 2016. С. 313–314.
9. *Козловский А.В., Моисеенко Н.А., Опекунов В.А.* Инвестиционная привлекательность объектов топливно-энергетического комплекса. Уголь. 2021;4(1141):25–27. <https://doi.org/10.18796/0041-5790-2021-4-25-27>
10. *Косорукова И.В., Лосева О.В., Федотова М.А.* Скрининг-оценка региональных инвестиционных проектов для предоставления мер государственной финансовой поддержки. Финансы: теория и практика. 2024;2(28):23–39. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-2-23-39>
11. *Мякишин В.Н., Петров В.Н., Песьякова Т.Н.* Методика оценки эффективности региональной инвестиционной политики субъектов Российской Федерации. Экономика региона. 2023;1(19):259–273. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-20>
12. *Харченко К.В.* Направления совершенствования мер поддержки российских промышленных предприятий. Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением. 2023;3:72–79.

References

1. *Zakharov S.A.* Russian regions competing for investors: when will an investment portal become a means of competition? ECO. 2020;7(553):130–149. (In Russian). <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-7-130-149>
2. *Dorozhkina T.V., Shcherbakova E.S., Kuznetsova A.A., Ivanov A.A.* About modern mechanisms for attracting foreign investments into the Russian Federation. Natural-Humanitarian Studies. 2023;5(49):82–84. (In Russian).
3. *Frolova N.S.* Investment policy in the strategic development of regions: spatial aspect. Society: Politics, Economics, Law. 2024;2(127):73–79. (In Russian). <https://doi.org/10.24158/pep.2024.2.7>
4. *Mashuk N. A., Medvedeva N. V.* Instrumentation for the implementation of the new generation regional investment standard. Power and Administration in the East of Russia. 2022; 2 (99): 8-20. (In Russian). DOI 10.22394 / 1818-4049-2022-99-2-8-20.
5. *Varfolomeeva V.A., Arkhipova I.I.* Investment attractiveness of regions under sanctions. Management Accounting. 2022;3–3:494–499. (In Russian). <https://doi.org/10.25806/uu3-32022494-499>
6. *Zyukin D.A., Bolycheva E.A., Kashirin S.V., Barannikov A.A., Goncharenko O.N.* Development of the investment climate in the Russian Federation against the background of political and economic sanctions. Finance: Theory and Practice. 2024;4(28):84–96. (In Russian). <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-4-84-96>
7. *Zhukovskaya N.P., Shtapova I.S.* Investment attractiveness management: regional practice. Russian Economic Bulletin. 2021;3(4):93–98. (In Russian).
8. *Kuryshv I.V., Ishutit R.S., Loseva A.V.* Analysis of the effectiveness of investment activities. In: Science. Technologies. Innovations: Proceedings, part 7, Novosibirsk, December 5–9, 2016. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University; 2016. Pp. 313–314. (In Russian).
9. *Kozlovskiy A.V., Moiseenko N.A., Opegunov V.A.* Investment attractiveness of objects of the fuel and energy complex. Ugol?. 2021;4(1141):25–27. (In Russian). <https://doi.org/10.18796/0041-5790-2021-4-25-27>
10. *Kosorukova I.V., Loseva O.V., Fedotova M.A.* Screening-evaluation of regional investment projects for the provision of state financial support measures. Finance: Theory and Practice. 2024;2(28):23–39. (In Russian). <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-2-23-39>
11. *Myakshin V.N., Petrov V.N., Pesiakova T.N.* Methodology for assessing the effectiveness of regional investment policy in Russian regions. Economy of regions. 2023;1(19):259–273. (In Russian). <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-20>
12. *Kharchenko K.V.* Directions for improving measures to support Russian industrial enterprises. Forging and Stamping Production. Material Working by Pressure. 2023;3:72–79. (In Russian).

Состояние и тенденции регулирования криптоактивов и криптобирж

Китинов Мигмер Баатрович

Аспирант

ORCID: 0009-0006-9077-9899, e-mail: kitinovmig@gmail.com

Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Россия

Аннотация

В данной работе проанализированы текущее состояние и тенденции регулирования торговли криптоактивами и криптобирж на глобальном уровне. Указаны принятые законы и нормативные акты юрисдикций Соединенных Штатов Америки (далее – США) и Европейского союза (далее – ЕС). Подчеркивается, что нормативная база ЕС является примером эффективного международного регулирования. Указывается, что законодательство в США в части регулирования криптобирж и криптоактивов находится на этапе развития, при этом существуют противоречия между органами власти относительно масштабов необходимого регулирования. Анализируются шаги, которые должны быть предприняты на глобальном уровне для гармонизации стандартов этого процесса. Ключевыми направлениями развития глобального регулирования криптобирж предполагаются распространение требований по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, внедрение механизмов обучения и защиты инвесторов и введение требований по раскрытию информации. Автор подчеркивает необходимость взаимодействия представителей отрасли и регуляторов для управления рисками, связанными с криптовалютами, в том числе с предотвращением манипуляций на рынке и мошенничества. Результаты работы будут полезны при формировании концепций национальной и глобальной регулярной базы в отношении торговли криптоактивами. В качестве методов исследования использованы методы анализа, синтеза, формально-логического, сравнительного и описательного анализа.

Ключевые слова

Криптобиржи, криптоактивы, регулирование криптобирж, регулирование криптоактивов, нормативная база, финансовые риски, децентрализованные финансы, инвестиции

Для цитирования: Китинов М.Б. Состояние и тенденции регулирования криптоактивов и криптобирж // Вестник университета. 2024. № 11. С. 184–194.

State and trends of regulation of crypto assets and cryptocurrency exchanges

Migmer B. Kitinov

Postgraduate Student

ORCID: 0009-0006-9077-9899, e-mail: kitinovmig@gmail.com

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Abstract

This article analyses the current state and trends in the regulation of trading of crypto assets and crypto exchanges at the global level. The enacted laws and regulations of the jurisdictions of the United States of America (hereinafter referred to as USA) and the European Union (hereinafter referred to as EU) are indicated. It is emphasised that the regulatory framework of the EU is an example of effective international regulation. It is noted that the legislation in the USA regarding the regulation of the crypto exchanges and crypto assets is at the development stage, and there are contradictions between authorities considering the scope of the necessary regulation. The steps that should be taken at the global level to harmonise regulatory standards are analysed. The key directions for the development of the global regulation of the crypto exchanges include expansion of requirements to combat money laundering and financing of terrorism, introduction of mechanisms for training and protecting investors and information disclosure requirements. The author emphasises the need for interaction between industry representatives and regulators to manage the risks associated with cryptocurrencies, including prevention of market manipulation and fraud. The results of the work will be useful in shaping the concepts of the national and global regular framework regarding the trading of the crypto assets. Methods of analysis, synthesis, formal-logical, comparative, and descriptive analysis have been used as research methods.

Keywords

Crypto exchanges, crypto assets, regulation of crypto exchanges, regulation of crypto assets, regulatory framework, financial risks, decentralised finance, investments

For citation: Kitinov M.B. (2024) State and trends of regulation of crypto assets and cryptocurrency exchanges. *Vestnik universiteta*, no. 11, pp. 184–194.

ВВЕДЕНИЕ

В мировой финансовой системе продолжает возрастать роль криптоактивов. Рынок криптоактивов совершил экспоненциальный рост, достигнув рыночной капитализации 2,6 трлн долл. США¹.

Тем не менее, рынок криптоактивов до недавнего времени оставался вне регуляторного поля, обеспечивающего традиционные для финансовых рынков параметры защиты инвесторов, добросовестности конкуренции и предотвращения незаконной деятельности. В то же время регуляторные инициативы не должны ограничивать инновации и развитие технологий. Таким образом, регулирование рынков криптоактивов становится одним из ключевых вызовов как для государств, так и для финансовых учреждений.

Биржи, осуществляющие торговлю криптоактивами, являются главным элементом экосистемы криптовалютных и обеспечивают проведение торгов. Введение четких правил работы криптобирж, по мнению автора, позволит увеличить доверие к крипторынку и будет способствовать его устойчивому развитию.

Цель настоящей работы – сформулировать текущее состояние и тенденции в регулировании криптовалютных активов и бирж на глобальном уровне. В соответствии с целью поставлены следующие задачи:

- 1) проанализировать современное состояние торговли криптоактивами;
- 2) выявить риски, формируемые криптоактивами;
- 3) проанализировать регулирование криптоактивов и криптобирж в Соединенных Штатах Америки (далее – США) и Европейском союзе (далее – ЕС);
- 4) сформулировать необходимые глобальные шаги в регулировании криптоактивов и криптобирж.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТОРГОВЛИ КРИПТОАКТИВАМИ

Криптоактивы – это цифровые активы, которые используют цифровые методы для создания новых единиц и проведения торгов. Они обычно работают на основе технологии блокчейна – системы распределенного реестра, которая записывает все транзакции в компьютерах ключевых участников сети. Примерами криптоактивов являются биткойн, эфир и стейблкоины, обладающие собственными преимуществами и недостатками. Криптоактивы – широкий термин, который включает в себя различные цифровые активы, например криптовалюты, токены, цифровые ценные бумаги и невзаимозаменяемые токены (англ. non-fungible token).

Преимущества криптовалют включают повышенную прозрачность транзакций и сокращение времени их проведения. Происходит процесс трансформации криптоактивов из спекулятивных инвестиций в полноценный класс активов, что побудило правительства всего мира искать способы их регулирования. На фоне вводящегося регулирования криптоактивы сталкиваются с неоднозначностью классификации, особенно в отношении того, следует ли их считать ценными бумагами, товарами или чем-то совершенно другим. Отсутствие четких нормативных указаний затрудняет долгосрочные продуктовые стратегии и инвестиционные решения в криптоиндустрии.

Теоретическая предпосылка торговли криптоактивами основана на децентрализации и использовании нескольких анонимных валидаторов для ведения учета вместо центральных банков и посредников. Децентрализованные финансы (англ. decentralized finance, далее – DeFi) направлены на воссоздание традиционных финансовых услуг на основе технологии блокчейна с такими инновациями, как программируемость и компоновка.

Криптовалюты и криптоактивы торгуются через различные платформы, при этом, несмотря на заявления о децентрализованности криптовалют, централизованные биржи (англ. centralized exchange) играют центральную роль в осуществлении этих транзакций, что приводит к значительным уязвимостям, которые могут вызывать крах бирж, как это произошло на примере FTX². После краха FTX многие инвесторы и регуляторы задавались вопросом о возможности последующего распространения кризиса. Политики также потребовали усиления регулирования отрасли³.

Биржи предоставляют онлайн-платформы, где покупатели и продавцы могут обменивать криптовалюты на бумажную валюту или другие цифровые активы. Пользователи обычно создают учетные записи на этих платформах, вносят средства, а затем размещают заказы на покупку или продажу на основе текущих рыночных цен.

¹ CoinMarketCap. Today's cryptocurrency prices by market cap. Режим доступа: <https://coinmarketcap.com/> (дата обращения: 01.08.2024).

² Bank for International Settlements. The crypto ecosystem: key elements and risks. Режим доступа: <https://www.bis.org/publ/othp72.pdf> (дата обращения: 01.08.2024).

³ John A., Lang H. Crypto exchange FTX files for bankruptcy as wunderkind CEO exits. Режим доступа: <https://www.reuters.com/business/ftx-start-us-bankruptcy-proceedings-ceo-exit-2022-11-11/> (дата обращения: 01.08.2024).

Централизованные биржи работают с центральным органом, управляющим сопоставлением заказов, хранением активов и учетными записями пользователей. Они часто предлагают расширенные торговые функции, пулы ликвидности и переход от фиатных денег к криптовалютам, что делает их популярными как среди розничных трейдеров, так и среди институциональных. Биржи обычно взимают комиссию за торговлю, ввод и вывод средств. Биржи различаются по своим функциям, торговым парам, комиссиям и соблюдению нормативных требований. Их роль выходит за рамки простого сопоставления покупателей и продавцов. Биржи часто предлагают расширенные торговые функции, такие как маржинальная торговля, фьючерсные контракты и торговля опционами, обслуживая как розничных трейдеров, так и институциональных. Биржи играют решающую роль в определении цен, поскольку цены на криптовалюты определяются динамикой спроса и предложения на этих платформах. Участники рынка отслеживают биржевые цены, чтобы оценить его настроения и принять соответствующие торговые решения. Примерами бирж являются Binance, Coinbase, Kraken и Bitfinex, каждая из которых предлагает широкий выбор торговых пар, расширенные торговые функции и меры безопасности для защиты средств пользователей.

Преимуществами внебиржевых рынков (англ. decentralized exchange) являются большая конфиденциальность, более быстрое исполнение и персонализированное обслуживание по сравнению с традиционными биржами. Внебиржевая торговля предполагает прямые транзакции между покупателями и продавцами. Внебиржевые сделки обычно проводятся наиболее техническими продвинутыми пользователями, и они часто относительно крупные. Внебиржевая торговля наиболее популярна среди институциональных инвесторов и состоятельных частных лиц, стремящихся осуществлять сделки без риска негативного влияния на рыночные цены. Децентрализованные биржи работают без центрального органа, полагаясь на смарт-контракты и технологию блокчейна. Таким образом, децентрализованные биржи обеспечивают большую конфиденциальность пользователей, безопасность и устойчивость. В то же время их недостатками являются ограниченная ликвидность и повышенные требования к технической подготовленности участников торгов.

РИСКИ, ФОРМИРУЕМЫЕ КРИПТОАКТИВАМИ

Польза развития рынков криптоактивов неоднозначна. Значительная доля их популярности связана с модой, популярностью у неквалифицированных участников финансовых рынков. Институциональные инвесторы, со своей стороны, относятся к криптовалютам с осторожностью. Риск-менеджеры сталкиваются с рядом проблем в оценке криптовалют с помощью традиционных методов оценки товаров и валют, таких как оценка ожидаемой доходности, волатильности и дохода от обладания (англ. convenience yield) [1].

Ограниченное регулирование крипторынков способствует росту концентрации рисков. Банкротство ряда банков, полагавшихся на криптоактивы (в том числе Silvergate и Signature Bank), в начале 2023 г. продемонстрировало риски зависимости от криптовалют. Даже опосредованное влияние рынка криптовалют на банки путем кредитных взаимоотношений может представлять значительные риски. Применение TerraUSD (UST) быстро росло в 2021–2022 гг., и к моменту обрушения курса в середине 2022 г. эта криптовалюта стала третьим по величине стейблкоином с пиковой рыночной капитализацией почти в 19 млрд долл. США. Однако после того как инвесторы потеряли уверенность в TerraUSD (курс балансировался с помощью вспомогательной валюты LUNA), криптовалюта обесценилась. Тем не менее, на фоне всеобщей паники на рынке стоимость LUNA также рухнула.

Важно отметить, что DeFi имитирует предоставление традиционных финансовых услуг, однако в реальности не способствует финансированию экономики, что также провоцирует рост рисков. Рост криптоактивов во многом обусловлен спекулятивными инвестициями. Тем не менее, как институциональные инвесторы, так и частные по-прежнему проявляют интерес к владению криптоактивами, увеличивая взаимодействие криптомира и традиционных финансов. Токенизация реальных активов может еще больше усилить взаимосвязи между обеими системами.

Таким образом, несмотря на то что на рынке доминируют централизованные биржи, нехватка механизмов управления рисками в частности и регуляторного надзора в целом способствуют росту рисков для инвесторов. Например, биржа FTX задолжала своим необеспеченным кредиторам более 3 млрд долл. США после банкротства.

Псевдоанонимность криптовалютных транзакций также способствует повышению рисков незаконной деятельности, такой как отмывание денег, финансирование терроризма и уклонение от уплаты налогов. Псевдоанонимность формирует серьезные проблемы для регулирующих и правоохранительных

органов в отслеживании таких транзакций. Она означает, что формально личность владельцев цифровых кошельков может не храниться у платформы, иными словами, часто отсутствует верификация личности. Тем не менее, при псевдоанонимных операциях возможно установить личность владельцев цифровых кошельков с помощью косвенных методов, основанных на анализе транзакций.

Децентрализованные биржи также обладают собственным набором рисков. Системы управления DeFi часто неясны, непрозрачны, и ими легко манипулировать. Это может ввести пользователей в заблуждение относительно безопасности и надежности деятельности DeFi. У разработчиков и основателей может не хватать стимулов поддерживать децентрализованные приложения после получения первоначальных инвестиций.

Право голоса в крупных децентрализованных организациях сильно сконцентрировано, что позволяет небольшому числу участников контролировать решения. Разногласия могут привести к развилкам и разделению сетей, что повлечет потери инвесторов и снижение доверия к протоколам DeFi. Например, правом ввода новой информации в децентрализованную сеть Ethereum обладает сильно ограниченное число пользователей, называемых оракулами.

DeFi в значительной степени полагается на повторное использование залога. Это может привести к процикличности с резкими корректировками цен во время подъемов и спадов, усиливая финансовую нестабильность. Автоматизированные инструменты управления рисками в DeFi могут инициировать принудительную ликвидацию в стрессовых условиях, что еще больше снижает цены на залоговое обеспечение и вызывает цепную реакцию. В отличие от традиционных финансов, в DeFi отсутствуют такие механизмы, как центральные контрагенты, способные предотвратить указанный риск.

Централизация крипторынка создает риски, которые могут угрожать монетарному суверенитету развивающихся стран. Доступность стейблкоинов способствует криптоизации, когда местные валюты заменяются криптовалютами. Это может подорвать монетарный суверенитет, особенно на развивающихся рынках, и усложнить внутреннюю денежно-кредитную и финансовую стабильность. Ограниченность ресурсов препятствует эффективной системе регулирования и надзора⁴. Стейблкоины, привязанные к иностранным валютам, могут вызвать новые риски валютного кредитования, что приведет к снижению эффективности государственной финансовой политики. В целом стейблкоины способствуют замене местной валюты, усугубляя экономическую нестабильность и подрывая национальные валюты в периоды волатильности.

Неизбежные риски, связанные с криптовалютой и DeFi, требуют комплексной нормативной и надзорной базы для защиты инвесторов и обеспечения финансовой стабильности. Ряд стран начинают вводить регулирование криптобирж [2]. В частности, биржи обязаны внедрить надежные процедуры «Знай своего клиента» (англ. know your customer, далее – KYC) и борьбы с отмыванием денег (англ. anti-money laundering, далее – AML) для обеспечения соблюдения нормативных требований и предотвращения незаконной деятельности. Растущая взаимосвязь между криптовалютой и традиционными финансами еще раз подчеркивает необходимость бдительности и активных мер для защиты более широкой финансовой системы.

Регуляторы по всему миру активно разрабатывают и публикуют обновленную нормативную базу для криптоактивов, стремясь внести ясность в бизнес и для участников рынка, обеспечивая при этом соблюдение мер по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма (англ. counter-terrorism financing). Глобальные регулирующие органы делегируют регулирующие полномочия конкретным агентствам и вводят режимы лицензирования, соответствующие традиционным рыночным стандартам. Заметные достижения в сфере регулирования наблюдаются в таких регионах, как Ближний Восток, ЕС, Великобритания, Азия и Латинская Америка.

В течение длительного периода коммерческие банки отказывались оказывать услуги криптобиржам из-за рисков в части исполнения законодательства в области легализации доходов и финансирования терроризма. Однако перспективы получения дополнительного источника дохода вынуждают коммерческие банки искать возможности для сотрудничества. В 2020 г. JPMorgan открыл счета для ряда криптобирж и начал оказывать услуги по их обслуживанию [3].

Юрисдикции применяют различные подходы к регулированию криптоактивов: от упреждающего нормотворчества до реактивных правоприменительных мер. В США, например, используется подход, характеризующийся регулированием посредством принуждения, при котором действия государственных органов разъясняют практику применения нормативных стандартов, а не полагаются исключительно

⁴ Adrian T. The changing landscape of crypto assets – considerations for regulatory and supervisory authorities. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2024/02/23/sp022324-changing-landscape-crypto-assets-considerations-regulatory-and-supervisory-authorities> (дата обращения: 01.08.2024).

на формальное нормотворчество. Комиссия по ценным бумагам и биржам (англ. Securities and Exchange Commission, далее – SEC) играет центральную роль в регулировании криптоактивов в США, используя существующие законы о ценных бумагах для надзора за рынком. Однако сложный и дублирующий характер имеющихся правил создает проблемы как для участников рынка, так и для регулирующих органов. Принудительные действия SEC в первую очередь направлены на первичные предложения монет (англ. initial coin offering) и незарегистрированные предложения ценных бумаг в криптоиндустрии. Кроме того, государственные агентства, в том числе SEC, Сеть по борьбе с финансовыми преступлениями (англ. Financial Crimes Enforcement Network), Комиссия по торговле товарными фьючерсами (англ. Commodity Futures Trading Commission, далее – CFTC) и другие, часто имеют разные интерпретации относительно того, как следует регулировать цифровые активы.

Регулирование криптобирж необходимо для обеспечения защиты инвесторов и целостности рынка в быстро развивающейся экосистеме криптовалют. Без этого биржам может не хватать прозрачности, мер безопасности и подотчетности, что подвергает пользователей таким рискам, как мошенничество, манипулирование рынком и потеря средств. Регулирование также способствует стабильности рынка, снижая волатильность и предотвращая чрезмерные спекуляции. Кроме того, регулирование способствует доверию и уверенности среди инвесторов, благоприятствуя более широкому внедрению криптовалют и инвестициям в пространство цифровых активов. Четкие нормативные рамки обеспечивают уверенность участникам рынка, привлекая институциональных инвесторов и повышая на нем ликвидность. Также, гарантируя соблюдение налоговых законов на крипторынке, регуляторы могут предотвратить уклонение от уплаты налогов и обеспечить равные условия для всех налогоплательщиков.

Особым случаем криптоактивов являются цифровые валюты центральных банков. Они более устойчивы с точки зрения колебания своего курса, поскольку, как правило, жестко привязаны к фиатным деньгам, а их эмиссия осуществляется Центральным банком Российской Федерации (далее – ЦБ РФ, Банк России). Примером цифровой валюты центрального банка можно назвать цифровой рубль, разрабатываемый Банком России в дополнение к уже существующим наличной и безналичной формам денег. Ожидается, что хранение цифровых рублей будет осуществляться на платформе ЦБ РФ, доступ к которой обеспечится за счет традиционных дистанционных каналов, например мобильного банкинга. Предполагается, что расчеты с использованием цифрового рубля станут более прозрачными и безопасными, чем с использованием других форм оплаты, поскольку вся история операций, как и все цифровые рубли в виде электронных записей, будет храниться у ЦБ РФ.

Регулирование частного рынка цифровых финансовых активов также расширяется. В 2021 г. в Российской Федерации (далее – РФ) вступил в силу закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵. При этом закон четко разграничивает цифровые финансовые активы и цифровые валюты. К первым относятся, например, токенизированные ценные бумаги, а примером вторых можно назвать биткоин. Ключевым вызовом для рынка цифровых финансовых активов является преодоление инфраструктурных рисков. При техническом сбое или банкротстве одного из операторов информационных систем эмитенты и инвесторы могут лишиться своих средств. Также недостаточно сформировано регулирование кредитных рисков операторов информационных систем. Ряд исследователей приходят к выводу о том, что различные отрасли и регулирующие органы достигли консенсуса по спорным вопросам и пришли к выводу о необходимости регулирования майнинга и использования криптовалют в РФ [4].

В целом, устанавливая четкие правила и механизмы надзора, регулирующие органы могут создать более безопасную, прозрачную и устойчивую среду для торговли криптоактивами.

РЕГУЛИРОВАНИЕ КРИПТОАКТИВОВ И КРИПТОБИРЖ В США

В последние несколько лет государства уделяют все больше внимания децентрализованным финансам, вызванного опасениями, что если объем рынка DeFi продолжит расти быстрыми темпами, то он в конечном итоге может оказаться невосприимчивым к регулированию.

В США регулирование криптобирж представляет собой динамичную и развивающуюся среду. Федеральная резервная система (далее – ФРС), Федеральная корпорация по страхованию депозитов

⁵ Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 02.08.2024).

(англ. Federal Deposit Insurance Corporation) и Управление денежного контролера (англ. Office of the Comptroller of the Currency) опубликовали несколько совместных заявлений, призывающих к осторожности в отношении криптоактивов, уделяя особое внимание безопасности, надежности и соблюдению требований, предъявляемых к банковской системе. ФРС также участвует в регулировании криптоактивов в рамках своей компетенции, но постоянно сигнализирует о необходимости более скоординированного надзора на более высоком уровне. Совет управляющих ФРС опубликовал политическое заявление, разъясняющее допустимую деятельность банков-членов, которая «предположительно запрещает» им держать большинство криптоактивов в качестве основной массы долгой базы⁶. Банкам-членам, желающим выпустить долларовые токены, необходимо будет доказать определенные меры безопасности и получить официальное одобрение перед их использованием в банковских транзакциях.

Ключевые законы и постановления, влияющие на криптовалютные биржи в США, включают Закон о ценных бумагах 1933 г.⁷, который регулирует выпуск ценных бумаг, и Закон о биржах ценных бумаг 1934 г.⁸, который регулирует вторичную торговлю ценными бумагами. Эти существующие механизмы были использованы SEC для оправдания принудительных мер против криптобирж за незарегистрированные предложения ценных бумаг и другие нарушения.

Федеральные агентства разделились во мнениях относительно того, как регулировать этот развивающийся класс активов. В отличие от рынка ценных бумаг и деривативов, ни один регулятор не контролирует криптовалюту или брокеров. Ценная бумага, подлежащая надзору Комиссии по ценным бумагам и биржам США, определена в Законе о ценных бумагах 1933 г., а базовая интерпретация основана на деле Верховного суда США 1946 г., результатом которого стал тест Хоун. Этот тест установил четыре критерия для определения того, существует ли инвестиционный контракт и подпадает ли он под действие законов США о ценных бумагах: вложение денег, общее предприятие, получение из усилий других, ожидание прибыли. По мнению экспертов по правовым вопросам, то, квалифицируется ли цифровой актив как инвестиционный контракт, во многом зависит от того, есть ли ожидание получения прибыли от усилий других. Этот ответ подлежит интерпретации, и существует резкий разрыв между криптопредпринимателями и SEC. В отсутствие иных указаний Конгресса Комиссия по ценным бумагам и биржам продолжает предпринимать новые правоприменительные меры главным образом на основании того, что законы о ценных бумагах 1933 г. и 1934 г. ясно дают понять, что цифровые активы являются ценными бумагами, что стало темой дебатов в Конгрессе.

Важным событием 2023 г. оказалось постановление окружного суда Южного округа Нью-Йорка от 13 июля, создавшее прецедент для классификации токенов как ценных и неценных ценных бумаг в зависимости от типа транзакции. Пока апелляция SEC находится на рассмотрении, практическое применение результатов остается отложенным. В то же время введение и процесс разметки законопроекта о структуре рынка цифровых активов дополнительно разъяснили перспективы регулирования в этой развивающейся области⁹.

Регулирующие органы США, такие как CFTC и SEC, уже назначали расследования против проектов DeFi за предполагаемые нарушения законов о сырьевых товарах и ценных бумагах. Весной 2023 г. Казначейство США опубликовало отчет о рисках финансовых преступлений, связанных с DeFi, а также ввело санкции против Tornado Cash за содействие отмыванию денег и уклонению от санкций в интересах Корейской Народно-Демократической Республики¹⁰. Комиссия по ценным бумагам и биржам ведет обширные судебные разбирательства по делам криптопредприятий и проектов. Иски и жалобы были направлены против таких организаций, как Ripple, Coinbase и Binance, в связи с предполагаемыми нарушениями законов о ценных бумагах, сопряженных с криптопродуктами и услугами¹¹. В 2023 г. окружной

⁶ Fahrer N.R., Coughlan A.M. The (somewhat lively) state of crypto regulation. Режим доступа: <https://www.thomsonreuters.com/en-us/posts/investigation-fraud-and-risk/crypto-regulation/> (дата обращения: 03.08.2024).

⁷ United States. Congress. Securities Act of 1933. Режим доступа: <https://fraser.stlouisfed.org/title/securities-act-1933-5878?page=22> (дата обращения: 03.08.2024).

⁸ United States. Congress. Securities Exchange Act of 1934. Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-1885/uslm/COMPS-1885.xml> (дата обращения: 03.08.2024).

⁹ PWC. Navigating the global crypto landscape with PwC: 2024 outlook. Режим доступа: <https://www.pwc.com/gx/en/industries/financial-services/assets/navigating-the-global-crypto-landscape-with-PwC-2024.pdf> (дата обращения: 03.08.2024).

¹⁰ Carlisle D. Top five crypto regulatory and policy trends for 2024. Режим доступа: <https://www.elliptic.co/blog/top-five-crypto-regulatory-and-policy-trends-for-2024> (дата обращения: 03.08.2024).

¹¹ Carlisle D. Bitcoin ETFs approved: deepening trust and transparency in crypto. Режим доступа: https://www.elliptic.co/blog/bitcoin-etfs-approved-deepening-trust-and-transparency-in-crypto?hs_preview=oJKxzHkH-152710241592 (дата обращения: 03.08.2024).

апелляционный суд вынес решение в пользу Ripple, определив, что продажа XRP не считается предложением ценных бумаг при продаже на биржах. Это решение ознаменовало частичную победу криптоиндустрии, указав на потенциальные ограничения на злоупотребления со стороны регулирующих органов.

Кроме того, в ноябре 2023 г. суд отменил отказ Комиссии по ценным бумагам и биржам в удовлетворении заявления Grayscale о конвертации его Bitcoin ETF Trust в ETF (англ. exchange-traded fund – торгуемый на бирже фонд), хранящий биткойны. Это решение привело к утверждению первых биткойн-спотовых ETF в январе 2024 г., что сигнализировало о сдвиге в сторону более широкого принятия криптоинвестиционных продуктов.

Новые законодательные инициативы в США включают Закон о ясности платежей в отношении стейблкоинов от 2023 г., целями которого являются регулирование стейблкоинов и обеспечение соблюдения строгих правил их выпуска и надзора. Кроме того, введение новой формы IRS 1099-DA (англ. Internal Revenue Service – Налоговое управление США) направлено на упрощение налоговой отчетности по операциям с цифровыми активами, приводя ее в соответствие с практикой отчетности для других классов активов.

Комиссия по ценным бумагам и биржам уделяет особое внимание защите инвесторов и целостности рынка. Она приняла принудительные меры против бирж за нарушения законов о ценных бумагах и противодействовала внедрению биржевых фондов биткойн (ETF) из-за опасений по поводу манипулирования рынком и отсутствия регулирования. Тем не менее, в январе 2024 г. SEC утвердила 11 спотовых биржевых торгуемых фондов биткойн (ETF). Одобрение SEC дает возможность этим ETF торговать на биржах ценных бумаг США и приходит после десятилетнего пути получения разрешения на спотовые биткойн-ETF. Наличие спотовых биткойн-ETF предоставит розничным инвесторам возможность получить доступ к новому инновационному классу активов в строго регулируемой среде. Одобрение также открывает дорогу для усиления институционального участия в криптопространстве. Крупные финансовые учреждения и институциональные инвесторы в течение многих лет были заинтересованы возможностью внедрения инноваций посредством взаимодействия с криптоактивами, но многие из них не хотели подвергать себя непосредственному воздействию криптовалют из-за опасений волатильности и неопределенности регулирования.

Председатель SEC Г. Генслер подчеркнул осторожность агентства по отношению к криптоактивам¹². Внимание SEC к защите инвесторов и целостности рынка предполагает постоянное изучение криптобирж и связанной с ними деятельности.

CFTC в первую очередь регулирует рынки криптовалютных деривативов, уделяя особое внимание предотвращению мошенничества и манипуляций с фьючерсными и опционными контрактами. Он также участвовал в дискуссиях по поводу классификации цифровых активов как товаров и регулирования спотовых рынков.

Также в феврале 2023 г. SEC предложила новое правило в соответствии с Законом об инвестиционных консультантах 1940 г., которое добавляет криптоактивы в сферу ответственности кастодианов и требует, чтобы инвестиционные консультанты хранили криптоактивы клиента у квалифицированного кастодиана.

На нормативно-правовую базу в США также влияют продолжающиеся дебаты и дискуссии среди политиков, заинтересованных сторон отрасли и правозащитных групп. Существуют разные взгляды на то, как лучше всего регулировать криптовалюты: некоторые выступают за более строгий надзор для защиты инвесторов, в то время как другие – за более гибкий подход к стимулированию инноваций.

В США регулирования на уровне штатов также сформировали нормативную среду: такие штаты, как Нью-Йорк, внедряют свои собственные нормативные базы, например режим BitLicense. Этот режим, установленный Департаментом финансовых услуг штата Нью-Йорк, считается наиболее сложным и детализированным среди всех субъектов США и служит моделью для потенциальных правил в других штатах.

Несмотря на эти проблемы, в США существуют различные пути достижения прозрачности регулирования. К ним относятся предложение Конгрессом новых законов, создание единой саморегулируемой организации для надзора за криптовалютными рынками, обеспечение соблюдения действующих законов и усиление надзора за федеральным процессом нормотворчества¹³.

В целом нормативно-правовая база для криптобирж в США характеризуется постоянными разработками, правоприменительными действиями и дебатами по поводу классификации активов. Ясность регулирования и сотрудничество между регулируемыми органами, заинтересованными сторонами отрасли

¹² Tek H.Ch. Regulatory developments and challenges in the crypto exchange arena: navigating the complex landscape. Режим доступа: <https://www.linkedin.com/pulse/regulatory-developments-challenges-crypto-exchange-arena-tek-z6b7c> (дата обращения: 03.08.2024).

¹³ Hirata W. Trends in regulation of digital assets. Режим доступа: https://www.willkie.com/-/media/files/publications/2023/08/20230816_fti_report_final.pdf (дата обращения: 04.08.2024).

и Конгрессом имеют решающее значение для создания нормативной среды, которая способствует инновациям, одновременно защищая инвесторов и целостность рынка.

РЕГУЛИРОВАНИЕ КРИПТОАКТИВОВ И КРИПТОБИРЖ В ЕС

ЕС активно разрабатывает меры по регулированию криптовалют: в сентябре 2020 г. Европейская комиссия предложила комплексную нормативную базу, известную как рынки криптоактивов (англ. Markets in Crypto-Assets, далее – MiCA), одобренную в апреле 2023 г. и устанавливающую стандарты регулирования криптовалюты в экономическом регионе и за его пределами. Внедрение MiCA уже ведется, и ожидается, что этот процесс завершится к концу 2024 г.¹⁴

Европейское управление по ценным бумагам и рынкам (англ. European Securities and Markets Authority, далее – ESMA) было назначено основным регулятором в рамках MiCA, наделенным полномочиями утверждать лицензии и налагать ограничения на криптоплатформы. Кроме того, предлагаемое постановление включает положения о создании единого регулирующего органа ЕС – Европейского агентства по цифровым финансам (англ. European Digital Finance Association), ответственного за надзор и обеспечение соблюдения требований MiCA в государствах-членах. Европейское управление по ценным бумагам и рынкам и Европейское банковское управление (англ. European Banking Authority) выпустили рекомендации и предупреждения для инвесторов относительно рисков, связанных с криптоактивами, подчеркнув необходимость защиты инвесторов и целостности рынка.

MiCAR выделяет активы, определяемые как финансовые инструменты, и активы, определяемые как криптоактивы, подчиняя каждую категорию конкретным нормативным требованиям. Он охватывает поставщиков услуг криптоактивов (англ. crypto-asset service provider) и эмитентов криптоактивов (англ. crypto-asset issuer), работающих в ЕС или за его пределами, заменяя национальные стандарты единым нормативным подходом. Регулируемые услуги в рамках MiCAR включают хранение и администрирование, эксплуатацию торговых платформ, обмен, исполнение, передачу, консультирование и управление портфелем. MiCAR также включает меры по борьбе со злоупотреблениями на рынке, манипулированию рынком и незаконным раскрытием инсайдерской информации на рынке криптоактивов.

MiCA опирается на временные директивы AML и строго устанавливает правила KYC/CFT в отношении поставщиков криптоуслуг, уже осуществляющие нормативный надзор за странами. Также были введены в действие Пятая и Шестая директивы по борьбе с отмыванием денег (англ. Anti-Money Laundering Directive) (5AMLD и 6AMLD), более строгие требования KYC/CFT и открытые соглашения в отношении поставщиков криптографических услуг.

В дополнение к MiCA ЕС принял Положение о переводе средств (англ. Transfer of Funds Regulation), законодательство по борьбе с отмыванием денег, которое требует, чтобы криптопереводы отслеживались аналогично традиционным денежным переводам. Это постановление распространяет нормативную базу на криптоактивы, что еще больше усиливает меры, направленные на противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма, в секторе цифровых активов. Кроме того, ЕС работает над своими правилами налоговой прозрачности для транзакций с криптовалютами в рамках предложения по контролю за цифровыми активами (англ. Directive on Administrative Cooperation, далее – DAC), DAC8. DAC8 стремится интегрировать систему отчетности о криптоактивах Организации экономического сотрудничества и развития и общий стандарт отчетности в правовую базу ЕС, помогая снизить риск налогового мошенничества и уклонения от уплаты налогов в криптоиндустрии.

В целом нормативно-правовая база для криптобирж в ЕС быстро развивается с введением комплексных фреймворков, таких как MiCA, направленных на содействие инновациям, при обеспечении защиты инвесторов, целостности рынка и финансовой стабильности. Регулирование криптобирж в ЕС сочетает в себе общеевропейские директивы и внутреннее законодательство.

НЕОБХОДИМЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ШАГИ В РЕГУЛИРОВАНИИ КРИПТОАКТИВОВ И КРИПТОБИРЖ

Глобальное регулирование криптобирж представляет собой развивающуюся среду, характеризующуюся различными подходами и проблемами. В разных странах приняты разные подходы к регулированию

¹⁴ Elliptic. MiCA finally approved by the European Parliament: here's what you need to know. Режим доступа: <https://www.elliptic.co/blog/analysis/mica-finally-approved-by-the-european-parliament-here-s-what-you-need-to-know> (дата обращения: 04.08.2024).

криптовбирж, отражающие разнообразные взгляды на защиту потребителей, финансовую стабильность и инновации [5].

Криптовалютные биржи должны быть достаточно гибкими для оперативной подстройки своих операций под изменяющиеся регуляторные требования, а также для работы одновременно в нескольких юрисдикциях. В то же время они должны вести сотрудничество с государственными органами для совместного формирования эффективной нормативно-правовой базы, укрепления взаимного доверия и повышения прозрачности рынка.

Ключевым направлением глобального (трансграничного) регулирования крипторынков является внедрение традиционных финансовых стандартов по KYC, AML и другим мерам для снижения рисков незаконной деятельности. На международном уровне функционирует ряд организаций, принимающих меры по регулированию крипторынка. Отметим, что это в первую очередь регуляторные организации, осуществляющие надзор за традиционными финансовыми рынками, которые, тем не менее, взяли на себя новый функционал на фоне возникновения рыночных инноваций. Так, Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (англ. Financial Action Task Force on Money Laundering) проводит с национальными регуляторными органами совместную работу по борьбе с финансовыми преступлениями с использованием криптоактивов. Международная организация комиссий по ценным бумагам (англ. International Organization of Securities Commissions) изложила 18 рекомендаций для глобального оборота криптоактивов. Существует необходимость в большей последовательности в регулировании и надзоре за деятельностью криптовалютных активов, учитывая трансграничный характер рынков, что создает «значительный риск причинения вреда» для инвесторов¹⁵. В документе Всемирного экономического форума «Пути к регулированию криптоактивов: глобальный подход» международное согласование определенных правил криптовалюты описывается как «не просто желательное, но и необходимое»¹⁶.

Нужно рассмотреть вопрос включения в нормативно-правовую базу механизмов обучения инвесторов, обеспечения прозрачности на рынке и разрешения споров. Традиционное мошенничество и финансовые пирамиды становятся наиболее распространенными именно на крипторынке, и этот тренд продолжает расти за счет высокой доли непрофессиональных частных инвесторов.

Отметим, что со стороны криптосообщества существует запрос на формирование гармонизированной нормативной базы, которая бы способствовала глобальному развитию рынка и сокращению возможностей регуляторного арбитража. Отсутствие единых мировых стандартов создает неопределенность для участников рынка и благоприятствует росту расходов на обеспечение комплаенса.

Таким образом, гармонизированное глобальное регулирование криптоактивов, основанное на разработанных годами требованиях к традиционной финансовой системе, способно поддерживать эффективный рост крипторынка, предотвращая при этом злоупотребления со стороны недобросовестных участников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Криптоактивы представляют собой динамичный элемент глобальной финансовой системы. Ключевыми характеристиками современного рынка криптоактивов являются централизация (несмотря на декларируемую децентрализацию) и ограниченный характер регулирования. Криптоактивы привлекают большое внимание как институциональных инвесторов, так и розничных. Бурный рост рынка вызвал интерес регуляторов, подчеркивающих приоритеты защиты потребителей и обеспечения национальной и глобальной финансовой стабильности. Однако разработка эффективной нормативно-правовой базы сталкивается с серьезными вызовами, так как крипторынок охватывает широкий спектр продуктов, услуг и участников.

Глобальное регулирование криптовалют варьируется от подробных правил ведения торгов до полных прямых запретов на торговлю или использование, а в некоторых юрисдикциях крипторынок в целом можно охарактеризовать как незарегулированный. Существует глобальный тренд по росту уровня регулирования в отрасли, однако его ужесточение не должно способствовать ограничению доступа к рынкам и предотвращению инноваций. Эффективное регулирование способно обеспечить эффективную интеграцию крипторынков в традиционные финансовые рынки.

¹⁵ Shine I. Cryptocurrency regulations are changing across the globe. Here's what you need to know. Режим доступа: <https://www.weforum.org/agenda/2024/05/global-cryptocurrency-regulations-changing/> (дата обращения: 04.08.2024).

¹⁶ Там же.

В США нормативно-правовая база для криптобирж относительно сложна. Надзор осуществляется различными государственными органами, к примеру SEC и CFTC. Многочисленные юридические споры подчеркивают продолжающийся процесс эволюции нормативного регулирования.

Регулирование криптоактивов в ЕС является примером успешного установления комплексного международного регулирования крипторынков с закреплением четких стандартов и правил защиты пользователей.

Создание международных глобальных стандартов для регулирования криптобирж будет способствовать снижению расхождений между юрисдикциями и упростит соблюдение требований для участников крипторынков, в том числе для бирж и инвесторов. Регуляторы должны активно сотрудничать и обмениваться информацией для обеспечения эффективного мониторинга и контроля. Ключевым направлением развития является внедрение требований по борьбе с отмыванием денег и спонсированием терроризма. Кроме того, необходимо обеспечить защиту инвесторов путем формирования механизмов обучения и повышения прозрачности на рынке. Введение строгих требований к раскрытию информации и отчетности для криптобирж позволит инвесторам принимать более обоснованные решения и повысит доверие к рынку.

Таким образом, эволюция регулирования крипторынков продолжается, однако ожидается, что его ключевые аспекты будут иметь свои аналоги в регулировании традиционных финансовых рынков.

Список литературы

1. Китинов М.Б. Иллюстрация технологии блокчейн и оценка влияния цифровых валют на финансовый менеджмент на примере Казахстана. Балтийский экономический журнал. 2023;2(42):51–57. <http://doi.org/10.46845/2073-3364-2023-0-2-50-56>
2. Xiong X., Liao J. Global trends in cryptocurrency regulation: an overview. ArXiv. 2024. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2404.15895>
3. Леонов М.В., Глухова М.Н. Эволюция рынка частных криптовалют и возможности денежно-кредитной политики. Вестник Академии знаний. 2020;5(40):227–237. <http://doi.org/10.24412/2304-6139-2020-10621>
4. Фроловский А.Н., Гордолопов Ю.В. Криптовбиржи: взлет возможностей и вызовов для России. Вестник науки. 2024;7(76(2)):258–267.
5. Генералов А.В. Особенности правового регулирования и обращения криптовалют: зарубежный опыт. Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022;4(44):162–170. <http://doi.org/10.21779/2224-0241-2022-44-4-162-170>

References

1. Kitinov M.B. Illustration of blockchain technology and assessment of digital currencies influence on financial management, Kazakhstan example. Baltic Economic Journal. 2023;2(42):51–57. (In Russian). <http://doi.org/10.46845/2073-3364-2023-0-2-50-56>
2. Xiong X., Liao J. Global trends in cryptocurrency regulation: an overview. ArXiv. 2024. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2404.15895>
3. Leonov M.V., Glukhova M.N. Evolution of private cryptocurrency market and the opportunities of monetary policy. Bulletin of the Academy of Knowledge. 2020;5(40):227–237. (In Russian). <http://doi.org/10.24412/2304-6139-2020-10621>
4. Frolovsky A.N., Gordopolov Yu.V. Cryptobexchanges: soar of opportunities and challenges for Russia. Bulletin of Science. 2024;7(76(2)):258–267. (In Russian).
5. Generalov A.V. Features of legal regulation and circulation of cryptocurrencies: foreign experience. Law Herald of Dagestan State University. 2022;4(22):162–170. (In Russian). <http://doi.org/10.21779/2224-0241-2022-44-4-162-170>

Особенности и регулирование применения технологии распределенных реестров

Ризванова Ирина Азатовна

Канд. экон. наук, ст. преп. каф. банковского дела и монетарного регулирования
ORCID: 0000-0001-9238-0247, e-mail: iarizvanova@fa.ru

Белова Марианна Толевна

Канд. экон. наук, доц. каф. банковского дела и монетарного регулирования
ORCID: 0000-0001-6505-8607, e-mail: mtbelova@fa.ru

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация

В результате проведенного исследования было выявлено, что в научной и практической литературе недостаточно изучены вопросы функционирования и систематизации существующих данных о новых финансовых технологиях, на основе которых разрабатываются современные финансовые услуги и продукты. Поэтому в качестве предмета исследования в данной работе избраны особенности технологии распределенных реестров (далее – ТРР). Целью является анализ применения ТРР в современных условиях на основе изучения теоретических и практических аспектов по исследуемой проблематике. В соответствии с поставленной целью задачами выступают выявление особенностей ТРР, разработка классификации данной технологии по соответствующим критериям, а также выявление направлений регулирования применения ТРР в современных условиях. Источниками информации послужили информационно-аналитические материалы и эмпирические данные из открытых источников как органов государственной власти, так и коммерческих организаций. В ходе исследования были рассмотрены особенности ТРР, а также представлены критерии ее классификации. По итогам проведенного исследования сделан вывод о том, что описанные нами характеристики ТРР имеют фрагментарное отражение в нормативно-правовых источниках, что лишний раз подчеркивает необходимость в выработке общих ориентиров государственной политики в отношении правового и технического регулирования ТРР в России.

Ключевые слова

Технология распределенных реестров, блокчейн, алгоритм консенсуса, классификация ТРР, цифровая трансформация, криптовая хайпа, регулирование ТРР, искусственный интеллект

Для цитирования: Ризванова И.А., Белова М.Т. Особенности и регулирование применения технологии распределенных реестров // Вестник университета. 2024. № 11. С. 195–204.

Features and regulation of the use of distributed ledger technology

Irina A. Rizvanova

Cand. Sci. (Econ.), Senior Lecturer at the Banking and Monetary Regulation Department
ORCID: 0000-0001-9238-0247, e-mail: iarizvanova@fa.ru

Marianna T. Belova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Banking and Monetary Regulation Department
ORCID: 0000-0001-6505-8607, e-mail: mtbelova@fa.ru

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract

As a result of the conducted research, it has been revealed that the scientific and practical literature lacks sufficient studying of the functioning and systematisation of existing data on new financial technologies, on the basis of which modern financial services and products are developed. Therefore, the features of distributed ledger technology (hereinafter referred to as DLT) are chosen as the subject of research in this work. The purpose of the study is to analyse the application of the DLT in modern conditions based on exploring theoretical and practical aspects of the problem under study. In accordance with the set purpose, the objectives are to identify the features of the DLT, to develop a classification of this technology according to appropriate criteria as well as to identify the directions of regulating the use of the DLT in modern conditions. The sources of information are informational and analytical materials and empirical data from open sources of both public authorities and commercial organisations. In the course of the study, the features of the DLT are considered, the criteria for its classification are presented as well. Based on the results of the conducted study, it has been concluded that the features of the DLT described by us are fragmentary reflected in regulatory legal acts, which once again emphasises the need to develop common guidelines for public policy in relation to the legal and technical regulation of the DLT in Russia.

Keywords

Distributed ledger technology, blockchain, consensus algorithm, classification of DLT, digital transformation, hype cycle, regulation of DLT, artificial intelligence

For citation: Rizvanova I.A., Belova M.T. (2024) Features and regulation of the use of distributed ledger technology. *Vestnik universiteta*, no. 11, pp. 195–204.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие финансового рынка в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) и мире в настоящее время характеризуется рядом процессов, основу которых составляет цифровая трансформация. Цифровая трансформация – базирующиеся на применении цифровых технологий преобразование структур, форм и способов производства, изменение целевой направленности деятельности и получение новых рыночных возможностей. Целями цифровой трансформации бизнес-процессов являются, во-первых, удовлетворение потребности клиентов, во-вторых – ликвидация неудобств.

Цель исследования – анализ применения технологии распределенных реестров (далее – ТРР) в современных условиях на основе изучения теоретических и практических аспектов по исследуемой проблематике. В соответствии с поставленной целью задачами являются выявление особенностей ТРР, разработка классификации ТРР по определенным критериям, а также выявление направлений регулирования применения данной технологии в современных условиях.

Согласно гипотезе технологической сингулярности в настоящее время период технологических изменений составляет 7–9 лет, и он постоянно сокращается. При этом, согласно подходу компании Gartner¹, любая технология проходит определенный цикл развития, пока не станет обычной практикой рынка. Данный тренд получил название «кривая хайпа». Если соотнести понятия «хайп» и «тренд», то хайп можно определить как внезапный всплеск интереса, а тренд – как устойчивое изменение в конкретном направлении. Кривая хайпа состоит из 5 циклов: запуск инновации, пик ожидания от технологии, спад ожидания и разочарование в технологии, рост понимания технологии и плато продуктивности. На первых двух этапах – запуск инновации и пик ожидания от технологии – появляются новые технологические области и происходит разработка решений для бизнеса; их можно охарактеризовать как этапы технологических инноваций. На этапе спада, а далее и роста понимания технологии, начинается постепенное становление бизнес-практики применения технологии, появляются новые возможности и ниши на рынке; это можно охарактеризовать как этапы технологического тренда на рынке. Постепенно с ростом понимания технологии происходят количественное масштабирование и интеграция технологий: применение на новых платформах и каналах, новые решения через комбинации зрелых технологий, что характерно для этапа «плато продуктивности».

В соответствии с данным подходом на сегодняшний день международными финансово-техническими трендами являются биометрия, открытые API (англ. application programming interface – программный интерфейс приложений), искусственный интеллект (далее – ИИ), инновации в платежной сфере, ТРР, цифровизация регулирования и надзора, киберустойчивость и др. В последние годы наблюдается повышенное внимание к ТРР как к потенциальному решению многих проявлений неэффективности на финансовом рынке [1; 2].

ОСОБЕННОСТИ ТРР

Общее понятие «ТРР» охватывает целый ряд технологий, таких как blockchain (англ. blockchain – цепочка блоков), hashgraph (англ. технология распределенной бухгалтерской книги), holochain (англ. децентрализованная сеть приложений), Cardano, Solana, Binance Smart Chain (англ. сеть блокчейн, созданная для приложений на основе смарт-контрактов) и др., которые отличаются структурами данных реестра, способами согласования и синхронизации данных. Так, частным случаем ТРР является технология блокчейн.

Особенностями ТРР являются следующие.

1. Распределенность системы. Это главная особенность процесса функционирования ТРР, которая означает, что в данной системе фиксируется информация обо всех транзакциях пользователей системы; данная информация доступна для всех участников, и при этом она защищена от несанкционированного доступа, поскольку копии географически удалены друг от друга, а для хакерского воздействия атаки потребуется атака сразу на все узлы связи. В табл. 1 рассмотрим три разновидности систем управления, которые отличаются друг от друга наличием одного или нескольких центров управления или же их отсутствием.

¹ Решетникова М. GitOps и постквантовая криптография: кривая хайпа Gartner в 2023 году. Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/64f833c29a794712449b13b2> (дата обращения: 13.09.2024).

Разновидности систем управления

Тип системы	Общая характеристика	Достоинства	Недостатки
Централизованная	Единственный центр управления. Все процессы выполняются в одном месте. Высокая чувствительность к сбоям	Решения принимаются достаточно оперативно, так как весь контроль закреплен за одной точкой управления и не требуется соблюдение консенсуса. Экономия на масштабах, то есть отсутствует необходимость выполнения одинаковых функций множеством точек управления	Зависимость от одной точки управления может приводить к дестабилизации всей системы и потере информации. Непрозрачность системы
Децентрализованная	Надежность за счет множества точек управления. Диверсификация полномочий. Низкий уровень чувствительности к сбоям, так как выход из строя одной точки управления не приведет к падению всей системы	У конкретных точек управления больше информации о конечном пользователе системы. Меньшая чувствительность к сбоям системы. Сбой в одной точке не всегда приводит к дестабилизации всей системы	Увеличение масштаба системы может приводить к проблеме дублирования задач. Несмотря на большую надежность по сравнению с централизованными системами, они все равно подвержены сбоям
Распределенная	Отсутствие точек управления – любой субъект системы является точкой управления (горизонтальная иерархия). Для вывода системы из строя злоумышленникам необходимо взять под контроль или изменить более 50 % точек управления. Экономическая нецелесообразность попыток взлома	Отсутствие необходимости в посредниках – возможность нескольким участникам видеть одну и ту же информацию, за счет чего фактически отсутствует необходимость согласования всех элементов транзакции. Практически полная прозрачность системы и, как следствие, минимизация мошенничества. Экономическая нецелесообразность попыток взлома. Меньшая уязвимость системы в случае какого-либо санкционного давления	Эффект «новизны» – возможное недоверие к новейшим технологиям. Существенные временные затраты и финансовые вложения при построении системы и в случае необходимости ее стабилизации

Составлено авторами по материалам источника [3]

2. Наличие консенсуса (согласия) между участниками. Алгоритм достижения консенсуса предусматривает наличие правил добавления новых блоков в цепочку блоков, идентификации действительных блоков и решения конфликтов определения истинности (косвенно встает вопрос о доверии в распределенных средах). То есть не все блокчейны создаются одинаковыми и многие сильно различаются в зависимости от типа алгоритма консенсуса, который они используют [4–6].

Рассмотрим основные протоколы консенсуса и их отличительные особенности (табл. 2).

РoW – алгоритм, основанный на доказательстве работы, то есть участник должен решить сложную математическую задачу для проверки и записи транзакции в блокчейн, при этом каждый блок содержит уникальную задачу. Тот, кто первым это сделает, получает возможность добавить блок в цепочку, а также вознаграждение. Задачи решаются за счет перебора различных комбинаций до полного совпадения, поэтому данный алгоритм энергозатратный (например, Bitcoin, Litecoin).

Таблица 2

Отличительные особенности консенсусов PoW и PoS

PoW	PoS
Требует трудоемких и дорогостоящих вычислительных работ	Создатель нового блока выбирается системой заранее в зависимости от его доли в общем количестве криптовалют
Награду получает майнер, который первым решил задачу, связанную с блоком	Награда за открытие блока не предусмотрена, доход состоит исключительно из комиссий от транзакций
Майнеры в сети соревнуются между собой в поиске решений	Криптовалюты, добытые по данному алгоритму, более энергоэффективны

Примечание: PoW (англ. Proof-of-Work – доказательство выполнения работы), PoS (англ. Proof-of-Stake – доказательство владения долей)

Составлено авторами по материалам исследования

PoS – алгоритм, основанный на доказательстве владения долей. Право удостоверения блока дается держателю счета, когда количество его средств и срок владения ими соответствуют заданным критериям, то есть в зависимости от доли в общем количестве криптовалют. Данный алгоритм более энергоэффективен (например, Ethereum).

PoS + PoW – гибрид двух консенсусов, когда блоки могут удостоверяться как через вычисляемые критерии PoS, так и PoW-перебором. Цель такого подхода – усложнить пересчет всей цепочки (с самого первого блока), возможный в случае использования PoS в чистом виде (пример применения – Decred).

PBFT (англ. Practical Byzantine Fault Tolerance – практическая византийская отказоустойчивость), Paxos, Raft – алгоритмы многоэтапного установления консенсуса сети (устойчивые к «византийскому поведению»). Они позволяют сетям распределенных реестров функционировать с небольшими затратами и имеют значительную пропускную способность, но слабоустойчивы к увеличению количества участников.

DPoS (англ. Delegated Proof-of-Stake – делегированное доказательство доли) – это алгоритм консенсуса (похож на PoS), разработанный для защиты блокчейна путем создания системы голосования, в которой участники сети с большим депозитом имеют наибольший вес в голосовании, например: Cardano (ADA), Lisk, Steemit (STEEM), EOS, BitShares (BTS), ARK, Tezos (XTZ), Oxycoin (OXY), TRON (TRX), ICON (ICX).

Leased Proof-of-Stake (далее – LPS, LPoS) основан на арендованном доказательстве доли владения, то есть доля криптовалюты может быть арендована. Так, все участники сети могут передавать или делегировать свою криптовалюту соответствующим валидаторам. При этом непосредственно переводов не происходит, криптовалюта остается в кошельках у владельцев, но замораживается (пример использования LPoS – блокчейн Waves).

Proof-of-Authority (далее – PoA) базируется на доказательстве полномочий, и в качестве доказательств валидаторы используют собственную репутацию. Валидаторы выбираются участниками сети путем голосования, обычно их количество фиксировано. Однако, в отличие от PoS и DPoS, они не получают награды за стейкинг (временная передача криптоактивов площадке за вознаграждение), поэтому у валидаторов отсутствуют стимулы и мотивации для участия.

Proof-of-Importance (далее – PoI) основан на доказательстве значимости. При подтверждении транзакций алгоритм принимает во внимание и объем замороженных средств в криптовалюте, и активность валидатора. Оцениваются такие параметры, как количество проведенных транзакций, время в сети (доступность онлайн) – чем больше доля валидатора и его активность, тем значимее он для сети. На этом алгоритме работает NEM (англ. New Economy Movement – движение за новую экономику).

Proof-of-Space (далее – PoSpace) базируется на доказательстве пространства: в качестве основного ресурса для доказательства участники используют свободное пространство своих жестких дисков, которое резервируется под специальные функции блокчейна, например заполнение хеш-кодами для последующей валидации блоков. Один из примеров блокчейнов, которые используют PoSpace, – Burstcoin.

Proof-of-Space-Time (далее – PoST) – это разновидность алгоритма Proof-of-Space, которая учитывает еще и время. Основная мысль создателей в том, что вклад участников в сеть важно оценивать не только по делегированному дисковому пространству, но также и по затратам времени, на протяжении которого это дисковое пространство было делегировано (пример использования – Chia).

Proof-of-Elapsed-Time (далее – PoET) основан на доказательстве затраченного времени. Так, при майнинге генерируется случайное время ожидания для блока, нода «засыпает» ровно на это время, и первая «проснувшаяся» нода получает право валидации блока. Данный алгоритм не распространен, используется в частных блокчейнах и требует обязательного наличия процессоров Intel с набором инструкций Software Guard Extension.

Proof-of-Burn (далее – PoB) базируется на доказательстве сжигания. Принцип алгоритма заключается в том, что майнер переводит криптовалюту на специальный кошелек, к которому нет доступа (к примеру, отсутствует приватный ключ и т.д.), то есть определенное количество криптовалюты «сжигается», выводится из обращения и тем самым для майнера увеличивается вероятность получить право создания следующего блока и, соответственно, получить за это награду (пример использования – XCP).

Non-BFT (англ. Non Byzantine Fault Tolerance – невизантийская отказоустойчивость) – алгоритмы консенсуса, неустойчивые к поведению, при котором часть участников начинает работать против сети. Такие алгоритмы применимы в закрытых сетях с полной идентификацией.

Отметим, что, кроме указанных выше консенсусов, существуют еще PoWt (англ. proof-of-work-time – доказательство рабочего времени), PoH (англ. proof-of-history – доказательство истории), DAG (англ. Directed Acyclic Graph – направленный ациклический граф), DBFT (англ. Delegated Byzantine Fault Tolerance – делегированная византийская отказоустойчивость), SBFT (англ. Simplified Byzantine Fault Tolerance – упрощенная византийская отказоустойчивость), PBFT и др.

3. Расчетная единица TRP – цифровая расчетная единица, так как данные хранятся в двоичном формате.

4. Внутренняя валюта TRP. TRP могут функционировать и без внутренней валюты, к примеру TRP может быть применена и в документообороте, и при хранении информации, и при осуществлении платежных услуг и др.

5. Возможность форка – модификация изначального программного кода и изменение консенсуса, то есть возможна отмена блока при условии поддержки большинства и начала запуска новой ветки сети, однако с сохранением информации о параллельной цепи, что называется форком. Выделяют несколько причин форка: улучшение характеристик криптовалют, изменение алгоритма консенсуса, противодействие хакерским атакам [7; 8]. Существуют разновидности биткоина, созданные посредством форка: Namecoin, Bitcoin Cash, Bitcoin Gold и др.

КЛАССИФИКАЦИЯ TRP

Для проведения классификации TRP выделим несколько критериев.

1. По уровню доступа:

– публичные (открытые) сети. Поскольку данные в этой сети открыты для любого пользователя, то обеспечиваются открытость и прозрачность операций. Для обеспечения анонимности операций по умолчанию пользователи в ней не идентифицированы. Примеры: Bitcoin, Ethereum, Bitcoin Cash, Litecoin, Monero, IOTA (англ. Internet of Things – интернет вещей);

– частные (закрытые, приватные) сети. Характерно наличие отдельного механизма или процедуры (регламента) подключения новых участников, а также возможны ограничения на число и тип подключаемых участников. Популярными примерами частных блокчейнов являются Hyperledger, Corda, Ripple, Quorum.

Сравнение публичных и частных распределенных реестров представлено в табл. 3.

Таблица 3

Сравнительная характеристика публичных и частных распределенных реестров

Критерий	Публичный распределенный реестр	Частный распределенный реестр
Доступ	Любой	Единая организация
Полномочия	Децентрализованны	Частично децентрализованны
Скорость транзакций	Медленная	Быстрая
Консенсус	PoW, PoS, PoB, PoSpace и т.д.	PoET, Raft и Istanbul BFT можно использовать только в случае частных блокчейнов
Стоимость транзакций	Высокая	Низкая

Критерий	Публичный распределенный реестр	Частный распределенный реестр
Обработка данных	Доступ на чтение и запись для всех	Доступ на чтение и запись для одной организации
Неизменяемость	Полная	Частичная
Эффективность	Низкая	Высокая

Источники^{2,3}

Гибридные сети сочетают в себе свойства как открытых, так и закрытых сетей (публичные реестры закрытого типа, частные реестры с закрытым доступом). Примером могут выступать цифровые валюты центральных банков (англ. central bank digital currency). Финансовый сектор ориентирован в основном на разработку закрытых и гибридных сетей. Они имеют наиболее высокий потенциал применения на финансовом рынке в связи с возможностью создания механизмов управления сетью, ограничения допуска к ней, а также контроля и надзора за действиями участников.

2. По алгоритму достижения консенсуса: PoW, PoS, PoS + PoW, PBF^T, Paxos, Raft, DPoS, LPS, PoA, PoI, PoSpace, PoST, PoET, PoB, Non-BFT, PoWt, PoH, DAG, DBFT, SBFT, PBFT и др.

3. По виду внутренней валюты TPR:

- документарный – база данных для хранения различных видов информации;
- расчетный – база данных проведенных транзакций / платежных услуг.

Также существует схожая классификация по объектам транзакций: информация, виртуальная ценность (ценность, аналог которой отсутствует в реальном мире, – например, Bitcoin).

4. По прохождению процедуры идентификации:

- анонимная;
- псевдоанонимная;
- полная идентификация.

5. По типу доступа к сети:

- неограниченный – сети, в которых участникам позволено осуществлять любую деятельность;
- ограниченный – сети, которые ограничивают виды деятельности участников.

6. По наличию центрального администратора:

- существует центральный администратор;
- отсутствует центральный администратор.

Независимо от того, открытая или закрытая сеть распределенного реестра, участники могут иметь различные роли и функции (работа с информацией в отношении существующих активов, оформление новых, подтверждение операций, обновление истории операций в реестре). Некоторые участники обладают доступом только к просмотру реестра, другим может также разрешаться вносить записи в него. Реестры истории сделок и статусов владения ценностями обычно ведутся в качестве общего реестра, которому доверяют все участники.

7. По технологиям: blockchain, hashgraph, holochain и др.

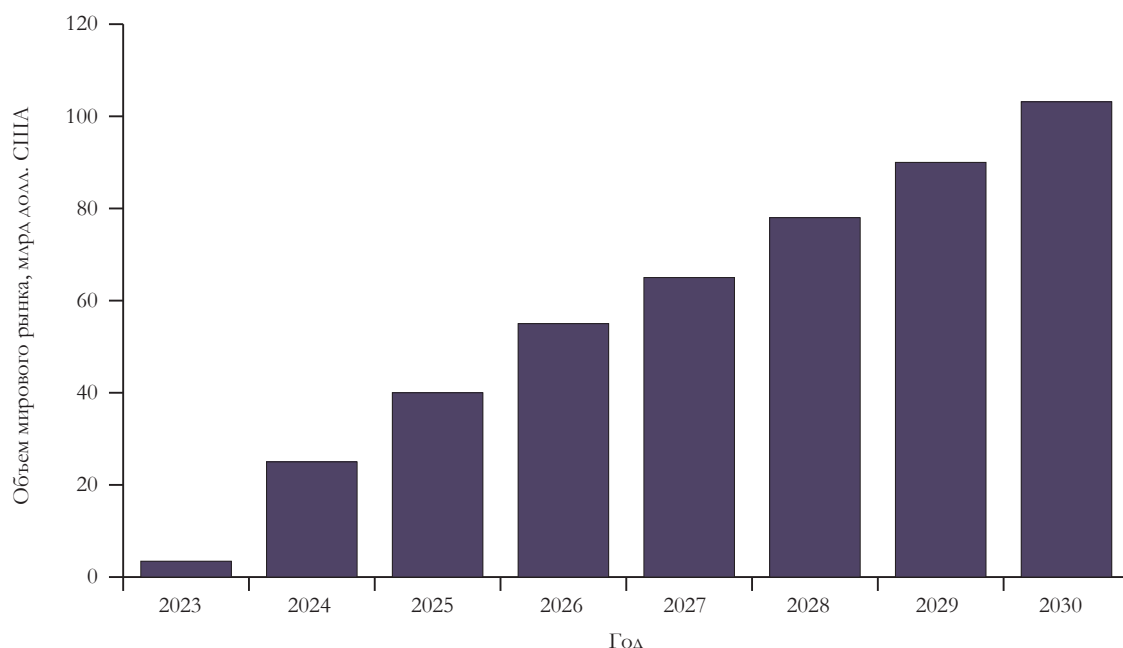
8. По приложениям на основе TPR: трансграничные платежи, цифровые идентификаторы, защищенный документооборот, цифровые активы, электронное голосование, промышленный интернет, цепочки поставок, машинное обучение, производство 4.0, криптография с информационной безопасностью и др.

9. По отраслям внедрения TPR: розничная и электронная торговля, средства массовой информации и развлечения, транспорт и логистика, здравоохранение, энергетика и коммунальные услуги и др.

TPR стала частью цифровой экономики России и драйвером ее развития: объем рынка TPR в РФ по итогам 2023 г. составил 16 млрд руб., к 2030 г., по прогнозам составит более 16 млрд руб. Согласно исследованию NWS Consulting, объем мирового рынка распределенных реестров оценивался в 3,44 млрд долл. США в 2023 г. и может достичь 103,15 млрд долл. США к 2030 г. с CAGR (англ. compound annual growth rate – совокупный среднегодовой темп роста) 62,55 % в 2023–2024 гг. (рис. 1).

²Anwar H. What is a private blockchain? Beginner's guide. Режим доступа: <https://101blockchains.com/what-is-a-private-blockchain/> (дата обращения: 20.09.2024).

³Анисимов М. Чем отличается приватный блокчейн от публичного? Примеры компаний. Режим доступа: <https://goo.su/OZbLzx> (дата обращения: 20.09.2024).

Источник⁴

Рис. 1. Объем мирового рынка TRP с 2023 г. по 2030 г.

Говоря о регулировании TRP, следует отметить, что объектом регулирования могут выступать:

- 1) отношения, возникающие в процессе использования технологии;
- 2) отношения, складывающиеся в результате использования самой технологии.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ TRP

Попытка правового определения и регулирования системы распределенного реестра в РФ была предпринята в Приказе Федеральной службы государственной статистики № 463: «технологии распределенного реестра – алгоритмы и протоколы децентрализованного хранения и обработки транзакций, структурированных в виде последовательности связанных блоков без возможности их последующего изменения. Технологии распределенного реестра включают технологии организации и синхронизации данных, обеспечения целостности и непротиворечивости данных (консенсус), управления функционированием системы распределенного реестра, создания и исполнения децентрализованных приложений и смарт-контрактов»⁵. То есть описаны алгоритмы и протоколы децентрализованного хранения и обработки транзакций, структурированных в виде последовательности связанных блоков без возможности их последующего изменения. Определение самого распределенного реестра дано в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: «совокупность баз данных, тождественность содержащейся информации в которых обеспечивается на основе установленных алгоритмов (алгоритма)»⁶.

Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (так называемый закон о майнинге) внесен ряд дополнений в Федеральный закон № 259-ФЗ, среди которых присутствуют положения, опирающиеся на терминологию TRP: «майнингом цифровой валюты признается деятельность по проведению математических вычислений путем эксплуатации технических и программно-аппаратных средств для внесения записей в информационную систему, использующую технологию, в том числе технологию распределенного реестра,

⁴ NMSC. Distributed ledger market. Режим доступа: <https://www.nextmsc.com/report/distributed-ledger-market> (дата обращения: 20.09.2024).

⁵ Приказ Федеральной службы государственной статистики от 30.07.2021 г. № 463 «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за деятельностью в сфере образования, науки, инноваций и информационных технологий». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402546718/?ysclid=m05fvux8f360756614> (дата обращения: 20.09.2024).

⁶ Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ (редакция от 08.08.2024 г.) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&cn=482774&dst=100001#A9I6CMUoi2pbA6kP> (дата обращения: 20.09.2024).

имеющих целью выпуск цифровой валюты и (или) получение лицом, осуществляющим такую деятельность, вознаграждения в цифровой валюте за подтверждение записей в информационной системе»⁷.

Таким образом, можно говорить о фрагментарном отражении в нормативно-правовых актах описанных нами свойств и характеристик ТРР и о попытках регулирования новой технологии, что лишний раз подчеркивает необходимость в выработке общих ориентиров государственной политики в отношении правового и технического регулирования ТРР в России.

Выделим основные направления использования ТРР (рис. 2).

Примечание: ПОД/ФТ – противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма; ЦФА – цифровые финансовые активы

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Регулирование направлений использования ТРР

Отдельного внимания заслуживает влияние технологии ИИ на развитие ТРР и в частности блокчейн. В последние несколько лет отмечается бум ИИ: количество сервисов с интегрированным ИИ неуклонно растет. В то же время новая технология еще далека от совершенства, и разработчики стремятся определить критерии ответственного ИИ (англ. responsible artificial intelligence), среди которых:

- 1) высокая надежность в предоставлении данных (англ. robust) – ясные механизмы сбора, обработки данных и верификации их качества;
- 2) интерпретируемость (англ. interpretable) – понимание данных, на которых обучается ИИ;
- 3) этичность (англ. ethical) – исключение предвзятости и минимизация ИИ-галлюцинаций;
- 4) аудируемость (англ. auditable) – возможность ревизии ИИ-моделей.

По нашему мнению, блокчейн может помочь добиться этих качеств. При фиксации в блокчейне этапов создания ИИ-модели возможно обеспечить прозрачность и неизменяемость решений. Каждый способен отследить, как создавалась модель, соответствует ли она критериям ответственного ИИ, можно ли ей доверять.

ИИ в свою очередь способен значительно улучшить масштабируемость и общую производительность блокчейна, анализируя транзакции, предсказывая периоды высокой нагрузки и корректируя распределение ресурсов. С помощью ИИ можно повысить безопасность блокчейн-систем, обнаруживая уязвимости и улучшая их устойчивость. Например, ИИ умеет анализировать транзакции на наличие аномалий, проверять смарт-контракты на ошибки, предсказывать возможные атаки и улучшать механизмы консенсуса.

Таким образом, комбинирование этих двух технологий может значительно повысить безопасность, прозрачность и эффективность систем, улучшить операционную деятельность и автоматизировать бизнес-процессы.

⁷ Федеральный закон от 08.08.2024 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Режим доступа: <https://ivo.garant.ru/#/document/409492967/paragraph/1/doclist/477/2/0/0/221%20%D0%A4%D0%97:1> (дата обращения: 21.09.2024).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования раскрыты разновидности систем управления, которые отличаются друг от друга наличием одного или нескольких центров управления или же их отсутствием. Выделены такие особенности ТРР, как распределенность системы, наличие консенсуса между участниками, расчетная единица ТРР, внутренняя валюта ТРР, возможность форка. Представлена сравнительная характеристика основных алгоритмов достижения консенсуса между участниками и разработана классификация ТРР по следующим критериям: по уровню доступа; по алгоритму достижения консенсуса; по виду внутренней валюты ТРР; по прохождению процедуры идентификации; по типу доступа к сети; по наличию центрального администратора; по технологиям; по приложениям на основе ТРР; по отраслям внедрения ТРР.

Определены значимость и важность развития законодательной базы, регламентирующей вопросы, связанные с использованием возможностей ТРР. Государственное регулирование данной технологии позволит выявлять и нивелировать возможные риски для государства и общества, одновременно не создавая барьеры для развития и внедрения цифровых валют центральных банков, рынка криптовалют и ЦФА.

Комбинирование технологий ТРР и ИИ может дать синергетический эффект и повысить безопасность, прозрачность и эффективность систем, улучшить операционную деятельность и автоматизировать бизнес-процессы.

Список литературы

1. Косов М.Е. Организационно-институциональные основы цифровизации международного финансового рынка. E-Management. 2024;2(7):4–15. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-2-4-15>
2. Афонин С.Е., Осипов В.С. Основные результаты 20-летнего инновационного развития российских регионов. E-Management. 2023;4(6):41–52. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-4-41-52>
3. Равал С. Децентрализованные приложения. Технология Blockchain в действии. СПб.: Питер; 2017. 240 с.
4. Баракина Е.Ю. Системы распределенного реестра в платежной индустрии: монография. М.: Русайнс; 2022. 150 с.
5. Сван М. Блокчейн. Схема новой экономики. М.: Олимп-Бизнес; 2017. 240 с.
6. Кочергин Д.А. Криптоактивы: экономическая природа, классификация и регулирование оборота. Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2022;3(17):75–130. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-03-04>
7. Золкин А.А. Создание безопасных контрактов в технологии блокчейн. М.: Русайнс; 2022. 131 с.
8. Варнавский А.В. Блокчейн на службе государства. М.: КноРус; 2020. 216 с.

References

1. Kosov M.E. Organizational and institutional foundations of digitalization of the international financial market. E-Management. 2024;2(7):4–15. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-2-4-15>
2. Afonin S.E., Osipov V.S. Main results of the 20-year innovative development of the Russian regions. E-Management. 2023;4(6):41–52. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-4-41-52>
3. Raval S. Decentralised applications. Blockchain technology in action. St. Petersburg: Piter; 2017. 240 p. (In Russian).
4. Barakina E.Yu. Distributed ledger systems in the payment industry: monograph. Moscow: Rusajns; 2022. 150 p. (In Russian).
5. Swan M. Blockchain. Blueprint for a New Economy. Moscow: Olymp-Business; 2017. 240 p. (In Russian).
6. Kochergin D.A. Crypto-assets: economic nature, classification and regulation of turnover. International Organisations Research Journal. 2022;3(17):75–130. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-03-04>
7. Zolkin A.L. Creation of secure contracts in blockchain technology. Moscow: Rusajns; 2022. 131 p. (In Russian).
8. Varnavsky A.V. Blockchain in the service of the state. Moscow: KnoRus; 2020. 216 p. (In Russian).

Опыт применения больших языковых моделей для анализа количественных социологических данных

Ашихмин Евгений Георгиевич

Аспирант

ORCID: 0000-0001-9193-4535, e-mail: e.ashikhmin@icloud.com

Левченко Валерий Витальевич

Д-р психол. наук, зав. каф. социологии и политологии

ORCID: 0000-0002-7627-9162, e-mail: levv66@mail.ru

Селеткова Гюзель Ильясовна

Ст. преп. каф. социологии и политологии

ORCID: 0000-0003-3402-3473, e-mail: guzal.ka@mail.ru

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь

Аннотация

В работе рассматриваются возможности и ограничения применения больших языковых моделей для анализа количественных данных в социологических исследованиях. Также уделяется внимание акторно-сетевой теории, согласно которой нейронные сети выступают как активные участники социального взаимодействия. Отмечается, что применение LLM (англ. large language model – большая языковая модель) можно рассматривать как инновационный процесс в сфере прикладных социологических исследований. Демонстрируются примеры применения LLM для количественных методов анализа на основе массива данных опроса, взятого из открытых источников. На практических примерах показано, как большие языковые модели могут использоваться для построения частотных и сводных таблиц, расчета средних значений и для проведения корреляционного анализа. Применение LLM рассматривается как инновационный процесс, способствующий развитию новых методологических подходов. Анализируются примеры использования LLM в социологии и подчеркивается необходимость формирования инновационной культуры и развития методологических подходов для проверки и коррекции результатов. Кроме того, авторы подчеркивают важность интерпретации результатов, полученных с помощью больших языковых моделей, в контексте социологической теории и практики. Также обсуждается роль LLM в расширении возможностей социологических исследований, особенно в области анализа больших данных и обнаружения скрытых паттернов. Наконец, авторы предлагают пути будущих исследований в сфере применения LLM в социологии, включая разработку новых методов и инструментов для интеграции больших языковых моделей в социологические исследования.

Ключевые слова

Большие языковые модели, LLM, цифровые инструменты, анализ количественных данных, методы социологических исследований, цифровая трансформация, частотные распределения, сводные таблицы, расчет средних значений, расчет корреляции

Для цитирования: Ашихмин Е.Г., Левченко В.В., Селеткова Г.И. Опыт применения больших языковых моделей для анализа количественных социологических данных // Вестник университета. 2024. № 11. С. 205–215.

Experience in applying large language models to analyse quantitative sociological data

Evgenii G. Ashikhmin

Postgraduate Student

ORCID: 0000-0001-9193-4535, e-mail: e.ashikhmin@icloud.com

Valery V. Levchenko

Dr. Sci. (Psy.), Head at the Sociology and Political Science Department

ORCID: 0000-0002-7627-9162, e-mail: levv66@mail.ru

Gyuzel' I. Seletkova

Senior Lecturer at the Sociology and Political Science Department

ORCID: 0000-0003-3402-3473, e-mail: guzal.ka@mail.ru

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

Abstract

The article discusses the possibilities and limitations of using large language models (hereinafter referred to as LLM) to analyse quantitative data in sociological research. Also, attention is paid to the actor-network theory, according to which neural networks act as active participants of social interaction. It is noted that the usage of the LLM can be considered as an innovative process in the field of applied sociological research. The article demonstrates examples of the LLM application for quantitative methods of analysis on the basis of a survey dataset taken from open sources. Practical examples show how the LLM can be used to construct frequency and summary tables, calculate averages and conduct correlation analysis. The application of the LLM is seen as an innovative process that promotes the development of new methodological approaches. The authors analyse examples of the LLM usage in sociology and emphasise the need to build an innovative culture and develop methodological approaches to verify and correct the results. In addition, the authors highlight the importance of interpreting the LLM results in the context of sociological theory and practice. The article also discusses the role of the LLM in empowering the sociological research, especially in the areas of analysing big data and discovering hidden patterns. Finally, the authors suggest paths for future research in the application of the LLM in sociology, including the development of new methods and tools for integrating the LLM into the sociological research.

Keywords

Large language models, digital tools, quantitative data analysis, sociological research methods, digital transformation, frequency distributions, summary tables, calculation of mean values, calculation of correlation

For citation: Ashikhmin E.G., Levchenko V.V., Seletkova G.I. (2024) Experience in applying large language models to analyse quantitative sociological data. *Vestnik universiteta*, no. 11, pp. 205–215.

ВВЕДЕНИЕ

Современное общество переходит на новую стадию технологических изменений, на которой нейронные сети (далее – нейросеть) играют ключевую роль. Э. Бриньольфссон, А. Макафи полагают, что искусственный интеллект (далее – ИИ) и нейросети могут стать самой важной технологией общего назначения современной эпохи [1]. Нейросети, в том числе и большие языковые модели, начинают применяться в различных областях: экономике, маркетинге, социологии и др. При этом достижения в области ИИ могут приводить к серьезным последствиям на рынке труда [2–4], трансформируя профессиональные компетенции специалистов разных сфер [5], в том числе и социологов, изменяя их стратегию и влияя на производительность труда. Некоторые исследователи акцентируют внимание на том, что применение ИИ, нейросетей может привести к усилению цифрового неравенства¹ и неравенства в целом [6–7].

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

На применение нейросетей в исследованиях можно посмотреть с точки зрения акторно-сетевой теории [8], согласно которой нейросети выступают как определенный актор, влияющий на социальную действительность. Они все чаще используются для систематизации больших данных, прогнозирования результатов влияния на социум. Тем самым нейросети глубоко проникают в общество, представляя собой социотехнические системы, и в них ценности, институциональные практики и неравенство встроены в сам код, дизайн и практики использования ИИ. Специалисты по ИИ, нейросетям для обучения LLM (англ. large language model – большая языковая модель) вводят существующие данные, чтобы в итоге LLM могли принимать автономные решения, которые активно реинтегрируются обратно в социум [9–11]. Например, поддерживая или принимая решения о том, какие дороги необходимо ремонтировать, кому выплачивать социальные пособия [12–13]. С точки зрения акторно-сетевого подхода можно посмотреть, какие взаимосвязи выстраиваются между профессионалами и нейросетями, как они связаны с организационным контекстом, пространственным распределением рабочих мест и системами неравенства [14–15].

Применение LLM в анализе результатов социологических исследований может привести к изменению компетенций социолога, а именно к приобретению технических навыков работы с соответствующими инструментами и программным обеспечением, визуализации данных, а также к пониманию основных принципов машинного обучения². Также социологам важно развивать навыки интерпретации данных, полученных с помощью нейросетей, чтобы понимать, какие выводы можно сделать на основе анализа больших объемов данных. Для уменьшения искажений и ошибок в интерпретации результатов важны навыки критического мышления, умения оценивать методы и модели, используемые в нейросетевом анализе. Социологи должны быть гибкими и готовыми к обсуждению этических вопросов, связанных с применением нейросетей, а также к инновациям, поскольку новые методы анализа могут потребовать пересмотра традиционных подходов к социологическому исследованию.

Применение LLM можно рассматривать как инновационный процесс. При этом стоит отметить, что долгое время к инновациям, в том числе и к нейросетям, преобладал подход в рамках технико-технологической и экономической парадигмы, что привело к господству коммерческих показателей при оценке инновационной деятельности, включая большие языковые модели. Следствием длительного доминирования коммерческих аспектов в инновационной теории стали противоречия в практической реализации инновационных проектов и моделей LLM, такие как низкая инновационная восприимчивость и мотивация, с техническими возможностями, опережающими способности адаптации людей к изменениям, нехваткой управленческих ресурсов, что связано с несформированностью инновационной культуры [16]. Таким образом, необходимо больше внимания уделять формированию инновационной культуры, в частности культуре применения LLM в социологических исследованиях, повышению уровня информированности общества о целях и преимуществах использования больших языковых моделей как примера инноваций, а также развитию мотивации и готовности к применению LLM в социологических исследованиях с учетом этических аспектов.

¹ Казун А. Цифровой разрыв: зачем нужны ученые после появления ChatGPT? Режим доступа: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/cifrovoy-razryv-zachem-nuzhny-uchenye-posle-pojavlenija-chatgpt> (дата обращения: 25.07.2024).

² Малышев А. Нейросети в работе исследователя. Режим доступа: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/neiroseti-v-rabote-issledovatelja> (дата обращения: 25.07.2024).

С одной стороны, традиционные методы анализа результатов социологического исследования могут иметь ограничения в точности, эффективности и скорости обработки больших объемов данных и LLM способны помочь автоматизировать и улучшить процесс их обработки, способствуя повышению эффективности анализа данных, возможности обрабатывать их большие объемы, выявлению трендов и ключевой информации, повышению точности и глубины анализа, выявлению скрытых связей, что в конечном итоге может привести к более качественным выводам и решениям на основе полученных данных. Однако, с другой стороны, при применении больших языковых моделей в социологическом исследовании возникает ряд проблем, требующих дальнейшего изучения:

- точность интерпретации (как точно модели LLM могут интерпретировать и анализировать ответы на вопросы анкеты? Существует ли риск искажения результатов из-за особенностей работы моделей?);
- обработка неструктурированных данных (как модели LLM могут обрабатывать неструктурированные данные, такие как открытые ответы на вопросы, сравнительно с традиционными методами?);
- приватность данных (как обеспечить конфиденциальность и безопасность данных респондентов при использовании моделей LLM для анализа результатов анкетирования?);
- сравнение с традиционными методами (как сравнивать эффективность и точность использования моделей LLM с традиционными методами статистического анализа результатов анкетирования?).

Также возможно, что большие языковые модели умеют принимать решения на основе обучающих данных, которые могут содержать предвзятости или искажения, что способно повлиять на результаты анализа. Для успешного применения моделей LLM в анализе результатов исследования необходимо учитывать данные противоречия и контекст исследования, разрабатывать методы проверки и коррекции результатов, чтобы минимизировать возможные ошибки и искажения. Хотя примеры применения нейронных систем в социологии есть. Так, В.В. Круглов, М.И. Дли показали пример использования нейросетей для кластерного анализа [17], А.Ф. Шакирова – для построения индекса социальных настроений [18], Е.Е. Фомина – для получения кластеров респондентов в зависимости от их мотивации к благотворительной деятельности [19]. А.В. Мальцева, Н.Е. Шилкина и О.В. Махныткина показали возможности методов Data Mining (англ. добыча данных) в анализе больших объемов данных [20]. Д. Котов приводит пример применения ChatGPT для проведения факторного анализа³. Важно проводить дополнительные исследования и тестирования для подтверждения достоверности полученных результатов с помощью именно LLM.

Целью данной статьи является оценка потенциала применения языковых моделей (LLM) в анализе количественных данных социологического исследования.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННЫХ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЯХ

OPENAI GPT-4O

OpenAI GPT-4o⁴, выпущенная в 2024 г., является одной из самых передовых и широко используемых больших языковых моделей на сегодняшний день. Она была разработана на основе предыдущих версий GPT с применением новейших алгоритмов машинного обучения и огромных объемов текстовых данных для тренировки.

GPT-4o демонстрирует впечатляющие возможности в генерации высококачественного текста, понимании контекста и адаптации к различным задачам. Модель способна генерировать связные и логичные тексты на самые разные темы: от новостных статей до художественной прозы и поэзии. Она также показывает высокие результаты в задачах вопросно-ответного диалога, классификации текстов, перефразирования, резюмирования и перевода между языками.

Одним из ключевых преимуществ GPT-4o является ее способность к дообучению на небольших наборах данных, что позволяет быстро адаптировать модель к специфическим предметным областям и задачам. Такую возможность предоставляют расширения – GPT (англ. GUID Partition Table – таблица разделов GUID), которые можно настроить для решения конкретных задач⁵.

³ Котов Д. Алгоритмы искусственного интеллекта в прикладных социологических исследованиях. Режим доступа: https://sociodigger.ru/articles/articles-page/algorithmy-iskusstvennogo-intellekta-v-prikladnykh-sociologicheskikh-issledovaniyakh#_ftn1 (дата обращения: 25.07.2024).

⁴ OpenAI. Hello GPT-4o. Режим доступа: <https://openai.com/index/hello-gpt-4o/> (дата обращения: 27.07.2024).

⁵ Eloundou T., Manning S., Mishkin P., Rock D. GPTs are GPTs: an early look at the labor market impact potential of large language models. Режим доступа: <https://arxiv.org/abs/2303.10130> (дата обращения: 27.07.2024).

Несмотря на свою мощь, GPT-4o не лишена некоторых ограничений. Модель может генерировать фактические ошибки, проявлять предвзятость и производить текст, не соответствующий этическим нормам. Разработчики постоянно работают над улучшением безопасности и надежности модели, но эти проблемы пока остаются актуальными.

ANTHROPIC CLAUDE 3.5

Anthropic Claude 3.5⁶, также известная как Claude 3.5 Sonnet, была представлена в 2024 г. как конкурент GPT-4o. Модель разработана с целью предоставить пользователям мощные возможности генерации текста, программного кода, сравнимые с GPT-4o.

Claude 3.5 демонстрирует высокую производительность в широком спектре задач, включая генерацию текста, вопросно-ответный диалог, классификацию текстов, анализ данных. Модель показывает значительные результаты в задачах, требующих логического рассуждения и последовательности.

Anthropic придерживается принципов ответственного развития ИИ и предоставляет подробную документацию и библиотеку различных запросов (промтов).

Несмотря на свои сильные стороны, Claude 3.5 уступает GPT-4o в некоторых аспектах, таких как разнообразие генерируемого текста и способность к быстрой адаптации, но превосходит ее в аналитических задачах. Модель также ограничена в своих возможностях обработки больших объемов данных. Для некоторых задач требуется разделять данные на несколько частей.

GOOGLE GEMINI

Google Gemini⁷, особенно в своей последней версии 1.5 Pro, представляет собой мощную альтернативу GPT-4o и Claude 3.5. Модель была выпущена в 2024 г. и быстро завоевала популярность.

Gemini 1.5 Pro демонстрирует значительные результаты в тестах, обходя конкурентов в ряде задач. Модель отличается способностью к отличному пониманию контекста, распознаванию сущностей и извлечению смысловых связей из текста. Это делает ее отличным инструментом для задач, связанных с анализом и интерпретацией данных.

Одним из уникальных преимуществ Gemini 1.5 Pro является ее способность к использованию не только текстовых, но и визуальных данных. Это позволяет модели эффективно работать с комбинированными данными, такими как изображения с подписями или диаграммы с пояснениями.

Модель все еще находится в процессе активной разработки и тестирования. Она может демонстрировать непоследовательность в результатах и требует дальнейшей оптимизации.

СРАВНЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Сравнение GPT-4o, Claude 3.5 и Gemini 1.5 Pro показывает, что каждая из этих моделей имеет свои особенности и преимущества. GPT-4o остается лидером в генерации текста и адаптации к различным задачам, Claude 3.5 выделяется своими аналитическими возможностями, а Gemini 1.5 Pro демонстрирует возможности работы как с текстом, так и с изображениями.

Выбор конкретной модели для различных типов задач зависит от конечных потребностей пользователя: бюджет, требуемые функции, предпочтения в области безопасности и этики, а также специфика решаемых задач.

Все популярные большие языковые модели продолжают развиваться и совершенствоваться, и в ближайшем будущем мы можем ожидать дальнейшего повышения их производительности и расширения возможностей.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ АНАЛИЗ

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ LLM ДЛЯ АНАЛИЗА КОЛИЧЕСТВЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Применение больших языковых моделей для анализа количественных данных открывает новые возможности в социологических исследованиях. Одним из ключевых преимуществ LLM является их способность работать с неструктурированными текстовыми данными, что позволяет анализировать открытые вопросы анкет и другие нечисловые источники информации.

⁶ Anthropic. Официальный сайт. Режим доступа: <https://www.anthropic.com> (дата обращения: 28.07.2024).

⁷ Gemini. Официальный сайт. Режим доступа: <https://gemini.google.com> (дата обращения: 29.07.2024).

Использование LLM устраняет необходимость предварительного кодирования ответов респондентов, поскольку модель сама способна распознавать семантические закономерности в текстовых данных. Это упрощает процесс подготовки данных и снижает риск влияния субъективных факторов исследователя на результаты.

Кроме того, LLM могут выполнять сложные аналитические задачи, такие как кластеризация респондентов по их ответам, выявление латентных тем и факторов, построение типологий и концептуальных моделей. Это обеспечивает более глубокое понимание исследуемых явлений.

Важной особенностью LLM является возможность объяснять полученные результаты в форме связного текста, что облегчает интерпретацию данных и формулировку выводов. Большие языковые модели способны генерировать аналитические отчеты и тексты, используя научный стиль изложения.

Следует отметить, что на сегодняшний день LLM все еще имеют ограничения в работе с количественными данными и должны использоваться совместно с традиционными статистическими методами анализа. Однако развитие технологий машинного обучения позволяет прогнозировать возрастание роли больших языковых моделей в анализе статистических данных в будущем.

Для проверки возможностей анализа количественных социологических данных при помощи LLM был взят массив результатов опроса, проведенного одним из российских вузов, – особенности деятельности самозанятых граждан на современном рынке труда [25]. Объем выборки – 1 215 респондентов. Массив данных, используемый для апробации, на момент написания текста настоящей статьи находился в открытом доступе и его можно было свободно скачать.

При помощи LLM на указанном массиве данных были апробированы следующие методы количественного анализа: частотные таблицы, сводные таблицы, средние значения и корреляции.

ЧАСТОТНЫЕ ТАБЛИЦЫ

Частотные таблицы являются одним из основных инструментов описательной статистики, позволяющим сжато представить распределение ответов респондентов на вопросы анкеты. При анализе количественных данных с помощью LLM возможно автоматическое построение частотных таблиц для любого вопроса анкеты.

Входной промт для LLM может выглядеть следующим образом: «Построй частотную таблицу для вопроса № X, учитывая все варианты ответов респондентов. В таблице должны быть указаны: частота, процент, валидный процент, накопленный процент».

В результате LLM сформирует требуемую частотную таблицу, подсчитав необходимые статистики для каждого варианта ответа. Это позволяет быстро получить первичное описание распределения данных без дополнительных вычислений.

Таблица 1

Ответ LLM (табличное представление): частотная таблица

Вопрос: в каком качестве Вы работаете в настоящее время?	Частота	Процент	Валидный процент
В качестве работника предприятия (организации), занятого по найму	1 025	84,4	84,4
Руководителем предприятия (организации) с привлечением других работников на постоянной основе (работодатель)	67	5,5	5,5
В качестве работника собственного предприятия или собственного бизнеса (доходного занятия) без привлечения других работников	122	10	10
Другое	1	0,1	0,1
Всего	1 215	100	100

Составлено авторами по материалам исследования

Помимо табличного представления, LLM может генерировать текстовые интерпретации полученных частот, выделяя наиболее характерные варианты ответов, группируя близкие по смыслу ответы и т.д.

Ответ LLM (описание): «Подавляющее большинство респондентов (84,4 %) работают в качестве наемных работников предприятий или организаций. Это свидетельствует о том, что традиционная модель занятости по найму остается наиболее распространенной формой трудовых отношений. Только 5,5 % опрошенных являются работодателями, руководителями предприятий с наемными работниками. Интересно, что 10 % респондентов работают на себя, являясь индивидуальными предпринимателями или самозанятыми без привлечения наемных работников. Эта категория представляет собой сектор малого бизнеса и фрилансеров. Незначительная доля (0,1 %) респондентов указали другой вариант занятости, не вошедший в перечисленные категории. В целом данные демонстрируют преобладание наемного труда и относительно небольшую долю самозанятых и работодателей в структуре занятости населения».

Использование LLM для построения частотных таблиц избавляет исследователя от рутинных подсчетов, снижает вероятность ошибок, связанных с человеческим фактором, и ускоряет процесс первичного анализа данных.

СВОДНЫЕ ТАБЛИЦЫ

Сводные таблицы представляют собой мощный инструмент для анализа и наглядного представления многомерных данных. Построение сводных таблиц вручную может быть трудоемким и подверженным ошибкам процессом. Применение LLM позволяет автоматизировать их создание на основе неструктурированных данных анкет.

Для получения сводной таблицы достаточно сформулировать соответствующий промт для LLM, указав переменные, по которым необходимо произвести группировку данных, а также меры, которые требуется рассчитать в таблице (частоты, средние, суммы и т.д.).

Промт может выглядеть следующим образом: «Построй сводную таблицу по вопросам № X и № Y. Подсчитывай количество значений, без процентов».

В ответ LLM сгенерирует требуемую сводную таблицу в соответствии с запросом, автоматически выполнив все необходимые вычисления статистических показателей. Указанная в примере таблица построена по вопросам:

- в какой мере Вы удовлетворены содержанием Вашего труда по основному месту работы?
- оформлена ли Ваша основная работа (занятие) официально трудовым соглашением (договором, контрактом) между Вами и работодателем (заказчиком) или уполномоченными органами?

Таблица 2

Ответ LLM (табличное представление): сводная таблица

Ответ на вопрос	Затрудняюсь ответить	Полностью удовлетворен(а)	Скорее не удовлетворен(а)	Скорее удовлетворен(а)	Совсем не удовлетворен(а)	Итого
Оформлена	35	245	177	555	32	1 044
Не оформлена	5	44	36	65	9	159
Затрудняюсь ответить	1	4	2	4	1	12
Итого	41	293	215	624	42	1 215

Составлено авторами по материалам исследования

Преимуществами использования LLM для создания сводных таблиц являются высокая скорость, отсутствие ошибок, возможность построения сложных многомерных сводок, а также гибкость в формате представления результатов (таблица, текст, визуализация).

Ответ LLM (описание): «Большинство респондентов (624 человека) скорее удовлетворены своей работой, что является положительным фактором. При этом значительная доля (555 человек) среди тех, чья работа оформлена, также скорее удовлетворены. Это может свидетельствовать о том, что наличие

официального трудового договора и социальных гарантий повышает уровень удовлетворенности работой. Стоит обратить внимание на группу респондентов, чья работа не оформлена официально. Среди них наибольшее количество (65 человек) скорее удовлетворены, однако 36 человек скорее не удовлетворены, а 9 человек совсем не удовлетворены своей неоформленной работой. Это может указывать на проблемы и риски, связанные с неформальной занятостью. Интересно, что среди тех, кто затруднился ответить об оформлении работы, мнения разделились почти поровну между удовлетворенными и неудовлетворенными. В целом данные демонстрируют относительно высокий уровень удовлетворенности работой, особенно среди тех, чья занятость оформлена официально. Однако присутствует заметная группа неудовлетворенных, в том числе среди неоформленных работников».

Таким образом, LLM значительно упрощают проведение разнообразных аналитических процедур над количественными данными опросов.

СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ

Средние значения являются одними из наиболее широко используемых статистических показателей для описания количественных данных. Традиционно расчет средних осуществляется с помощью формул или функций статистических пакетов. Однако применение LLM позволяет получать средние значения напрямую из текстовых данных опросов.

Для вычисления средних LLM достаточно указать в промте переменную, для которой требуется найти среднее, и дать инструкцию произвести расчет.

Промт может выглядеть следующим образом: «Вычисли общее среднее значение возраста респондентов по вопросу X».

LLM проанализирует текстовые ответы, извлечет числовые значения возраста и рассчитает среднее арифметическое или среднее взвешенное в зависимости от типа данных.

Ответ LLM: «В ходе опроса были собраны данные о годах рождения 1 215 респондентов. Анализ этих данных показал, что средний возраст респондентов на момент опроса составлял 46 лет. Наиболее ранний год рождения среди опрошенных – 1920, а наиболее поздний – 2001. Таким образом, в выборке присутствовали респонденты различных возрастных групп – от молодых людей до людей преклонного возраста».

Таким образом, LLM выступают универсальным инструментом для оперативного расчета и содержательного анализа средних значений по количественным данным социологических опросов.

КОРРЕЛЯЦИИ

Анализ корреляций является одним из фундаментальных методов изучения взаимосвязей между переменными в количественных исследованиях. Традиционно корреляционный анализ выполняется с использованием статистических пакетов на числовых данных. Однако с развитием технологий обработки естественного языка появилась возможность применения LLM для нахождения корреляций в текстовых данных опросов.

Для выявления корреляционных связей между переменными LLM может быть дан следующий промт: «Проанализируй данные вопросов X и Y и определи, существует ли корреляция между уровнем дохода респондентов и их удовлетворенностью жизнью. Рассчитай коэффициент корреляции и оцени его значимость».

В ответ LLM осуществит поиск упоминаний соответствующих переменных в текстовых ответах респондентов, извлечет числовые значения (если применимо) и выполнит корреляционный анализ, представив результат в виде коэффициента корреляции и оценки его статистической значимости.

Ответ LLM: «Для проведения корреляционного анализа между вопросами Q3 (удовлетворенность трудом) и Q4 (официальное оформление работы) использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Рассчитанный коэффициент корреляции Спирмена составил 0,27, что указывает на слабую положительную корреляцию между переменными».

Результаты анализа показывают, что существует слабая положительная корреляция между удовлетворенностью содержанием труда и официальным оформлением работы. Это может означать, что наличие официального трудового соглашения между работником и работодателем в некоторой степени связано с более высоким уровнем удовлетворенности работой.

Однако обнаруженная корреляция является слабой, что указывает на влияние и других факторов на удовлетворенность трудом, помимо официального оформления. Тем не менее, полученные результаты могут послужить основанием для дальнейшего изучения роли официального трудоустройства в формировании позитивного отношения работников к своей профессиональной деятельности. Необходимо также учитывать, что корреляция не означает наличие причинно-следственной связи, и для более глубокого анализа требуется привлечение дополнительных данных и теоретических концепций.

Помимо расчета коэффициентов, LLM способны генерировать описательные интерпретации обнаруженных корреляций, сравнивать их с теоретическими ожиданиями или результатами других исследований. Кроме того, они могут выявлять более сложные, нелинейные взаимосвязи между переменными.

Использование LLM для корреляционного анализа текстовых данных опросов открывает новые возможности для изучения связей между различными аспектами социальных явлений и процессов, которые ранее было сложно операционализировать в виде числовых шкал. Это расширяет границы количественных методов социологического исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование возможностей применения больших языковых моделей для анализа количественных данных представляет собой важное направление развития методологических подходов. На основе проведенных экспериментов и теоретических изысканий можно сделать следующие выводы.

1. Универсальность и автоматизация. Модели демонстрируют высокую универсальность, обеспечивая автоматизацию анализа данных. Они эффективно обрабатывают как структурированные, так и неструктурированные данные, что особенно важно при работе с текстовыми ответами респондентов. Становится возможным оптимизация подготовки данных и снижаются риски субъективного влияния исследователя на результаты.

2. Повышение эффективности анализа. Использование моделей значительно ускоряет процесс первичного анализа данных, включая построение частотных и сводных таблиц, расчет средних значений, корреляций и другие статистические методы. Это способствует повышению точности и глубины анализа, позволяет выявлять скрытые связи и тренды, что может благоприятствовать формированию более обоснованных выводов.

3. Интерпретация и визуализация данных. Модели способны генерировать связные тексты, содержащие интерпретацию результатов анализа. С их помощью можно создавать аналитические справки, отчеты и различные графические визуализации, повышая наглядность результатов исследований.

4. Дополнение традиционных методов. Сегодня модели не заменяют, а дополняют традиционные инструменты количественного анализа данных. Совместное использование традиционных инструментов и моделей позволяет комбинировать сильные стороны обоих подходов, обеспечивая более комплексный и точный анализ данных.

5. Необходимость дальнейших исследований. Для повсеместной интеграции моделей в социологические исследования требуется провести сотни дополнительных исследований и тестов. Важно развивать методологические подходы, направленные на проверку достоверности и надежности результатов, полученных с помощью моделей.

6. Формирование инновационной культуры. Необходимо уделять внимание формированию инновационной культуры среди исследователей: повышать уровень информированности об использовании моделей, непрерывно развивать навыки работы с данными и осведомленность в технических вопросах.

Большие языковые модели – инструмент, способный значительно оптимизировать процесс анализа количественных данных в социологических исследованиях. Их применение может способствовать получению более глубоких и обоснованных выводов, что открывает новые горизонты для социологических исследований и благоприятствует развитию науки в целом.

Список литературы

1. *Brynjolfsson E., McAfee A.* The second machine age. Work, progress, and prosperity in a time of brilliant technologies. New York, London: W.W. Norton & Company; 2014. 320 p.
2. *Smith-Doerr L., Zilverstein Sh., Wilkerson T., Roberts Sh., Renski H., Green V. et al.* HTF (the future of work at the human-technology frontier). Understanding emerging technologies, racial equity, and the future of work. Alexandria: National Science Foundation; 2019. 37 p.

3. *Shestakofsky B.* Working algorithms: software automation and the future of work. *Work and Occupations*. 2017;4(44):376–423. <http://dx.doi.org/10.1177/0730888417726119>
4. *Dablin E.* Are robots stealing our jobs? *Socius*. 2019;5. <http://dx.doi.org/10.1177/2378023119846249>
5. *Felten E., Raj M., Seamans R.* Occupational, industry, and geographic exposure to artificial intelligence: a novel dataset and its potential uses. *Strategic Management Journal*. 2021;12(42):2195–2217. <http://dx.doi.org/10.1002/smj.3286>
6. *Joyce K., Smith-Doerr L., Alegria S., Bell S., Cruz T., Hoffman S.G., Noble S.U. et al.* Toward a sociology of artificial intelligence: a call for research on inequalities and structural change. *Socius*. 2021;7. <http://dx.doi.org/10.1177/2378023121999581>
7. *Brayne S.* Big data surveillance: the case of policing. *American Sociological Review*. 2017;5(82):977–1008. <http://dx.doi.org/10.1177/0003122417725865>
8. *Ламур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. Пер. с англ. И. Полонской. М: Высшая школа экономики; 2014. 384 с.
9. *Beer D.* The social power of algorithms. *Information, Communication & Society*. 2017;1(20):1–13. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2016.1216147>
10. *Burrell J.* How the machine “thinks”: understanding opacity in machine learning algorithms. *Big Data & Society*. 2016;1(13). <http://dx.doi.org/10.1177/2053951715622512>
11. *Pink S., Sumartojo Sh., Lupton D., La Bond H.Ch.* Mundane data: the routines, contingencies, accomplishments of digital living. *Big Data & Society*. 2017;1(4). <http://dx.doi.org/10.1177/2053951717700924>
12. *O’Neil C.* Weapons of math destruction. How big data increases inequality and threatens democracy. New York: Crown; 2016. 272 p.
13. *Enbanks V.* Automating inequality. How high-tech tools profile, police, and punish the poor. New York: St. Martin’s; 2018. 272 p.
14. *Smith-Doerr L.* Hidden injustice and anti-science. *Engaging Science, Technology, and Society*. 2020;6:94–101. <http://dx.doi.org/10.17351/ests2020.381>
15. *Vallas S., Schor J.B.* What do platforms do? Understanding the gig economy. *Annual Review of Sociology*. 2020;46:273–294. <http://dx.doi.org/10.1146/annurev-soc-121919-054857>
16. *Шавель С.А.* Социальные инновации в жизни общества. *Наука и инновации*. 2007;4:10–12.
17. *Круглов В.В., Али М.И.* Применение аппарата нейронных сетей для анализа социологических данных. *Социологические исследования*. 2001;9:112–114.
18. *Шакирова А.Ф.* Особенности применения нейросетевого и пространственного анализа в социологических науках на примере построения индекса социальных настроений жителей города Казани. В кн.: История, политология, социология, философия: теоретические и практические аспекты: сборник статей по материалам XXIII международной научно-практической конференции, том 8(16), Новосибирск, 5 августа 2019 г. Новосибирск: Ассоциация научных сотрудников «Сибирская академическая книга»; 2019. С. 47–50.
19. *Фомина Е.Е.* Применение аппарата нейронных сетей для анализа результатов анкетирования. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2020;2:99–110. <http://doi.org/10.15593/2224-9354/2020.2.8>
20. *Мальцева А.В., Шилкина Н.Е., Махныткина О.В.* Data mining в социологии: опыт и перспективы проведения исследования. *Социологические исследования*. 2016;3:35–44.

References

1. *Brynjolfsson E., McAfee A.* The second machine age. Work, progress, and prosperity in a time of brilliant technologies. New York, London: W.W. Norton & Company; 2014. 320 p.
2. *Smith-Doerr L., Zilberstein Sh., Wilkerson T., Roberts Sh., Renski H., Green V. et al.* HTF (the future of work at the human-technology frontier). Understanding emerging technologies, racial equity, and the future of work. Alexandria: National Science Foundation; 2019. 37 p.
3. *Shestakofsky B.* Working algorithms: software automation and the future of work. *Work and Occupations*. 2017;4(44):376–423. <http://dx.doi.org/10.1177/0730888417726119>
4. *Dablin E.* Are robots stealing our jobs? *Socius*. 2019;5. <http://dx.doi.org/10.1177/2378023119846249>
5. *Felten E., Raj M., Seamans R.* Occupational, industry, and geographic exposure to artificial intelligence: a novel dataset and its potential uses. *Strategic Management Journal*. 2021;12(42):2195–2217. <http://dx.doi.org/10.1002/smj.3286>
6. *Joyce K., Smith-Doerr L., Alegria S., Bell S., Cruz T., Hoffman S.G., Noble S.U. et al.* Toward a sociology of artificial intelligence: a call for research on inequalities and structural change. *Socius*. 2021;7. <http://dx.doi.org/10.1177/2378023121999581>
7. *Brayne S.* Big data surveillance: the case of policing. *American Sociological Review*. 2017;5(82):977–1008. <http://dx.doi.org/10.1177/0003122417725865>

8. *Latour B.* Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory. Trans. from Eng. I. Polonskaya. Moscow: Higher School of Economics; 2014. 384 p. (In Russian).
9. *Beer D.* The social power of algorithms. *Information, Communication & Society.* 2017;1(20):1–13. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2016.1216147>
10. *Burrell J.* How the machine “thinks”: understanding opacity in machine learning algorithms. *Big Data & Society.* 2016;1(13). <http://dx.doi.org/10.1177/2053951715622512>
11. *Pink S., Sumartojo Sb., Lupton D., La Bond H.Ch.* Mundane data: the routines, contingencies, accomplishments of digital living. *Big Data & Society.* 2017;1(4). <http://dx.doi.org/10.1177/2053951717700924>
12. *O’Neil C.* Weapons of math destruction. How big data increases inequality and threatens democracy. New York: Crown; 2016. 272 p.
13. *Eubanks V.* Automating inequality. How high-tech tools profile, police, and punish the poor. New York: St. Martin’s; 2018. 272 p.
14. *Smith-Doerr L.* Hidden injustice and anti-science. *Engaging Science, Technology, and Society.* 2020;6:94–101. <http://dx.doi.org/10.17351/ests2020.381>
15. *Vallas S., Schor J.B.* What do platforms do? Understanding the gig economy. *Annual Review of Sociology.* 2020;46:273–294. <http://dx.doi.org/10.1146/annurev-soc-121919-054857>
16. *Shavel S.A.* Social innovations in the life of society. *Science and Innovation.* 2007;4:10–12. (In Russian).
17. *Kruglov V.V., Dli M.I.* Application of neural network tools for the analysis of sociological data. *Sociological Studies.* 2001;9:112–114. (In Russian).
18. *Shakirova A.F.* Features of the use of neural network and spatial analysis in the sociological sciences on the example of building an index of social moods of residents of the city of Kazan. In: *History, political science, sociology, philosophy: theoretical and practical aspects: Proceedings of the XXIII International Scientific and Practical Conference, volume 8(16), Novosibirsk, August 5, 2019.* Novosibirsk: Association of Researchers “Siberian Academic Book”; 2019. Pp. 47–50. (In Russian).
19. *Fomina E.E.* Application of neural network tools for analysis of the survey results. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin.* 2020;2:99–110. (In Russian). <http://doi.org/10.15593/2224-9354/2020.2.8>
20. *Maltseva A.V., Shilkina N.E., Makhnutkina O.V.* Data mining in sociology: experience and outlook for research. *Sociological Studies.* 2016;3:35–44. (In Russian).

Ключевые социальные детерминанты российской многодетной семьи

Садыков Рамиль Мидхатович¹

Канд. социол. наук, ст. науч. сотр. сектора социально-политических исследований
ORCID: 0000-0002-1843-4857, e-mail: SadikovRM@mail.ru

Большакова Наталья Леонидовна²

Ст. преп. каф. социальной работы
ORCID: 0000-0001-5202-0642, e-mail: bolshakovanl@mail.ru

¹Институт социально-экономических исследований – обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Уфа, Россия

²Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Аннотация

В работе представлено исследование состояния, динамики и социальных характеристик многодетных семей в современной России. Авторы анализируют социальные факторы и особенности многодетности. Многодетные семьи претерпели значительные изменения, существенно трансформировались в процессе общественного развития и имеют новое социальное значение. Многодетность рассматривается как высший этап развития семьи и некий индикатор определенного уровня социально-экономического развития общества. Выявлено, что на текущем этапе развития общества количественные показатели многодетности сокращаются по численному составу детей, все большее распространение и популярность получают супружеские бездетные браки. Определены ключевые детерминанты и характеристики многодетных семей, такие как увеличение их числа, преобладание семей с тремя и четырьмя детьми, распространение многодетных семей в зависимости от региона проживания. Сохраняется негативная тенденция, которая подтверждает сформировавшуюся закономерность: с рождением каждого следующего ребенка семья становится малообеспеченной и менее благополучной. В многодетных семьях данная закономерность подтверждается: количество бедных семейных групп увеличивается. Определено, что число детей влияет на семейные отношения, финансовое положение и социально-психологическое благополучие. Ориентация на создание семей с множеством детей считается положительным фактором для развития института семьи.

Ключевые слова

Российская семья, многодетная семья, социальные характеристики, малоимущие семьи, количество детей, детность, образ многодетной семьи

Благодарности. Исследование выполнено в рамках государственного задания Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук № 075-00570-24-01 на 2024 г. и на плановый период 2025 г. и 2026 г.

Для цитирования: Садыков Р.М., Большакова Н.А. Ключевые социальные детерминанты российской многодетной семьи // Вестник университета. 2024. № 11. С. 216–223.

Key social determinants of the Russian large family

Ramil M. Sadykov¹

Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher at the Sector of Socio-Political Research
ORCID: 0000-0002-1843-4857, e-mail: SadikovRM@mail.ru

Natalya L. Bolshakova²

Senior Lecturer at the Social Work Department
ORCID: 0000-0001-5202-0642, e-mail: bolshakovanl@mail.ru

¹Institute of Social and Economic Research of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

²Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Abstract

The article presents a study of the state, dynamics, and social characteristics of large families in modern Russia. The authors analyse the social factors and features of having many children. The large families have undergone significant changes, have been greatly transformed in the process of social development and have a new social significance. Having many children is considered as the highest stage of family development and an indicator of a certain level of socio-economic development of society. It has been revealed that at the current stage of society's development, quantitative indicators of the large families are decreasing in terms of the number of children, and childless marriages are becoming more widespread and popular. The key determinants and characteristics of the large families are identified such as the increase in their number, predominance of families with three and four children, spread of the large families depending on the region of residence. A negative trend persists which confirms the established pattern: with the birth of every next child, the family becomes low-income and less prosperous. In the large families, this pattern is confirmed: the number of poor family groups is increasing. It is determined that the amount of children affects family relationships, financial situation, and socio-psychological well-being. The focus on creating families with many children is considered a positive factor for the development of the family institution.

Keywords

Russian family, large family, social characteristics, poor families, number of children, average number of children, large family image

Acknowledgements. The study has been conducted within the framework of the state assignment of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences No. 075-00570-24-01 for 2024 and for the planning period of 2025 and 2026.

For citation: Sadykov R.M., Bolshakova N.L. (2024) Key social determinants of the Russian large family. *Vestnik universiteta*, no. 11, pp. 216–223.

ВВЕДЕНИЕ

Для российской семьи как общественного механизма воспроизводства человека и как социального института в современных условиях общественного развития характерно наличие определенного кризиса, выражающегося в падении уровня рождаемости – снижении репродуктивной функции, распространении бездетных и малодетных семей, в незначительном количестве многодетных семей и слабой динамике их развития. Современное кризисное состояние демографической ситуации в стране заставляет принимать серьезные меры нивелирования сложившейся обстановки и увеличения численности российского населения: государственная поддержка семьи, повышение социальной ценности семей с детьми, возврат к фундаментальным представлениям о многодетной семье и др. [1].

Понятие многодетности с течением времени существенно трансформировалось в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) и приобрело новый социально значимый оттенок. Семья как социальный институт изменяется и развивается под влиянием социально-экономических условий жизнедеятельности общества, но в то же время ее развитие связано с внутренними факторами и обладает относительной самостоятельностью. Стоит отметить, что, с одной стороны, понятие многодетности рассматривается как высшее проявление и высшая ступень развития института семьи, с другой – согласно такому подходу многодетность скорее исключение, чем правило. Мнения в обществе существенно разнятся и значительно поменялись по сравнению с предыдущими столетиями, когда крайне необходимо было иметь большое количество детей для поддержания экономического уровня благосостояния семьи и общества в целом, и до нынешнего состояния, которое формируется на внутренних мотивах и проявляется как индивидуальный порыв самовыражения супругов. С другой стороны, многодетность рассматривается как некий индикатор определенного уровня социально-экономического и культурного развития, когда в обществе сформирован статистический тренд, что с увеличением количества детей в семье сокращается уровень достатка на каждого члена домохозяйства.

Многодетные семьи в современных социально-экономических условиях развития общества ежедневно сталкиваются с множеством различных проблем и противоречий. Распространенными проблемами многодетных семейных групп являются финансово-материальные, жилищно-бытовые, проблемы здоровья и образования детей, а также вопросы взаимоотношений внутри семьи, воспитания, поддержания и социализации детей. Наличие тех или иных острых противоречий приводит к дисбалансу и различным нарушениям функционирования, особенно многодетных семей, справиться с которыми самостоятельно большинство домохозяйств не в состоянии, что обуславливает необходимость оказания помощи и поддержки со стороны государственных и негосударственных структур [2].

Цели исследования – изучение состояния и динамики многодетных семей в России, определение их социальных детерминант и характеристик.

Достижение цели настоящего исследования реализовывалось на основе применения основных научных методов системного, логического, статистического анализа.

ОБСУЖДЕНИЕ

Важным внешним фактором, оказывающим значительное влияние на репродуктивное поведение семьи, являются существующие общественные нормы детности, принятые в социуме. Первоначально религиозные представления, общественные социально-культурные традиции, а также реализация воспроизводства населения при недостаточном уровне развития производственных сфер и медицины устанавливали высокую норму рождаемости, чтобы покрывать чрезмерную смертность населения. Одновременно с этим большое количество молодого поколения в прошлые столетия непосредственно связывалось с относительным благополучием и процветанием семьи, ее значительным экономическим и социальным вкладом для развития страны. Большие семьи со множеством детей и поколений способствовали наращиванию и становлению социальных связей и взаимодействий.

Современная семья из экономического, производственного института все больше превращается в морально-правовую, социальный союз мужчины и женщины, основанный на любви, личном выборе и партнерских отношениях. В семье все большую роль в обеспечении ее стабильности и прочности играют внутрисемейные личные отношения, ослабевает контроль со стороны общественного мнения.

На современном этапе общественного развития количественные показатели многодетности сокращаются по численному составу детей, поскольку чаще встречаются супружеские бездетные браки. Тем не менее, на законодательном уровне в большинстве стран мира, как и в РФ, многодетными семьями принято считать домохозяйства с тремя и более детьми.

В обществе все чаще рассматривают различные характеристики и аспекты многодетности, которые как в историческом аспекте, так и в социально-культурном плане определяют подходы к понятию многодетности и в перспективе позволяют ученым-исследователям обозначить направления решения возникающих вопросов, а именно:

- исследователями с точки зрения демографии ведется учет количества многодетных семей и рожденных детей;
- осуществляется анализ социальных признаков и ценностей, позволяющий сделать вывод о том, что большинство домохозяйств отказываются от большой семьи из-за изменения экономической составляющей потребности в детях и отсутствия необходимости в ней;
- раскрываются вопросы изменения репродуктивного поведения населения в разные временные, культурно-исторические периоды перехода от много- к средне- и малодетному образу жизни с учетом существующих в регионе исторических, национально-культурных форм демографического поведения семей;
- изучаются ценностно-мотивационные основы и установки современных многодетных родителей;
- исследуются социальные мотивы в репродуктивном поведении и многое другое [3].

Стоит подчеркнуть, что в зависимости от того, какие культурно-исторические и национально-этнические предпочтения преобладали на определенной территории с течением времени, а также какие демографические и социально-психологические установки сформировались у населения, проживавшего в определенной местности, каких направлений развития основополагающих базовых элементов формирования семейных ценностей придерживается социум на современном этапе, такие специфические особенности и будут приобретать все более ярко выраженный характер относительно аспектов многодетности.

Так, например, в социуме существует классический подход по отношению к образу многодетной матери:

- негативный тип. Чаще всего это женщина с асоциальным поведением, представляемая в качестве разных образов: от гламурной яркой женщины, которая не уделяет должного внимания своим детям и семье, а лишь использует их в качестве доказательства личной состоятельности, до антиподного образа женщины, которая попала в трудную жизненную ситуацию или ведет антиобщественный образ жизни;
- позитивный тип, идеализированный образ женщины. Выделяют три вида женщин: мать, выполняющая социальную роль асексуальной женщины, мечты которой заканчиваются на своих детях, семье и обязанностях; образ многодетной знаменитой матери со статусом звезды; женщина, которая с некоторой степенью успеха выполняет трудовые и семейные обязанности, периодически занимаясь рождением и воспитанием детей, формируя при этом позитивный и яркий образ успешной и счастливой матери [4].

Статус многодетности в социуме воспринимается достаточно противоречиво и многоаспектно, но продолжает фиксироваться на законодательном уровне. Создание семьи с целью продолжения рода и рождения детей, то есть удовлетворения потребности в детях, является одной из самых распространенных причин вступления в брак для россиян. Так, определено, что 48 % бездетных пар разводятся, в то время как разводы в семьях с детьми встречаются реже (лишь 34 % семей с одним ребенком и 16,5 % пар с двумя детьми). Статистика разводов многодетных семей довольно мала и даже скорее единична, а значит, можно сделать вывод, что дети – необходимое условие и залог крепкой семьи¹.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В России создано 24,5 млн семей, в которых проживают более 30 млн детей. По официальным данным Министерства труда и социальной защиты РФ, общее количество многодетных семейных домохозяйств в России по состоянию на 1 января 2023 г. составило 2,3 млн². В этих семьях живут и воспитываются 7,4 млн детей (в 2020 г. было 1,87 млн семей и 6,1 млн детей; в 2019 г. – 1,76 млн и 5,6 млн соответственно). Согласно представленным данным и динамике показателей, за последние годы количество многодетных семейных домохозяйств растет: за последние 5 лет прирост составил в пределах

¹ Информация о количестве многодетных семей в субъектах Российской Федерации по состоянию на 1 января 2023 года по данным органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Режим доступа: http://komitet26.km.duma.gov.ru/upload/site8/document_news/028/489/817/7.1.1._Prilozhenie_Mintrud_Rossii-tablitsa_o_kolichestve_mnogodetnykh_semey.pdf (дата обращения: 05.08.2024).

² Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 05.08.2024).

30 %. Около 20 % российского молодого поколения сегодня живут, воспитываются и получают поддержку в многодетных семьях (табл. 1). Согласно Всероссийской переписи населения 2020 г., в 55 % семей с детьми воспитывался один ребенок, в 33 % – два, в 12 % – три и более детей. Число бездетных семей растет и составляет на сегодня около 30 % от общего количества³.

Таблица 1

Распределение многодетных семей в федеральных округах и субъектах РФ (на 1 января 2023 г.)

Регион	Всего, тыс. семей
Центральный федеральный округ, в том числе:	514 676
– Москва;	201 146
– Московская область;	101 601
– Воронежская область	21 616
Северо-Западный федеральный округ, в том числе:	157 655
– Санкт-Петербург;	53 005
– Вологодская область;	20 518
– Ленинградская область	20 237
Северо-Кавказский федеральный округ, в том числе:	352 160
– Чеченская Республика;	121 074
– Республика Дагестан;	117 771
– Ставропольский край	44 614
Южный федеральный округ, в том числе:	255 208
– Республика Крым;	101 169
– Ростовская область;	51 045
– Краснодарский край	31 679
Приволжский федеральный округ, в том числе:	328 778
– Республика Татарстан;	42 203
– Республика Башкортостан;	40 358
– Пермский край	36 153
Уральский федеральный округ, в том числе:	209 868
– Свердловская область;	67 169
– Челябинская область;	41 638
– Ханты-Мансийский автономный округ	37 257
Сибирский федеральный округ, в том числе:	280 078
– Иркутская область;	48 018
– Красноярский край;	45 989
– Новосибирская область	42 235
Дальневосточный федеральный округ, в том числе:	158 202
– Республика Саха (Якутия);	36 492
– Республика Бурятия;	25 893
– Приморский край	23 603

Источник⁴

В табл. 1 представлены регионы с наибольшим количеством многодетных семей. Максимальные показатели многодетности зафиксированы в Москве – 201 145, Московской области – 101 600, Чеченской Республике – 121 074, в Республике Дагестан – 117 771, Республике Крым – 101 168. Также представлены регионы России, где проживают многодетные семьи с 11 и более детьми (табл. 2). В России свыше 2 500 семей воспитывают 10 и более детей.

³ Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. Режим доступ: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 05.08.2024).

⁴ Информация о количестве многодетных семей в субъектах Российской Федерации по состоянию на 1 января 2023 года по данным органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Режим доступа: http://komitet26.km.duma.gov.ru/upload/site8/document_news/028/489/817/7.1.1._Prilozhenie_Mintrud_Rossii-tablitsa_o_kolichestve_mnogodetnykh_semey.pdf (дата обращения: 05.08.2024).

Таблица 2

Распределение многодетных семей с 11 и более детьми в РФ (на 1 января 2023 г.)

Регион	Всего семей
Республика Крым	62
Чеченская Республика	53
Москва	44
Ростовская область	41
Рязанская область	22

Источник⁵

Необходимо отметить, что с 1 июля 2024 г. в России планируется внедрение реестра многодетных семей, который позволит упростить процедуру предоставления льгот. Также Президент РФ подписал Указ «О проведении в Российской Федерации Года семьи в 2024 году»⁶.

Количество многодетных домохозяйств увеличивается, что подтверждается статистическими данными и является положительной социальной динамикой для демографической ситуации в стране. В то же время сохраняется негативная тенденция, которая подтверждает сформировавшуюся закономерность: с рождением каждого следующего ребенка семья становится малоимущей и менее благополучной (табл. 3).

Таблица 3

Доля бедных семей с детьми до 16 лет в РФ

Показатель	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Доля малоимущих домохозяйств с детьми в возрасте до 16 лет, в % к общей численности малоимущих домохозяйств, имеющих:	82,5	80,9	79,8	79,7
– одного ребенка;	23,9	21,5	23,2	20,8
– двух детей;	33,3	33,4	30,4	30,5
– трех и более детей	25,5	26,1	26,6	28,4

Источник⁷

В семьях с одним, двумя детьми наблюдается положительная тенденция: происходит постепенное сокращение малоимущих детных семей. В многодетных же семьях противоположная картина: в последние годы количество бедных многодетных семей увеличивается. Также стоит отметить, что в целом уменьшается доля малоимущих семей с детьми: в 2018 г. данный показатель составлял 82,5 %, в 2021 г. – 79,7 %.

В обществе существует мнение, что большое количество детей в семьях наблюдается в основном в малообеспеченных и малоимущих домохозяйствах, что подтверждается официальными статистическими данными. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что чем больше детей в семье, тем ниже уровень ее благосостояния. Это является отрицательной характеристикой и негативной тенденцией происходящих в обществе социально-демографических процессов. Образ многодетной семьи в социуме, как мы уже упоминали, имеет многозначное восприятие, начиная от негативных признаков, характеризующих малообеспеченные семьи, и заканчивая позитивным образом [5].

Большинство российских граждан не представляют свою семейную ячейку без молодого поколения, что свидетельствует об ориентированности на рождение детей. В современных социально-экономических условиях жизнедеятельности общества в существующую модель семьи заведомо заложен фактор детности, и это является положительным элементом для развития института семьи и гипотетического увеличения количества детей в семье, что может позитивно отразиться на демографической ситуации в стране.

В табл. 4 представлены основные причины, которые поясняют многодетность в РФ и оказывают влияние на нее.

⁵ Информация о количестве многодетных семей в субъектах Российской Федерации по состоянию на 1 января 2023 года по данным органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Режим доступа: http://komitet26.km.duma.gov.ru/upload/site8/document_news/028/489/817/7.1.1._Prilozhenie_Mintrud_Rossii-tablitsa_o_kolichestve_mnogodetnykh_semey.pdf (дата обращения: 05.08.2024).

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации года семьи». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220013?ysclid=m37c1c1s8l986620461> (дата обращения: 06.08.2024).

⁷ Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. Режим доступ: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 05.08.2024).

Причины, по которым семьи становятся многодетными

Причина	Распространенность, %
Незапланированная беременность	55
Повторный брак	27
Осознанный выбор	12
Безответственность родителей	6

Составлено авторами по материалам источника [6]

Особо следует отметить те репродуктивные установки, которые на данный момент времени определены в обществе и, как следствие, оказывают значительное влияние на многодетность. Возрастающая роль семьи в воспитании, поддержании и социализации молодого поколения делает ее одним из важнейших устоев общества.

В то же время в современной России наблюдается негативная тенденция сокращения как общей численности населения, так и суммарного коэффициента рождаемости (табл. 5).

Численность постоянного населения и суммарный коэффициент рождаемости в России

Показатель	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Численность постоянного населения (на 1 января), чел.	147 840 697	147 959 285	147 455 746	146 980 062	146 447 425
Суммарный коэффициент рождаемости (число детей на одну женщину)	1,504	1,505	1,505	1,416	1,411

Источник⁸

Если обозначенный тренд сохранится, то для достижения значительных изменений сложившихся обстоятельств придется осуществлять весомые и часто радикальные мероприятия, касающиеся изменений уровня демографического развития.

Вместе с тем для России отмечен новый исторический показатель в аспекте наличия детей в семье, когда за счет уменьшения количества рождения первенцев наблюдается увеличение количества бездетных семей: около 30 % от общего количества [7].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из вышесказанного, к основным социальным детерминантам и характеристикам многодетности в России следует отнести:

- рост количества многодетных семей: за последние 10 лет – в два раза;
- доля многодетных семей в России – более 10 % от общего числа домохозяйств с детьми, в которых живут и воспитываются 24,6 % всех детей;
- распространение многодетных домохозяйств в некоторых отдельных регионах РФ (зависимость от конкретной территории проживания, влияние национально-этнических традиций и крупных мегаполисов). Наибольшее количество многодетных и больших домохозяйств представлены в Чеченской Республике, Республике Дагестан, Московской области, Республике Крым, в Москве и Санкт-Петербурге;
- преобладание домохозяйств с тремя детьми (75,8 % от общего количества многодетных семей), семейных ячеек с четырьмя детьми (16,7 %);
- преобладание в обществе домохозяйств с одним ребенком (55 % от общего количества семей) и двумя детьми (33 % от общего количества семей);
- рост количества бездетных семейных союзов (около 30 % от общего количества семей).

В соответствии с наиболее общепризнанным подходом, который укоренился на данный момент времени, в России широко распространена двухдетная модель семьи. При этом важно отметить, что

⁸ Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. Режим доступ: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 05.08.2024).

значимую и, как правило, очень весомую роль в процессе рассмотрения факторов, влияющих на количество детей, представляет собой экономический фактор, который является довольно неоднозначным. Так, в определенных случаях его рассматривают как мотиватор, способствующий росту достатка семьи с увеличением количества детей, но в некоторых случаях дети и увеличение их количества расцениваются как бремя, которое снижает экономическое благосостояние семьи, сокращая причитающуюся долю на одного ее члена. Тем не менее, по статистике и по наиболее распространенному мнению, к сожалению, с увеличением количества детей благосостояние семьи снижается.

Выход вопросов многодетных семей на качественно новый уровень и решение демографической проблемы невозможны без создания надлежащих условий и стимулов для роста рождаемости, принятия эффективных программ поддержки материнства, детства и семьи. Необходимо сделать многодетность национальной идеей развития России и создать всевозможные условия для помощи многодетным семьям. Заданный Президентом РФ вектор движения на традиционные семейные ценности и принятые меры государственной поддержки будут способствовать развитию многодетных семей.

Список литературы

1. *Большакова Н.А., Гайфуллин А.Ю., Мигунова Ю.В., Садыков Р.М., Файзуллин Ф.С.* Семья и дети в России: современное состояние и перспективы развития. Уфа: Институт социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук; 2016. 212 с.
2. *Садыков Р.М., Большакова Н.А.* Модернизация института семьи через призму ее структурных и функциональных изменений. Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2021;5(17):968–982. <https://doi.org/10.24891/ni.17.5.968>
3. *Банных Г.А., Зайцева Е.В., Костина С.Н., Кузьмин А.И.* Феномен многодетности в России: социологический анализ изменений. Вопросы управления. 2019;1(56):22–36. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2019-1-22-36>
4. *Банных Г.А., Зайцева Е.В., Костина С.Н., Кузьмин А.И.* Образ многодетной матери в пространстве российского Интернета. Социум и власть. 2019;1(75):42–52.
5. *Гришина Е.Е.* Материальное положение многодетных семей и факторы роста их доходов. Финансовый журнал. 2024;1(16):45–60. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2024-1-45-60>
6. *Шажматова Н.В.* Образ жизни многодетной семьи: социологический ракурс изучения. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2013;3(13):6–8.
7. *Гурко Т.А.* Семейные факторы репродуктивного поведения. Социологические исследования. 2023;12:72–82. <https://doi.org/10.31857/S013216250029338-4>

References

1. *Bolshakova N.L., Gajfullin A.Yu., Migunova Yu.V., Sadykov R.M., Fajzullin F.S.* Family and children in Russia: current state and prospects of development. Ufa: Institute of Social and Economic Research of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; 2016. 212 p. (In Russian).
2. *Sadykov R.M., Bolshakova N.L.* Modernization of the family institution through the prism of its structural and functional changes. National Interests: Priorities and Security. 2021;5(17):968–982. (In Russian). <https://doi.org/10.24891/ni.17.5.968>
3. *Bannykh G.A., Zaitseva E.V., Kostina S.N., Kuzmin A.I.* The phenomenon of large families in Russia: a sociological analysis of changes. Management Issues. 2019;1(56):22–36. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2019-1-22-36>
4. *Bannykh G.A., Zaitseva E.V., Kostina S.N., Kuzmin A.I.* The image of a mother with many children in the Russian Internet space. *Socium i vlast'*. 2019;1(75):42–52. (In Russian).
5. *Grishina E.E.* Financial situation of large families and factors of their income growth. Financial Journal. 2024;1(16):45–60. (In Russian). <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2024-1-45-60>
6. *Shabmatova N.V.* Large family's way of life: a sociological aspect of studying. *Izvestiya of Saratov university*. New series. Series: Sociology. Politology. 2013;3(13):6–8. (In Russian).
7. *Gurko T.A.* Family factors of reproductive behavior. Sociological Studies. 2023;12:72–82. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013216250029338-4>

Особенности репродуктивного поведения студенческой молодежи на примере Тамбовской области Российской Федерации

Филиппенко Владислав Алексеевич

Аспирант

ORCID: 0009-0007-5875-3151, e-mail: filippenko.vladislav@yandex.ru

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Россия

Аннотация

В работе приведен анализ демографической ситуации в Тамбовской области и региональной политики в этом вопросе. Отмечается сложная демографическая ситуация в рассматриваемом регионе. На основе результатов социологического исследования студенческой молодежи региона была выявлена высокая степень значимости самореализации, саморазвития и достижения материального благополучия. Создание семьи становится менее важным в жизненные цели студенческой молодежи. Отмечается зависимость репродуктивных планов респондентов от их представления о том, как сложится жизнь. Чем увереннее молодые люди в жизненном успехе, тем с большей уверенностью они заявляют о планах рождения детей. Приверженность человека к религии может оказывать сильное влияние в случае незапланированной беременности и принятия решения об аборте. Для более полной реализации возможностей репродуктивного поведения молодежи необходимо развивать меры как региональной, так федеральной поддержки, так как данные меры способны оказывать положительное влияние на фактор уверенности в будущем, а также на то, что в случае тяжелой жизненной ситуации молодая семья всегда сможет обратиться к кому-то за помощью. Кроме того, особенно важно формировать представления о возможности успешного совмещения родительских обязанностей, самореализации и построения карьеры. Для более глубокого понимания этих процессов необходимо продолжать изучать данный вопрос.

Ключевые слова

Репродуктивное поведение, демография, рождаемость, студенты, молодежь, Тамбовская область, аборт, уверенность в будущем

Для цитирования: Филиппенко В.А. Особенности репродуктивного поведения студенческой молодежи на примере Тамбовской области Российской Федерации // Вестник университета. 2024. № 11. С. 224–236.

Features of reproductive behaviour of students on the example of the Tambov region of the Russian Federation

Vladislav A. Filippenko

Postgraduate Student

ORCID: 0009-0007-5875-3151, e-mail: filippenko.vladislav@yandex.ru

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract

The article provides an analysis of the demographic situation in the Tambov region and regional policy on this issue. There is a difficult demographic situation in the entity under consideration. Based on the results of the sociological study of the student youth of the region, a high degree of importance of self-realisation, self-development, and achievement of material well-being is revealed. The creation of a family becomes less important in the life goals of the student youth. The dependence of the respondents' reproductive plans on their idea of what life will be like. The more confident young people are in life success, the more confident they are about having children. A person's commitment to religion can have a strong impact in the case of unplanned pregnancy and the decision to have an abortion. For a more complete realisation of the possibilities of reproductive behaviour of the young people, it is necessary to develop measures of both regional and federal support, since these measures can have a positive impact on the factor of confidence in the future and also that in the case of a difficult life situation, a young family will always have the opportunity to ask someone for help. In addition, it is especially important to form ideas about the possibility of successfully combining parental responsibilities, self-realisation and career building. For a deeper understanding of these processes, it is necessary to continue studying this issue.

Keywords

Reproductive behaviour, demography, fertility, students, youth, Tambov region, abortions, confidence in the future

For citation: Filippenko V.A. (2024) Features of reproductive behaviour of students on the example of the Tambov region of the Russian Federation. *Vestnik universiteta*, no. 11, pp. 224–236.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение репродуктивного поведения молодежи в Тамбовской области представляет собой важную тему по ряду причин.

Во-первых, репродуктивное поведение напрямую влияет на демографическую ситуацию в регионе. Поэтому важно проводить анализ тенденций в сфере рождаемости, желаемого и ожидаемого числа детей, а также рассматривать возможные проявления абортивного поведения.

Во-вторых, для более глубокого понимания репродуктивного поведения необходимо изучать и ценностные ориентации молодежи, так как исходя из своих ценностей выстраивается жизненная траектория и совершаются попытки достичь целей, которые обозначены и ценностями.

В-третьих, в Тамбовской области складывается сложная демографическая обстановка, которая обуславливается множеством факторов, оказывающих негативное влияние на динамику численности населения. Регистрируется ее стабильное сокращение (2016 г. – 1 045,3 тыс. чел., 2019 г. – 1 011,4 тыс. чел., 2022 г. – 982,9 тыс. чел., а к 2025 г. население сократится до 936,4 тыс. чел., к 2030 г. – до 909,3 тыс. чел., к 2035 г. – до 879,36 тыс. чел., согласно прогнозу социально-демографического развития Тамбовской области до 2035 г.)¹.

Итак, анализ репродуктивного поведения молодежи в Тамбовской области имеет множество практических применений, которые помогут не только понять текущее состояние, но и спланировать действия для улучшения социальных и демографических показателей региона.

В связи с вышеизложенными положениями важно подчеркнуть, что целями данной работы являются изучение некоторых особенностей репродуктивного поведения и анализ факторов, которые могут прямо или опосредованно оказывать на него влияние.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

Для решения поставленных целей необходимо провести теоретический анализ работ и исследований, которые ставили перед собой вопросы изучения репродуктивного поведения и выявления влияющих на него аспектов.

В конце прошлого века сформировалась теория репродуктивного поведения. В свое время ее разрабатывали В.А. Борисов, А.И. Антонов, В.В. Бойко. Авторы теории подчеркивают, что падение показателей рождаемости в первую очередь связано с изменением мотивационной структуры для рождения детей. На данный момент психологические мотивы превалируют над экономическими стимулами и социальными нормативами [1–3].

Э. Божуан и К. Бергхаммер отмечают жесткую конкуренцию между жизненными ориентирами молодых людей, которые заставляют их лавировать с разной степенью успешности между приоритетами. Об этом же говорят В.Н. Архангельский, Е.Н. Васильева, А.Е. Васильева [4; 5].

Также О.А. Козлова и О.О. Секички-Павленко отмечают: влияние экономических и социальных факторов может быть опосредованным. Однако вместе с тем подчеркивают, что нельзя преуменьшать важность данных аспектов, так как хорошие материальные условия способны выступать фундаментом, на основе которого может быть создана семья. В этом случае важно говорить о более рационализированном подходе к планированию семьи и рождению детей [6].

Формирование репродуктивного поведения – сложный процесс, на который оказывает влияние множество факторов. Одними из таких факторов могут выступать степень религиозной приверженности человека, следование религиозным нормам и т.д. Такой точки зрения, к примеру, придерживается ряд зарубежных ученых, например А. Лассве, М. Сирони, В. Басси, К. Вестофф, а также Н. Патерсон [7–9].

Кроме того, помимо общих концепций, объясняющих формирование репродуктивного поведения, существует теория регионального развития, которая дополняет понимание демографических процессов, основываясь на особенностях развития рассматриваемой территории. Так, данную концепцию в свое время разрабатывали Д.И. Валентей, Г.М. Федоров, С.В. Соболева, С.В. Захаров, Ж.А. Зайончковская и Н.В. Зубаревич [10–15].

¹ Прогноз социально-экономического развития Тамбовской области на долгосрочный период до 2035 года. Режим доступа: <https://ekon.tmbreg.ru/econom/prognoz/prognoz-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-tambovskoj-oblasti-na-dolgosrochnyj-period-do-2035-goda.html?ysclid=lgbe4poon944546019> (дата обращения: 12.09.2024).

Реализация репродуктивной функции может также прямо или косвенно зависеть от уровня стабильности дел в стране и мире. Если человек уверен в своем будущем и может думать о долгосрочном планировании, то это повышает шансы реализации данной функции. Подобными исследованиями занимались как отечественные ученые (Т.К. Ростовская, О.А. Золотарева, Е.Н. Васильева), так и зарубежные (А. Лебано и Л. Джеймисон) [16; 17].

Данные тезисы находят свое подтверждение в исследовании репродуктивных установок молодежи в Воронежской области, которое было проведено О.И. Марар и Л.В. Коваль. Авторы отмечают, что барьерами в реализации репродуктивной функции могут быть плохое экономическое положение, отсутствие собственной жилой площади. Кроме того, жизнь без детей может рассматриваться как вариант нормы жизни и не находит негативной реакции у большей части молодых людей [18].

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В данной работе рассматривается кейс Тамбовской области, поэтому необходимо понимать демографические тенденции региона. Ранее уже отмечался вариант прогноза по изменению численности населения в области. Прежде всего уменьшение численности населения региона обусловлено несколькими факторами.

Во-первых, если рассматривать суммарный коэффициент рождаемости за последние 12 лет, то прослеживается динамика снижения данного показателя с 1,42 в 2012 г. до 1,21 в 2023 г. Можно предположить, что такая динамика будет продолжаться и в дальнейшие годы.

При анализе возрастных показателей рождаемости также видна тенденция сокращения количества рождений среди молодежи. Так, с 2000 г. сократился показатель в возрастной группе 20–24 лет с 105,9 рождений в среднем до 61,8 на 1 тыс. женщин, а также в возрасте 15–19 лет с 34,8 в 2000 г. до 14,8 в 2022 г.

Во-вторых, в регионе наблюдается отрицательное сальдо миграции. Так, в 2018 г. миграционный прирост населения составил 9 917 чел., в 2019 г. – 1 775 чел., в 2020 г. – 1 803 чел., в 2021 г. – 9 чел. и в 2022 г. – 3 207 чел. То есть на протяжении последних лет из региона уезжало больше людей, чем приезжало в него².

В-третьих, географическое положение Тамбовской области также стоит рассматривать как один из факторов, влияющих на демографическую картину региона. Кроме того, факторы включают развитость транспортной инфраструктуры, а также относительную близость к более развитым субъектам (Москва и Московская область, а также Белгородская, Воронежская, Липецкая, Курская и Рязанская области). Такая ситуация в свою очередь может оказывать двойственное влияние на развитие субъекта. Прежде всего регионы с более высоким уровнем жизни привлекают молодых людей из Тамбовской области.

Так, в рейтинге регионов по качеству жизни Тамбовская область занимает 47-е место. Сравним: Рязанская область – 25-е место, Курская – 24-е, Липецкая – 18-е, Воронежская – 13-е, Белгородская – 11-е, Московская – 3-е и Москва – 1-е³.

Власти региона осознают наличие серьезных демографических проблем, поэтому в области существует множество мер поддержки семей с детьми, а также мер, направленных на формирование семейно-ориентированного образа жизни и положительных репродуктивных установок.

В 2023 г. в Тамбовской области была принята программа повышения рождаемости на территории региона на 2023–2025 гг. Так, в рамках различных мероприятий планируются проведение профилактических осмотров несовершеннолетних для выявления патологий на ранних стадиях, ежегодная диспансеризация для женщин от 18 до 35 лет. Особо стоит отметить меры, направленные на повышение положительных репродуктивных установок, профилактику прерываний беременности и на консультирование с психологами по данной теме. В рамках программы планируются меры поддержки молодых студенческих семей, а именно перевод матерей, обучающихся на платной основе и получающих среднее профессиональное образование, на обучение за счет региона, а также предоставление комнат в студенческих общежитиях⁴.

² ЕМИСС. Миграционный прирост. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/61749> (дата обращения: 12.09.2024).

³ РИА Рейтинг. Рейтинг регионов по качеству жизни – 2023. Режим доступа: <https://riarating.ru/infografika/20240212/630257500.html> (дата обращения: 12.09.2024).

⁴ Распоряжение Правительства Тамбовской области от 29.06.2023 г. № 503-р «Об утверждении региональной программы по повышению рождаемости на территории Тамбовской области на 2023–2025 годы». Режим доступа: https://uprsoc.tmbreg.ru/DOC/2023/Rasporyajenie_503.pdf (дата обращения: 12.09.2024).

Вопросы поддержки работающих родителей в регионе активно прорабатываются. Так, например, совместно с работодателями обсуждаются механизмы поощрения работников с семьями с детьми при приеме на работу.

Пропаганда семейно-ориентированного образа жизни планируется через такие мероприятия, как проведение праздников «День семьи, любви и верности», «День матери» и других, а также конкурса «Семья года», организация клубов для молодых семей, создание книжных и культурных мероприятий, создающих положительные впечатления и формирующие установку на создание многодетной семьи.

Кроме того, Тамбовская область стала пилотным регионом в контексте реализации проекта стимулирования рождаемости. Запуск проекта произошел в сентябре 2023 г., предположительная дата окончания – конец 2024 г. Тамбовская область выступила в качестве инициатора создания программы по повышению показателей рождаемости и получила поддержку со стороны государства. В состав рабочей группы по реализации указанного пилотного проекта вошли ряд федеральных министерств, например Министерство здравоохранения Российской Федерации (далее – РФ, Россия), Министерство науки и высшего образования России, Министерство труда и социальной защиты РФ и другие ведомства.

В рамках реализации подобной программы планируется масштабный перечень мер и мероприятий, которые будут включать в себя сохранение и улучшение показателей репродуктивного здоровья населения, минимизацию аборт, поддержку молодых и студенческих семей, работающих родителей. Кроме того, планируется стимулировать рождаемость в сельской местности, увеличивать количество процедур экстракорпорального оплодотворения, совершенствовать систему медицинских осмотров несовершеннолетних, а также расширять консультационную и медицинскую помощь беременным и людям в трудной жизненной ситуации. В целом на основе подобных мер, по задумке авторов, должна сформироваться устойчивая система ценностей семейно-ориентированного поведения⁵.

Также губернатор Тамбовской области в середине 2023 г. внес в Тамбовскую Думу законопроект о запрете склонения к аборту, в рамках которого будет сформирована система штрафных санкций для лиц, содействующих склонению к искусственному прерыванию беременности⁶.

Однако стоит отметить, что, несмотря на множество негативных проявлений, политика, направленная на поддержку многодетных семей, и в целом формирование нормы семей с тремя и более детьми приносят свои плоды. Так, в Тамбовской области стабильно растет число многодетных семей. К примеру, в 2012 г. в регионе было зарегистрировано 5 576 семей с тремя и более детьми, а в 2022 г. их количество составило уже 10 082. Таким образом, произошло увеличение практически в два раза⁷.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическая база представлена данными авторского социологического исследования, которое было проведено в марте-апреле 2024 г. среди студенческой молодежи в Тамбовской области.

Опрос проводился в дистанционном формате. Генеральная совокупность составляет 56,6 тыс. чел., которые являются студентами, обучающимися на программах бакалавриата, специалитета, магистратуры, на программах подготовки специалистов среднего звена, и квалифицированных рабочих, служащих.

Тип выборки – поточная. Предложение пройти опрос размещалось в тематических группах, связанных с Тамбовской областью, в социальных сетях. Для сохранения репрезентативности и набора целевой аудитории опроса в начале анкеты проводился скрининг респондентов. Выборочная совокупность составила 208 чел. Данное количество респондентов в выборочной совокупности позволяет получить необходимый объем данных для общего понимания сути изучаемой проблемы.

В дальнейшем возрастные границы планируется расширить и рассматривать особенности репродуктивного поведения молодежи в возрасте от 18 до 35 лет.

⁵ Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 14.12.2023 г. № 874 «Об организации проведения мониторинга пилотного проекта, направленного на стимулирование рождаемости». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408515925/> (дата обращения: 12.09.2024).

⁶ Моисеева Н. В Тамбовской области установят запрет на склонение к искусственному прерыванию беременности. Режим доступа: https://www.tambovoblдума.ru/press-tsentr/poslednie-novosti/v_tambovskoy_oblasti_ustanovyat_zapret_na_sklonenie_k_iskusstvennomu_preryvaniyu_beremennosti/?sphrase_id=26009 (дата обращения: 13.09.2024).

⁷ Информация о количестве многодетных семей в субъектах Российской Федерации по состоянию на 1 января 2023 года по данным органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Режим доступа: http://komitet2-6.km.duma.gov.ru/upload/site8/document_news/028/489/817/7.1.1._Prilozhenie_Mintrud_Rossii-tablitsa_o_kolichestve_mnogodetnykh_semey.pdf (дата обращения: 13.09.2024).

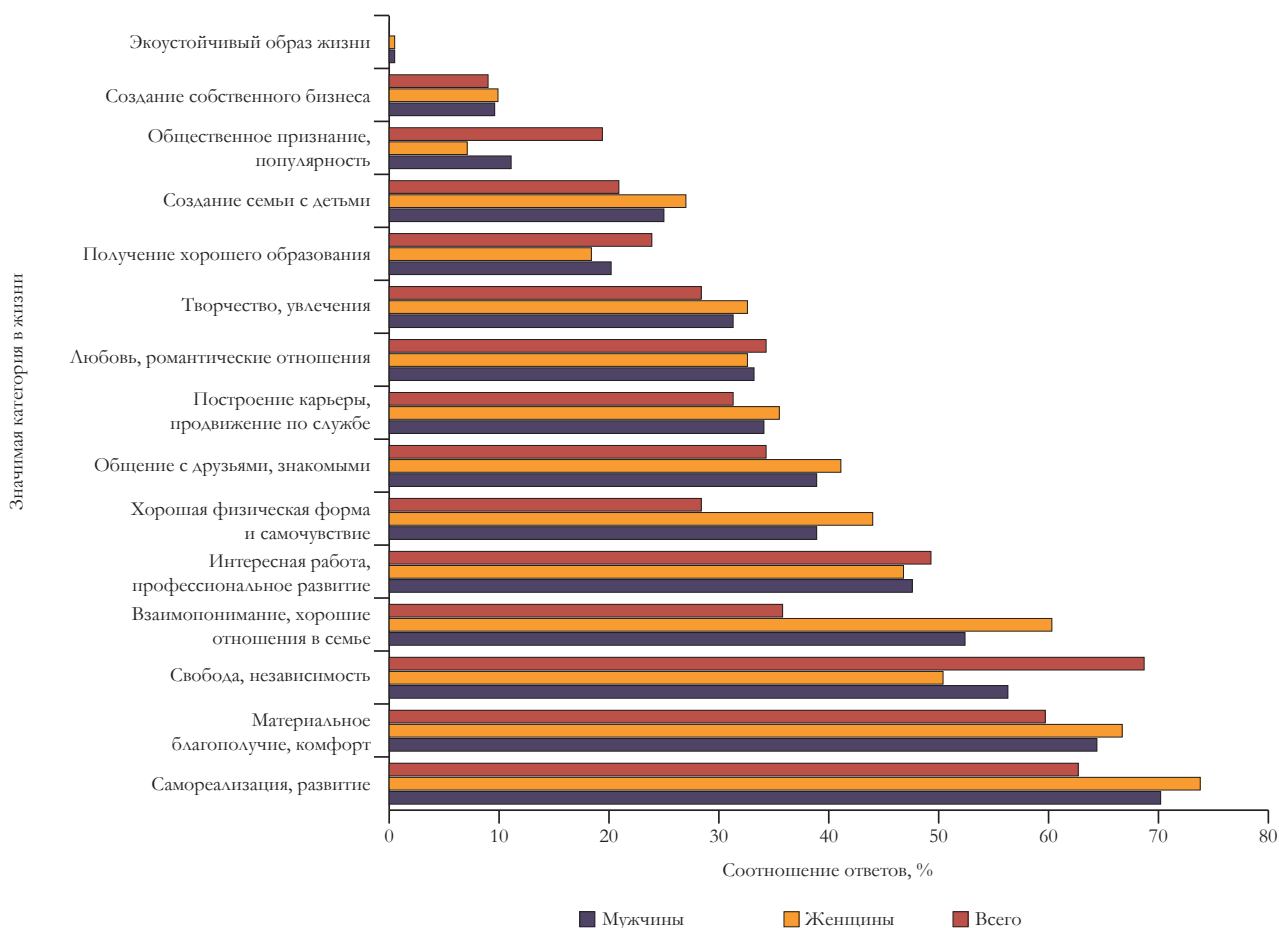
РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Так, среди участников опроса оказалось 67,8 % девушек и 32,2 % юношей. Возраст респондентов находился в рамках от 16 до 25 лет. Средний возраст составил 21 год. Абсолютное большинство опрошенных проживает в городах (91,8 %), 8,2 % живут в сельской местности. На момент опроса у 2,9 % было основное общее образование на базе 9 классов, у 11,5 % – среднее общее на базе 10–11 классов, у 3,4 % – среднее профессиональное (специальное), у 24,5 % – неполное высшее, у 57,7 % – высшее.

Большинство опрошенных являются холостыми и незамужними (72,6 %), находятся в отношениях или состоят в гражданском браке / сожительстве (19,2 %), в браке, зарегистрированном в органах записи актов гражданского состояния (8,2 %). При этом дети есть у 1,9 % опрошенных и среди них по одному ребенку.

Выходцев из многодетных семей оказалось 12,5 % от общего числа респондентов. При этом в семье, в которой росли респонденты, чаще всего было двое детей (48,6 %), 37,5 % были единственными детьми. Наряду с этим доля семей с тремя детьми и более составила 13,9 %. Стоит отметить, что 1,5 % опрошенных отметили, что росли в многодетной семье, хотя число детей в ней равнялось двум, что не соотносится с определением многодетной семьи.

Для выявления особенностей репродуктивного поведения важно понимать ценностные ориентации студенческой молодежи, так как, основываясь на своих ценностях, молодые люди формируют траекторию собственной жизни. Поэтому респондентам был задан вопрос о том, что для них является значимыми ценностями (рис. 1).

Составлено автором по материалам исследования

Рис 1. Значимые ценности студенческой молодежи Тамбовской области

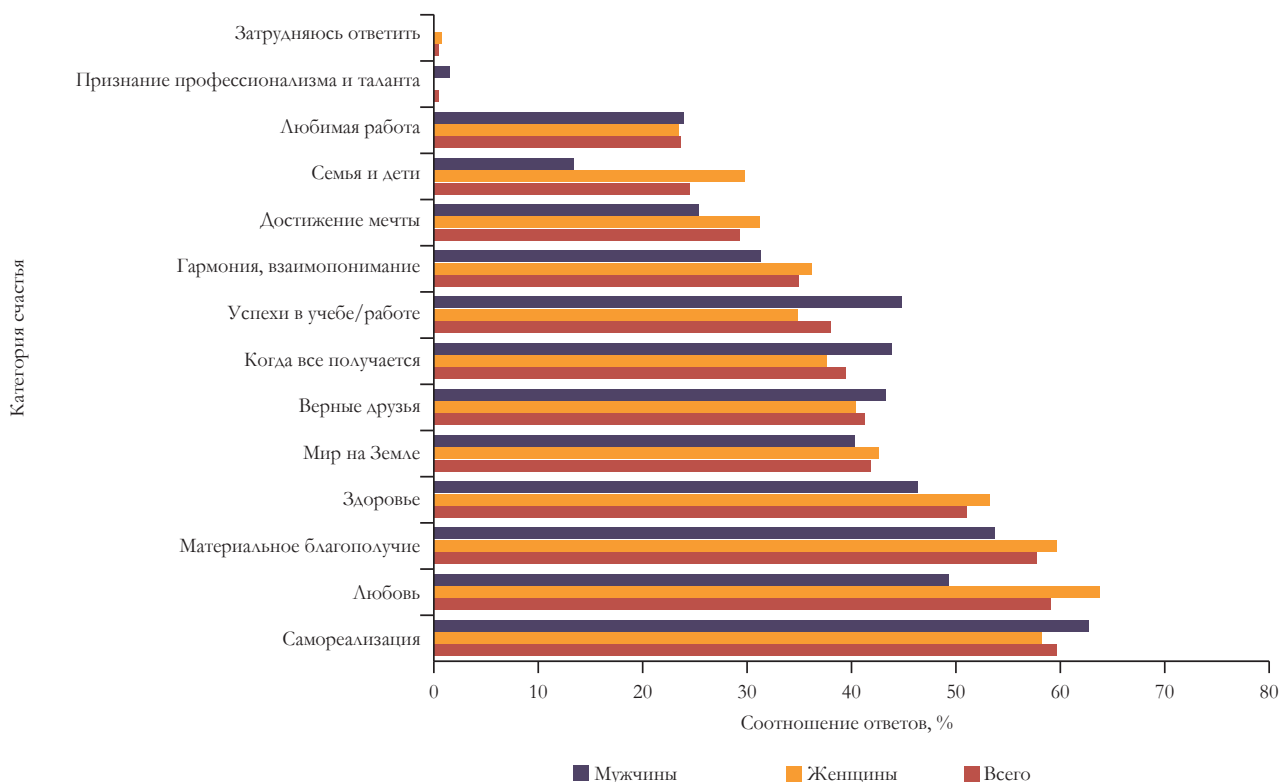
Наиболее важными ценностями являются самореализация, саморазвитие (70,2 %), достижение материального благополучия (64,4 %), свобода и личная независимость (56,3 %), а также хорошие отношения в семье (52,4 %) и наличие интересной работы с возможностью профессионального развития (47,6 %). При этом ценность создания семьи с детьми находится в нижней части рейтинга, и она важна для 25,0 % опрошенных.

Стоит отметить, что девушки в сравнении с юношами чаще рассматривают в качестве основных ценностей возможность самореализации (73,8 %), материальное благополучие (66,7 %), построение хороших отношений в семье (60,3 %), хорошую физическую форму и самочувствие (44,0 %), общение с друзьями и знакомыми (41,1 %), а также создание семьи с детьми (27,0 %).

Юноши чаще относят к главным ценностям личную свободу и независимость (68,7 %), получение хорошего образования (23,9 %), общественного признания (19,4 %).

Анализ рейтинга ценностей позволяет подтвердить гипотезу о том, что молодые люди рассматривают период своей молодости как наиболее активный период в жизни и в первую очередь хотят использовать его для саморазвития и реализации себя как личности.

Найти еще одно подтверждение можно при анализе ответов на вопрос о том, что делает респондентов счастливыми (рис. 2).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Что делает Вас счастливым?»

По данным рис. 2, самореализация делает 59,6 % респондентов счастливыми. Кроме того, осчастливить опрошенных могут любимый человек или возможность испытывать чувство любви (59,1 %), а также достижение материального благополучия (57,7 %).

Следует отметить, что юноши чаще считают себя счастливыми, если у них будут возможности для самореализации (62,7 %), при наличии успехов в работе или учебе (44,8 %), а также при осуществлении собственных планов (43,3 %). Девушки же будут чувствовать себя счастливыми, если получится найти свою любовь (63,8 %), достичь материального благополучия (59,6 %) или своей мечты (31,2 %), а также создать собственную семью (29,8 %).

При этом важно понимать, что ценностная иерархия не является недвижимой структурой и ее позиции в течение жизни могут меняться между собой местами. На данный момент для молодых людей более важными являются материальные стороны и вопросы личностного развития. Однако нельзя исключать, что с течением времени ценность семьи, брака и детей возрастет к более зрелому возрасту.

Ожидания от будущего могут существенно влиять на решение о планировании семьи и рождении детей. В связи с этим важно понимать, как студенческая молодежь Тамбовской области оценивает свои будущие перспективы (табл. 1).

Таблица 1

Оценка своего будущего студенческой молодежью Тамбовской области

Мнение о будущем	Пол, %		
	Мужской	Женский	Всего
С уверенностью и оптимизмом	32,8	41,1	38,5
Есть сомнения в том, что жизнь сложится удачно	43,3	35,5	38
Со страхом и пессимизмом	13,4	14,2	13,9
Затрудняюсь ответить	10,4	9,2	9,6
Всего	100,0	100,0	100,0

Составлено автором по материалам исследования

Так, значительное число респондентов с оптимизмом оценивает свою жизнь в будущем (38,5 %). При этом девушки склонны чаще в позитивном ключе рассуждать о предстоящей жизни и с уверенностью в том, что все сложится удачно в сравнении с юношами (41,1 и 32,8 % соответственно). Молодые люди, скорее, оценивают предстоящее будущее с некоторым скептицизмом (43,3 %). Также стоит отметить, что 13,9 % респондентов пессимистично настроены по поводу своих перспектив.

Оценка будущего при этом может зависеть не только от пола респондента, но и от места проживания, поскольку последним обусловлены варианты построения жизненных траекторий (табл. 2.).

Таблица 2

Оценка своего будущего студенческой молодежью Тамбовской области в зависимости от места проживания

Мнение о будущем	Место проживания, %		
	Город	Село/деревня/поселок	Всего
С уверенностью и оптимизмом	37,7	47,1	38,5
Есть сомнения в том, что жизнь сложится удачно	39,8	17,6	38
Со страхом и пессимизмом	13,1	23,5	13,9
Затрудняюсь ответить	9,1	11,8	9,6
Всего	100,0	100,0	100,0

Составлено автором по материалам исследования

Так, жители сел/деревень и поселков, с одной стороны, более уверены в том, что их жизнь сложится удачно в сравнении с представителями городской молодежи (47,1 и 37,7 % соответственно), но с другой – больше боятся развития негативного сценария (23,5 % против 13,1 % среди городского населения).

Субъективная оценка своего будущего может оказывать также влияние на планы рождения детей (табл. 3).

Таблица 3

Зависимость планов на рождение детей от оценки своего будущего студенческой молодежью Тамбовской области

Оценка своего будущего	Степень согласия, %					Всего
	Точно да	Скорее да	Скорее нет	Точно нет	Затрудняюсь ответить	
С уверенностью и оптимизмом	56,6	27,6	6,6	2,6	6,6	100,0
Есть сомнения в том, что жизнь сложится удачно	22,8	38,0	11,4	5,1	22,8	100,0
Со страхом и пессимизмом	10,3	24,1	20,7	17,2	27,6	100,0
Затрудняюсь ответить	25,0	35,0	25,0	–	15,0	100,0
Всего	33,8	31,9	12,3	5,4	16,7	100,0

Составлено автором по материалам исследования

Так, респонденты, которые склонны с оптимизмом оценивать свое будущее, в большинстве точно планируют иметь детей – 84,2 % (56,6 % – «точно да» и 27,6 % – «скорее да»).

Страх за свое будущее, напротив, снижает желание иметь детей. Среди опрошенных, которые негативно оценивают свои перспективы, не планируют детей 37,9 % («скорее нет» – 20,7 %, «точно нет» – 17,2 %). При этом 27,6 % респондентов из этой же категории затрудняются ответить на вопрос о планах рождения детей.

В целом значительно увеличивается доля сомневающихся дать какой-либо ответ при отсутствии уверенности в будущем. Таким образом, можно однозначно говорить о том, что от видения картины своего будущего могут зависеть планы о рождении детей. Похожие выводы также делает Н.В. Круглов и подчеркивает значимость уверенности в будущем для реализации репродуктивной функции [19].

В рамках формирования и реализации репродуктивного поведения важными показателями выступают идеальное и ожидаемое количество детей в жизни человека по его собственным представлениям.

Так, в ходе исследования удалось выяснить, что среднее желаемое число детей у респондентов составило 1,88 ребенка. При этом дисперсия мнений находилась в интервале от 0 до 5 детей, а модальное значение равнялось 2.

Среднее ожидаемое количество детей оказалось значительно ниже и составило 1,29 ребенка. Разброс мнений относительно количества детей тоже находился в рамках от 0 до 5. Модальное значение, в свою очередь, равнялось одному ребенку (табл. 4).

Таблица 4

Зависимость идеального/ожидаемого количества детей от пола

Идеальное количество детей, %							
Пол	0	1	2	3	4	5	Всего
Мужской	13,4	17,9	38,8	19,4	3,0	7,5	100,0
Женский	8,5	21,3	55,3	12,1	1,4	1,4	100,0
Всего	10,1	20,2	50,0	14,4	1,9	3,4	100,0
Ожидаемое количество детей, %							
Пол	0	1	2	3	4	5	Всего
Мужской	23,9	32,8	34,3	9,0	–	–	100,0
Женский	19,1	36,9	40,4	2,8	–	0,7	100,0
Всего	20,7	35,6	38,5	4,8	–	0,5	100,0

Составлено автором по материалам исследования

Разрыв в значениях между ожидаемым и желаемым количеством детей характерен не только для России и Тамбовской области в частности. Похожие показатели были зафиксированы в Европейском союзе и Соединенных Штатах Америки [4]. Молодые люди, с одной стороны, хотят создать крепкую семью с детьми, но, с другой стороны, также имеют амбиции в получении качественного образования, построения карьеры, что, в свою очередь, сдвигает в более поздние годы возраст рождения первого ребенка.

В связи с этим важно развивать меры поддержки в рамках формирования семейно-ориентированного поведения, которые могли бы включать в себя различные льготы, выплаты и субсидии. Важно информировать население о всех доступных способах их получения, а также формировать представления о возможности совмещения создания семьи и рождения детей с успешной реализацией образовательного и профессионального пути.

При этом, по данным табл. 4, при наличии всех необходимых условий 10,1 % не планируют иметь детей совсем. При оценке собственных ожиданий о количестве детей подобная категория опрошенных увеличивается в два раза и составляет 20,7 %. Если из этого исключить долю респондентов с условной чайлдфри направленностью, то оказывается, что 10,6 % пессимистично настроены в отношении своего будущего в плане рождения детей.

Важно подчеркнуть различия в соотношении идеального и ожидаемого количества детей среди юношей и девушек. Так, среди мужчин немного выше доля тех, кто не планирует иметь детей при наличии всех возможных условий. Эта доля значительно возрастает при анализе ожидаемого количества детей

с 13,4 до 23,9 % соответственно. Такая же динамика прослеживается и у женщин: рост отказа от детей с 8,5 до 19,1 %. При этом среди мужчин также выше доля тех, кто хотел бы иметь трех и более детей.

Успешная реализация мер по увеличению количества многодетных семей в Тамбовской области доказывает, что при наличии широких мер государственной поддержки семей с детьми расширяется потенциал увеличения рождаемости. В связи с этим необходимо распространять данные меры и на семьи, которые хотели бы иметь двух детей, но по различным причинам (в первую очередь социально-экономическим) отказываются от рождения второго ребенка.

Кроме того, важно отметить наличие связи между оценкой будущего и показателем ожидаемого количества детей. Так, человек, который склонен более негативно оценивать свое гипотетическое будущее, будет ожидать и меньшее количество детей соответственно, так как у него нет уверенности в том, что получится достичь необходимого уровня жизни для обеспечения их всем необходимым.

Схожие выводы о зависимости уверенности в будущем и принятия решения о рождении ребенка делают Т.К. Ростовская, О.А. Золотарева, Е.Н. Васильева [16]. Также стоит отметить: к подобным выводам приходят зарубежные исследователи А. Лебано и Л. Джеймисон. Они указывают, что неуверенность в экономическом положении и нестабильность рынка труда негативно сказываются на реализации репродуктивной функции [17].

На репродуктивное поведение в контексте рождения детей могут оказывать влияние и принадлежность человека к какой-либо вере и отношение к ней. Выявлено, что 42,8 % респондентов считают себя неверующими, 28,4 % – верующими, 18,3 % колеблются между верой и неверием, 8,2 % являются верующими, но не относят себя к какой-либо конкретной вере, а 2,4 % затруднились дать ответ (табл. 5).

Таблица 5

Зависимость идеального/ожидаемого количества детей от отношения к вере

Идеальное количество детей, %							
Отношение к вере	0	1	2	3	4	5	Всего
Я неверующий человек	16,9	22,5	43,8	14,6	1,1	1,1	100,0
Являюсь верующим	1,7	11,9	62,7	16,9	3,4	3,4	100,0
Сомневаюсь в своей вере	7,9	26,3	42,1	13,2	2,6	7,9	100,0
Верю, но не отношу себя к какой-либо религии	5,9	29,4	47,1	11,8	–	5,9	100,0
Затрудняюсь ответить	20,0	–	80,0	–	–	–	100,0
Всего	10,1	20,2	50,0	14,4	1,9	3,4	100,0
Ожидаемое количество детей, %							
Отношение к вере	0	1	2	3	4	5	Всего
Я неверующий человек	32,6	33,7	30,3	3,4	–	–	100,0
Являюсь верующим	6,8	32,2	52,5	8,5	–	–	100,0
Сомневаюсь в своей вере	15,8	44,7	31,6	5,3	–	2,6	100,0
Верю, но не отношу себя к какой-либо религии	17,6	29,4	52,9	–	–	–	100,0
Затрудняюсь ответить	20,0	60,0	20,0	–	–	–	100,0
Всего	20,7	35,6	38,5	4,8	–	0,5	100,0

Составлено автором по материалам исследования

На основе данных табл. 5 можно сделать вывод о том, что молодые люди, являющиеся верующими, с большей вероятностью могут быть более склонны к рождению детей в сравнении с теми, кто является атеистами. Кроме того, рождение детей рассматривается как обязательный атрибут жизни, и только в редких исключениях возможен отказ от этого.

Приверженность человека к вере также может определять его отношение к использованию средств контрацепции и к искусственному прерыванию беременности (табл. 6).

**Допущение вероятности искусственного прерывания беременности
в зависимости от отношения к вере**

Отношение к вере	Степень согласия, %					
	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Затрудняюсь ответить	Всего
Я неверующий человек	71,9	16,9	3,4	2,2	5,6	100,0
Являюсь верующим	8,5	16,9	20,3	30,5	23,7	100,0
Сомневаюсь в своей вере	52,6	21,1	15,8	2,6	7,9	100,0
Верю, но не отношу себя к какой-либо религии	76,5	17,6	5,9	–	–	100,0
Затрудняюсь ответить	60,0	40,0	–	–	–	100,0
Всего	50,5	18,3	10,6	10,1	10,6	100,0

Составлено автором по материалам исследования

Так, по данным табл. 6, заметно сильное различие мнений по вопросам вероятности проведения аборта. Респонденты, которые не являются верующими, в абсолютном большинстве допускают для себя вероятность обращения в медицинскую организацию с целью искусственного прерывания беременности – 88,8 % (71,9 % – «да», 16,9 % – «скорее да»), в то время как среди верующих таких 25,4 % (8,5 % – «да», 16,9 % – «скорее да»).

В религиозном контексте появление ребенка на свет часто рассматривается как часть Божьего замысла. Из этого следует, что вмешательство в репродуктивный процесс считается недопустимым, поскольку в нем участвует не только человек, но и Бог, создающий новую жизнь. Поэтому религиозные люди в большей степени склонны отказываться от такого способа предотвращения беременности.

При этом респонденты, которые считают себя верующими, но не соотносят себя с какой-либо конкретной верой, чаще рассматривают возможность аборта в случае незапланированной беременности.

Кроме того, важно подчеркнуть: студенческая молодежь крайне отрицательно относиться к обсуждениям о частичном ограничении или полном запрете проведения аборт. Такой точки зрения придерживаются 91,9 % (83,7 % – «отрицательно», 8,2 % – «скорее отрицательно»). Положительно бы отнеслись к подобной инициативе только 3,8 % (2,4 % – «положительно», 1,4 % – «скорее положительно»). Оставшаяся часть опрошенных затруднилась дать ответ (4,3 %).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного социологического исследования среди студентов Тамбовской области в целом расширяют представления о формирующемся репродуктивном поведении, а также подтверждают предположение о том, что молодежь в первую очередь стремиться самореализоваться, найти свое призвание и достичь хорошего уровня материального положения. Подобные устремления логично отодвигают возраст вступления в брак и рождения детей на более поздний срок.

В перспективе молодые люди хотели бы иметь двух детей в семье, но из-за неопределенности своего будущего снижают ожидания относительно количества. При этом вряд ли приходится говорить о росте численности населения при таком ожидаемом количестве детей, которое к тому же не всегда может быть достижимо в силу разных причин. Молодые люди предпочтут остановиться на одном ребенке, но сохранить возможность обеспечения его всем необходимым для развития и обучения.

В целом важность стабильности социально-экономической обстановки дел в регионе и стране способна оказывать положительное влияние на репродуктивные установки молодежи. В таком случае горизонт планирования может сильно увеличиваться. Непредсказуемость же, напротив, снижает возможности планировать что-то на перспективу.

В рамках решения демографических проблем региональным и федеральным властям необходимо разрабатывать меры поддержки, направленные на создание семей и рождение детей. Для молодых людей важна потребность в стабильном и уверенном будущем, поэтому органам власти нужно разработать такую картину, которая бы укрепляла данное чувство. Положительное влияние в данном вопросе могут

оказать широкие меры материальной, психологической и консультативной помощи, так как они будут формировать представления у молодых людей о том, что в случае необходимости от государства всегда можно получить помощь разного вида.

При этом важно иметь в виду, что даже незначительное отношение к религиозным верованиям может оказывать заметное влияние на абортное поведение. Также приверженность человека к какой-либо религии повышает вероятность ориентации на большее количество детей.

Для более полной реализации репродуктивной функции молодежи необходимо формировать представления о возможности успешного совмещения родительских обязанностей, самореализации, саморазвития и построения карьеры.

Список литературы

1. Антонов А.И. Кризис семьи и родительство. Проблемы родительства и планирования семьи. М.: Институт социологии Российской академии наук; 1992. 156 с.
2. Бойко В.В. Рождаемость: социально-психологические аспекты. М.: Мысль; 1985. 238 с.
3. Борисов В.А., Синельников А.Б. Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. М.: Научно-исследовательский институт семьи; 1995. 117 с.
4. Beaujonian E., Berghammer C. The gap between lifetime fertility intentions and completed fertility in europe and the united states: a cohort approach. *Population Research and Policy Review*. 2019;38:507–535. <https://doi.org/10.1007/s11113-019-09516-3>
5. Архангельский В.Н., Васильева Е.Н., Васильева А.Е. Репродуктивные намерения современной российской молодежи и оценка возможностей их реализации. *Logos et Praxis*. 2021;3(20):93–111. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.10>
6. Козлова О.А., Секицки-Павленко О.О. Модели рождаемости и репродуктивного поведения женского населения России: современные тенденции. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020;5(13):218–231. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.13>
7. Aassve A., Sironi M., Bassi V. Explaining attitudes towards demographic behaviour. *European Sociological Review*. 2011;2(29):316–333. <http://dx.doi.org/10.1093/esr/jcr069>.
8. Westoff C., Potvin R.H. Higher education, religion, and women's family size orientations. *American Sociological Review*. 1966;4(31):489–496. <https://doi.org/10.2307/2090772>
9. Paterson N. Adolescent family size preferences. *International Journal of Sociology of the Family*. 1972;2:231–245.
10. Валентей А.И. Система знаний о народонаселении. М.: Высшая школа; 1991. 367 с.
11. Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука; 1991. 130 с.
12. Федоров Г.М. Регион как территориальная система. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: естественные и медицинские науки*. 2010;1:20–26.
13. Соболева С.В. Демографические процессы в региональном социально-экономическом развитии. Новосибирск: Наука; 1988. 205 с.
14. Захаров С.В. Демографический переход в России и эволюция региональных демографических различий. *Демография и социология*. 1991;1:87–102.
15. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М.: Издательство АКИ; 2007. 251 с.
16. Ростовская Т.К., Золотарева О.А., Васильева Е.Н. Модели матримониального и репродуктивного поведения российской молодежи. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022;15(3):184–199. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.3.81.10>
17. Lebaro A., Jamieson L. Childbearing in Italy and Spain: postponement narratives. *Population and Development Review*. 2020;1(46):121–144. <https://doi.org/10.1111/padr.12313>
18. Мараф О.И., Коваль А.В. Репродуктивные установки учащейся молодежи (на примере Воронежского региона). *Регион: системы, экономика, управление*. 2022;4(59):81–89. <https://doi.org/10.22394/1997-4469-2022-59-4-81-89>
19. Круглов Н.В. Демографическое поведение населения города Иваново как фактор формирования демографической ситуации. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2010;3(19):32–37.

References

1. Antonov A.I. Family crisis and parenthood. Problems of parenthood and family planning. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 1992. 156 p. (In Russian).
2. Boyko V.V. Fertility: socio-psychological aspects. Moscow: Mysl; 1985. 238 p. (In Russian).

3. *Borisov V.A., Sinelnikov A.B.* Marriage and fertility in Russia: demographic analysis. Moscow: Scientific Research Institute of the Family; 1995. 117 p. (In Russian).
4. *Beaujouan E., Berghammer C.* The gap between lifetime fertility intentions and completed fertility in Europe and the United States: a cohort approach. *Population Research and Policy Review*. 2019;38:507–535. <https://doi.org/10.1007/s11113-019-09516-3>
5. *Archangelsky V.N., Vasilieva E.N., Vasilieva A.E.* Reproductive intentions of modern Russian youth and assessment of the possibilities of their realization. *Logos et Praxis*. 2021;3(20):93–111. (In Russian). <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.10>
6. *Kozlova O.A., Sekitski-Pavlenko O.O.* Patterns of birth rate and reproductive behavior of Russian female population: current trends. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2020;5(13):218–231. (In Russian). <https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.13>
7. *Aassve A., Sironi M., Bassi V.* Explaining attitudes towards demographic behaviour. *European Sociological Review*. 2011;2(29):316–333. <http://dx.doi.org/10.1093/esr/jcr069>
8. *Westoff C., Potvin R.H.* Higher education, religion, and women's family size orientations. *American Sociological Review*. 1966;4(31):489–496. <https://doi.org/10.2307/2090772>
9. *Paterson N.* Adolescent family size preferences. *International Journal of Sociology of the Family*. 1972;2:231–245.
10. *Valentej D.I.* System of knowledge about the population. Moscow: Vysshaya shkola; 1991. 367 p. (In Russian).
11. *Zajonchkovskaya Zh.A.* Demographic situation and settlement. Moscow: Nauka; 1991. 130 p. (In Russian).
12. *Fedorov G.M.* Region as a territorial system. *IKBFU's Vestnik. Series: Natural and Medical Sciences*. 2010;1:20–26. (In Russian).
13. *Soboleva S.V.* Demographic processes in regional socio-economic development. Novosibirsk: Nauka; 1988. 205 p. (In Russian).
14. *Zakharov S.V.* Demographic transition in Russia and the evolution of regional demographic differences. *Demography and sociology*. 1991;1:87–102. (In Russian).
15. *Zubarevich N.V.* Social development of Russian regions: problems and trends of the transition period. Moscow: LKI Publ. House; 2007. 251 p. (In Russian).
16. *Rostovskaya T.K., Zolotareva O.A., Vasilieva E.N.* Models of matrimonial and reproductive behavior of Russian youth. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022;15(3):184–199. (In Russian). <https://doi.org/10.15838/esc.2022.3.81.10>
17. *Lebano A., Jamieson L.* Childbearing in Italy and Spain: postponement narratives. *Population and Development Review*. 2020;1(46):121–144. <https://doi.org/10.1111/padr.12313>
18. *Marar O.I., Koval L.V.* Reproductive installations of student youth (by the example of the Voronezh region). *Region: systems, economics, management*. 2022;4(59):81–89. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/1997-4469-2022-59-4-81-89>
19. *Kruglov N.V.* Demographic behavior of Ivanovo population as a formation factor of demographic situation. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social sciences*. 2010;3(19):32–37. (In Russian).

Использование нарративного подхода в группах самопомощи для молодых людей, испытывающих проблемы с трудоустройством: опыт Японии

Яшин Даниил Николаевич

Аспирант

ORCID: 0000-0002-1650-1446, e-mail: gyhldas@mail.ru

Российский новый университет, г. Москва, Россия

Аннотация

В настоящей работе рассмотрена проблема маргинализации молодых людей постиндустриального общества Японии, испытывающих психическое состояние икизуруса, включающее чувства разобщенности, изолированности, тревожности и ведущее к неспособности устроиться на стабильную и высокооплачиваемую работу. Описаны социально-экономические условия возникновения и распространения данного состояния среди японской молодежи. Выделены и раскрыты его социально-экономический и личностно-ментальный аспекты. Установлено, что психическое состояние, схожее с икизура, не является специфически японским феноменом, так как наблюдается в странах с западной ментальностью, в частности в Европе. Осуществлен критический анализ социально-политических программ помощи, предложенных правительством Японии, обнаруживший их слабую эффективность в применении к субъектам, испытывающим икизуруса. В качестве альтернативы государственным программам по трудоустройству предложен нарративный подход. Дана характеристика форматов психологической помощи, в которых используются нарративные методы. На примере социальной практики групп взаимопомощи выявлена и обоснована психотерапевтическая эффективность нарративного подхода, состоящая в осознании личностью собственных потребностей, укреплении чувств стабильности и интегрированности ее Я, в возникновении активной субъектной позиции по отношению к собственной занятости. Намечены перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова

Икизуруса, Я-нарратив, группы самопомощи, постиндустриальное общество, нарративный подход, социальный конструкционизм, японская психология

Для цитирования: Яшин Д.Н. Использование нарративного подхода в группах самопомощи для молодых людей, испытывающих проблемы с трудоустройством: опыт Японии // Вестник университета. 2024. № 11. С. 237–244.

Using a narrative approach in self-help groups for young people experiencing employment problems: Japanese experience

Daniil N. Iashin

Postgraduate Student

ORCID: 0000-0002-1650-1446, e-mail: gyhldas@mail.ru

Russian New University, Moscow, Russia

Abstract

This article examines the problem of marginalisation of young people in the post-industrial society of Japan who experience the mental state of *ikizurasa*, consisting of feelings of disunity, isolation, anxiety, and leading to the inability to obtain a stable and well-paid job. The socio-economic conditions for the emergence and spread of this condition among Japanese youth are described. Its socio-economic and personal-mental aspects are highlighted and disclosed. It has been established that the mental state similar to the *ikizurasa* is not a specifically Japanese phenomenon, as it is observed in the countries with a Western mentality, in particular in Europe. A critical analysis of the socio-political assistance programmes proposed by the Japanese government is conducted, revealing their weak effectiveness when applied to subjects experiencing the *ikizurasa*. A narrative approach has been proposed as an alternative to the government employment programmes. The characteristics of psychological assistance formats that use narrative methods are given. Using the example of the social practice of self-help groups, the psychotherapeutic effectiveness of the narrative approach has been identified and substantiated, consisting in the individual's awareness of their own needs, strengthening the feelings of stability and integration of their Self, and in the emergence of an active subject position in relation to their own employment. Prospects for further research are outlined.

Keywords

Ikizurasa, self-narrative, self-help groups, post-industrial society, narrative approach, social constructionism, Japanese psychology

For citation: Iashin D.N. (2024) Using a narrative approach in self-help groups for young people experiencing employment problems: Japanese experience. *Vestnik universiteta*, no. 11, pp. 237–244.

ВВЕДЕНИЕ

Современная эпоха характеризуется тенденцией к глобализации. Культурная, политическая и экономическая интеграция обществ всего мира приводит к стремительно наступающим изменениям во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Прогрессивные идеологические и научно-технические разработки неизбежно проникают во все большее количество стран. Тотальность данного процесса не считается с асинхронностью исторического развития разных обществ. Так, если прогрессивные государства эффективно встраивают новейшие веяния в структуру своей общественной жизни, то для тех стран, чьи социально-экономические условия по тем или иным причинам не соответствуют современным критериям прогрессивности, любые инновации, приходящие извне, часто влекут за собой деструктивные последствия.

Особо остро данная проблема прослеживается на психологическом уровне. Несмотря на то что человеческому виду присуща способность адаптироваться к изменениям, давно установлены существенные различия в реализации этой способности между индивидами. Субъекты, терпящие неудачу при попытке подстроиться под новые реалии, часто весьма остро переживают собственную несостоятельность. Это приводит к возникновению у них психических состояний тревожности и депрессивности, которые сопровождаются потерей веры в собственные силы, падением самооценки, появлением серьезных опасений за свое будущее. Наиболее отчетливо это наблюдается в профессиональной сфере.

Цель нашего исследования заключается в поиске эффективных способов оказания психологической помощи субъектам, испытывающим тревожно-депрессивные психические состояния ввиду неспособности адаптироваться к прогрессивным социально-экономическим изменениям на профессиональном уровне. Для этого мы обратились к опыту страны первого мира – Японии, в которой данная проблема сохраняет свою актуальность по сей день.

Мы предполагаем, что слабая эффективность государственных программ, реализуемых правительством Японии, привела к возникновению в этой стране альтернативных методов поддержки тревожно-депрессивных субъектов, испытывающих трудности в профессиональной сфере.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ИКИЗУРАСА

Икизураса (англ. *angst*, яп. 生きづらさ – буквально «боль жизни») – это выражение, использующееся в постиндустриальном обществе Японии для обозначения психического состояния, включающего чувства разобщенности, самообвинения и суицидальных тенденций [1]. К примеру, писательница К. Амамия описывает себя как постоянно испытывающую икизураса. Пик данного чувства пришелся в ее жизни на период чередования нестабильных работ. Она пишет: «Работа, которой я занималась, была скучной и могла выполняться кем угодно. Я оказалась в порочном круге; чем глубже я тонула в монотонной работе, тем более бесполезной себя чувствовала. Нестабильная работа ведет к нестабильности психического здоровья, и чувство ненужности обществу ведет к недостатку чувства собственной ценности» [2, с. 104].

Икизураса сочетает в себе чувства одиночества, тревоги, безнадежности, гнева и низкой самооценки. Среди причин, вызывающих данное психическое состояние, отмечают: безработица, психические расстройства, семейные проблемы, статус неудачника в школе. Многие молодые люди постоянно испытывают фоновое, размытое чувство икизурасы, не осознавая его причин.

К. Амамия утверждает, что описываемое психическое состояние имеет два аспекта: социально-экономический и личностно-ментальный [3]. Первый обусловлен ухудшением условий труда, растущим социально-экономическим неравенством и бедностью; второй – недостатком чувства собственной ценности и сложностями построения межличностных отношений. На практике социально-экономические и личностно-ментальные аспекты соединяются в комплексное переживание, о котором весьма непросто рассказывать в понятной другим форме. М. Юаса и Н. Нихэй, анализируя дискурс безработной молодежи, возникший в 2000-е гг., выделяют в нем две категории: нападки на молодежь, в которых звучали упреки в недостатке мотивации; критические замечания, утверждавшие, что молодые люди достаточно мотивированы, однако лишены возможности трудоустройства [4]. Авторы отмечают, что дискурс недостаточно исчерпывающе объясняет чувства молодежи, которая либо не хочет работать, либо хочет работу, но не может ее найти. Нехватка интерпретационных фреймов усугубляет

изолированность молодых людей, порождая икизураса. Данное психическое состояние можно описать выражением «гнездящаяся агония», так как личность ежедневно испытывает множество «агоний», недоступных внешнему наблюдению и сокрушительно влияющих на нее и других.

Возникновение икизураса начинается с маргинализации; наличие на рынке труда лишь «чернорабочих» вакансий формирует чувство отчуждения, при котором молодые люди испытывают сложности в понимании собственных переживаний и разделении их с другими.

Данное психическое состояние, усиливающееся на фоне экономического давления и ведущее к чувству отчужденности на рабочем месте, весьма характерно для постиндустриальных обществ в целом. Маргинализация работников в них – обычное дело [5; 6]. К примеру, Ф. Берарди рассуждает об «отчужденности души», что феноменологически весьма схоже с икизураса [7]. Он утверждает: в эпоху позднего капитализма возникает когнитариат (сочетание терминов «когнитивный» и «пролетариат»), выступающий ответом на появление гибкой рабочей силы. Ключевая характеристика когнитариата состоит в том, что желания, эмоции, понимание смысла жизни его представителей подвержены влиянию условий труда в столь значительной степени, что затрагивают уровень самой души. Как следствие, их жизни полностью подчиняются отношениям, определяемым капиталом. Подобные отчуждающие условия ведут к распространению психических состояний паники и депрессии [8].

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИКИЗУРАСА

Япония вступила в постиндустриальную фазу примерно в 1994 г., когда сфера услуг начала преобладать над мануфактурной. Годом позже Японская федерация бизнеса предложила разделить сотрудников на три категории: лица, работающие на регулярной основе и развивающие у себя навыки, необходимые для конкретной фирмы, с гарантией сохранения должности; высококвалифицированные специалисты, нанимаемые на короткий срок, получающие при этом высокую заработную плату; низкоквалифицированные специалисты, нанимаемые временно и получающие низкую заработную плату. Это привело к существенному росту нерегулярного трудоустройства молодых людей. Примерно в то же время частота использования слова «икизураса» стала значительно возрастать.

Начиная с 2000-х гг. правительство Японии ведет активную политику, направленную на снижение негативного влияния безработицы и повышение общественной мотивации к трудоустройству. Однако несмотря на это, эффективность «мотивирующих» мер в отношении молодых людей, испытывающих сильную тревогу, представляется весьма сомнительной. Причиной этому служит тот факт, что для активного участия в подобных мероприятиях личность должна в достаточной степени осознавать собственные нужды и быть способной рассказать о них желающим оказать помощь.

С. Вейл и его коллеги изучили схожие политические инициативы в Европе и обнаружили, что в отношении субъектов, чье чувство собственного Я нестабильно ввиду тех или иных трудностей, попытки принуждения к работе производят крайне ограниченный эффект, так как им недостает социально-психологических ресурсов для создания устойчивого будущего [9]. В Японии также была выявлена аналогичная категория субъектов, чьи проблемы не могут быть разрешены программами помощи с трудоустройством. К. Кудо, глава некоммерческой организации, оказывающей поддержку молодым людям, утверждает: «Для того, чтобы они обратились за помощью, им сперва необходимо понять, по какому вопросу требуется консультация. Крайне важно, чтобы у них сформировались доверительные отношения с представителями организации» [10, с. 70]. Опрос, проведенный К. Кудо, показал, что более 70 % нетрудоустроенных молодых людей не имеют представления о том, как справиться с проблемой отсутствия работы. Для тех, кто не был трудоустроен в течение последних трех лет, этот показатель составляет 90 %. С учетом вышеизложенного становится ясным, что оказание помощи молодым людям, испытывающим икизураса и неспособным осознавать собственные потребности и доверять другим, требует иного подхода.

В качестве альтернативы в рамках данной проблемы следует рассмотреть нарративный подход. С. Вейл утверждает, что навык создания и реконструкции собственной идентичности посредством Я-нарративов является ключевым для побуждения нетрудоустроенных молодых людей к активному изменению сложившейся социальной ситуации.

НАРРАТИВНЫЙ ПОДХОД И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ПРИ ИКИЗУРАСА

Методологические корни нарративного подхода восходят к социальному конструкционизму, представители которого утверждают, что субъекты, вступая в дискурсивное взаимодействие, коллективно порождают нарративную реальность, которая, в свою очередь, выступает инструментом интерпретации индивидуального опыта [11; 12]. Практическое применение данного подхода изначально обрел в русле семейной психотерапии, впоследствии получив широкое распространение в социологии, антропологии, менеджменте. Актуальные клинические практики, основанные на нарративном подходе, включают в себя нарративную психотерапию, группы самопомощи (далее – ГСП), открытый диалог, тодзиша кенкю (самонаправленное изучение).

Нарративная психотерапия представляет собой метод семейной психотерапии, в которой субъект экстернализирует негативные переживания в форме проблемно-насыщенных нарративов. Будучи вынесенным в дискурсивное пространство, данный нарратив «переписывается» субъектом в сотрудничестве с другими (психотерапевтом, членами семьи) таким образом, чтобы получилась более позитивная история. Предполагается, что клиент обладает достаточной внутренней силой для создания новых «голосов», а психотерапевт, в свою очередь, играет роль «попутчика» на данном маршруте. Это приводит к преодолению традиционного патернализма, проникшего в психотерапевтические отношения из медицинского взаимодействия диады «врач – пациент».

ГСП основаны на взаимной поддержке молодых людей, испытывающих схожие проблемы [13]. Им свойственны следующие особенности: взаимодействие лицом к лицу; спонтанность организации; личностная вовлеченность каждого; включение всех участников в какую-либо деятельность; сосредоточенность на проблеме бессилия; связь и идентификация с другими как источник укрепления индивидуального Я. Данный метод в настоящее время широко применяется во множестве социальных сфер, включая лечение аддикций и хронических заболеваний.

Открытый диалог является психиатрической лечебной практикой, разработанной в Западной Лапландии (регион Финляндии). Его эффективность изначально была обнаружена в работе с шизофренией. Центральный принцип подхода состоит в сквозном сотрудничестве пациентов, их значимых близких и персонала команды кризисного вмешательства на протяжении всего лечебного процесса [14]. Цель здесь заключается в создании совместного пространства для нового языка, в котором субъект может придать проблемным вещам новые смыслы.

Тодзиша кенкю – это метод самопомощи, возникший в сообществе психиатрического ухода «Вефильский дом Уракавы» на японском острове Хоккайдо. В рамках данной практики субъект изучает себя в коммуникации с теми, кто имеет схожие проблемы [15]. Этот метод весьма эффективен в развитии чувства связанности и способности понимать собственные проблемы. Он хорошо зарекомендовал себя в работе с аддикциями и аутизмом.

Р. Кидо приводит пример ГСП, сфокусировавшейся на преодолении икизураса [16]. Ее цель состояла не в поиске работы или «выздоровлении». Вместо этого участники сосредоточились на сотрудничестве друг с другом для изучения самих себя. Встречи начались в 2011 г. и проходили раз в месяц в городе Осака. Продолжительность одной встречи была примерно четыре часа. Количество участников варьировалось между 10 и 20. Их средний возраст составлял от 20 до 30 лет. Помимо икизурасы, многие из них дополнительно имели одну из следующих проблем: футоко (непосещение школы), отсутствие работы или нестабильная занятость, хикикомори (добровольная изоляция в собственном доме), аддикции, психические расстройства, семейные проблемы.

Вдобавок ко встречам один из модераторов ГСП создал некоммерческую организацию «Плодоносящий сад». По своему устройству она представляет собой ибашо – место, чтобы быть, или место с атмосферой принятия. В подобном месте личность свободна участвовать в любой деятельности и взаимодействовать с другими в безопасной социальной обстановке без принуждения.

Исследуя влияние Я-наррации («рассказывания» себя) на преодоление икизураса, Р. Кидо обращается к методу кейсов. Возьмем в качестве примера случай девушки 26 лет. Она перестала посещать школу в 9 лет. Причиной этому послужило чувство, что ей нужно стать машиной. Ее успеваемость была хорошей и, несмотря на отсутствие прямого давления со стороны родителей и учителей, девушка чувствовала, что от нее ожидают поведения образцовой ученицы. В 20 лет она работала в почтовом отделении, далее – уборщицей в торговом центре. Она по-прежнему чувствовала себя роботом и быстро увольнялась.

Девушка считала себя ничтожной и недостойной жизни. Единственное утешение она находила в чтении книг и написании сочинений. Однажды она случайно обнаружила в интернете «Плодоносящий сад». Став посещать это место, а позже и ГСП, она начала активно исследовать свое состояние икизураса посредством написания серии индивидуальных отчетов. Они фокусировались на боли и гневе; через них девушка пыталась «выписать себя наружу». Это помогло ей начать примиряться с негативными переживаниями. Посещение ГСП позволило перейти от изолирующей когнитивной установки «есть я и отдельные, не понимающие меня люди» к позиции «вокруг меня есть люди, испытывающие боль, схожую с моей».

Р. Кидо считает, что ключевыми условиями возникновения у членов ГСП позитивных нарративов являются недирективная постановка целей и улучшение диалога. Первое исходит из того факта, что ГСП не помогает с поиском работы; ее помощь заключается в предоставлении возможности глубокого изучения собственного опыта. Обретение работы является в данном случае побочным эффектом, проистекающим из лучшего понимания личностью собственного Я и доверительных отношений с другими. Если бы целью было трудоустройство, это привело бы к разделению членов ГСП на успешных (тех, кто трудоустроился) и неуспешных. Последние бы, вероятно, укреплялись в чувстве собственной никчемности на фоне «победителей».

Субъект, транслирующий свои переживания в нарративной форме, укрепляется в чувстве собственной ценности в том случае, если другие (адресаты рассказа) проявляют включенное слушание, признание и принятие. В связи с этим в ГСП стараются прибегать к Я-высказываниям и минимизировать количество оценочных суждений. Я. Сейкула утверждает, что, хотя Я-нарратив и является индивидуальным продуктом, диалог – это процесс, направленный на создание реляционности субъектов друг с другом [17]. Усиление диалога предполагает фокус на том, о чем рассказывается, а не на рассказчике. Процесс реконструкции Я в данном процессе, согласно К. Гергену, следует рассматривать как реляционное существование [18]. Ученый считает, что индивидуальный субъект не является в полной степени свободной и рациональной сущностью, несущей ответственность за собственные действия. Вместо этого он предлагает рассматривать субъект как продукт множества общественных отношений. Отсюда следует, что позитивный эффект таких социальных практик, как образование или психотерапия, достигается в процессе содействия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, икизураса является психическим состоянием, возникающим у молодых людей постиндустриальной Японии на фоне дезинтегрированных отношений с социумом, семьей и собственным Я. Они имеют расплывчатые представления о своих потребностях, что препятствует эффективному использованию ими государственных программ поддержки. В качестве альтернативной меры помощи предложен нарративный подход, применяемый в ГСП. Его эффективность обусловлена недирективной постановкой целей, при которой личность, вместо того чтобы намереваться найти работу, разделяет Я-нарративы с другими, что ведет к повышению субъектности за счет активного включения в групповую деятельность, прежде всего коммуникативную; усилением диалога, посредством которого участники взаимно валидируют друг друга через бережное и включенное слушание рассказываемых историй.

Правительственные программы помощи современной Японии характеризуются патернализмом; их цель – прямое трудоустройство, предполагающее, что безработный субъект полностью автономен и самодостаточен. Более эффективной альтернативой выступают реляционно-ориентированные практики, направленные на развитие у личности умений принимать себя и ясно видеть собственные потребности.

Негативные переживания молодых людей, аналогичные икизураса, типичны для постиндустриальных обществ в целом. ГСП, основанные на нарративном подходе, могут оказаться полезной социальной практикой для российского общества. Для оценки их потенциальной эффективности применительно к отечественной выборке необходимо выявить степень распространенности и интенсивности психического состояния, охватываемого понятием икизураса. В связи с этим представляется актуальным культурно-психологический вектор исследований. Ввиду того, что психические состояния, подобные икизураса, наблюдаются в странах с западной ментальностью, уместно предположить наличие в отечественном дискурсивном поле семантически схожего понятия.

Список литературы

1. *Allison A.* Precarious Japan. Durham: Duke University Press; 2013. 256 p.
2. *Амамия К.* О трудностях жизни: бедность, идентичность, национализм. Токио: Кобунша Бунко; 2018. 216 с. (Яп. яз.).
3. *Амамия К.* Пусть живут! Молодежь и беженство. Токио: Ота Шуппан; 2007. 152 с. (Яп. яз.).
4. *Юаса М., Ницэй Н.* Бездомность среди молодежи: вопросы, вызванные «бедностью мотивации». Токио: Книжный магазин Оцуки; 2007. 362 с. (Яп. яз.).
5. *Beck U.* Risk society. Towards a new modernity. New York: Sage Publications; 1992. 272 p.
6. *Furlong A., Cartmel F.* Young people and social change. New York: McGraw-Hill; 2006. 185 p.
7. *Berardi F.* The soul at work. From alienation to autonomy. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology Press; 2009. 232 p.
8. *Standing G.* The precariat. The new dangerous class. London: Bloomsbury Publishing; 2016. 248 p.
9. *Weil S., Wildemeersch D., Jansen T.* Unemployed youth and social exclusion in Europe. Farnham: Ashgate; 2005. 273 p.
10. *Кудо К., Нишида Р.* Общество безработных. Будущее молодых людей, которые не могут работать. Токио: Асахи Шиншо; 2014. 103 с. (Яп. яз.).
11. *Anderson H.* The client is the expert. A not-knowing approach to therapy. In: Therapy as social construction. London: Sage Publications; 1992. Pp. 25–39.
12. *White M., Epston D.* Narrative means to therapeutic ends. New York: W.W. Norton & Company; 1990. 256 p.
13. *Katz A., Bender E.* The strength in us. Self-help groups in the modern world. New York: New Viewpoints; 1976. 258 p.
14. *Seikkula J.* Open dialogues with good and poor outcomes for psychotic crises: examples from families with violence. Journal of Marital and Family Therapy. 2002;3(28):263–274. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1752-0606.2002.tb01183.x>
15. *Kumagaya S.* Tojisha Kenkyu of autism spectrum disorders. Advanced Robotics. 2015;1(29):25–34. <http://dx.doi.org/10.1080/01691864.2014.967723>
16. *Kido R.* The angst of youth in post-industrial Japan: a narrative self-help approach. New Voices in Japanese Studies. 2016;8:98–117. <http://dx.doi.org/10.21159/nvjs.08.05>
17. *Seikkula J.* Two-year follow-up on open dialogue treatment in first episode psychosis: need for hospitalization and neuroleptic medication decreases. Social and Clinical Psychiatry. 2000;10:20–29.
18. *Gergen K.* Rational Being. Beyond self and community. New York: Oxford University Press; 2009. 448 p.

References

1. *Allison A.* Precarious Japan. Durham: Duke University Press; 2013. 256 p.
2. *Amamiya K.* On the difficulties of living: poverty, identity, and nationalism. Tokyo: Kobunsha Bunko; 2008. 216 p. (In Japanese).
3. *Amamiya K.* Let them live! Young people becoming refugees. Tokyo: Ōta Shuppan. 2007. 152 p. (In Japanese).
4. *Yuasa M., Nibei N.* Young homeless: questions raised by “poverty of motivation”. Tokyo: Otsuki’s Bookstore; 2007. 362 p. (In Japanese).
5. *Beck U.* Risk society. Towards a new modernity. New York: Sage Publications; 1992. 272 p.
6. *Furlong A., Cartmel F.* Young people and social change. New York: McGraw-Hill; 2006. 185 p.
7. *Berardi F.* The soul at work. From alienation to autonomy. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology Press; 2009. 232 p.
8. *Standing G.* The precariat. The new dangerous class. London: Bloomsbury Publishing; 2016. 248 p.
9. *Weil S., Wildemeersch D., Jansen T.* Unemployed youth and social exclusion in Europe. Farnham: Ashgate; 2005. 273 p.
10. *Kudo K., Nishida R.* The society of the unemployed. The future of young people who cannot work. Tokyo: Asahi Shinsho; 2014. 103 p. (In Japanese).
11. *Anderson H.* The client is the expert. A not-knowing approach to therapy. In: Therapy as social construction. London: Sage Publications; 1992. Pp. 25–39.
12. *White M., Epston D.* Narrative means to therapeutic ends. New York: W.W. Norton & Company; 1990. 256 p.
13. *Katz A., Bender E.* The strength in us. Self-help groups in the modern world. New York: New Viewpoints; 1976. 258 p.
14. *Seikkula J.* Open dialogues with good and poor outcomes for psychotic crises: examples from families with violence. Journal of Marital and Family Therapy. 2002;3(28):263–274. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1752-0606.2002.tb01183.x>
15. *Kumagaya S.* Tojisha Kenkyu of autism spectrum disorders. Advanced Robotics. 2015;1(29):25–34. <http://dx.doi.org/10.1080/01691864.2014.967723>

16. *Kido R.* The angst of youth in post-industrial Japan: a narrative self-help approach. *New Voices in Japanese Studies*. 2016;8:98–117. <http://dx.doi.org/10.21159/nvjs.08.05>
17. *Seikkula J.* Two-year follow-up on open dialogue treatment in first episode psychosis: need for hospitalization and neuroleptic medication decreases. *Social and Clinical Psychiatry*. 2000;10:20–29.
18. *Gergen K.* *Rational Being. Beyond self and community*. New York: Oxford University Press; 2009. 448 p.